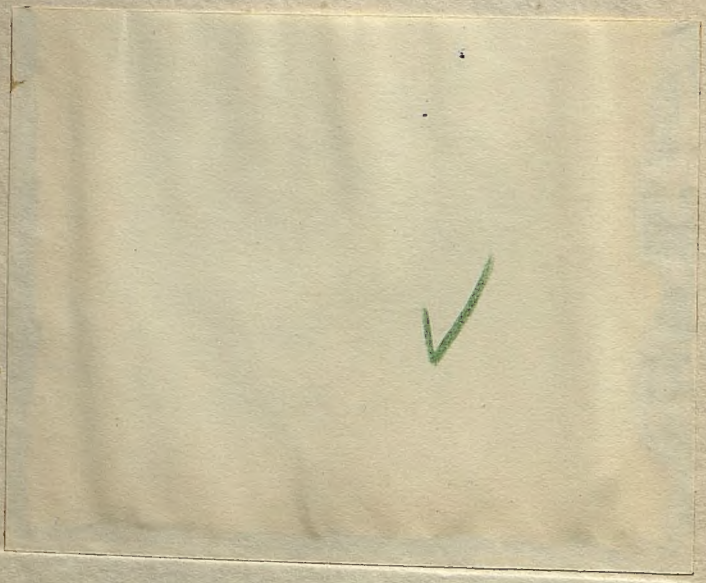
Н. К. КРУПСКАЯ

О ВОСПИТАНИИ И ОБУЧЕНИИ

избранные педагогические произведения

УЧПЕДГИЗ
1946



Надежда Константиновна Крупская (1937)

Н. К. КРУПСКАЯ

371
К 84

О ВОСПИТАНИИ И ОБУЧЕНИИ

СБОРНИК
ИЗБРАННЫХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

БИБЛИОТЕКА УД ЦК ВКП(б)
225383

Составили:
Н. А. Константинов и Н. А. Зиневич

144845
1948
Библиотека АП РФ
2 010002 33035 5

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА * 1946

Редакторы: В. Н. *Вишняков* и *Я. Д. Петров*.
Техн. редактор *Н. П. Цирульницкий*

Подписано к печати 23/II-46 г. А01838. Тираж 75 тыс.
Печатных листов 20. Уч.-изд. л. 22,4. Тип. зн. в 1 печ. л. 45 тыс.
Цена без переплёта 6 р. 75 к. Переплёт № 5 75 к., переплёт № 7 1 р. 50 к.
Заказ № 715.

5-я типография треста «Полиграфкнига» Огиза при Совете Министров РСФСР.
Свердловск, ул. Ленина, 47.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый сборник имеет своей задачей дать возможность читателю познакомиться с избранными произведениями замечательного советского педагога Н. К. Крупской по вопросам воспитания и обучения. Составители не предполагали представить исчерпывающе все педагогические произведения Надежды Константиновны, они отбирали лишь те из них, которые могут оказать непосредственную помощь школе, учительству, родителям и не требуют широкого историко-педагогического комментирования.

Все помещённые в сборнике произведения Н. К. Крупской расположены в строго хронологическом порядке в соответствии с не раз высказанным по этому поводу мнением Надежды Константиновны. Историческая последовательность материала выясняет и уточняет ряд положений и мыслей автора. Кроме того, следует иметь в виду, что Надежда Константиновна в своих статьях, по заглавию как бы посвящённых отдельной теме, на самом деле в большинстве случаев рассматривает целый ряд взаимосвязанных вопросов, что обусловливает также последовательно-хронологическое помещение её произведений в одном сборнике.

В большинстве произведения Надежды Константиновны взяты так, как они были напечатаны. В некоторых случаях составители брали части из выступлений и статей Надежды Константиновны, имеющие самостоятельное значение в соответствии с темой настоящего сборника.

В основном в эту книгу вошли произведения Н. К. Крупской, напечатанные ранее в ряде отдельных сборников, журналов и газет.

Помещены также отрывки из её выступлений, нигде до настоящего времени не напечатанные, по стенограммам, хранящимся в Научном архиве Академии педагогических наук РСФСР.

В начале сборника помещён вступительный очерк о жизни и педагогической деятельности Н. К. Крупской.

Для облегчения пользования сборником в конце приложены указатель важнейших имён, упомянутых в тексте произведений, вошедших в сборник, и подробный предметно-тематический указатель.

Составители полагают, что углублённое изучение педагогического наследства выдающегося советского педагога и деятеля в области народного образования. Надежды Константиновны Крупской только начинается, и потому они не могли, конечно, дать её произведения с необходимой полнотой. Этот долг советских педагогов будет несомненно выполнен в дальнейшем.

Но в то же время составители удовлетворены всё же тем, что они вносят, пусть ограниченную, ещё несовершенную, свою лепту в это необходимое для советской школы и учителя дело.

Н. Константинов
Действительный член Академии педагогических наук РСФСР.
Н. Зиневич
Кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Госбиблиотеки по народному образованию Академии педагогических наук РСФСР.

НАДЕЖДА КОНСТАНТИНОВНА КРУПСКАЯ, ЕЁ ЖИЗНЬ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Жизнь Надежды Константиновны Крупской как выдающегося русского советского педагога сравнительно мало изучена. Светлый образ Надежды Константиновны, друга великого Ленина, соратника великого Сталина, только тогда предстанет перед нами со всей своей яркостью и силой, когда мы будем ясно представлять её героический жизненный путь. Полная биография Надежды Константиновны будет иметь огромное воспитывающее значение для наших молодых поколений, будет образцом для всех педагогов, для всех советских граждан.

Написать биографию Надежды Константиновны — долг работников педагогической науки; этот долг они, конечно, выполнят в будущем. В настоящее же время работа над её составлением только ещё начинается: собираются материалы, приступлено к разборке архива Надежды Константиновны. Однако уже сейчас можно, хотя бы предварительно, на основе уже имеющихся данных осветить основные этапы жизни и деятельности этого замечательного человека, выдающегося педагога.

* * *

В тусклый, сырой февральский день, 14/26 февраля 1869 г. в г. Петербурге в семье кадрового офицера Константина Кондратьевича Крупского родилась дочь, которую назвали Надеждой.

Семья Крупских была радикальной семьёй. Отец Надежды Константиновны учился в кадетском корпусе в то время, когда там господствовали прогрессивные тенденции, когда преподавание было поставлено на сравнительно высоком уровне. Ряд воспитанников военно-учебных заведений этого периода впоследствии стали революционерами. Константин Кондратьевич уже в корпусе познакомился с произведениями Герцена, позже читал «Колокол», глубоко верил в науку, скептически относился к религии, критически оценивал существующий строй. Его идеалом была всемерная помощь трудовому народу и борьба с угнетателями его. Надежда Константиновна называла своего отца «ти-

Мать Н. К. Крупской — Елизавета Васильевна Крупская

пичным шестидесятником», человеком, который принимал некоторое участие в революционном движении, революционером[1].

Мать Надежды Константиновны кончила также закрытое учебное заведение — институт. Но в то время и за крепкие стены институтов проникала, помимо воли начальства, свежая мысль и свободное слово. Так, учитель педагогики Павловского института Белов читал институткам Белинского и заинтересовывал их настолько, что они затем стали сами читать потихоньку, «скрывшись в умывальнике, или по ночам у ночника» (из дневника бывшей воспитанницы Павловского института Н. А. Кадьян, 1857—1862). Наиболее передовые институтки знакомились с Боклем и приходили к выводу, что России нехватает, главным образом образования. В институты попадали и прямо запрещённые книги, очень сильное впечатление производили на некоторых воспитанниц сочинения Герцена; под влиянием его критики одна из них записала даже в своём дневнике: «Я не знала, что в России так много зла. Как бы я желала, когда-нибудь и чем-нибудь способствовать общественному благу» (запись в дневнике Н. А. Кадьян — 18 июля 1861 г.).

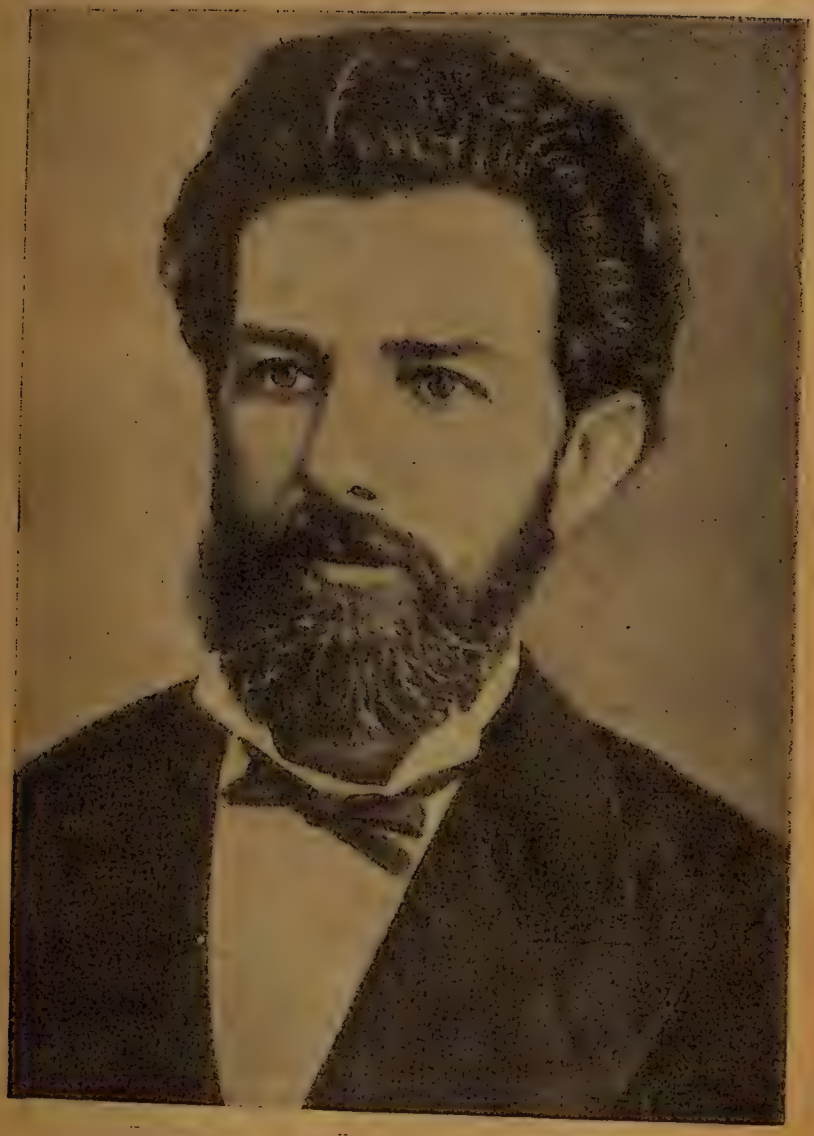
После окончания Института мать Надежды Константиновны некоторое время служила гувернанткой в богатых семьях. Она так же, как и Константин Кондратьевич, была убеждена в несправедливости существующего строя, в необходимости помощи трудовому народу и, хотя она не подходила столь резко критически к религии, как её муж, но в церковь всё же почти не ходила, не говела и относилась с большим равнодушием к религиозным вопросам.

В семье Крупских часто бывали революционеры, сначала нигилисты, потом народники, потом народовольцы. Велись революционные разговоры, которые слушала маленькая Надя. И гости и родители говорили о несправедливости, царящей вокруг, о необходимости борьбы с нею. Однажды, когда пятилетняя Надя ехала с матерью из имения Русанова в возке (дело было зимой), на них напали крестьяне и чуть было не убили, приняв за помещиков, ямщика избили и хотели спустить под лёд.

Разговаривая позже между собой, отец с матерью оправдывали напавших на возок крестьян, подчёркивая, что помещики вполне заслужили такую ненависть крестьян. Эту беседу маленькая Надя запомнила навсегда.

Константин Кондратьевич хотел, чтобы его дочка видела жизнь такой, какой она есть, и чтобы при этом у неё воспитывались лучшие чувства к людям. Когда отец Надежды Константиновны был назначен на одну из должностей в Привисленском крае (Польша), он поощрял надины игры во дворе и в саду с детьми разных общественных слоёв и разных национальностей. И Надя с увлечением играла с польскими, еврейскими, татарскими ребятами. «Мы очень дружно играли, нам было очень весело.

[1] Хотя в автобиографии «Моя жизнь» Надежда Константиновна пишет: «...насколько сам отец принимал участие в революционном движении, судить не могу».



Отец Н. К. Крупской—Константин Кондратьевич Крупский

«Мы угощали друг друга, чем могли, — рассказывала потом об этом периоде своей жизни Надежда Константиновна, — татарские ребята водили меня в палатку во дворе, где жили их родители, — они работали на стройке, — и угощали меня кониной, которая казалась мне очень вкусной. Еврейский мальчик был старше меня года на три, он очень хорошо обращался со мной, я его очень любила, он угощал меня хлебом со смальцем, польские ребята угощали меня «пястечками» (Н. К. Крупская, Письма пионерам, М. 1938, стр. 58). Позже Надя стала играть и с украинскими детьми и выучилась говорить по-украински. Дружно жила девочка со своими сверстниками, но она наблюдала в то же время несправедливое, неравное отношение царских чиновников к представителям разных национальностей и «рано поняла, что такое самовластие царских чиновников, что такое произвол» («Моя жизнь», стр. 5).

На замечательном примере поведения своего отца с раннего детства Надежда Константиновна училась прямоте, стойкости и принципиальности. Она сначала слышала рассказы, а потом сама видела, как изумительно поступал её отец, находя способы для облегчения (с риском для своей жизни) тяжёлой участи гонимых, как он боролся с окружавшим его безобразием и произволом. Будучи ещё молодым офицером, Константин Кондратьевич во время польского восстания 1863 г. оказывал содействие заключённым полякам, всячески облегчал условия несправедливо арестованных, помогал им бежать.

Позже, назначенный уездным начальником в Польшу, К. К. Крупский стремился всеми мерами не допускать угнетения местных национальностей, пресекая взяточничество и всякие беззакония. Понятно, что такое независимое, честное поведение Константина Кондратьевича вызывало раздражение и злобу жандармов, полиции и реакционного чиновничества и горячую любовь населения, особенно бедноты. На К. К. Крупского стали поступать один донос за другим. Он был признан неблагонадёжным, уволен и отдан под суд. В порядке следствия выяснилось, что на него возведено 22 обвинения, в том числе такие: «не зажигает в царский день иллюминации», «не ходит в церковь», «разговаривает по-польски, танцует мазурку» и т. д. Под судом и следствием отец Надежды Константиновны находился десять лет, т. е. почти до самой смерти.

Этим способом правительство устранило с государственной службы опасного для себя человека и поставило его в очень тяжёлое материальное положение. Как лицо неблагонадёжное, да ещё находящееся под следствием, Константин Кондратьевич с величайшим трудом находил для себя заработок, он принуждён был браться за любую подвернувшуюся работу: был и страховым агентом, и ревизором фабрики, вёл судебные дела и выполнял обязанности счетовода.

«Мы переезжали вечно из города в город, — вспоминала позже Надежда Константиновна, — и мне пришлось видеть очень

Н. К. Крупская в детстве (1874 г.)

много людей всякого рода; наблюдать, как живут разные слои населения» («Моя жизнь», стр. 6).

Несмотря на то, что Константин Кондратьевич был крайне занят, он всё же всегда внимательно следил за воспитанием своей маленькой дочки, направлял её развитие, вёл с ней беседы, разъяснял ей, где правда и зло в окружающем Надю мире.

Уже в детском возрасте Надя научилась ненавидеть эксплоататоров. «Отец служил в Угличе, на фабрике Говарда, — рассказывала она, — и часто говорил о всех тех безобразиях, которые там делались (об эксплоатации рабочих и т. п.)». («Моя жизнь», стр. 8). Эти разговоры доходили до сознания Нади, и она начинала понимать существующий гнёт и эксплоатацию.

Добиваясь сознательного отношения ребёнка к общественным явлениям, девятилетнюю девочку Константин Кондратьевич водил на выставку картин Верещагина, растолковывая ей, что война далеко не всегда «геройское дело», что зачастую солдат лишь посылают в бой господствующие классы ради своих грабительских интересов. И на полотнах выдающегося русского художника Надя увидела, «как штабные во главе с каким-то великим князем из безопасного местечка рассматривали в бинокль, как умирали солдаты в схватке с врагами» («Моя жизнь», стр. 9).

Хотя маленькая девочка не умела понять всей глубины картин Верещагина, но сердцем она чувствовала страдания народа.

На той же выставке картин Верещагина был, — ставший впоследствии известным русским писателем, — В. М. Гаршин, тогда ещё только что окончивший среднюю школу. Гаршина возмущала модная толпа, наводнявшая выставочные залы, толпа, восхищавшаяся тонами, техникой, «эскизцами» Верещагина и не видевшая, или не хотевшая видеть социальной сути картин художника. Как раз эта суть творчества Верещагина произвела и на Гаршина ошеломляющее впечатление.

Переживания от посещения выставки Гаршин выразил в своих первых «юношеских стихах»:

. . . . . «не то
увидел я, смотря на эту степь, на эти лица:
Я не увидел в них эффектного эскизца,
Увидел смерть, услышал вопль людей.
Измученных убийством, тьмой лишений . . .
Не люди то, а только тени
Отверженников родины своей.
Ты предала их, мать. В глухой степи—одни.
Без хлеба, без глотка воды гнилой,
Изранены врагами, все они
Готовы пасть, пожертвовать собой,
Готовы биться до последней крови
За родину, лишившую любви,
Пославшую на смерть своих сынов
. . . . . Стенания детей,
Погибших за тебя в глухих степях-степей,
Вспомянутся чрез много лет
В день грозных бед».

(В. М. Гаршин,
Третья книжка рассказов. СПБ, 1892, стр. 27.)

Повышая общий уровень умственного развития дочери, К. К. Крупский, когда мог, ходил с маленькой Надей на детские чтения, устраиваемые в Соляном городке (Фонтанке 10, Петербург). В это время музей военно-учебных заведений, помещавшийся в Соляном городке, был центром педагогической жизни Петербурга и одной из наиболее ярких педагогических организаций в России. Вокруг музея группировались прогрессивные русские педагоги: Евтушевский, Волков, Резенер, Страннолюбский и многие другие. Среди них одно из первых мест занимал Александр Яковлевич Герд, будущий директор гимназии, в которую затем поступила Надя. Деятельность музея выходила далеко за пределы родины и получила весьма высокую оценку на выставке в Америке (в Филадельфии) в 1876 г. Эта деятельность безусловно оказывала известное влияние на западноевропейскую и североамериканскую педагогическую мысль.

На маленькую Надю из числа детских чтений Соляного городка особое впечатление произвёл рассказ «Зимовье на Студёной», иллюстрированный показом картин при помощи волшебного фонаря. Эта лекция «запомнилась на всю жизнь», говорила Надежда Константиновна (из доклада на совещании преподавателей географии 21 апреля 1937 г., «Школа взрослых» № 8, 1937 г.).

Надя рано начала учиться у матери грамоте и скоро стала бойко читать, а затем писать. Для своей дочери мать Надежды Константиновны составила особую книжку для чтения в стихах (с картинками), в которых описывала весь день маленькой Нади. В 1874 г. эта книжка была издана литографией В. Ванкевича в Варшаве со следующим заголовком: «Е. Крупская. Детский день. Подарок детям в стихах, с 12-ю картинками»[1].

Трудовому воспитанию ребенка в этом пособии было уделено исключительное внимание. Идеальный день Нади, судя по книжке её матери, строился так: рано утром Надя «вмиг с постельки встанет, не лежит напрасно в ней, а оденется скорей», затем она вещи прибирает, стирает пыль и всё приводит в порядок, потом Надя помогает маме по хозяйству, после этого с мамой читает, играет на рояле. Закончив уроки, Надя кормит дворовую птицу и идёт затем в кухню:

«Уметь стряпать, как известно.
Каждой женщине полезно:
Надя тоже хочет знать,
У кухарки перенять».

[1] Эта книга хранится в Государственной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина (Ленинград), фотокопия — в Государственной библиотеке по народному образованию Академии педагогических наук РСФСР (Москва).

Обложка книги Е. В. Крупской «Детский день»

Некоторое время Надя отдыхает, играет в куклы, «а придёт рабочий час, куклы в сторону тотчас». Поиграв и отдохнув:

«За шитьё Надя садится,
За работой время мчится,
Чтоб нажить себе ума,
Платье шьет она сама».

Вечерами Надя поливает цветы, а если идёт дождь, она играет в лото. Перед сном Надя убирает все вещи и сама готовит себе постель. (Следует отметить, что на рисунках внешний облик девочки Нади напоминает портрет Надежды Константиновны.)

Повседневная жизнь настоящей Нади, конечно, отличалась от той жизни, которая была описана в книжке, но мать Надежды Константиновны всячески стремилась построить воспитание своей дочери вокруг тех же принципиальных установок. Особенно привлекает это пособие Е. Крупской своим демократизмом, трудовым воспитанием и не только отсутствием казённого православия, но и вообще всяких религиозных настроений.

Однако нельзя сказать, чтобы маленькая Надя росла вне религиозных влияний. Как мы уже отмечали выше, Константин Кондратьевич не был верующим человеком, он критически и даже насмешливо относился ко всем религиозным проявлениям, в церковь никогда не ходил. Мать Надежды Константиновны, хотя и посещала иногда церковь «по настроению», но в общем её следует считать человеком, пассивно относящимся к религии.

Как отмечала позже Надежда Константиновна, в раннем детстве на неё, по всей вероятности, влияла религиозная няня («Учительская газета» от 4 марта 1926 г.).

Постепенно в юношеские годы она освободилась от остатков этого влияния.

Хотя Надежда Константиновна и чувствовала себя в детстве, как она это отмечала позже, иногда внутренне одинокой, но было бы неверно предполагать, что она не испытывала в семейной обстановке дружбы и теплоты отношений к ней родителей, что у неё не было близких товарищей. Наоборот, родители поощряли дружбу Нади с её ровесниками на почве коллективных детских игр, коллективного детского труда. Так, лет десяти Надя с двумя подругами решила устроить зоологический сад для малышей: надо было раздобыть денег — собрали по квартирам старые пузырьки и коробочки, продали их в аптеку за пятьдесят копеек, таким образом получился «основной капитал». «Затем сговорились с одной тётушкой о том, что она будет нам платить какие-то гроши за вышивку каких-то тесёмок для белья, — рассказывала Надежда Константиновна, — очень усердно вышивали, заработали, должно быть, больше рублёвки. В библиотеке перерыли все каталоги, отыскали книжки о жизни животных. Избегали все магазины, отыскали листы со снимками животных, разрезали пару книжек с картинками — клеили, мудрили, пока не устроили «зоологический сад». Для взрослого наш сад выглядел игрушкой, а как многому мы научились и как сдружил нас этот

«зоопарк», как теперь называют зоологические сады» (Н. К. Крупская, О коллективном труде детей — «О наших детях» № 2—3 за 1928 г.).

* * *

Маленькая Надя рвалась к ученью, она очень хотела поступить в школу, родители исполнили её желание и поместили десятилетнюю Надю в Мариинскую гимназию. Для нас остаются пока неясными мотивы, по каким родители Надежды Константиновны остановились на этом типе женского среднего учебного заведения. Дело в том, что в то время гимназии так называемого ведомства императрицы Марии справедливо подвергались критике многих передовых педагогов; они отличались от министерских сниженными программными требованиями, рутинностью преподавания и другими отрицательными чертами общешкольного режима. Надя затерялась в большом классе из пятидесяти учениц, никто не обращал на неё в школе никакого внимания. Учителя совершенно не интересовались ученицами, задавали уроки от «селева до селева», вызывали к доске, спрашивали, ставили отметки. Задавать вопросы учителям не разрешалось. Классные дамы ухаживали за богатыми ученицами, приезжавшими на своих лошадях, и бранили девочек, плохо одетых. А главное, в классе между девочками не было дружбы, было очень скучно и одиноко. Правда, среди казённых педагогов, среди «человеков в футляре» и тут была одна хорошая преподавательница географии, которая сумела заинтересовать Надю своим предметом, но в целом, несмотря на то, что девочка училась усердно и была развитее других, она постоянно отвечала плохо, терялась, так как зачастую думала не о том, о чём её спрашивали.

Во втором полугодии Надя заболела, и родители отправили её весною в деревню «на поправку».

В это время Константин Кондратьевич вёл дела помещиц Кистяковских, которым принадлежала небольшая писчебумажная фабрика в Псковской губернии. В имении Кистяковских «Студенец» (в 40 верстах от станции Белой) и была устроена на весну и лето одиннадцатилетняя Надя. На второй день своего пребывания там Надя вышла погулять в сад при усадьбе и неожиданно встретила привлекательную девушку лет восемнадцати. Это была местная сельская учительница Александра Тимофеевна Яворская или «Тимофейка», как её прозвала быстро подружившаяся с ней Надя. «Тимофейка» познакомила Надю с деревенской школой, где она работала. В школе в это время ещё занималось старшее отделение из 5 учеников («Илюша, Сеня, Митька, Ваня и Павел»), которые вскоре должны были держать экзамен. Надя стала частенько забегать в школу, решать с ребятами арифметические задачи, вместе читать вслух. Её это очень увлекло, ей было весело.

Однажды Кистяковские, «Тимофейка» и четверо старших

БИБЛИОТЕКА 225383 УЧ. ЦК ВКП(б)

учеников, захватив с собой Надю, поехали в соседнее имение богатой помещицы Назимовой. Там дети должны были сдавать экзамен в присутствии местного священника и инспектора народных училищ. Экзамен прошёл вполне благополучно, но маленькая Надя волновалась, пожалуй, больше, чем экзаменуемые и чем, конечно, сама «Тимофейка».

Новый друг Нади, Александра Тимофеевна, стремилась развить девочку, показать ей крестьянскую жизнь без прикрас. «Тимофейка» читала с Надей произведения великого русского поэта Некрасова, ходила с ней по крестьянским избам, раздавая революционную литературу, и многое рассказывала о жизни трудящихся. Из слов учительницы Надя поняла, что помещики «что-то» очень дурное, что они вредят крестьянам. На конкретном же примере Кистяковских и в особенности Назимовой она видела изнанку барского быта. У Назимовой, например, девочку крайне поразила куча комнатных собак: болонок, левреток и ещё каких-то. Они прыгали по стульям, суетились. Когда подали обед, появились две босоногие девчёнки. Назимова налила в первую очередь суп в специальные тарелки собакам, и девочки разносили им еду. Потом уже разлили суп гостям и стали их угощать. Надю поразили барское самодурство, роскошь помещиков и бедность крестьян, презрительное отношение бар к трудящимся. «Да, конечно, думала я, — писала Надежда Константиновна, — Тимофейка права, когда говорит, что не надо помещиков. Я слышала это ещё раньше от отца» («Моя жизнь», стр. 14)

На всю жизнь сохранила Надежда Константиновна светлые воспоминания о своём первом близком друге — сельской учительнице Александре Тимофеевне Яворской[1].

Если отец пробудил у девочки критическое отношение к окружающей действительности, то Александра Тимофеевна показала ей путь помощи народу.

Позже, зимой, сидя в классе, Надя мечтала о том, как она пойдёт тернистой дорогой «Тимофейки», рисовала домики с вывеской «Школа» и думала, как будет работать сельской учительницей.

«С тех пор, — писала Надежда Константиновна, — у меня на всю жизнь сохранился интерес к сельской школе и сельскому учительству» («Моя жизнь», стр. 16).

* * *

Отец, видевший, что Надя плохо чувствует себя в Мариинской гимназии, поместил её в министерскую гимназию княгини А. А. Оболенской. Надежда Константиновна поступила туда в III класс, 12 лет. Эту гимназию она всегда вспоминала с теплым чувством. «Никто на нас не кричал, — писала она, — дети держали

[1] Вскоре у А. Т. Яворской был обыск, она была арестована, посажена в одиночку Псковской тюрьмы. Надежда Константиновна с ней больше никогда не встречалась.

себя свободно, были дружны между собой, и я со многими подружилась. Учиться было очень интересно. Я до сих пор вспоминаю гимназию с добрым чувством: она дала мне много знаний, уменье работать, сделала меня общественным человеком» («Моя жизнь», стр. 19).

В ряде своих выступлений Надежда Константиновна не раз подчёркивала, что гимназия Оболенской была хорошей министерской гимназией.

В конце 60-х годов среди русских передовых женщин и некоторых общественных деятелей и педагогов возникло течение, представители которого имели большую гражданскую смелость заявить требование о равенстве мужского и женского образования как в среднем его звене, так и в высшем. Они считали, что женские гимназии по своим программам должны быть нисколько не ниже мужских, что они должны готовить учениц в высшие женские учебные заведения или же женщинам должен быть открыт доступ прямо в существующие высшие мужские школы.

Некоторым общественным деятелям удавалось кое-что сделать для осуществления намеченных требований. Так, ещё в 1868 г. в Петербурге открылось небывалое до той поры в России частное «общеобразовательное женское училище» Спешневой (рождённой Черепановой), с программой, даже превышающей программу мужских гимназий. Учредители этого учебного заведения объявили, что их школа организуется не с коммерческой целью, а ставит своей задачей «дать русским девушкам основательное образование и возможно полное нравственное развитие, которые не только приготовляли бы их к самостоятельному труду в будущем, но развили бы в них с детства желание быть полезными в семье, приучая их делать всё необходимое». Кончившим общий курс ученицам предполагалось выдавать свидетельства об окончании гимназического курса, «дающие право на поступление на медицинские и высшие женские курсы» (см. «Программа и правила для поступления в первую общеобразовательную частную женскую гимназию», СПБ, 1879). Несколько позже, в 1869 г., княгиня Александра Алексеевна Оболенская задумала также открыть женское учебное заведение первого разряда, с курсом, приближающимся к мужским реальным гимназиям. Через газеты она обратилась с призывом к обществу, подчёркивая, что её учебное заведение не будет преследовать коммерческих целей, а его цели «общеполезные» («Санкт-Петербургские ведомости», №№ 40 и 42, 1869 г.). Примерно такое же учебное заведение собирался открыть кружок женщин, среди которых видное место занимала выдающаяся деятельница в области женского образования Е. И. Конради. А. А. Оболенская, узнав о существовании подобного кружка, объединилась с ним. Для открытия гимназии и на её содержание в продолжение первого года был собран капитал в 8 000 рублей (половину дал кружок, половину А. А. Обо-

ленская). Но средств явно нехватало, поэтому в Петербургском собрании художников был устроен платный литературный вечер, где выступили крупнейшие русские писатели и поэты, сочувствовавшие идее полноценного женского образования. М. Е. Салтыков-Щедрин прочёл свою «Повесть о том, как мужик двух генералов прокормил», граф Алексей Толстой — пятый акт трагедии «Царь Борис», Я. Полонский — ненапечатанное стихотворение «Шиньон», А. Слепцов — рассказ «Сцены у мирового судьи». Актеры-любители в пользу будущей гимназии дали спектакль. Все эти мероприятия, вместе со сборами по подписным листам, дали изрядную сумму. Широкий отклик прогрессивной общественности на призыв А. А. Оболенской свидетельствовал о своевременности постановки вопроса, о большом общем доверии к намеченному делу. Ободрённые успехом, учредительницы гимназии подготовили более широкий по своим задачам устав «Общества содействия женскому образованию в России» и представили его на утверждение министру внутренних дел. Этот устав, конечно, утверждён не был. Но, несмотря на это, деятельность по организации гимназии не прекратилась. Один из видных русских педагогов 70—80-х годов XIX в. Александр Яковлевич Герд вместе с А. Н. Страннолюбским был приглашен для составления программ, которые не должны просто повторять традиционных программ мужских гимназий.

Крайне трудно было подыскать кандидатуру на должность начальницы гимназии, — выдвинутая на эту должность М. А. Быкова была отведена министерством по «политической неблагонадёжности», сама же А. А. Оболенская не имела соответствующего образовательного ценза, который позволил бы ей по закону занять должность начальницы гимназии. Не видя выхода из создавшегося положения, сорокалетняя княгиня Оболенская села за учебники и через несколько месяцев сдала экзамен на звание домашней учительницы, дававшее ей право открыть гимназию на собственное имя.

С осени 1870 г. начала функционировать гимназия Оболенской. В учебную жизнь вошли новые программы, разработанные целой плеядой лучших русских педагогов того времени: А. Я. Гердом, А. Н. Страннолюбским, Ф. Резенером, Фан дер Флитом, Волковым. За основу был принят курс мужских реальных гимназий, однако в программы был внесён ряд изменений, значительно их улучшающий. Составители считали, что не следует допускать многопредметности, но преподаваемые предметы должны быть поставлены на научную высоту и изучаться ученицами основательно. Главное — всестороннее развитие учащихся.

В расширенном объёме против принятого проходились: русский язык и литература, история, математика (включая тригонометрию), физика, химия, зоология, ботаника, физиология человека, космография и физическая география, французский, немецкий и (позже) английский языки. Специфической особенностью

гимназии было и то, что ученицы могли заниматься не по всему курсу, а по желанию выбирать отдельные предметы (с платой в 5—10 рублей за каждый предмет). Число учениц в классе было определено в двадцать пять (см. «Перворазрядное женское учебное заведение, учреждённое в 1870 г. княгинею Оболенской», СПБ 1871, и статью в журнале «Министерства народного просвещения», 1870, ч. 141).

Значение гимназии Оболенской в особенности возросло после назначения в 1878 г. её директором Александра Яковлевича Герда (род. в 1841 г., ум. в 1888 г.). Александр Яковлевич был большим педагогом-мастером, выдающимся воспитателем, автором целой группы учебников по естествознанию, одним из первых в России биологов-дарвинистов — переводчиков Дарвина и бесспорно первым преподавателем дарвинизма в средней школе.

В начале 70-х годов Герд был основателем и первым директором воспитательной колонии для малолетних преступников близ Петербурга. Александр Яковлевич умело и оригинально разрешил на практике целый ряд специфических воспитательных проблем. Многие деятели и педагоги приезжали в колонию поучиться у Герда новому делу[1]. Но его прогрессивная деятельность не нравилась типичным чиновникам, и Александр Яковлевич принуждён был скоро бросить свою работу в колонии.

Понятно, что подобный директор женской гимназии являлся скорее исключением, чем правилом. Даже внешний вид Герда не походил на «солидных» министерских директоров. Семёнов, редактор журнала «Детское чтение», так описывает свою встречу с Гердом, тогда, правда, ещё директором колонии малолетних преступников: «Ко мне подошёл плотный, высокий мужчина, с длинной рыжеватой бородой, с тёмными же густыми волосами, с топором в руке; одет он был тоже в дубленый полушубок, в больших охотничьих сапогах, с барашковой шапкой на голове, только золотые очки да интеллигентное выражение лица обнаруживали в нём не простого работника» («Детское чтение», 1889, июнь).

Вокруг Герда группировались прогрессивные интеллигенты, связанные с революционными кругами. Самого Герда и его семью знал Константин Кондратьевич Крупский, и общественно-политическое настроение последнего совпадало с мыслями Герда. На квартире Александра Яковлевича собирались передовые педагоги и общественные деятели. Там бывала и гимназистка Надя, подружившаяся с учившейся вместе с ней дочерью Александра Яковлевича — Ниной Александровной.

Герд сумел привлечь в гимназию прекрасных педагогов и поднять учебно-воспитательную работу на высокий уровень.

---

[1] Ф. М. Достоевский посетил колонию Герда вскоре после его ухода и дал порядкам, царившим там, восторженное описание. См. Полное собрание сочинений Достоевского, изд. 4-е, т. X, 1891 — Дневник писателя за 1876 г., стр. 18—29.

Кроме самого Герда, среди ведущих учителей гимназии необходимо отметить учительницу арифметики Литвинову, окончившую Цюрихский университет, учителя алгебры Билибина — «математика с большим именем, влюблённого в свой предмет», опытного старого учителя географии А. О. Пуликовского и многих других.

Вначале Надежда Константиновна, хотя знала математику и училась хорошо, но относилась к предмету в общем безразлично. Но Литвинова сумела её заинтересовать, и скоро арифметика стала любимым предметом Нади. Нравилось то, что Литвинова не сама объясняла правила, а учила их выводить самостоятельно. «Мы их выводили и записывали в классе», вспоминала позже Надежда Константиновна, «где самостоятельность этой работы была застрахована от всяких репетиторов. Мы очень гордились тем, что научились сами выводить правила. Нам никто не говорил, что мы научаемся логически мыслить, но это было так. Другому, чему нас научила Литвинова, — это уменье делать обобщения. Дело началось с типовых задач. Это нас увлекло. Мы стали придумывать задачи сами. Работа над типовыми задачами подвела нас к пониманию алгебры» (Из доклада на совещании учителей математики 10 апреля 1937 г., «Школа взрослых» № 7, 1937). Стиль преподавания Билибина был иным; преподавал он очень абстрактно, как алгебру, так и тригонометрию. Однако и у Билибина ученицы научились пониманию значения систематики и математики, пониманию того, что математика — «это цепь понятий: — выпадет одно звенышко — и непонятно будет дальнейшее» (из того же доклада). Учитель географии А. О. Пуликовский, чудаковатый старик, был также мастером своего дела. Надежда Константиновна указывает, что в его преподавании были две очень ценные вещи — черчение карт и умение сделать географию интереснейшим предметом путём увязки географии с вопросами естествознания, с одной стороны, и с вопросами политики, с другой. «Черченье карт, — говорила Надежда Константиновна, — вносило очень много чёткости в преподавание, сначала чертили контуры, потом возвышенности, потом реки и озёра, а потом распределение природных богатств, потом расселение жителей, а потом города... Всё это связывалось одно с другим. Но главное было — увязка географии со смежными науками. Это запрещалось делать в тогдашних учебниках, но Пуликовский это делал» (Из доклада на совещании преподавателей географии 21 апреля 1937 г., «Школа взрослых» № 8, 1937). Свои уроки Пуликовский координировал с уроками Герда по естествознанию. Особенно сильное впечатление производили на учениц уроки Александра Осиповича по происхождению и истории земли. После одного такого урока сотоварка Надежды Константиновны Обломиевская спросила: «А как же, Александр Осипович, Вы говорите о веках и тысячелетиях, а на уроках закона божия нас учат, что бог сотворил землю в шесть дней». Пуликовский уклонился от прямого ответа. Классная дама ре-

шила было пресечь подобные рискованные вопросы. Но Александр Осипович заволновался и заступился за учениц: «Нет, пусть спрашивают побольше, это важно». «То, о чём с таким увлечением читали в книжке Жюль Верна, воскресало на уроках географии, осмысливалось, перекидывался мост между сказкой и действительностью» (из того же доклада).

Не менее талантливым педагогом был и учитель русского языка и литературы Н. Е. Смирнов. Он требовал от своих учениц, чтобы они читали произведения лучших писателей, делали из них выписки, разъясняли, чем им особенно понравился тот отрывок, который та или иная ученица выбрала, давал писать сочинения на темы, требующие знакомства с первоисточниками. В связи с изучением «Летописи» Н. Е. Смирнов «говорил нам, — вспоминала Надежда Константиновна, — какое значение имеет изучение истории, в том числе и истории литературы по первоисточникам, как изучение истории по первоисточникам будит мысль, заставляет понимать исторические факты во всей конкретности» (Н. К. Крупская, К вопросу об изучении истории педагогики, Журн. «Советская педагогика» № 2, 1940, стр. 3).

Н. Е. Смирнов сумел привить своим ученицам любовь к народному творчеству, уменье работать над художественными произведениями, писать творческие сочинения.

Особенно интересными, особенно увлекательными, особенно воспитывающими были уроки Александра Яковлевича Герда по естествознанию. Одна из учениц (Трачевская) об этих уроках рассказывала: «Класс, впиваясь глазами в Александра Яковлевича, слушал его ясное, всегда наглядное преподавание и, почти не заглядывая в книгу, отвечал отлично уроки, глубоко и навсегда западавшие в ум и сердце учениц... Какой бы он ни преподавал предмет: физиологию ли, космографию ли, географию, зоологию, ботанику, — этот предмет был всегда самым любимым и интересным для учениц».

Правда, в гимназии Оболенской не было микроскопа, не было демонстрационного материала, не было хорошо оборудованных лабораторий и т. п.

Но всё же при всех этих недостатках «изучение строения человеческого тела, — писала Надежда Константиновна, — помогало нам понимать ход развития организма». В выпускном классе, по окончании курса зоологии, А. Я. Герд подводил итоги всему курсу естествознания в ряде лекций по дарвинизму. Это было смелым, необычайным, к тому же рискованным новшеством.

«С громадным вниманием слушали мы эти обобщения. Эта теория была для нас выводом из хорошо освоенных нами фактов. Верили не на слово, а осмысливали хорошо знакомые факты... Хорошо это было», — вспоминала Надежда Константиновна. (Из статьи «Поднять на должную высоту преподавание биологии», сб. «О преподавании в средних школах взрослых». М. 1939).

Однако не только высоким качеством преподавания отличалась гимназия Оболенской. С ведома Герда (и возможно, по его негласной инициативе) ученицы обсуждали методические и педагогические вопросы, связанные с общественной жизнью. Так, когда преподаватель геометрии М. В. Величко неудачно вёл занятия, ученицы стали горячо обсуждать между собой методы преподавания математики, сопоставляя метод Литвиновой и метод Величко. Более того, ученицы не раз обсуждали школьные порядки и решали, что надо сделать для изменения постановки преподавания, школьных нравов и т. д. «Живо помню, как одна из моих гимназических подруг, очень талантливая девочка из революционной семьи, — писала Надежда Константиновна, — однажды мрачно заявила: «Ничего сделать нельзя, одно средство: закрыть все гимназии на 100 лет» («На путях к новой школе», № 7 — 8, 1923).

Гимназия Оболенской дала Надежде Константиновне глубокие знания, широкое общее развитие, дружеские отношения с коллективом товарищей, связи с революционно настроенными людьми и усилила её любовь к педагогической профессии.

Отец, чрезвычайно близкий для Надежды Константиновны человек, умер, когда ей было всего 14 лет.

Перед семьёй Крупских после его смерти особенно остро встал вопрос о средствах существования, и гимназистка Надя начала заниматься перепиской и давать уроки, выявив при этом свой недюжинный педагогический талант.

«У меня очень удачно проходили уроки по арифметике и алгебре, — отмечала Надежда Константиновна,—помогало больше всего то, что я всегда проверяла, нет ли у учащихся каких-либо пробелов». (Из статьи «Главное в преподавании математики», «Школа взрослых» № 7, 1937).

Но это был тяжёлый труд. Родители учеников смотрели на репетиторшу свысока, нередко третировали её, вмешивались в занятия.

Несмотря на этот неприятный опыт, горячее желание быть учительницей не оставляло Надежду Константиновну и по окончании гимназии. Она была убеждена в том, что в педагогической работе её призвание и через эту работу она и будет полезна народу.

Всё же, блестяще окончив гимназию, Надежда Константиновна нигде не могла найти места. Поэтому ей пришлось сначала поступить репетитором в гимназический пансион, где было двадцать учениц разных классов. Кроме того, она стала преподавать в профессиональной школе, где обучались девочки шитью.

Стремясь в то же время повысить свою педагогическую квалификацию, Н. К. Крупская раздобыла себе разрешение на посещение уроков в петербургских городских начальных школах и в школах политехнического общества.

Но всё это не удовлетворяло Надежду Константиновну, она искала не спокойной педагогической работы, не «тёплого мес-

течка», а путей борьбы с неправдой и злом, господствовавшими в официальной России.

Уже с 12 лет, как мы отмечали выше, маленькую Надю волновали вопросы революционного движения. И у себя дома, и в семье Герда, и в семьях некоторых других своих подруг она встречала лиц, оппозиционно настроенных к существующему строю. Но то, о чём там говорили, те меры борьбы с неправдой, которые там обсуждали, никак её не удовлетворяли. С одной из своих подруг (по всей вероятности с Ниной Александровной Герд) она часто говорила на политические и общественные темы обе девушки «вглядывались в жизнь острыми глазами, но выйти на дорогу собственными усилиями не могли, а помочь было некому». (Как я стала марксисткой, сб. «Воспитание молодёжи в ленинском духе», М. 1925, стр. 11). В семье своей подруги Надежда Константиновна встречала «радикальную публику», в том числе старых народовольцев. Но в их речах она слышала лишь усталость. Один из народовольцев развил перед девушкой «теорию малых дел».

«Не нужно гнаться за невозможным, не нужно стремиться перевернуть всё в корне — это невозможно, надо не гнаться за недостижимым, а делать то, что под руками: хорошо учить, помогать людям... Тоской веяло от его советов и от всех этих бывших людей, люди они были хорошие, но с вынутой душой. Я была подростком, но отлично видела это» (из той же статьи, стр. 12).

Ещё в первые годы ученья в гимназии на Надежду Константиновну огромное впечатление произвела казнь народовольцами 1 марта 1881 г. — Александра II. «Я всю ночь не спала, — писала она в своих воспоминаниях, — думала, что теперь, когда царя убили, всё пойдет по-другому, народ получит волю. Однако, так не вышло» («Моя жизнь», стр. 18). Надежда Константиновна, сопоставив эти свои ранние впечатления с настроениями старых народовольцев, пришла к убеждению, что нельзя итти путём первомартовцев, — террор не привёл к желательным результатам, да и сами террористы в него не верят. В поисках истины и ответа на наболевшие вопросы Надежда Константиновна стала посещать кружки молодёжи. Попала она в один кружок, возглавляемый В. В. Водовозовым. Там шла речь об аграрных отношениях в Италии и о судьбе Испании. Ответа на жгучие вопросы она, естественно, в этом кружке не получила. Также не удовлетворил её кружок, в котором присутствовал сам «властитель дум» Михайловский, где речь шла только о шекспировском «Макбете». Надежда Константиновна туда больше не ходила.

В это время в руки Надежды Константиновны попался XIII том собрания сочинений Л. Н. Толстого. Его решительная, непримиримая критика роскоши и праздности богачей, государственных порядков, те картины, в которых Толстой показал, «как всё делается для устройства сытой и приятной жизни по-

мещиков и богачей, как пропадают, гибнут от чрезмерного труда рабочие, как надрываются над работой крестьяне» — произвели глубокое впечатление на Надежду Константиновну. Особенно её взволновала статья «О труде и роскоши». Ходила Надежда Константиновна и в редакцию «Посредника», где происходили дискуссии толстовцев с радикалами, но уходила с этих собеседований разочарованной. Выход, который указывал Толстой, — физический труд и личное самоусовершенствование — не был приемлем для Надежды Константиновны. Она скоро поняла, что от этого в общественно-политической жизни ничего не меняется, несправедливые порядки будут существовать попрежнему, сколько бы она ни занималась внутренним самоусовершенствованием, сколько бы ни надрывалась на физической работе.

Однако тёплое чувство к Толстому, великому человеку земли русской, замечательному писателю и выдающемуся педагогу, она сохранила на всю жизнь.

Принять же толстовство с его непротивлением злу, с его религиозным миропониманием Надежда Константиновна, конечно, не могла.

Разрешение мучивших её вопросов Надежда Константиновна думала найти на Высших женских курсах и вскоре после возобновления прерванных на некоторое время, по распоряжению властей, занятий, в 1889 г., она поступила на математическое отделение Бестужевских курсов. Надежда Константиновна познакомилась с курсистками, приехавшими из провинции, в беседах с ними не нашла ничего положительного, более того, не встретила у них даже того отрицательного опыта, который был ей самой хорошо известен. Увлекалась занятиями, с наслаждением слушала лекции проф. Имшенецкого по аналитической геометрии, посещала лекции и других факультетов — Платонова по истории, Введенского по психологии. Но попрежнему Надежда Константиновна тревожно ставила себе вопрос: «Где же выход?» Разве изучением математики поможешь народу? С вопросом «Что мне даёт изучение математики?» обратилась она к ряду лиц. На начинающую курсистку смотрели с удивлением, но чёткого ответа не давали.

Одна из подруг Надежды Константиновны познакомилась с кружком технологов. На её квартире стала собираться молодёжь.

После одного из собраний, на котором было свыше 40 человек, разделились на кружки, и в начале 1890 г. Надежда Константиновна вошла в так называемый этический кружок. В этом кружке она получила книгу Лаврова (Миртова) «Исторические письма». По словам Надежды Константиновны, это была первая книжка, которая трактовала те вопросы, которые не давали ей покоя, освещала те проблемы, которые она хотела знать. Там впервые услышала она слово «Интернационал» и имена великих людей — Карла Маркса и Фридриха Энгельса. Весной Надежда

Константиновна обратилась к С. Н. Южакову, который бывал в семье Герда, и попросила у него 1-й том «Капитала» К. Маркса. Книг Маркса тогда почти невозможно было достать; кроме «Капитала», Южаков дал ей ещё книги Зибера «Очерки первобытной культуры», В. В. (Воронцова) «Развитие капитализма в России», Ефименко «Исследование Севера».

Надежда Константиновна чувствовала, что она не может одновременно учиться на курсах, зарабатывать на жизнь и изучать марксизм. Без колебаний она отказалась от ученья и максимально сократила и без того небольшой заработок. К лету 1890 г. Надежда Константиновна с матерью сняла себе избу в деревне и стала усердно читать «Капитал». «Первые две главы были очень трудны, — вспоминала она, — но, начиная с третьей главы, дело пошло на лад. Я точно живую воду пила. Не в терроре одиночек, не в толстовском самоусовершенствовании надо искать выход. Могучее рабочее движение — вот выход. Начинает вечереть, сижу с книгой на ступеньках крыльца, читаю: «Бьёт смертный час капитализма — экспроприаторов экспроприируют». Сердце колотится так, что слышно» («Как я стала марксисткой», сб. «Воспитание молодёжи в ленинском духе», М. 1925, стр. 14).

Осенью, когда съехалась учащаяся молодёжь в Петербург, возобновилась кружковая работа. Вновь Надежда Константиновна перечитала «Капитал», а для того чтобы прочитать «Анти-Дюринг» Энгельса, который не был переведён на русский язык, начала изучать немецкий язык. Повторное чтение «Капитала», а затем чтение «Анти-Дюринга» ответили и ещё на один вопрос, волновавший Надежду Константиновну: «чему надо учить молодёжь в школах» («Главное в преподавании математики», «Школа взрослых», № 7, 1937).

Глубоко изучая эти работы классиков марксизма, Надежда Константиновна поняла, что «изменить жизнь может рабочее революционное движение, что для того, чтобы быть полезной, нужной — надо отдать все свои силы рабочему делу» (Из речи Крупской на губернском совещании агитаторов ВКП(б) и культотдела профсоюзов Брянской губ., 1927, октябрь).

«Марксизм, — писала Надежда Константиновна в другом месте, — дал мне величайшее счастье, какого только может желать человек: знание, куда надо итти, спокойную уверенность в конечном исходе дела, с которым связала свою жизнь» («Как я стала марксисткой», сб. «Воспитание молодёжи в ленинском духе», М. 1925, стр. 14).

Так был решён основной вопрос всей жизни Надежды Константиновны.

Естественно поэтому, что она стремилась как можно теснее связаться с рабочими кругами, «поскорее принять участие в рабочем движении». Она решила завязать необходимые связи иным путём, чем раньше, и с осени 1891 г. поступила учитель-

Вечерне-воскресная школа в Петербурге
на Шлиссельбургском тракте.

ницей в вечерне-воскресную школу на Шлиссельбургском тракте, где и вела активную политическую и педагогическую работу вплоть до ареста в 1896 г.

В этой школе учились питерские пролетарии. «Эта школа носила название Смоленских классов, о работе в этой школе у меня остались самые яркие воспоминания, осталось впечатление на всю жизнь», — писала впоследствии Надежда Константиновна. (См. статью «Работа в Смоленских классах», журн. «Вестник просвещения», № 2, 1929, стр. 15). «Смоленская школа, — рассказывала она в другом месте, — была на 600 человек, не считая вечерних технических классов и примыкавших к ней школ женской и обуховской[1]. Надо сказать, что рабочие относились к «учительницам» с безграничным доверием: мрачный сторож громовских лесных складов с прояснившимся лицом докладывал учительнице, что у него сын родился; чахоточный текстильщик желал ей за то, что выучила грамоте, удалого жениха; рабочий-сектант, всю жизнь искавший бога, с удовлетворением писал, что только на страстной узнал от Рудакова

[1] В другой статье Надежда Константиновна пишет: «Школа эта помещалась в селе Смоленском, в сельском центре рабочего района и вместе с женской и Обуховской школой вмещала около 1000 учеников — рабочих разной подготовки, начиная с безграмотных». (См. журн. «Школа взрослых» № 6, 1939 г.)

(другого ученика школы), что бога вовсе нет, и так легко стало, потому что нет хуже, как быть рабом божьим — тут тебе податься некуда, рабом человеческим легче быть — тут борьба возможна; напивавшийся каждое воскресенье до потери человеческого облика табачник, так насквозь пропитанный запахом табака, что, когда наклонишься к его тетради — голова кружилась, писал каракулями, пропуская гласные, что вот нашли на улице трёхлетнюю девочку и живёт она у них в артели, надо в полицию отдать, а жаль; приходил одинокий солдат и рассказывал, что «Михайла, который у вас прошлый год грамоте учился, надорвался над работой, помер, а помирая, вас вспоминал, велел поклониться и жить долго приказал; рабочий-текстильщик, горой стоявший за царя и попов, предупреждал, чтобы «того, чёрного, остерегаться, а то он всё на Гороховскую шляется»; пожилой рабочий толковал, что никак он из церковных старост уйти не может, «потому что больно попы народ обдувают и их надо на чистую воду выводить, а церкви он даже совсем не привержен и насчёт фаз развития понимает» и т. д.

Рабочие, входившие в организацию, ходили в школу, чтобы приглядываться к народу и намечать, кого можно втянуть в кружки, вовлечь в организацию. Для них учительницы не все уж были на одно лицо. Если признают, что учительница «своя», дают ей знать о себе какой-нибудь фразой, например, при обсуждении вопроса о кустарной промышленности скажут: «кустарь не может выдержать конкуренции с крупным производством» или вопрос загнут: «а какая разница между петербургским рабочим или архангельским мужиком?» и после этого смотрят на учительницу особым взглядом и кланяются ей по особому: «наша, мол, знаем».

Что случится на тракту, сейчас же всё рассказывали, знали — учительницы передадут в организацию. Точно молчаливый уговор какой был.

Говорить в школе можно было в сущности обо всём, несмотря на то, что в редком классе не было шпика, надо было только не употреблять страшных слов: «царь», «стачка» и т. п., тогда можно было касаться самых опасных вопросов. А официально было запрещено говорить о чём бы то ни было: однажды закрыли так называемую повторительную группу за то, что там, как установил нагрянувший инспектор, преподавали десятичные дроби, разрешалось же по программе учить только четырём правилам арифметики» (Н. Крупская, Воспоминания о Ленине, М. Партиздат, 1932, стр. 13—14).

Занятия в этой школе, так много дававшие и учителям и ученикам, захватывали Надежду Константиновну. «Я была влюблена в школу, — писала Н. К. Крупская в своих воспоминаниях, — и меня можно было хлебом не кормить, лишь бы поговорить о школе, об учениках, о Семянникове, Торнтоне, Максвеле и других фабриках Невского тракта».

Когда в конце 1893 г. в Петербург приехал Ленин и вскоре объединил марксистские рабочие кружки в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», Надежда Константиновна приняла активное участие в работе «Союза»: в составлении, печатании и распространении нелегальных революционных листовок, содействовала упрочению связей «Союза» с передовыми рабочими Питера. Многие из её учеников входили в кружок Владимира Ильича, и ряд из них вписал свои имена в историю русского революционного движения (например, Бабушкин).

По поручению петербургских товарищей, Н. К. Крупская участвовала в 1895 г. в совещании по подготовке 1 съезда социал-демократических организаций. Когда в том же году был арестован Ленин, Надежда Константиновна организовала с ним связь и переписку, доставку в тюрьму книг и необходимой партийной информации.

Всеобщая забастовка петербургских текстильщиков в 1896 г. вызвала новую волну ожесточённых репрессий. Н. К. Крупская была арестована, просидела семь месяцев в доме предварительного заключения, а затем была приговорена к ссылке. Она с большим трудом добилась разрешения отбывать ссылку в селе Шушенском, куда уже был сослан В. И. Ленин.

В мае 1898 г. Надежда Константиновна[1] приехала в село Шушенское, и с этих пор, вплоть до смерти Владимира Ильича, они неразрывно и неразлучно были связаны общей работой и общей жизнью, целиком посвящённой делу рабочего класса. «С тех пор, — писала Надежда Константиновна в своей автобиографии («Моя жизнь», стр. 30), — моя жизнь шла следом за его жизнью, я помогала ему в работе, чем и как могла».

В годы ссылки Н. К. Крупская была ближайшей помощницей Ленина в его работах[2]. «В общем ссылка прошла неплохо», — вспоминала позже Надежда Константиновна; — «это были годы серьёзной учёбы». (Воспоминания о Ленине, М., 1932, стр. 33). Там в 1899 г. она написала свою книгу «Женщина-работница», напечатанную впервые в 1901 г. в Женеве в типографии «Искра» и затем неоднократно печатавшуюся нелегально в России. В этой работе Надежды Константиновны с исключительной яркостью вскрыты ужасающие условия жизни трудящейся женщины в России; в главе III своего труда, озаглавленной «Женщина и воспитание», она показала, что женщина в этих условиях не может обеспечить детям необходимого воспитания. Описывая положение матери-крестьянки, Н. К. Круп-

---

[1] Вместе с Н. К. Крупской поехала ее мать, которую Надежда Константиновна характеризовала следующими словами: «Она очень меня любила, и мы прожили всю жизнь вместе. Она сочувствовала тому, что я стала революционеркой, и помогала. Все товарищи по партии, бывшие у нас, знали и любили ее» («Моя жизнь», стр. 20).

[2] В частности, Надежда Константиновна вместе с Владимиром Ильичём перевела с английского книгу Сиднея и Беатрисы Вебб — «Теория и практика английского трэд-юнионизма».

ская указала на причины, которые ведут к тому, что в деревне половина детей умирает до пятилетнего возраста. «Но и тем крестьянским детям, которые выживали, трудно было попасть в школу, а те, кто попадали, выучивались там лишь кое-как читать, писать да считать». «Правительству было выгодно держать народ в невежестве, и потому в школах запрещают рассказывать детям и давать читать книжки о том, как другие народы завоевали себе свободу, какие у них законы и порядки, — запрещают объяснять, почему у одних народов одни порядки, а у других — другие, почему одни люди бедные, другие богатые. Одним словом, — писала Надежда Константиновна, — запрещают говорить правду, а учителя должны только учить детей почитать бога и царя».

Далее Н. К. Крупская указывала, что не лучше обстоит дело с воспитанием детей у женщины, работающей в кустарной промышленности. В семье такой работницы, в результате безвыходного материального положения, дети начинают сами трудиться с 5—8-летнего возраста, и «ни о какой школе не может быть и речи». Таково же примерно положение женщины фабричной работницы и её семьи. Когда мать уходит на фабрику, то присматривает за её детьми, покуда они малы, какая-нибудь старуха-соседка, а дети постарше «почти что растут на улице». Хотя в городах и пригородных районах школы есть, но они крайне переполнены, и далеко не все дети рабочих попадают в школу, а в двенадцатилетнем возрасте многие из них уже сами идут работать на фабрику. Вся семейная жизнь женщины фабричной работницы складывается так, что дети вырастают наполовину чужими для матери.

Но всё это тяжёлое положение самой трудящейся женщины, её детей, её семьи есть результат капиталистического строя.

И Надежда Константиновна указывает, где может быть найден единственно возможный выход — этот выход будет существовать только в социалистическом обществе.

«Материнские чувства заставляют её (т. е. трудящуюся женщину) — желать общественного воспитания детей, социалистического строя, победы рабочего дела.

Только в социалистическом обществе, — подчёркивает Надежда Константиновна, — будет широко поставлено общественное воспитание, из детского сада дети будут переходить в школу. Но и школа там будет совершенно иной, чем в капиталистическом обществе. «Школа в социалистическом обществе, конечно, не будет похожа на теперешнюю школу, — писала в заключение Н. К. Крупская, — в будущей школе ученики будут приобретать гораздо больше знаний, они будут в то же время приучаться к производительному труду, а главное, школа будет не только учить, она будет развивать в них силы, духовные и физические, будет воспитывать из них полезных, энергичных граждан».

* * *

Срок ссылки В. И. Ленина окончился, и в феврале 1900 г. он и Надежда Константиновна выехали из Минусинска в Уфу. Владимир Ильич задержался там лишь на несколько дней и направился поближе к Питеру, куда звала его революционная деятельность. Надежда же Константиновна провела оставшийся ей год ссылки в Уфе, где она установила связи с рабочими Уфы, Златоуста, Усть-Катава, вела пропагандистскую работу в рабочих кружках, собирала материалы для корреспонденций в «Искру», организовала получение «Искры» в Уфе, завязала тесные связи с ссыльными социал-демократами. Перед отъездом за границу В. И. Ленин заехал в Уфу, попрощался с ней и ввёл её в курс партийных дел.

По окончании ссылки, в марте 1901 г., Н. К. Крупская уехала в Мюнхен, где в то время жил Ленин и где находилась редакция ленинской «Искры». В качестве секретаря редакции Надежда Константиновна выполняла сложнейшие обязанности по руководству конспиративными связями с революционными организациями в России и подготовке II съезда партии, в работе которого затем она принимала самое деятельное участие. В тот же период Н. К. Крупская входила в секретариат «Лиги русской социал-демократии за границей», объединявшей всех русских социал-демократов-эмигрантов.

Во время подготовки III съезда партии, когда была организована газета «Вперёд», Надежда Константиновна работала секретарём редакции. Снова она с изумительной настойчивостью и умением вела переписку и поддерживала конспиративные связи, помогая сплачивать большевистские ряды[1].

В апреле 1905 г. состоялся III съезд партии (в Лондоне). Н. К. Крупская участвовала в его работе и редактировала резолюции съезда. В России «к осени 1905 года революционное движение охватило всю страну. Оно нарастало с огромной силой» («История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков), Краткий курс», 1938, стр. 73). К ноябрю 1905 г. В. И. Ленин и Н. К. Крупская вернулись в Россию, в Петербург. «Скрываясь от царских жандармов и шпионов, Ленин принимал в эти дни непосредственное участие в подготовке вооружённого восстания. Его статьи в большевистской газете «Новая жизнь» служили указаниями в повседневной работе партии. В это время товарищ Сталин проводил огромную революционную работу в Закавказьи» («История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков), Краткий курс», 1938, стр. 77—78).

Среди срочных партийных дел Надежда Константиновна нашла время, чтобы посетить бывшие воскресно-вечерние смоленские классы за Невской заставой, где она занималась с рабочими

---

[1] Ряд писем Надежды Константиновны этого периода вскрывает огромный размах её деятельности. «Ленинский сборник», т. XV, стр. 10, 13—19, 26, 39—42, 86 и др.

перед арестом. «В них теперь преподавалась уже не «география», не естествознание — по классам, переполненным рабочими и работницами, шла пропагандистская работа. Партийные пропагандисты читали лекции. Мне запомнилась одна из них, вспоминала позже Надежда Константиновна, — молодой пропагандист излагал по Энгельсу тему: «Развитие социализма из утопии в науку». Рабочие сидели не шевелясь, добросовестно стараясь усвоить излагаемое оратором. Никто никаких вопросов не задавал. Внизу наши партийные девицы устраивали для рабочих клуб, расставляя привезённые из города стаканы». (Н. К. Крупская, Воспоминания о Ленине. М. Партиздат, 1932, стр. 103.).

Надежда Константиновна мужественно вела партийную подпольную работу — встречалась с десятками товарищей, передавала им партийные директивы, снабжала их явками и паспортами, связывалась с партийными комитетами и снабжала партийные организации подпольной литературой.

«Народу валило к нам уйма, — писала, вспоминая это время, Надежда Константиновна, — мы его всячески охаживали, снабжали чем надо: литературой, паспортами, инструкциями, советами. Теперь даже не представить себе, как это мы тогда справлялись и как это мы распоряжались, никем не контролируемые, и жили, что называется, «на всей божьей воле». Обычно, встречаясь с Ильичём, я рассказывала ему обо всём. Наиболее интересных товарищей по наиболее интересным делам направляли непосредственно к цекистам». (Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М. Партиздат, 1932, стр. 106).

В конце декабря Н. К. Крупская участвовала в Таммерфорской конференции большевиков, на которой познакомилась с товарищем Сталиным. После подавления декабрьского вооруженного восстания в Москве, пришлось уйти в подполье. «В подполье мы залезли, — писала Надежда Константиновна, — плели сети конспиративной организации. Со всех концов России приезжали товарищи, с которыми сговаривались о работе, о линии, которую надо проводить... Наиболее близкой и ценной публике я устраивала свидания с Ильичём» (Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М. Партиздат, 1932, стр. 109.)

Ленину и Крупской из-за непрерывной слежки царской охранки пришлось покинуть Петербург и переехать в Финляндию, но и то сравнительно ненадолго, так как «Ильича полиция уже искала во всей Финляндии, надо было уезжать за границу. Ясно было, что реакция затянется на годы. Надо было опять податься в Швейцарию. Больно неохота была, но другого выхода не было», — подчёркивала в своих воспоминаниях Надежда Константиновна (Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М. Партиздат, 1932, стр. 120.)

В 1907 г. Ленин и Крупская вынуждены были снова эмигрировать за границу и уехали в Женеву.

Революционная работа Надежды Константиновны не прерывалась и в годы жестокой реакции. В качестве секретаря ре-

дакции большевистской газеты «Пролетарий» она неутомимо восстанавливала связи и вела переписку с Россией.

Несмотря на эту огромную работу, Надежда Константиновна много времени отдавала изучению трудов выдающихся педагогов прошлого, мыслителей и деятелей в области просвещения (Коменского, Руссо, Песталоцци, Базедова, Зульцера, Ж. П. Рихтера, Фелленберга, Роберта Оуэна, Беллерса и др.), материалов по народному образованию французской буржуазной революции XVIII в. (в частности проектов Талейрана, Кондорсе, Лепелетье) и книг современных буржуазных педагогов (Кершенштейнера, Дьюи и др.).

Путеводным огнём, освещавшим для Надежды Константиновны все эти источники, были творения Маркса и Энгельса и её повседневные беседы с Владимиром Ильичём.

Повышая свою квалификацию, Надежда Константиновна «поступила на курсы французского языка, которые устраивались летом для иностранцев-педагогов, преподавателей французского языка при Женевском университете». (Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М. Партиздат, 1932, стр. 142.)

Н. К. Крупская считала необходимым изучать и практику школьного дела в Женеве. Она внимательно присматривалась к работе швейцарской начальной школы. Своё впечатление от посещения одной образцовой народной школы Надежда Константиновна описала в следующих словах: «Автор присутствовал в течение 4 дней на самых различных уроках, у всех учителей, и вынес самое тяжёлое, гнетущее впечатление от этой образцовой школы, которая, несмотря на весь свой внешний лоск, оставалась самой типичной школой учёбы. Поражала, подавляла механичность преподавания. Путём умелых вопросов, бесконечных повторений учитель достигал того, что весь класс дословно мог повторить прочитанную страницу, но эта коллективная классная зубрёжка была не более как самая обычная дрессировка. Что особенно бросалось в глаза, это то, что индивидуальность ученика подавлялась до такой степени, что в классе нельзя было отличить способных, развитых детей от малоспособных, тупых. Были только отвечавшие впопад и невпопад. Ни одного вопроса, над которым ученику надо было бы подумать, ни одной живой мысли... У некоторых учителей весь урок превращался в какую-то непрерывную войну с учениками... пощёчины, окрики, выталкивание из класса... И Швейцария, конечно, не является в этом отношении каким-то уродом в европейской семье. Нет, женевская школа представляла собой лишь вполне законченный тип школы учёбы» (Н. К. Крупская. Народное образование и демократия, М. Работник просвещения, 1930, стр. 93—94.)

Об итогах, к которым пришла Надежда Константиновна в результате изучения практики швейцарской школы, она писала: «Впервые я поняла, что такое буржуазная «народная» школа. Смотрела, как в прекрасных зданиях с большими светлыми окна-

ми воспитывались из детей рабочих послушные рабы. Наблюдала, как в одном и том же классе учителя бьют, дают затрещины ребятам рабочих и оставляют в покое детей богатых, как душат всякую самостоятельную мысль ребёнка, как всё заполняет мёртвая зубрежка и как на каждом шагу внушается ребятам преклонение перед силой, богатством. Никогда не могла представить себе ничего подобного в демократической стране» (Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине. М. Партиздат, 1932, стр. 142.)

С конца 1908 г. Н. К. Крупская вместе с Лениным переехала в Париж, где активно участвовала в борьбе с ликвидаторами и отзовистами и работала в партийной школе, организованной в 1911 г. под руководством Ленина.

После Пражской конференции 1912 г. В. И. Ленин и Н. К. Крупская переехали в Краков, поближе к русской границе, и здесь Надежда Константиновна быстро наладила тесные связи с Россией, с редакцией газеты «Правда», с большевистской фракцией IV Государственной Думы, организовала ряд встреч и совещаний Ленина с товарищами из России и, в частности, с большевиками — депутатами Думы.

В эти годы, несмотря на чрезвычайно напряжённую партийную работу, Надежда Константиновна напечатала ряд замечательных педагогических статей в легально выходивших в России левых педагогических журналах («Свободное воспитание», «Русская школа»).

В этих статьях она дала глубокую критику царской школы периода реакции, осветила ряд важнейших педагогических вопросов и наметила пути развития новой школы, которая должна быть построена в новом обществе.

Каждая её статья била в цель по тому общественному злу, которое существовало в то время. Так, в статье «Следует ли обучать мальчиков «бабьему делу» («Свободное воспитание», № 10, 1909—1910 г.) она со всей чёткостью показала роль и значение трудового воспитания как для мальчиков, так и для девочек, как средства борьбы за уравнение в правах мужчин и женщин.

«Считают, — отмечала Надежда Константиновна, — что женщина «самой природой» будто бы предназначена только к домашнему хозяйству.

Как разбить эти предрассудки? Подобные предрассудки может уничтожить в первую очередь свободная советская школа.

Эта школа не должна делать разницы при обучении труду (в том числе шитью, вязанью, чинке белья и т. д.) между мальчиками и девочками, она должна привлечь детей к приготовлению завтраков, к мытью посуды, наблюдению за чистотой и т. д.

Так изживается у мальчиков презрение к «бабьему делу».

Эта «мелочь», конечно, не решает вопроса о правильном воспитании, — указывает Надежда Константиновна, — однако,

она является «одной из тех мелочей», которые создают общий дух школы».

В то время эта «мелочь» была тем педагогическим новшеством, которое показывало пути приближения школы к жизни, подчёркивало социальную роль школы и воспитывающую роль труда и весьма определённо выдвигало вопрос о фактическом уравнении в правах мужчины и женщины.

В другой своей работе («Самоубийства среди учащихся и свободная трудовая школа», журн. «Свободное воспитание», № 10 1910—1911 г.) Надежда Константиновна противопоставляла казённую школу муштры свободной школе будущего общества.

Подвергая сокрушительной критике весь режим дореволюционной школы, Н. К. Крупская указывала, что эта школа «усугубляет» мучительное душевное состояние ребёнка» и ведёт детей к массовым самоубийствам, получившим большое распространение среди учащихся.

Н. К. Крупская установила три точки зрения, существовавшие на это печальное явление в русском обществе. Первая из них — это точка зрения «человеков в футляре», чиновников, считающих, что вся причина «пагубного явления» в распущенности, якобы царящей среди учащихся, поэтому выход из положения, по мнению этих лиц, в усилении надзора, посещении детьми церковных служб и т. д.; вторая точка зрения — это мнение родителей и «вообще людей благожелательных», говорящих лишь о необходимости гуманности, мягкости, отмене экзаменов и т. п.; третья точка зрения — это мысли, высказанные немногими о том, что современная школа совершенно непригодна, и видящих выход в создании новой, построенной на совершенно иных педагогических основах школы. Эта «школа будущего должна всячески развивать в детях чувство солидарности», она должна готовить людей, полезных обществу. В этой школе будет применяться трудовое воспитание детей. Именно труд может быть могучим рычагом развития подрастающего поколения.

При организации детского труда, — писала Надежда Константиновна, — надо иметь в виду его воспитательную цель, а потому соблюдать следующие условия: 1) труд этот должен интересовать ребёнка, так как только в этом случае он будет свободным; 2) он должен быть применением приобретённых ребёнком знаний и умений и быть не только физическим, но также и умственным. Это должен быть не только труд столяра или сапожника, но и труд педагога, лектора и пр., конечно, в меру его сил и знаний; 3) ребёнку должен быть в каждом частном случае виден и понятен результат его труда, ему должно быть ясно, что он оказался полезным тем-то и тем-то; 4) детский труд должен применяться не только в стенах школы, но и за пределами её, так как это даёт возможность входить на деловой почве во всестороннее общение с людьми, наблюдать

жизнь, учиться жить, чувствовать себя уже с детства, с самых ранних лет, полезным членом общества.

Учащийся не должен быть изолированным от общества, он должен всюду сталкиваться с людьми, он должен учиться жить и работать среди людей.

Надежда Константиновна уже тогда, в 1911 г., в годы реакции, призывала педагогов к тому, чтобы идеи новой школы были не достоянием узкого кружка учителей, а широкого круга лиц.

Она категорически возражала против мыслей некоторых педагогов о том, что выдвинутые ею положения — утопия. И, предвидя грядущую социальную революцию, Н. К. Крупская писала: «Настанет время, когда будет возможно создать такую школу, какая нужна подрастающему поколению. И надо будет уметь её создать, а для этого нужен опыт, нужно, чтобы мысль заранее работала в этом направлении, чтобы было ясно, как браться за дело» (подчёркнуто нами — Н. К и Н. З.).

В современной буржуазной педагогической литературе существовала точка зрения, которая фактически сводила воспитательное значение школы к нулю, и тем самым, «признавая бессилие школы перед жизнью», сторонники этих позиций отказывались от реформы.

«Исключительно важно то, — писала Надежда Константиновна, — что общая трудовая жизнь сближает школьников... Если хотят духовного сближения между мужчиной и женщиной, необходимо сделать, чтобы они совместно переживали ту радость, которую даёт всякому здоровому ребёнку ощущение роста своего кругозора, роста духовных сил».

Но при всём этом не следует преувеличивать воспитательной роли школы. В школе ребёнок проводит сравнительно небольшую часть времени и значительно больше он находится вне школы. Влияние семьи, окружающей среды значительно, они прививают ребёнку соответствующие взгляды и привычки. Роль учителя и школы заключается в том, чтобы бороться, «и может быть упорно, с теми взглядами и привычками, с которыми ребёнок пришёл в школу».

Эта и ряд других работ Н. К. Крупской имели огромное значение для выработки основ новой педагогики. Они будили педагогическую мысль, они звали к разрешению наиболее острых педагогических проблем современности и указывали правильный, большевистский путь для их решения.

* * *

Когда началась первая мировая война, и Надежде Константиновне с трудом удалось вырвать Ленина из рук австро-венгерских тюремщиков, Ленин и Крупская переехали в Швейца-

рию. Там Надежда Константиновна приняла энергичное участие в сплочении революционных сил для борьбы с империализмом, — за превращение войны империалистической в войну гражданскую. В частности, Н. К. Крупская была участником русской делегации на Международной женской конференции в Берне, на которой, оставшись в меньшинстве, русские делегаты выступили с особой декларацией, излагающей большевистскую позицию в отношении войны. Активная революционная работа не помешала Надежде Константиновне углублённо заниматься педагогическими вопросами, знакомиться с практической постановкой школ в Цюрихе. Пересчитывая, пересматривая труды крупнейших педагогов прошлого, книги современных буржуазных педагогов, снова и снова изучая великое наследство Маркса и Энгельса, подытоживая свой личный опыт и свои наблюдения швейцарской школы, Надежда Константиновна решила написать обобщающую работу, которая бы показала необходимость преобразования школы учёбы в школу труда.

«Надо было готовиться к моменту, — писала она позже, — когда власть перейдёт в руки рабочего класса, надо было подготовлять фронт просвещения. Работа эта стала неотложной, когда разразилась война, надо было браться за работу вплотную. Книжка была готова в 1915 г., но издатели не решались её издать, и вышла она в свет лишь в 1917 году» (Н. К. Крупская. Народное образование и демократия. М. 1930, стр. 12.)

Владимир Ильич об этой книге Надежды Константиновны, названной ею «Народное образование и демократия»[1], в 1916 г. писал А. М. Горькому: «Автор занимается педагогикой давно, более 20 лет. И в брошюре собраны как личные наблюдения, так и материалы о новой школе Европы и Америки. Из оглавления Вы увидите, что дан также, в первой половине, очерк истории демократических взглядов. Это тоже очень важно, ибо обычно взгляды великих демократов прошлого излагались неверно или с неверной точки зрения. Не знаю, в состоянии ли Вы сами урвать время для чтения и интересуетесь ли. Изменения в школе новейшей империалистической эпохи очерчены по материалам последних лет и дают очень интересное освещение для демократии в России». (Н. К. Крупская. Народное образование и демократия, М. 1930, стр. 14.)

Роль и значение книги «Народное образование и демократия», освещающей вопросы народного образования с марксистских позиций, несомненно велика. Она выдвинула вопрос о политехническом образовании, показала, «как менялось содержание этой идеи в зависимости от общих экономических условий и от того, какой общественный класс пытался воплотить трудовую школу в жизнь». (Н. К. Крупская, Народное образование и демократия, изд. 3-е, Берлин, 1921, стр. 5.)

[1] Из-за цензурных соображений Надежда Константиновна принуждена была отказаться от первоначального названия своего труда «Народное образование в рабочий класс».

В заключение своего исследования Н. К. Крупская констатировала: «Пока организация школьного дела будет находиться в руках буржуазии, школа труда будет орудием, направленным против интересов рабочего класса. Лишь рабочий класс может сделать школу труда «орудием преобразования современного общества» (Н. К. Крупская. Народное образование и демократия, М. 1930, стр. 131.)

* * *

Приближался грозный и радостный 1917 год. Ситуация в России становилась всё более и более революционной. Ленин был убеждён в том, что надвигается революция и ускорял её. Революция началась.

Ленин рвался в Россию. 3 апреля 1917 г. Ленин и Крупская после ряда лет вынужденного изгнания вернулись на родину.

С огромной радостью и увлечением вошла Н. К. Крупская в активную революционную работу. «Тот, кто не пережил революции, — писала Надежда Константиновна, — не представляет себе её торжественной красоты» (Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, М. Партиздат, 1932, стр. 268.)

Как всегда, среди сотен сложнейших дел, Н. К. Крупская сразу же находила возможность и время для того, чтобы связаться с учителями и принять участие в работе учительского съезда. «Вскоре после приезда, точно не помню числа, — вспоминала она позже, — я была на учительском съезде. Народу там была уйма, учительство было целиком под влиянием эсеров. На съезде выступали видные оборонцы. В тот день, когда я там была, выступал утром до моего прихода сюда Алексинский. Социал-демократов — большевиков, меньшевиков, интернационалистов было всего человек 15—20; они собрались в особой небольшой комнатушке, обменивались разными соображениями по поводу того, за какую школу надо бороться». (Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, М. Партиздат, 1932, стр. 271.)

Конкретная помощь Надежды Константиновны, вносившая большевистскую ясность в это взбаламученное событиями море, имела существеннейшее значение.

При выборах в районные думы Петрограда во многих районах большинство получили большевики, в том числе в Выборгскую думу была избрана Н. К. Крупская. Там ей пришлось принимать выборгское отделение комиссии помощи солдаткам от старой знакомой, с которой она когда-то училась вместе в гимназии и которая в первые годы развития рабочего движения была социал-демократкой, — от Нины Александровны Герд, жены «легального марксиста» Струве, перешедшего в лагерь контрреволюции. Передавая дела, Струве говорила Надежде Константиновне: «Нам солдатки не верят: что бы мы ни делали, они недовольны; они верят только большевикам» (Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, М. Партиздат, 1932, стр. 278.)

Н. К. Крупская тотчас же организовала совет народного образования, куда входили представители всех фабрик и заводов. «Когда возник вопрос о необходимости поголовного обучения грамоте, заводы провели очень быстро силами рабочих учёт неграмотных на заводах. Фабрикантам было предъявлено требование отвести помещение под школы грамоты, а когда один какой-то заводчик отказался дать помещение, подняли невероятный скандал, выявили, что одно из помещений при фабрике занято ударниками (солдатами из особо шовинистски настроенных батальонов), кончилось тем, что фабрикант нанял помещение под школу. Был налажен со стороны рабочих контроль за посещением уроков и за преподаванием» (Н. К. Крупская. Воспоминания о Ленине, М. Партиздат, 1932, стр. 279).

Внимательно следили депутаты-рабочие, под руководством Н. К. Крупской, не только за школами, но и за детскими садами.

Вплотную подошла Надежда Константиновна и к работе с заводской молодёжью; она вела работу и среди женщин, и среди солдат пулемётного полка.

Работа в Выборгском районе целиком захватила Надежду Константиновну. Она участвовала в мобилизации масс, в подготовке их к вооружённому восстанию и захвату власти.

Когда, по требованию ЦК, Владимир Ильич ушёл в подполье от ищеек контрреволюционного временного правительства и жил в шалаше у станции Разлив, а потом в Финляндии, Надежда Константиновна, переодевшись крестьянкой, пробиралась к Ленину и поддерживала связь между вождём пролетарской революции и Центральным Комитетом.

Н. К. Крупская была делегатом VI съезда партии, проходившего под непосредственным руководством товарища Сталина.

В этот период Надежда Константиновна напечатала в «Правде» (1917 г.) ряд выдающихся статей по народному образованию («К Всероссийскому съезду учителей», № 29, «Неотложная задача рабочих — охрана труда детей и подростков», № 34, «Школьная муниципальная программа», № 49). В первой из этих статей Н. К. Крупская призывала учительство «не к терпению, а к самодеятельности, к творческой революционной работе в области народного образования — рука об руку с массами». В других своих статьях она указывала пути улучшения положения детей и подростков. Перед демократизированным земством и городским самоуправлением она ставила задачи по организации яслей и детских садов, всеобщей бесплатной светской школы, связи обучения с производительным трудом; организации детских домов, бесплатного питания детей, организации педагогической пропаганды и ряда других мероприятий.

В дни Великой Октябрьской социалистической революции Надежда Константиновна работала в Выборгском комитете партии и в Смольном.

После победы советской власти, Н. К. Крупская была назначена членом Коллегии Наркомпроса, а в 1929 г. заместителем

Народного Комиссара по просвещению РСФСР; в этой должности она продолжала работать до последнего дня своей жизни.

В первом отчёте Народного Комиссариата просвещения с исключительной яркостью охарактеризована та обстановка, в которой началась в 1917 г. деятельность пришедших в здание бывшего Министерства народного просвещения большевиков, в числе которых была и Надежда Константиновна.

«Мы нашли там группу низших служащих, которые весьма дружественно, даже не без энтузиазма, приветствовали нас, а в остальном пустоту», — значилось в отчёте[1]. «Явился какой-то тип от чиновников министерства, который пытался с нами о чём-то договариваться в смысле, насколько помню, предоставления им права работать без нас до учредительного собрания, которое де и решит — принять нас или нет. Мы, конечно, прогнали этого субъекта. Затем мы остались в пустых комнатах, полных шкафами, и начали устраиваться.

Само собой разумеется, что, исходя из такого положения, мы должны были наделать массу ошибок, чувствовать подчас самое мучительное бессилие. Но нас это не остановило, общий импульс Октябрьской революции побеждал все препятствия».

Роль Надежды Константиновны в деле строительства советской школы трудно переоценить. А. В. Луначарский так охарактеризовал значение её деятельности в первый период работы Наркомпроса: «То были дни колоссального по своей творческой широте размаха, возможного только благодаря подготовленности и твёрдости педагогической мысли вдохновительницы Наркомпроса Н. К. Крупской» (А. Луначарский. Как мы заняли министерство народного просвещения, журн. «Народное просвещение», 1927, кн. 10). С самого возникновения Государственной комиссии по народному образованию, разработавшей в продолжение 1918 г. основные положения советской школы, Надежда Константиновна принимала участие в работе Комиссии.

Надежда Константиновна настойчиво способствовала расширению сети библиотек, изб-читален, клубов, школ и курсов для взрослых и росту их, как подлинных очагов коммунистического воспитания трудящихся.

Много энергии уделила Надежда Константиновна и сплочению передового учительства вокруг партии и советской власти. В связи с этим по поводу организации Союза учителей-интернационалистов она писала: «Учителя-интернационалисты на своём съезде сконструируются как идейная группа, никакими особыми привилегиями не пользующаяся, группа, которой суждено будет тогда сыграть крупную роль в духовном возрождении, в духовном подъёме всего учительства», (Н. Крупская, Вопросы народного образования, М. 1918, стр. 62).

Уйдя с головой в организацию советского просвещения в

---

[1] Народный комиссариат просвещения, 1917—октябрь—1920 г. Предисловие Луначарского.

стране, Надежда Константиновна в то же время не замыкалась в стенах Наркомпроса. Вместе с тов. Молотовым она поехала на агитпароходе «Красная звезда» по городам Поволжья, только что освобождённым от белых банд, выступала на многочисленных митингах рабочих, крестьян и красноармейцев, разъясняла политику партии и решения VIII съезда партии, в работе которого сама принимала активное участие.

В 1920 г. был создан Главполитпросвет и во главе его поставлена Надежда Константиновна. Но в то же время (с 1921 г.) она возглавляла и научно-педагогическую секцию ГУСа. Под её редакцией и под её непосредственным руководством выходили педагогические журналы «На путях к новой школе», «Коммунистическое просвещение», «Красный библиотекарь» и другие издания.

Принимая участие в разработке программ ГУСа, Надежда Константиновна в то же время подходила к ним сама критически и требовала такого же подхода со стороны педагогов.

Так, в 1928 г. она писала: «Важно сохранить дух программы, чтобы были соблюдены основные подходы, которые дали бы возможность ребёнку сознательно относиться к окружающему. Этот подход — сознательное отношение к окружающему — нужно дать всюду. Здесь идёт вопрос не о соблюдении каждой буквы программы, а о необходимости взять из этих программ основное, а сейчас, по правде сказать, когда, например, из Якутии ребятишки пишут о том, что они занимаются по программам ГУСа, то становится жутко». (Просвещение национальных меньшинств РСФСР, М. 1928, стр. 21.).

Интенсивную работу проводила Надежда Константиновна среди учителей на съездах, конференциях и совещаниях. В своих педагогических статьях и сборниках она освещала различные вопросы коммунистического воспитания. Много внимания уделяла Надежда Константиновна и работе среди женщин, комсомольцев и пионеров. Являясь одним из организаторов международного женского движения, Н. К. Крупская участвовала на международных конференциях женщин, происходивших во время конгрессов Коминтерна.

В 1924 г. умер Ленин.

В сильной, простой и трогательной речи, которую произнесла Надежда Константиновна, скорбя об этой великой утрате, она говорила: «Владимир Ильич хотел власти для рабочего класса. Он понимал, что рабочему классу нужна эта власть не для того, чтобы строить себе сладкое житьё за счёт других трудящихся; он понимал, что историческая задача рабочего класса — освобождение всех угнетённых, освободить всех трудящихся. Эта основная идея наложила отпечаток на всю деятельность Владимира Ильича.

Товарищи представители советских республик, республик трудящихся! К Вам обращаюсь я и прошу эту идею Владимира Ильича особенно близко принять к сердцу!»

В ответ на многочисленные выражения сочувствия со стороны трудящихся, Надежда Константиновна писала:

«Большая у меня просьба к вам: не дайте своей печали по Ильичу уходить во внешнее почитание его личности.

...Хотите почтить имя Владимира Ильича, устраивайте ясли, детские сады, дома, школы, библиотеки, амбулатории, больницы, дома для инвалидов и т. д. и самое главное, — давайте во всём проводить в жизнь его заветы».

После смерти Владимира Ильича Н. К. Крупская продолжала работать с прежней настойчивостью и энергией в Наркомпросе, в ЦК ВКП(б), членом которого она была избрана в 1924 г., продолжала писать по вопросам народного образования и одно время читала лекции по курсу политпросветработы в Академии коммунистического воспитания.

В 1930 г. Надежда Константиновна организовала Общество педагогов-марксистов и руководила им как председатель. По её инициативе были созданы советы народного образования на предприятиях, консолидировавшие рабочую общественность вокруг школьного дела.

Как в своей повседневной деятельности, так и в своих статьях и выступлениях Надежда Константиновна энергично боролась за выполнение решений партии и правительства о школе и учителе.

В связи с постановлением ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 года о школе, Надежда Константиновна писала: «Школа должна идейно влиять на ребят и закладывать у них основы коммунистического мировоззрения, сделать для них близким, понятным дело коммунизма. Школа должна вооружить ребят знанием. Переживаемая эпоха — эпоха высокого развития техники и науки. Надо подрастающему поколению овладеть техникой, овладеть знанием — без этого нельзя стать хозяином жизни. Вот почему ЦК в своём постановлении так усиленно налегает на поднятие вооружения знанием учащихся на высшую ступень. Нужны научно-обоснованные программы, нужны систематические знания, а не обрывки знаний, не какая-то мешанина из случайных отрывков знаний. Знание — сила. Молодёжь должна быть сильна знанием. Успехи индустриализации страны сделали возможным политехнизацию школы. Но дело это новое, требующее от педагогов очень серьёзной подготовки, которой у них часто нет. В результате неуменья увязать теорию с практикой незаметно соскальзывают на путь игнорирования теории, снижения её. Нельзя, чтобы труд заслонял знание. Это — возврат к старому, это — шаг назад. Надо труд осветить светом углублённого знания, осмыслить его, поднять его на высшую ступень» (из статьи «Важнейшие постановления партии», журн. «Народный учитель», № 9, 1931, стр. 28).

Академия наук в 1931 г. избрала Надежду Константиновну почётным академиком, а в 1936 г. она была также утверждена в учёной степени доктора педагогических наук.

Работоспособность Н. К. Крупской с годами не падала. Свой трудовой день она начинала зачастую с 5 часов утра. Переписка, которую она вела, была исключительно велика, в среднем в день она получала до 500 писем, и на все письма обращавшиеся получали тот или иной ответ. Особенно интенсивную переписку Надежда Константиновна вела с пионерами, комсомольцами, учителями. Эти её письма являются замечательным вкладом в педагогическую науку.

В ряде случаев Надежда Константиновна давала своим корреспондентам исчерпывающие указания большой глубины и принципиального значения. Так, например, известен ответ Надежды Константиновны одной учительнице-комсомолке, которая писала ей, что не может жить в деревне после того, как получила высшее образование, так как там скучно и её мысли и сердце в Москве.

На это письмо Надежда Константиновна дала следующий ответ:

«Вы комсомолка. Вы пишите, что Вы дочь социалистической родины, любите её, любите товарища Сталина. Если это так, то Вы не можете не понимать, что те достижения, которыми Вы так восхищаетесь, не с неба упали, что они завоёваны длительной, упорной борьбой. Вы читаете, вероятно, вышедший миллионными тиражами учебник по истории партии, продумываете его, читали, надо думать, книжку Ленина «Что делать?», где говорится о том, что делать партийцу, как он должен быть готов к героической борьбе и в то же время нести упорную повседневную работу, которая необходима для победы дела социализма. Вы человек с высшим образованием, значит прочесть и понять учебник по истории партии можете.

Вы читали, конечно, последнее постановление ЦК ВКП(б) о пропаганде и агитации, читали, что там сказано о нашей советской интеллигенции. Вы учительница, принадлежите к числу сельской интеллигенции, которая, засучив рукава, работает в деревне, понимая, что надо работать над поднятием культурного уровня села. Вы любуетесь героями-лётчиками, стахановцами. Вы читаете, конечно, газеты и не можете не делать для себя выводов о том, как Вам самой надо работать. Я думаю, причина Вашей небольшевистской фразы «не могу жить в деревне после того, как получила высшее образование» кроется в том, что Вы не ведёте общественной работы, стоите в стороне от жизни села, не стремитесь поднять советскую общественность на борьбу за культуру.

Возьмите себя в руки, разверните пошире общественную работу, прочтите учебник по истории партии, постановление о пропаганде и агитации.

Н. Крупская.

Голос Надежды Константиновны всегда звал учителей, учащихся, комсомольцев, пионеров и всех трудящихся итти прямым путём, указанным партией, товарищем Лениным, товарищем Сталиным.

* * *

Во всех своих выступлениях на совещаниях, на фабриках, на заводах, в своих статьях, книгах и брошюрах Н. К. Крупская рассказывала о том, как под руководством товарища Сталина осуществлены в советской стране заветы Ленина, как укрепляется дружба народов СССР, как растут успехи социализма.

Н. К. Крупская — активный участник великого строительства страны социализма — была членом ЦК Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), депутатом Верховного Совета СССР по Серпуховскому избирательному округу, членом Президиума Верховного Совета депутатов трудящихся СССР. За выдающуюся самоотверженную работу в области коммунистического просвещения Н. К. Крупская была награждена орденами Ленина и Трудового Красного Знамени.

Надежда Константиновна была участником всех (кроме пятого) съездов большевистской партии. «Вся её жизнь, начиная с тех дней, когда при зарождении партии она молодой девушкой вступила в революционное движение и до самой смерти была отдана борьбе за дело партии, за счастье трудящихся, за коммунизм» (журн. «Большевик», № 4, 1939).

«В непрерывном служении революционной идее, — писала о жизни Надежды Константиновны ещё в 1929 г. пламенный пролетарский революционер Клара Цеткин, — смысл и содержание её жизни. Коммунистическая идеология и самоотверженная работа во имя победы революции всегда сплетались для Надежды Константиновны в неразрывное целое» (К. Цеткин, Н. К. Крупская, журн. «Коммунистическое просвещение», № 2, 1929).

27 февраля 1939 г. перестало биться сердце пламенного революционера и замечательного деятеля просвещения.

Смерть Надежды Константиновны, отдавшей всю свою жизнь делу коммунизма, была большой потерей для партии, для трудящихся СССР. Она унесла выдающегося советского педагога, крупнейшего деятеля педагогической науки.

* * *

Основы теории воспитания нового общества заложены Марксом и Энгельсом и развиты Лениным и Сталиным.

Исходя из этих положений Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, Н. К. Крупская строила свои исследования. Активнейший участник строительства социалистической школы в СССР,

она глубоко и всесторонне разрабатывала вопросы коммунистического воспитания.

Роль Надежды Константиновны в деле строительства нашей школы трудно переоценить. Не было буквально ни одной проблемы в области просвещения, по которой она не писала бы или не выступала бы. Глубокое знание трудов Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, прекрасное знакомство с работами классиков педагогики, накопленный личный педагогический опыт давали ей возможность правильно разрешать труднейшие проблемы. Почти невозможно в одном очерке дать характеристику всех основных положений, выдвигаемых Надеждой Константиновной в своих работах, поэтому мы остановимся лишь на отдельных важнейших мыслях, высказанных ею, связанных с содержанием настоящего сборника.

«Чтобы правильно подойти к вопросу, каково должно быть коммунистическое воспитание, — писала Надежда Константиновна, — надо прежде всего дать себе отчёт в том, что за человек должен быть коммунист, что он должен знать, к чему стремиться, как поступать» (журн. «Юный коммунист», № 8—9, 1922).

Таким образом, во главу угла должно быть поставлено воспитание у наших детей коммунистического мировоззрения, горячей любви к родине, умение бороться за это мировоззрение, за свою любимую родину, за её идеи, за её великих вождей.

«Мы обязаны так воспитать учащегося, чтобы он научился понимать, что вокруг него делается, разбирался бы в механизме существующего строя, чтобы он изучал законы развития человеческого общества, понял взаимосвязь явлений и, главное, чтобы он понимал, куда идёт общественное развитие».

Но этого недостаточно, «надо знать, как надо строить новую жизнь, надо не только знать, но уметь это сделать».

Этим основным задачам должны быть подчинены преподавание каждого предмета и весь стиль работы в школе.

Поэтому, следует ли, чтобы преподаватель на уроках всегда, например, употреблял слово марксизм? Нет, конечно! Но Надежда Константиновна указывает, что все школьные занятия должны быть всегда насыщены духом марксизма: «Надо дать марксистское понятие окружающего, не говоря никаких больше слов», надо «создать программу, в которой может быть и не употреблялось слово марксизм, но которая, по существу дела, показывала бы связь явлений в настоящем виде». При этом особенно настойчиво выступала Надежда Константиновна против вульгаризации, против упрощенчества, при сообщении детям основных положений марксизма. «Конечно, это немного громкое слово, — писала она, — марксистское мировоззрение». Иногда такие большие слова повторяются ребятами. Ко мне недавно пришла девочка немного выше стола и на мой вопрос, что они делают в будни, не в праздники, а в будни в детском доме, очень важно мне ответила: «изучали ленинизм». Если ребята так станут говорить о мировоззрении, то это будет вредно, неестест-

нению, потому что у них нет ещё ясного представления о том, что такое мировоззрение» (из речи на II Всесоюзном съезде пионерработников).

Не по-начётчески следует обучать детей. Опытный педагог, — говорила Надежда Константиновна, — учитывая возраст детей, сможет дать всё существенно необходимое для формирования у них коммунистического мировоззрения без всякой вульгаризации. Уже с раннего возраста педагог должен нарисовать детям образы величайших людей человечества Ленина и Сталина и показать их замечательные дела. Учитель должен раскрыть в своём рассказе об этих гениях — идеал личности борца, революционера, патриота, мыслителя, учёного, человека, вождя всего прогрессивного человечества, тот непревзойдённый идеал, к которому дети затем должны стремиться всю свою жизнь. К сожалению, не все наши учителя умеют развернуть перед детьми на конкретном материале гениальные образы этих великих людей, величественных и живых.

Таким образом, яркое изучение жизни и деятельности Ленина и Сталина является обязательной неразрывной частью формирования коммунистического мировоззрения у детей.

Но мы воспитываем молодёжь, которая не только должна представлять себе основы коммунистического мировоззрения, но они должны быть у наших учеников руководством к действию, претворяться в жизнь, определять их поступки, их поведение.

Школа, пионерорганизация, комсомол должны уметь наладить коллективную работу учащейся молодёжи, ибо роль коллектива, его воспитывающее значение исключительно велики.

Здесь возможны ошибки, возможно непонимание того, что же такое коллективная работа, ибо «работать коллективно не значит просто работать вместе, в одном помещении, одну и ту же работу. Это самая простая форма сотрудничества. Коллективной работой называется такая работа, которая имеет общую цель... Это постоянное сознание себя, как части целого, имеет громадное воспитывающее, дисциплинирующее значение» (журн. «На путях к новой школе», № 1, 1923).

Индивидуальные черты члена коллектива отнюдь не будут нивелироваться, наоборот расцветут пышным цветом в интересах всего коллектива. Надо помочь ребёнку,—указывала Надежда Константиновна, — «осознать свои мысли и чувства — яснее мыслить и глубже чувствовать, надо помочь ребёнку это познание самого себя сделать средством познания других, средством более тесного сближения с коллективом, средством через коллектив расти вместе с другими и итти сообща к совершенной, новой, полной глубоких и значительных переживаний жизни» (сборн. «Художественное воспитание в школе», 1925).

Зачастую педагог не знает, как подойти к классу, на кого опереться, чтобы из разрозненных индивидуумов сплотить коллектив. Это происходит потому, что мы нередко в педагогической практике противопоставляем коллектив индивидуальному,

изучению ребёнка, индивидуальному подходу к ребёнку, к подростку. Это ошибочная позиция. Учитель часто рассуждает перед классом о коллективе, о необходимости коллективной работы и т. д., но не знает тех «единиц», из которых слагается его коллектив. Они все для него «на одно лицо». «Чтоб организовать коллектив, — советует Надежда Константиновна, — надо знать, что каждый из ребят может сделать, кто из них сильнее. Один умеет хорошо рассказывать, другой рисовать и т. д. И надо их научить так распределить между собой работу, чтобы получилась действительно коллективная работа. Коллективно — это никоим образом не значит однообразно работать».

Каждый школьник, как член коллектива, должен любить и гордиться своим коллективом, каждый пионер — своей пионер-организацией. Он должен беречь честь своего коллектива. В этом отношении большое воспитательное значение имеет символика. «У нас очень часто склонны с презрением относиться ко всему внешнему, — писала ещё в 1932 г. Надежда Константиновна, — также ко всякого рода значкам». Но значок, даваемый как символ принадлежности к какой-либо советской организации, «укрепляет связь между организацией и её членами и усиливает ответственность члена за свои поступки, ставит под общественный контроль члена коллектива» (цит. по сб. «Воспитание молодёжи в ленинском духе», Л. 1925, стр. 62—63).

Хороший учитель сумеет опереться на общественное мнение коллектива и правильно расценить каждый поступок ученика. Но значит ли это, что учитель и все нарушения дисциплины может ставить на обсуждение классного или школьного коллектива. Это не только невозможно, но и неразумно и вредно. Надо решительными мерами «охранять коллектив ребят от хулиганства, потому что дети очень впечатлительны, и хулиган может испортить всех». Надо реально расценивать обстановку в классе и школе. Нельзя подходить всегда с позиций «уговаривания» и отвлечённо-теоретических рассуждений. «Школу мы должны брать такой, какой она есть, и иногда по мотивам социальной защиты ребят итти на крайнюю меру. Меру исключения надо проводить» (из неопубликованного доклада в обществе педагогов-марксистов 14 октября 1932 г.).

Воспитывая советского гражданина, мы никогда не должны забывать и того, что мы живём в республике труда, мы не можем выпускать в жизнь из наших школ белоручек, мы не можем и не должны недоучитывать воспитывающей роли труда. «Нужны умелые руки в быту и на всякой технической работе, — писала Надежда Константиновна, обращаясь к пионерам. Белоручка не может быть папанинцем». «Интерес к технике надо будить с самого раннего возраста». Он зарождается у детей сам собой, но беда в том, что мы нередко этого не видим и даже заглушаем и топчем важное. Задача педагогов — воспитывать и правильно направлять этот интерес. Это сказывается, конечно, и на дисциплине. Школа должна дать основные трудовые на-

выки, школа (связываясь с семьёй) должна приучить и к бытовому труду. Но «было бы ошибкой думать, что школа может научить производительному труду; она учит только тому труду, который помогает в школе изучать настоящий труд (клейка, столярничество, лепка, рисование, элементарное шитьё и т. п.). «Настоящему труду научит только жизнь», — писала Надежда Константиновна в 1919 г. (Собрание сочинений, т. III, стр. 82). Разрабатывая вопрос обучения труду в школе и детских домах, Надежда Константиновна, как пример, подготовила в 1920 г. даже программу обучения девочек шитью в детских домах. Так, например, в первом полугодии, по её мнению, ученица должна свободно владеть иглой, машиной, обшивать и метать петли, швы, пришивать пуговицы, кнопки и крючки. Кроме того, дети должны уметь рассчитывать, какую работу можно в какое время произвести, знать основные виды, цены и свойства материи и прикладов. Во втором полугодии можно было бы дать уменье вырезывать материю по выкройке, накладывать и намеривать ее, приготовлять по шаблону детское платье обыкновенного фасона, гладкое из среднего материала. Девочки должны уметь высчитывать стоимость платья, время, потребное на его изготовление, подбирать цвета и подходящий материал. Третье и четвёртое полугодия — привить ученицам уменье изготовлять платье по фасонам. (К вопросу о постановке обучения труду, журн. «На путях к новой школе», № 1, 1926).

Как видим, Надежда Константиновна придаёт очень большое значение трудовым навыкам. Она пишет прямо: «Надо давать детям трудовые знания и навыки. Этого хотят родители, хотят рабочие, хотят крестьяне. Этого хотят сами дети. Этого страстно хотят беспризорные. Этого хотят пионеры». Но труд, как это подчёркивает Надежда Константиновна, ни в коем случае не должен препятствовать школьным занятиям, усвоению знаний, а дополнять их.

Таким образом, наша школа должна осуществлять «воспитание коллективиста, соединённое с воспитанием всесторонне развитого дисциплинированного человека, способного глубоко чувствовать, ясно мыслить, организованно действовать» (журн. «На путях к новой школе», № 10, 1927).

Такой человек должен быть ловким, смелым, физически закалённым, иметь достаточную военную подготовку, не только знать, за что мы должны бороться, но и уметь сражаться за нашу великую Родину, за её вождей. В ряде своих статей Надежда Константиновна развивает целую систему мероприятий военной и физической подготовки молодёжи. Ещё в 1918 г. (статья в приложении к «Известиям ВЦИК» № 3) Надежда Константиновна, в связи с постановлением ЦИК, подчёркивала, что основная задача военного воспитания юношества ложится на Народный комиссариат просвещения, и Наркомпрос поэтому обязан «озаботиться, чтобы школа воспитывала аккуратность и точность в исполнении каждой работы, чтобы школа разви-

вала инициативу, давала бы трудовые навыки, давала бы умение быстро приспособляться к новым условиям».

«В солдатах нового строя необходимо воспитать беззаветную преданность своему социалистическому отечеству, всемирному социализму, воспитать готовность защищать его до последней капли крови. И школа должна готовить убеждённых социалистов, безгранично преданных делу».

Но мы не должны забывать, что воспитание в советской школе не может осуществляться в отрыве от семьи. Надежда Константиновна огромное значение придавала семейному воспитанию, связи семьи со школой.

Выступая против допускавшейся некоторыми комсомольцами недооценки роли матери-воспитательницы в Советском государстве, Надежда Константиновна писала: «Материнский инстинкт даёт много радости женщине. В этом инстинкте нет ничего плохого. Мы считаем материнский инстинкт великой движущей силой, но, с другой стороны, мы, конечно, не будем женщину ограничивать только воспитанием детей. Мы не будем отрывать её от широкой общественной жизни. Вот к 8 марта в газете «За индустриализацию» была приведена замечательная цитата из Сталина. Он говорил о том, что нам не всё равно, как мать будет воспитывать своего ребёнка» («Комсомольская правда» от 5 июля 1935 г.). Надежда Константиновна требует, чтоб советская женщина училась воспитывать детей в «нашем духе».

В советской стране нельзя мыслить общественного воспитания без семейного. Именно общественное воспитание может углублять семейное, правильно его организовывать. Мать советских детей, воспитанная нами же, должна суметь «вложить в ребёнка с детства привычки, которые помогут ему развиться в человека будущего». Мать, по выражению Надежды Константиновны, естественная воспитательница. Её влияние на детей, особенно на малышей, огромно: оно кладёт печать на весь характер человека, на всё его дальнейшее развитие. Школа обязана помочь родителям (и матерям в первую очередь) правильно направить воспитание детей, ибо «можно воспитать из дочери рабыню, можно воспитать из неё мелкобуржуазную индивидуалистку, не интересующуюся окружающей её бурностремительной жизнью, стоящую в стороне от этой жизни и лишь бесконечно копающуюся в своих переживаниях, можно воспитать из девчурки коллективистку, активную строительницу социализма, человека, черпающего радость в дружном труде, в борьбе за великие цели, настоящую коммунистку» (журн. «Юный коммунист», № 8, 1935).

Сложные вопросы семейной педагогики могут быть разрешены только при тесном контакте родителей и школы.

Дома, так же, как и в школе, должна вырабатываться любовь к повседневному обыденному труду, должны всячески вытравляться «барские» привычки.

Лишь выступая рука об руку, школа и семья смогут преодо-

леть трудности, которые встречаются в практике воспитания подрастающего поколения.

«Наши дошкольные учреждения, наша советская школа должны служить образцом того, как надо воспитывать из ребят новых людей — строителей социализма. Сочетание общественного воспитания, которое даётся в наших дошкольных учреждениях, в наших школах, с воспитанием семейным, где сердца матерей горячо бьются за дело социализма, — создаёт замечательное поколение людей» (журн. «Юный коммунист», № 8, 1935).

* * *

Освещая в нашем очерке лишь некоторые проблемы, которые разрабатывала Надежда Константиновна, мы считаем необходимым остановиться ещё на одном вопросе. Надежда Константиновна была одним из первых советских педагогов, разгадавших реакционную сущность германской педагогики. Ещё в своей классической работе 1915 г. «Народное образование и демократия» Надежда Константиновна установила, что считавшийся «прогрессивным» известный педагог Кершенштейнер «не внушает правительству Баварии опасений, он далёк от всякого демократизма. Он преклоняется перед буржуазным государством, блюдёт пуще всего его интересы и с ними сообразует свою педагогическую деятельность».

В другой своей статье 1917 г. («Дорогу таланту») она подчеркнула, что в современной Германии «приходят Кершенштейнеры, Ферстеры и Наторпы, овладевают душой ребёнка и прочно закладывают в нём преклонение перед существующим немецким государством, приходят с проповедью единства немецкой школы». Эта школа, как писала далее Надежда Константиновна, является базой для пропаганды крайнего шовинизма и человеконенавистничества. «Вся творческая работа детей направлена в военное русло».

Далее в небольшой своей работе «Война и немецкая народная школа» Надежда Константиновна, противопоставляя демократические цели педагогики Песталоцци и Гораса Манна — целям «государственной» педагогики империалистической Германии, указывает, что «народная» школа в Германии диаметрально противоположна лучшим идеям прошлого, её цели совершенно иные: «воспитание солдата без мысли». «Ученик — лишь средство для достижения государственных целей. Ради этих целей воспитываются в нём известные взгляды». «Учителя — средство для проведения этих целей».

Это писала Надежда Константиновна задолго до захвата власти фашизмом, но она наметила правильный прогноз дальнейшей линии реакции в области педагогики в Германии: ещё большее пренебрежение к правам ребёнка и человека, ещё большее превращение школы в орудие реакционной политики, в орудие оголтелой военщины.

Надежде Константиновне не суждено было дожить до Вели-
кой Отечественной войны. Она не дожила до времени полного
разгрома фашизма, но дожили её дела, ибо и её воспитанники
под водительством великого Сталина отстояли независимость
своей Родины, разгромили коричневую чуму и принесли освобо-
ждение всему миру.

Н. А. Константинов и Н. А. Зинсер

I

ПРОИЗВЕДЕНИЯ Н. К. КРУПСКОЙ, НАПИСАННЫЕ ДО ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1899—1917 гг.)

ЖЕНЩИНА И ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ

Семейная жизнь связана для женщины-работницы с неустанной заботой о детях. О воспитании обыкновенно нет и речи, речь идёт лишь о том, как бы прокормить детей.

С детьми сразу крестьянке прибавляется забот. Не ведь работать, не ведь с детьми возиться. Работа не ждёт, и крестьянка уходит на работу, оставляя детей под присмотром какой-нибудь немощной старухи или тех ребятишек, что постарше. Всякий, кто живал в деревне, знает, что это за присмотр. Грудного ребёнка пичкают прокислым рожком (мать кормит ребёнка случайно, когда удосужится), всякой зеленью, жёваным чёрным хлебом, грязят в люльке, пока ребёнок не теряет сознания, держат в душной избе закутанным в тулуп, а вечером чуть не нагишом тащат за ворота. Постоянно слышишь, что какая-нибудь 6—8-летняя нянька то уронила и зашибла ребёнка, то «сожгла» его, то ещё сотворила с ним что-нибудь такое, что может прийти в голову только шестилетнему ребёнку... Но даже если и сама мать возится с ребёнком, дело немногим лучше. Она не имеет никакого понятия о том, как устроен человеческий организм, как развивается ребёнок, что нужно для того, чтобы ребёнок рос сильным, крепким, здоровым. При уходе за ребёнком крестьянка руководится больше обычаем да предрассудками. Да если бы она и знала, как надо ухаживать за ребёнком, она при всём желании не могла бы делать того, что надо. Ребёнку нужны чистота, теплота, лёгкий воздух, а в избе живёт десять человек, изба не топлена, в избе тулупы, телята и проч. Поневоле махнёшь рукой. Заболеет ребёнок, и мать совсем не знает, чем помочь ему, лечить большею частью негде. Хуже всего, если болезнь заразная — оспа, скарлатина, и проч.: больного ребёнка надо бы отделить от здоровых, а как это сделать в деревне, когда вся семья живёт в одной избе? И дети заражаются друг от друга и умирают без всякой помощи. Ничего нет мудрёного, что в деревне половина детей умирает до пятилетнего возраста. Выживают только самые крепкие.

Посмотрим теперь, как обстоит дело с школьным обучением крестьянских детей. Очень часто в деревне нет никакой школы, и грамоте можно выучиться только случайно. Но даже и тогда, когда в деревне есть школа, родители часто не могут посылать в неё своих детей. Дети нужны дома, им нужно нянчить младших братьев и сестёр, пасти овец, помогать дома делать всякую работу, нет другой раз одёжи, в которой могли бы ходить в школу, в особенности, если школа где-нибудь в соседнем селе. Те дети, которые ходят в школу, выучиваются там лишь кое-как читать, писать да считать, и то плохо. Школы у нас в России очень плохие, учителям запрещают учить детей чему-либо, кроме грамоты. Правительству выгодно держать народ в невежестве, и потому в школах запрещают рассказывать детям и давать им читать книжки о том, как другие народы завоевали себе свободу, какие у них законы и порядки: запрещают объяснять, почему у одних народов одни порядки, у других другие, почему одни люди бедны, другие богаты. Одним словом, в школах запрещают говорить правду, а учителя должны только учить детей почитать бога и царя. Чтобы какой-нибудь учитель не обмолвился словом правды, за этим строго смотрит начальство, да и в учителя-то стараются выбрать таких людей, которые сами ни о чём понятия не имеют. И выходит ребёнок из школы таким же малознающим, каким и поступил в неё. Сама мать обыкновенно научить своих детей ничему не может, так как и сама ничего не знает[1]. Вот как говорит про темноту русской крестьянской женщины Лев Толстой в своей драме «Власть тьмы» устами отставного солдата: «И что вы, бабы, знаете? Всё равно, как щенята слепые в навоз носом тыкаетесь. Мужик хоть в солдатах побывает, на чугунке, в городе ходит, а вы что знаете, что видали? Кроме своих бабьих пакостей, ничего не знаете». Самое большее, если женщина научит сына соблюдать посты и церковные обряды, бояться бога и старших, почитать богатых, научит смирению да терпению... Только вряд ли от этого станут её дети счастливее и свободнее, станут лучше понимать смысл слов: «все за одного, один за всех», вряд ли будут лучше уметь добиваться справедливости и стоять за правду.

То, что мы сказали о крестьянке как воспитательнице, применимо и к женщине-матери, работающей в кустарной промышленности. Она знает так же мало, как и крестьянка, так же завалена работой, так же бессильна в деле воспитания своих детей. Дети в кустарной промышленности привлекаются к труду с 5—8 лет. Им поручаются какие-нибудь несложные операции, но работают они наравне со взрослыми, часто по столько же часов, как и те. Такая работа действует разрушающе на детский организм, подтачивает здоровье и притупляет умственные способности ребёнка. Без движения, без чистого воздуха, в душной

[1] Женщина в доме — раба, и это её зависимое положение кладёт на неё свой отпечаток. Она — существо бесправное, придавленное. *(Примечание Н. К. Крупской)*.

избе ребёнок хиреет, однообразная работа с утра до ночи не даёт пищи его уму, не развивает его, он становится вялым, тупым. Ни о какой школе не может быть и речи. Кустарь только тогда может кое-как прокормиться, когда вся его семья — и старики, и дети, работают, не покладаючи рук. Какая уж тут школа!

Фабричная работница отличается слабым здоровьем. Женский организм ещё хуже переносит вредные условия фабричного труда. А слабая, больная женщина родит и слабых детей. «Выходя замуж, работницы на спичечных фабриках (женщины и дети составляют большинство рабочих на спичечных фабриках), — говорит один исследователь, — являются рассадником такого же, как и они сами, хилого, полуживого поколения, отягощённого целым рядом болезней, которые ведут его к ранней могиле». В нашем фабричном законодательстве нет никаких ограничений, никаких облегчений работы беременных женщин. Лишь в правилах о хранении и расходовании штрафного при фабриках капитала сказано, что из штрафного капитала «можно», между прочим, выдавать пособия работницам, находящимся в последнем периоде беременности и прекратившим работу за две недели до родов. Таким образом, никакой обязательной выдачи пособий не установлено, говорится только, что такое пособие выдавать «можно», т. е. эта выдача вполне предоставляется на усмотрение фабрикантов. На деле эти пособия почти нигде и не выдаются. Не получая пособия, боясь потерять работу, женщина работает на фабрике чуть не до последнего дня и приходит на работу, ещё не оправившись от родов. Потому-то так часто и бывают у фабричных женщин выкидыши, преждевременные роды и всякого рода женские болезни. С детьми фабричной работнице приходится очень трудно. Придя усталая с фабрики, она должна приниматься за стирку, шитьё, уборку, должна кормить, обмывать детей. Иногда ей приходится целые ночи напролёт нянчиться с больным ребёнком. Обыкновенно мать рада-радёхонька, если какая-нибудь соседка надоумит её поить ребёнка маком, ребёнок спит спокойно, а мать и рада. Она и понятия не имеет о том, что таким питьём она отравляет своего ребёнка (в маке много опиума, а опиум — страшный яд), что от такого питья ребёнок может сделаться в будущем полным идиотом. Днём, уходя на работу, фабричная работница оставляет детей на попечение какой-нибудь соседки-старухи, а когда они подрастут несколько, то и без всякого призора. Дети почти что растут на улице. Они недоедают, мёрзнут, ходят оборванные, грязные, с раннего детства наглядятся на всё, — на пьянство, разгул, драки и проч. Так растут дети дошкольного возраста. В городе школы есть, но городские и пригородные школы обыкновенно бывают переполнены, так что попасть туда очень трудно, а при фабриках и заводах не всегда бывают школы. Закон «предоставляет» фабрикантам устраивать школы для детей рабочих, но устройство школ не вменяется в обязанность. Таким образом,

в школу попадают далеко не все дети рабочих. Когда дети войдут в тот возраст, что их берут на фабрику (по нашему фабричному законодательству дети принимаются на фабрику 12-ти лет), они начинают сами содержать себя и становятся скоро совершенно самостоятельными. В общем фабричная работница видит много горя с детьми, много забот, но бывает она с ними редко, и дети вырастают наполовину чужими для нее.

Если мы примем во внимание, как трудно фабричной работнице приходится с детьми, особенно, если ребёнок незаконный и содержание его всецело падает на мать, то поймём, почему женщина часто бывает вынуждена отдавать своих детей или в воспитательный дом, или на выращивание какой-нибудь женщине, специально этим занимающейся. В газетах не раз сообщалось, что в том или другом большом промышленном городе обнаружена «фабрика ангелов». Какая-нибудь женщина промышляет тем, что берёт на воспитание за известную плату грудных детей и голодом, опиумом и тому подобными средствами старается как можно скорее отправить их на тот свет, попаделать из них «ангелов». Начинается дело, и делательница «ангелов» отправляется на каторгу, а где-нибудь в новом месте возникает новая «фабрика ангелов», порождаемая теми же самыми условиями: невозможностью для фабричной работницы прокормить своего ребёнка.

Такая же участь ожидает и ребёнка женщины, живущей по местам прислугою. Прислуге не полагается иметь семью. Прислугу нанимают сплошь и рядом с условием, чтобы к ней не ходили в гости мужчины, и неохотно берут на место замужнюю женщину, к которой ходит муж. С детьми прислугу не берут никогда. Таким образом, поступая на место, прислуга запродаёт всё своё время. В этом отношении её положение ещё хуже, чем положение фабричной работницы. Та отработает положенное число часов, а затем сама себе хозяйка, прислуга же, живя на месте, никогда не может располагать собой. Всё её время принадлежит хозяевам. Хозяева обыкновенно не допускают, чтобы прислуга часть своего времени посвящала ребёнку, и поэтому ей приходится волей-неволей отдавать ребёнка кому-нибудь на воспитание — тогда бо́льшая часть её заработка уходит на содержание ребёнка, — либо опять-таки в воспитательный дом...

Итак, мы видим, что в бо́льшинстве случаев женщина-работница поставлена в полную невозможность разумно воспитывать своих детей. Она совершенно не подготовлена к роли воспитательницы: она не знает, что вредно, что полезно ребёнку, не знает, чему и как учить его. «Не учившись, не починишь и старый башмак», — говорит в своей известной брошюрке о женском рабочем движении в Германии немецкая социалистка Цеткин[1].

[1] К. Цеткин — одна из самых выдающихся и талантливых руководительниц женского рабочего движения в Германии. (*Примечание Н. К. Крупской*).

Неужели же для того, чтобы воспитать человека, не надо особой подготовки?! Но если бы женщина-работница и была подготовлена к роли воспитательницы, то при тех условиях, при которых она живёт теперь, это было бы почти что не к чему. У неё нехватило бы ни времени, ни средства воспитывать своих детей. Одно, о чём она может ещё заботиться, — это чтобы её дети были сыты, одеты, обуты. Но часто она не в состоянии даже обеспечить своим детям сытого существования и вынуждена бросать их на произвол судьбы. Таково положение вещей при теперешнем строе.

Как будет поставлено дело воспитания при социалистическом строе? Мы уже говорили, что социалисты хотят общественного воспитания детей. «Эти ужасные социалисты, — восклицает негодующий буржуа, — хотят разрушить семью, отнять детей от родителей!» Всё это, конечно, нелепый вздор, ни о чём подобном и речи нет, отнимать детей от родителей никто никогда и не собирался. Когда говорят об общественном воспитании детей, то под этим прежде всего понимают то, что забота о содержании детей будет снята с родителей и что общество обеспечит ребёнку не только средства к существованию, но будет заботиться о том, чтобы у него было всё, что необходимо для того, чтобы он мог полно и всесторонне развиваться. Самое трудное время — это период воспитания детей в дошкольном возрасте. Уже в настоящее время в западноевропейских странах существуют так называемые «детские сады». Матери, отправляющиеся на работу, отводят туда своих маленьких детей и оставляют их там до своего возвращения с работы. Они могут спокойно заниматься своей работой, потому что никакая беда не может случиться с их малышами: в детском саду занимаются с детьми много учительниц, которые с любовью берегут их. Смех и детский говор оглашают дом и сад. На первый взгляд может показаться, что в детском саду нет никакого порядка, но это только так кажется. В занятиях детей соблюдается строгий план. Дети поделены на группы, и каждая группа занята своим делом. В саду дети роют землю, поливают и полют грядки, в кухне чистят овощи, моют посуду, строгают, клеят, шьют, рисуют, поют, читают, играют. Всякая игра, всякое занятие учит чему-нибудь, а главное — ребёнок приучается к порядку, к труду, приучается не ссориться с товарищами и уступать им без капризов и слёз. Учительницы умеют занять и трёх-четырёхлетних малышей, во-время накормить их, уложить спать. На полу расстилаются широкие тюфяки, и детвора лежит рядком, прикрываясь одним общим одеялом. Как не похоже это времяпрепровождение в детском саду на то бесцельное скитание из угла в угол, на которое обречены дома дети, с которыми некогда заняться. «Не мешай! не лезь, отвяжись!» слышат дома дети постоянные окрики. Впрочем, надо оговориться, что хороших детских садов в настоящее время очень мало и в Западной Европе. Мы привели описание детского сада лишь для того,

чтобы показать, что воспитание детей может начинаться с очень раннего возраста и что в общественном детском саду дети могут проводить время с громадной пользой для себя и гораздо веселее, чем дома. Если хорошие детские сады возможны и в настоящее время, то они будут гораздо лучше в социалистическом обществе. Так как в таких садах будут воспитываться дети всех членов общества, то все будут заинтересованы в том, чтобы сады были устроены как можно лучше. Из детского сада дети будут переходить в школу. Школа в социалистическом обществе, конечно, не будет похожа на теперешнюю школу. В будущей школе ученики будут приобретать гораздо больше знаний, они будут в то же время приучаться в школе и к производительному труду, а главное, школа будет не только учить, она будет развивать в них все силы, духовные и физические, будет воспитывать из них полезных, энергичных граждан.

Буржуа, которого не гнетёт забота о том, как прокормить и вырастить детей, который может предоставить в распоряжение своих детей несколько светлых комнат, может доставить им всевозможные удобства, который нанимает для своих детей всяких мамок, нянек, гувернанток, бонн, учителей, — может с негодованием относиться к общественному воспитанию детей. Женщина-работница не может не оценить всех благ общественного воспитания. Материнское чувство заставляет её желать общественного воспитания детей, социалистического строя, победы рабочего дела!

1899 г.
«Женщина-работница»,
М. Гиз, 1926, стр. 24—31.

СЛЕДУЕТ ЛИ ОБУЧАТЬ МАЛЬЧИКОВ «БАБЬЕМУ ДЕЛУ»?

В «Отчёте комиссии по народному образованию в С.-Петербурге за 1908 г.» один из экспертов, делая отзыв о преподавании рукоделия, говорит: «По рукоделиям я должен с величайшей радостью засвидетельствовать, что к занятию ими почти во всех уже училищах смешанного типа привлечены не одни девочки, а и мальчики, и последние столь охотно занимаются, что в иных школах превосходят в успешности девочек, например, в шитье и плетении».

Эта выдержка из вышеуказанного отчёта была помещена в в декабрьской книжке «Вестника воспитания» за прошлый год в отделе хроники, причём составитель хроники выражает некоторое сомнение, так ли это уж полезно обучать мальчиков шитью.

Мне хочется сказать по этому поводу несколько слов.

Прежде всего поставлю вопрос в более общей форме: следует ли обучать мальчиков тем отраслям труда, которые до сих пор считались делом исключительно женским: шитью, стряпне, стирке, уходу за маленькими детьми и пр.?

В современном обществе семейная жизнь сопряжена — и это, вероятно, будет ещё долго так — с рядом мелких забот, связанных с ведением обособленного домашнего хозяйства. В будущем преобразование производства и изменение условий общественной жизни внесёт в эту сторону дела значительные перемены, но пока что семейная жизнь сопряжена со стряпнёй обеда, приборкой комнат, шитьём и чинкой одежды, с выращиванием детей и пр. Вся эта работа всецело падает на женщину.

В семьях, пользующихся достатком, этот труд сваливается на наёмную женскую прислугу — кухарку, горничную, няньку. Состоятельная женщина освобождает себя от него тем, что сваливает этот труд на другую женщину, не имеющую возможности освободить себя от него. Но так или иначе, а вся работа по хозяйству падает исключительно на женщину. В рабочей среде муж помогает иногда жене управляться с хозяйством. Там нужда заставляет. Вернувшись с работы, в праздник, в дни безработицы рабочий и в лавочку, другой раз, сходит, и комнату подметёт, и ребёнка понянчит. Не всегда и не всякий, конечно, делает это, да и многого он не умеет делать (шить, стирать), и жена, которой тоже целый день иногда приходится работать вне дома, вернувшись, хватается за стирку, мытьё полов и до глубокой ночи сидит за шитьём, в то время как муж давно уж спит. Но если в рабочей среде бывает иногда, что муж помогает жене справлять домашнюю работу, то в так называемых интеллигентных семьях, как бы скудны ни были их средства, мужчина всегда стоит в стороне от хозяйства, предоставляя жене возиться с своим «бабьим делом», как она знает. «Интеллигент», моющий пол или штопающий бельё, вызвал бы насмешки со стороны всех окружающих.

В буржуазной печати (особенно на Западе) очень много говорится на ту тему, что домашнее хозяйство это та область, где женщина наиболее плодотворно может применить свои силы. Истинно великое создаётся человеком лишь в той области труда, которая наиболее соответствует его индивидуальности, а индивидуальность женщины такова, что ей больше всего соответствуют мелкие хозяйственные заботы. Женщина должна заботиться о том, чтобы быть образцовой хозяйкой, а не стремиться выйти из сферы семейной жизни и конкурировать с мужчиной в области умственного труда. Нечего де с презрением относиться к стиранию пыли и штопке чулок — это занятие достойно всяческого уважения, а никоим образом не презрения.

Насколько лицемерны эти речи, видно из того, что мужчины, разглагольствующие о великом уважении, которое заслуживает работа по домашнему хозяйству, никогда не нисходят до того, чтобы принять в нём деятельное участие. Почему? Да потому, что в глубине души они этот труд презирают, считая его делом, достойным лишь существа менее развитого, с более низкими потребностями.

Все эти разговоры о том, что женщина «самой природой

предназначена» к ведению домашнего хозяйства, такие же дурацкие, как те речи, которые в своё время велись рабовладельцами о том, что рабы «самой природой предназначены» к тому, чтобы быть рабами.

По существу в занятии домашним хозяйством нет ничего такого, что бы делало это занятие более соответствующим индивидуальности женщины, чем индивидуальности мужчины. Женщине не под силу выполнение некоторых работ, требующих большой физической силы, но почему мужчина не может, сообща с женщиной, выполнять работы по хозяйству? Дело тут не в том, что домашнее хозяйство — прирождённая сфера женщины, а в том, что мужу приходится работать большую часть вне дома для заработка. Поскольку это имеет место, постольку ведение домашнего хозяйства исключительно силами женщин имеет известное основание. Но поскольку женщина всё более и более вынуждена тоже посвящать своё время заработку, постольку домашнее хозяйство ложится на неё добавочным бременем, и несправедливо, что мужчина не приходит ей тут на помощь. Точно так же, если мужская профессия такова, что оставляет мужчине много свободного времени, несправедливо, что мужчина считает ниже своего достоинства наравне с женой выполнять домашние работы.

Свободная школа борется со всеми предрассудками, портящими жизнь людей. Предрассудок, что занятие домашним хозяйством есть занятие, достойное лишь существа с низшими потребностями, портит отношения между мужчиною и женщиною, внося в них начало неравенства. Не одну женскую жизнь заел этот предрассудок, не в одну семью внёс он отчуждение, взаимное непонимание.

Надо, чтобы и мальчики, и девочки одинаково учились делать всё необходимое по хозяйству и не считали бы выполнение этого дела чем-то недостойным себя.

Кто наблюдал детей, тот знает, что в раннем детстве мальчики, так же охотно, как и девочки, готовы помогать матери и стряпать, и мыть посуду, и делать любое дело по хозяйству. Всё это кажется таким интересным. Но обыкновенно в семье с самых ранних лет начинают проводить разницу между мальчиками и девочками. Девочкам дают поручения вымыть чашки, накрыть на стол, мальчику говорят: «Что ты всё в кухне толчёшься, разве это мужское дело?» Девочкам дарят куклы, посуду, мальчикам — паровозы, солдатиков. К школьному возрасту в мальчике в достаточной мере воспитано уже презрение «к девчонкам» и их занятиям. Правда, это презрение ещё очень поверхностного свойства, и стоит в школе повести другую линию, и это презрение к «бабьему делу» быстро исчезнет. В этих целях надо обучать и мальчиков, наравне с девочками, шитью, вязанью, чинке белья — всему тому, без чего нельзя обойтись в жизни и незнание чего делает человека беспомощным, ставит в зависимость от других. Если поставить это обучение как следует, есть основа-

мне думать, что мальчики возьмутся за него охотно, чему мы видим пример в петербургских школах.

...А затем следует возложить на самих детей (без разделения труда между мальчиками и девочками) и приготовление, посредственно, школьных завтраков, мытьё посуды, приборку комнат, наблюдение за чистотой и пр. Желание быть полезным, хорошо выполнить возложенное на него дело, увлечение работой заставят мальчика очень скоро позабыть о своём презрении к «бабьему делу».

Конечно, было бы смешно ожидать от обучения мальчиков «бабьему делу» великих последствий, но это одна из тех мелочей, которые создают общий дух школы и на которые следует обращать внимание.

«Свободное воспитание»,
1909—1910, № 10, стр. 55—60

САМОУБИЙСТВА СРЕДИ УЧАЩИХСЯ И СВОБОДНАЯ ТРУДОВАЯ ШКОЛА

На основании донесений попечителей учебных округов врачебно-санитарный отдел министерства народного просвещения составил отчёт о самоубийствах среди учащихся за 1909 г.

Это — один из ужаснейших «человеческих документов». Сухие цифры говорят о том, что с каждым годом растёт то, чему нет имени на человеческом языке, — самоубийство детей и подростков. В 1906 г. насчитывалось 44 самоубийства учащихся, в 1907—74, в 1908—83, 1909—143. Это не считая покушений на самоубийство, которых в 1909 г. было 69.

Но ведь в факте самоубийства ребёнка или подростка ужасен не самый факт смерти. Жаль, конечно, молодую гибнущую жизнь, но ведь сама по себе это вещь довольно естественная и обыдённая. Ужасает то, что ребёнок мог дойти до такого отчаяния. А с точки зрения душевного состояния самоубийство или покушение на самоубийство разницы не составляет.

Итак, в 1909 г. более 200 человек учащихся доведены до самоубийства.

Речь идёт только об учащихся. Самоубийства детей, не посещающих школу — ремесленных учеников, мальчиков, служащих в лавках и пр., и пр., — в счёт здесь не идут. Речь идёт о гимназистах, реалистах, гимназистках, институтках и проч. (учащиеся средне-учебных заведений составляют свыше 70% всех учащихся-самоубийц).

Естественно возникает вопрос: какую роль играет в самоубийствах учащихся школа?

Одна маленькая цифра весьма красноречиво говорит о роли школы в этом отношении. В то время, как в мае месяце — во время экзаменационной страды — число самоубийств равнялось 21, в июле, когда школьная жизнь замирает, число самоубийств ничтожно, — их всего два.

Посмотрим, каковы были причины самоубийства. В 44 слу-

чаях причины остались совершенно неизвестны. В 6 случаях отчёт указывает, как на причину самоубийства, умопомешательство, в 10 — утомление жизнью, в 9 — неврастению.

Вопрос же о том, почему это 12—16-летние дети сходят с ума, одержимы неврастенией, так страшно утомлены жизнью, остаётся открытым. В большинстве случаев указываются лишь поводы самоубийств. В 9 случаях поводом были дурные отметки, провал на экзамене, исключение; в 14 — страх наказания со стороны родителей за неуспешность, в остальных случаях поводы были, так сказать, посторонние: в 14 случаях — неудачная любовь, в 18 — семейные неприятности и пр. И опять-таки остаётся открытым вопрос: почему такие вещи, как «измена Сонечки» или семейные неприятности, заставляют подростка пускать себе пулю в лоб в период школьных занятий, особенно в период экзаменационной горячки, и худо ли, хорошо ли, но выносятся в каникулярное время? Или почему эти вещи легче переносились в 1906 г., когда школа пользовалась относительной свободой, а в 1909 г., когда школа подтянута, что называется, во всю, самоубийства учащихся достигли таких невероятных размеров?

Вообще отчёт не выясняет причины самоубийств, — из него лишь видно, что дети так несчастны, что достаточно часто совершенно ничтожного повода, чтобы чаша оказалась переполненной, что ничто не привязывает их к жизни, что, окруженные родителями, учителями, товарищами, они страшно одиноки, что окружающие совершенно не интересуются внутренним миром ребёнка, да и сам он не может, не умеет ни с кем сблизиться, весь уходит в себя и бродит дикарём, «бесприютен и сир», чувствует себя ненужным, лишним, всем чужим.

Видно из отчёта ещё и то, что школа не только не вносит мира в душу ребёнка, а напротив, усугубляет его мучительное душевное состояние.

По поводу отчёта человеки в футляре станут вновь утверждать, что самоубийства детей и подростков растут благодаря той распущенности, которая якобы царит среди учащихся, будут говорить, что надо усилить над ними надзор, строго наблюдать за тем, чтобы гимназисты не гуляли с гимназистками в городских садах, чтобы учащиеся аккуратнее посещали церковные слу́жбы и не ходили с оборванными пуговицами, так как беспорядок в одежде ведёт к беспорядку в мыслях. Родители и вообще люди благожелательные будут говорить о том, что надо более гуманности и мягкости в отношениях к ученикам, что надо так распределять время, чтобы дети не переутомлялись, что необходимо отменить экзамены и т. п.

И лишь немногие, перечитывая отчёт, придут к заключению, что растущие с каждым годом самоубийства учащихся как нельзя более красноречиво иллюстрируют полную непригодность всей современной школьной системы, указывают на полное её крушение и вопиют о необходимости создания новой,

свободной, построенной на совершенно иных педагогических основах школы.

Скажут: нельзя ставить целиком на счёт школы самоубийства учащихся: первенствующую роль играет в этом отношении российская действительность, гнетуще действующая на психику детей.

Конечно, смешно было бы отрицать влияние окружающей общественной среды и обстановки. Но современная школа не только не борется с этим гнетущим влиянием, не только не в силах ему что-либо противопоставить, — она сама действует в том же направлении, убивая в ребёнке всякую энергию, всякую жизнерадостность.

Кроме того, влияние школы слишком слабо потому, что она не будит самодеятельности учащегося, не отвечает на его умственные и нравственные запросы, не захватывает его целиком, а заставляет его лишь пассивно воспринимать «преподаваемое ему ученье». Вот почему, несмотря на то, что со школой связано почти три четверти жизни ребёнка, школа остаётся для него чем-то сторонним, чуждым. Один французский писатель, Кузинэ, хотя горячий защитник современной рутинной школы со всеми её отрицательными сторонами, но умеющий недурно наблюдать детей, отмечает, что французские дети смотрят на школу, как на нечто нереальное, искусственное, далёкое от жизни с её яркими радостями и горестями. Жизнь, по их мнению, начинается лишь за стенами школы, в школе же все выдуманное, невзаправдашнее, никчемушное, всё делается так себе, «нарочно». Если учитель сердится, так это не потому, что он действительно огорчён ли возмущён, а так, по обязанности, если детям дают какую-нибудь работу, то не потому, что их труд был на что-либо нужен, а только для порядка. И Кузинэ отмечает слабое воспитательное влияние такой чуждой детям школы.

Если это верно по отношению к французской школе, то что же сказать про нашу, русскую?

Возьмите наших гимназистов, — как мало у них школьных воспоминаний. Лучшие годы жизни проходят для них, как какой-то мутный сон; потом и помянуть их нечем. Конечно, такая школа не может бороться с влиянием окружающей обстановки.

И потому ещё школа бессильна в этой борьбе, что она страшно оторвана от жизни. Школа с её грамматиками, историями и пр. сама по себе, а жизнь с её сложными вопросами сама по себе. Вопросы, выдвигаемые жизнью, настоятельно требующие ответа, в школьные программы не входят, и их учащийся должен решать сам, как знает. А ведь в теории считается, что школа готовит ученика к жизни. Правда, «подготовка к жизни» понимается весьма узко. Подготовка к жизни сводится к тому, что школа стремится дать ученику известные знания и умения, закрепляемые правами, которые дадут ему в будущем возможность занять известное общественное положение: получить место, должность, заняться той или иной интеллигентной профессией.

Но о самой главной подготовке к жизни, — о том, чтобы подготовить учащегося к жизни среди людей, ведь он не Робинзон какой-нибудь, и жить ему приходится среди людей, какой бы профессией он ни занимался, — школа заботится весьма мало. Она совершенно не заботится о развитии в учениках общественных инстинктов, о развитии в них понимания окружающих, стремление и умение быть всегда, на всяком месте полезным людям. А ведь только одно это может сделать человека счастливым, одно это может застраховать от того ужасного душевного состояния одиночества, ненужности, которое так часто толкает теперь юную, полную сил жизнь на самоубийство.

Чтобы легче жилось с людьми, чтобы складывались с ними близкие, тёплые отношения, надо уметь внимательно относиться к людям, уметь становиться на их место, влезать в их шкуру, уметь отыскивать во всяком человеке искру божию. Большую роль в этом отношении могут сыграть произведения великих писателей, умеющих поднимать завесу над святая святых человеческой души, но необходимо, чтобы человек умел читать не только книгу, но живую жизнь. Для этого ему надо уметь наблюдать жизнь, людей, нужно постоянно живое общение с людьми, лучше всего общение по совместной работе, которая сближает, соединяет людей. Что делает в этом отношении современная школа? Она искусственно отрывает ученика от людей. Всё время поглощает у них школа, приготовление уроков; на общение с людьми вне школы времени почти нет. С кем имеет дело ученик в школе? С учителями, с товарищами. Учитель учит, ученики учатся, учитель приказывает, ученики слушаются, и это воздвигает между ними стену. В лучшем случае учитель придёт в класс, даст более или менее интересный урок, ученики выслушают его более или менее внимательно, зададут, может быть, несколько вопросов и разойдутся, как чужие. Духовной близости между учениками и учителем мешает весь формализм школьной жизни. Разве, за весьма редкими исключениями, станет говорить ученик с учителем о своих задушевных мыслях, о своих сомнениях, станет искать у него нравственной поддержки? В худшем случае учитель и ученики — два враждующих лагеря. А товарищи? В классе, другой раз, 30—40 человек, и они часто знают друг друга лишь по имени, по голосу, по виду, а духовно остаются совершенно чуждыми, хотя изо дня в день сидят вместе по 4—5 часов.

В современной школе всё направлено на то, чтобы разъединить учеников, а не сближать их. Отметки, соревнование — все это ведет к развитию зависти, тщеславия. Всё направлено к тому, чтобы отделить ученика от товарищей: ему запрещается что-либо спрашивать своего соседа; никакой общей работы, которая требовала бы объединённых, совместных усилий, ученикам не дают. Каждый вынужден думать о себе, заботиться о своих личных успехах. Всякое проявление чувства товарищества, благодаря принудительному характеру школы, принимающее нелепые

формы подсказывания, совместного надувания учителя, строго преследуется.

И только общественный инстинкт предохраняет детей от превращения в тщеславных эгоистов. Вышеупомянутый французский педагог Кузинэ с негодованием говорит об этом ничем не искоренимом чувстве солидарности, чувстве товарищества учеников, и откровенно заявляет, что учитель должен направить все усилия на борьбу с этим чувством, должен пустить в ход и ласку и строгость, должен войти к ученикам в доверие — всё делать, чтобы разъединить их, иначе он де не будет пользоваться авторитетом и ему не справиться будет с этой оравой мальчишек, имеющих свои представления о чести и справедливости.

Школа будущего должна всячески развивать в детях чувство солидарности...

Но мало одного стремления быть полезным людям. Надо уметь это делать. Современная школа отучает детей быть полезными. Ребёнок стремится тотчас же применить свои знания, а школа искусственно удерживает его от этого. Она держит его на никому не нужных диктовках, задачах, утешая его тем, что в будущем, когда он окончит школу, получит аттестат, он будет полезен родителям и обществу.

Кто близко знает детей, тот знает, как они, особенно в старших классах, тяготятся этим вынужденным бездельем, этим постоянным подавлением в себе самого естественного инстинкта — быть полезным другим. Современная школа воспитывает искусственно неуменье применять свои силы и знания, быть ими полезным. Окончивший гимназист сплошь и рядом безрезультатно ищет себе такого дела, где бы он мог приносить пользу людям, а того мелкого на вид, необходимого будничного дела, которое под руками, он не видит, не умеет за него взяться.

Применение детскому труду найти не трудно. И сейчас детский труд применяется довольно широко, но сейчас он применяется с целью эксплоатации детских сил. Между тем труд этот может послужить, при целесообразном его применении, могучим рычагом духовного развития подрастающего поколения.

При организации его надо иметь в виду его воспитательную цель, а потому соблюдать следующие условия: 1) труд этот должен интересовать ребёнка, так как только в этом случае он будет свободным; 2) он должен быть применением приобретённых ребёнком знаний и умений и быть не только физическим, но также и умственным, — это должен быть не только труд столяра или сапожника, но и труд педагога, лектора и проч., конечно, в меру его сил и знаний; 3) ребёнку должен быть в каждом частном случае виден и понятен результат его труда, ему должно быть ясно, что он оказался полезен тем-то и тем-то; 4) детский труд должен применяться не только в стенах школы, но и за пределами её, так как это даёт возможность входить на деловой почве во всестороннее общение с людьми, наблюдать

жизнь, учиться жить, чувствовать себя уже с детства, с самых ранних лет полезным членом общества.

Школу надо постараться связать и с яслями, и с детской площадкой, и с музеем, и с библиотекой, и с мастерской учебных пособий, и с рядом других мастерских, с фермой, с кооперативом, с общественной столовой и пр. Надо устроить так, чтобы учащиеся во всех этих учреждениях могли находить применение своим силам и знаниям. Изучает, скажем, ученик ботанику, — составленный им гербарий он отдаёт в музей школьных пособий; он идёт на экскурсию с учениками начальной школы — и помогает учительнице объяснять детишкам, как живут растения; он идёт работать на огород — и там применяет к уходу за растениями свои знания.

Учится ученик передавать прочитанное, — он идёт к малышам рассказывать сказки; выдавая книжки из организованной школьниками летучей библиотеки, он старается привлечь читателей пересказом заинтересовавшей его книжки. Изучает химию, научается определять доброкачественность продуктов — и тотчас идёт помогать по закупке продуктов в общественную столовую, в кооператив; идёт туда же применять свои знания по счетоводству и пр.

И всюду учащийся будет сталкиваться с людьми. Принимает он участие в устройстве летучей библиотеки, — он сталкивается с детьми разных слоёв общества; идёт работать в мастерскую, — видит, как живут и работают рабочие; в кооперативе видит, как вынуждена беречь каждую копейку жена рабочего, и т. д. А потом в школе учащийся делится своими впечатлениями и наблюдениями с товарищами, с учителем.

Так он учится жить и работать среди людей.

Я понимаю, как трудно организовать такую трудовую школу. Гораздо труднее, чем прийти в класс и дать интересный урок. Но трудны только первые шаги. И потом многое уже делается в этом направлении, надо только систематизировать имеющийся опыт, воспользоваться им.

А кроме того, всё это будет легче сделать, если идея свободной трудовой школы станет достоянием не узкого кружка педагогов, а широкого круга лиц, сочувствующих и содействующих организации подобного рода школы. Таких лиц, конечно, найдётся немало.

Тот, кто прочтёт эти беглые заметки, скажет, может быть: всё это праздная болтовня, благие пожелания, утопия. Конечно, при существующих условиях свободная трудовая школа может существовать лишь как исключение. Пусть так, что же из этого? Настанет время, когда будет возможность создать такую школу, какая нужна подрастающему поколению. И надо будет уметь её создать, а для этого нужен опыт, нужно, чтобы мысль заранее работала в этом направлении, чтобы ясно было, как браться за дело.

«Свободное воспитание»,
1910—1911 гг., № 10.

КАК УЧИТЬ ПИСАТЬ СОЧИНЕНИЯ

(Незаконченные заметки)

Во французской педагогической литературе в последнее время очень сильно обсуждался вопрос о кризисе в преподавании французского языка. Все преподаватели единодушно заявляют, что результаты занятий родным языком в школе весьма мало утешительны. У оканчивающих среднюю школу нет ни любви к литературе родной страны, ни понимания её; язык, которым говорят и пишут ученики, шаблонен, лишён всякой индивидуальности и образности. И вот обсуждается вопрос, как помочь горю. Часть преподавателей находит, что беда в том, что преподавание приняло чересчур утилитарный характер, это уступка духу времени, да и дети, наполняющие теперь колледжи, принадлежат в своей массе к семьям коммерсантов, докторов, инженеров и пр., семьям, где взрослые в большинстве случаев весьма мало интересуются литературой и не делают из неё культа, как это было в доброе старое время, в старинных дворянских семьях. Тут уж ничего не поделаешь, таково влияние среды, таково умонаправление молодёжи, и школа бессильна в борьбе с таким умонаправлением; всё, что она может сделать, так это разве увеличить число часов, отводимых на французский язык, отвести ему в программе более почётное место. Но нельзя закрывать глаза на то, что всё это будет лишь паллиатив.

Другая часть преподавателей склонна видеть беду в методах преподавания французского языка. Указывается на то, что современное преподавание французского языка стоит на ложном пути, стараясь развивать в учениках чисто внешнюю способность складно говорить и писать обо всём, о чём угодно, ни мало не заботясь о внутреннем содержании. В учениках развивают лишь уменье сыпать шаблонными фразами и резонёрствовать по всякому поводу. И вот часть профессоров настаивает на необходимости заботиться не столько о внешней форме, сколько о содержании даваемых сочинений, надо заставлять учеников самостоятельно работать над разбором литературных произведений, самостоятельно вдумываться в них, будить свои мысли, тогда и форма речи будет менее шаблонна, будет носить бо́льшую печать индивидуальности.

В связи с вопросом об изменении метода преподавания французского языка всплыл вновь не раз уже обсуждавшийся вопрос о том, как учить писать сочинения на первоначальных ступенях обучения.

Ещё в 1897 г. Жюль Пайо (Jules Payot) в «Университетском Обозрении» в статье «Как учить писать сочинения» настаивал на необходимости брать темы для сочинений из жизни, окружающей ребёнка, из той области, которую он знает и имеет возможность наблюдать. Он высмеивает темы, столь излюбленные, по его словам, во французских школах, вроде восхода солнца на берегу моря или речи Ганнибала к своим войскам...

Пайо настаивает на широком применении стенных картин, на введении американского метода иллюстрации своих сочинений самими учениками. Необходимо, чтобы ученик ясно представлял себе то, о чём он пишет.

Для русского учителя все эти истины, которыми насквозь проникнута методика русского языка со времени Ушинского (я говорю о начальных ступенях обучения), стали общим местом. Если на деле они не проводятся достаточно в жизнь, то не потому, чтобы этот вопрос был сколько-нибудь спорным, а потому, что у нас весьма часто бывает теория сама по себе, а практика сама по себе. Нехватает уменья провести известное начало в жизнь. Поэтому идеи Пайо представляют для русского учителя мало интереса.

Зато небезынтересны статьи на эту тему, печатавшиеся в последнее время в «Университетском и Педагогическом Обозрениях» и в «Современном Воспитателе».

В большинстве случаев, говорят Боке и Лео Перротен в октябрьской книжке 1909 г. «Современного Воспитателя», ученики совершенно не умеют наблюдать. Можно подумать, что глаза даны им на то, чтобы не видеть, и уши на то, чтобы не слышать. Задача учителя выучить их смотреть, слушать, ощущать. Как это сделать? Прежде всего необходимо внести известный метод в наблюдение. Это чрезвычайно важно. Благодаря известной системе удаётся сразу схватить массу мелочей, которые иначе ускользают от внимания. Например, при смотре войск Наполеон всегда моментально замечал малейшие недочёты в амуниции солдат, которые не могли заметить тщательно оглядывавшие перед тем со всех сторон солдат офицеры. Почему? Потому, что Наполеон осматривал всех солдат по одному и тому же плану, по одной и той же системе. И учитель должен прежде всего дать ученикам известный метод наблюдения. Описывая какой-нибудь предмет, ученик прежде всего должен дать себе отчёт, какое впечатление производит этот предмет на его внешние чувства: зрение, слух, обоняние, вкус. Берётся, например, тема: едущий автомобиль. Тема разделяется на три части: автомобиль приближается, проезжает мимо, удаляется. Что мы замечаем при приближении автомобиля. Облако пыли, приближающийся шум; при проезде — закутанные в шубы фигуры в тёмных очках, невыносимый шум, ветер, производимый несущимся мимо автомобилем; после проезда автомобиля — облако пыли, уменьшающийся шум, сильный запах керосина и т. п.

При этом Боке и Перротен рекомендуют следующий приём. Ученикам предлагается наблюдать что-нибудь, например толпу учеников, собравшуюся перед школой в ожидании момента, когда откроются двери.

Каждый из учеников старается заметить, что может. На другой день дети в классе передают свои впечатления, один дополняет другого, поправляет. Сообща выделяют самые харак-

терные черты и систематизируют свои наблюдения, составляя известный план. Конечно, учитель помогает им в этом, хотя главная активная работа ложится на самих учеников. Затем учитель даёт какую-нибудь тему, главная часть которой заключается в описании группы школьников, ожидающих открытия школы.

Так же можно описать ближайшую станцию, уголок леса осенью, кузнеца за работой и пр., и пр.

Затем крайне желательна иллюстрация сделанного описания цветными карандашами.

Чтобы научить ребёнка наблюдать, следует широко пользоваться картинами великих художников. Конечно, выбор картин должен делаться умело. Картины должны быть доступны по содержанию и не быть ложно-тенденциозными. Обучению писанию сочинений при помощи картин посвятили несколько интересных статей учителя Вейль и Шенен (Weil et Chenin). Без предварительной подготовки, говорят они, ребёнок может уловить и непосредственно самостоятельно работать над разбором литературных произведений, самостоятельно вдумываться в них, — будут свои мысли, тогда и форма речи будет менее шаблонна, будет носить бо́льшую печать индивидуальности.

В связи с вопросом об изменении метода преподавания французского языка выплыл вновь и вопрос о том, как учить писать сочинения на первоначальных ступенях обучения.

Интересны в этом отношении статьи преподавателей Орлеанского лицея Вейля и Шенена (Weil et Chenin), помещённые в «Педагогическом Обозрении» и в «Университетском Обозрении» за 1908 г. Статьи посвящены вопросу об обучении писанию сочинений при помощи картин.

Великие писатели, говорят авторы, умели наблюдать окружающую действительность. Флобер пишет своему ученику Фейдо (Feydeau): «смотри так, чтобы все глаза себе просмотреть». Он пишет Мопассану: «Чтобы описать, что бы то ни было, надо вглядываться в предмет так долго и внимательно, пока не откроешь в нём того, что ещё никто не видел и не описывал. Чтобы описать пылающий огонь или растущее среди равнины дерево, надо смотреть на этот огонь и на это дерево, пока они не перестанут для нас быть похожими на всякое другое дерево и на всякий другой огонь». «Когда вы проходите, — говорил Мопассану Флобер, — мимо лавочника, сидящего около лавки, мимо консьержа, курящего трубку, мимо стоянки экипажей, изобразите мне в живом образе этого лавочника, этого консьержа, их позу, всю их внешность, всё их внутреннее содержание так, чтобы я не смешал их ни с каким другим лавочником или консьержем и одним словом очертите извощичью лошадь так, чтобы она стала не похожа на полсотни других лошадей, проехавших до или после».

Великие писатели умеют видеть, и уменье видеть даёт им

возможность подыскать точные, конкретные слова для описания того, что они видят. Язык этих писателей чрезвычайно образен и полон конкретных терминов.

Чтобы научить детей говорить живым, образным языком, надо прежде всего научить их *смотреть, наблюдать*. Если предложить ребёнку описать лес, реку, улицу, которые он видит, ребёнок не сумеет этого сделать, он растеряется в массе деталей, не сумеет выделить существенное, типичное. И вот картины могут помочь обучить его смотреть. Конечно, необходимо брать картины великих художников, по содержанию вполне доступные детям. Художник, наблюдающий действительность, выбирает наиболее типичный образ, который он умеет выделить из бесконечного разнообразия художественных образов, кроющихся в недрах самой природы, ребёнок должен в данном случае лишь следовать за художником, бессознательно итти по его стопам.[1]

ШКОЛЬНАЯ МУНИЦИПАЛЬНАЯ ПРОГРАММА

Чтобы обучение могло стать всеобщим на деле, надо обратить внимание, кроме питания школьников, на охрану детского труда. Социал-демократы должны требовать законодательного запрещения детского наёмного труда до 16 лет. Это запрещение тесно связано с организацией общественного труда подростков через посредство школ. Чтобы запрещение детского наёмного труда не оставалось только на бумаге, необходимо, чтобы на помощь фабричной инспекции пришли население, профессиональные союзы, самоуправление.

Местное самоуправление должно содействовать присмотру за соблюдением закона о запрещении эксплоатации детского труда, особенно в домашней промышленности, путём устройства особых районных комитетов надзора из среды самого населения.

Чтобы подорвать классовый характер современной школы, необходимо, чтобы школа была едина для всех классов населения, чтобы не было того, что для детей рабочих и крестьян существовали бы низшие, начальные школы, а для господ — средние и высшие; нужно, чтобы для всех была одна общая школа, подготовляющая всех детей к труду и физическому и умственному, к пониманию жизни, дающая им свет знания. Поэтому в общей единой школе обучение должно быть тесно связано с производством, с производительным трудом. Дело это новое. Чтобы помочь ему, местное самоуправление должно озаботиться устройством при школах мастерских, подвижных музеев, научных кинематографов, экскурсий и пр.

---

[1] Из архива Н. К. Крупской, находившегося в НКП РСФСР в 1940 г. Статья не опубликована. Дату написания не удалось установить, условно отнесена к 1910—1916 гг.

С другой стороны, оно должно выявить те отрасли труда, где по гигиеническим и другим условиям возможно применение общественного производительного труда детей, и сорганизовать этот труд совместно с представителями учительских организаций, профессиональных союзов, кооперативов и пр.

Единая общая школа, в которой обучение будет тесно связано с самым разнообразным производительным трудом, будет развивать общую трудоспособность молодёжи, предоставлять широкое поприще для самодеятельности ребёнка, для приложения его индивидуальных наклонностей и талантов к различным областям труда. В такой школе, которая ставит себе целью ознакомить ребёнка на практике со всеми областями труда, каждый ребёнок найдет себе работу по душе, которой сможет отдаться с увлечением, которая будет дальше развивать его природные дарования. Такая школа даст возможность свободно и сознательно выбирать себе профессию одну или несколько. Единая всеобщая трудовая школа сделает ненужным специальные профессиональные школы современного типа, на которых, как и на современной средней школе, лежит печать сословности. Специальные знания будут приобретаться в процессе работы под руководством особых техников и будут связаны с прохождением особых курсов, организуемых при самих фабриках и заводах.

Внимание местного самоуправления должно быть обращено на содействие организации единой всеобщей трудовой школы, а не на поддержку школ, предназначенных для различных классов, для белой и чёрной кости, каковыми являются наши гимназии, профессиональные школы и пр.

«Правда» № 49 от 19 мая 1917 г.

II

ПРОИЗВЕДЕНИЯ Н. К. КРУПСКОЙ, НАПИСАННЫЕ ПОСЛЕ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДО ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦК ВКП(б) ОТ 5 СЕНТЯБРЯ 1931 г., «О НАЧАЛЬНОЙ И СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ»

ИЗ СТАТЬИ «ВОЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЁЖИ»

...Чтобы наилучшим образом выполнить задачу военного воспитания молодёжи, надо прежде всего отдать себе отчёт, каков должен быть будущий гражданин, способный вооружённой рукой защищать своё социалистическое отечество.

... В солдатах нового строя необходимо воспитать беззаветную преданность своему социалистическому отечеству, всемирному социализму, воспитать готовность защищать его до последней капли крови. И школа должна готовить убеждённых социалистов, безгранично преданных делу. Вот первая задача военного воспитания юношества, лежащая на Комиссариате по Просвещению.

...В современной войне решающую роль играет техника и особенно организация...

Народный Комиссариат по Просвещению должен озаботиться, чтобы школа воспитывала аккуратность и точность в исполнении каждой работы, чтобы школа развивала инициативу, давала бы трудовые навыки, давала бы умение быстро приспособляться к новым условиям.

«Военное воспитание молодёжи». «Народное просвещение». Приложение к «Известиям ВЦИК», № 3, 1918.

К ВОПРОСУ О КОММУНИСТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЁЖИ

Чтобы правильно подойти к вопросу, каково должно быть коммунистическое воспитание молодёжи, надо прежде всего дать себе отчёт в том, что за человек должен быть коммунист, что он должен знать, к чему стремиться, как поступать.

Коммунист прежде всего — человек общественный с сильно развитыми общественными инстинктами, желающий, чтобы всем людям жилось хорошо, чтобы все люди были счастливы.

Коммунистами могут быть выходцы из всех классов общества, но больше всего коммунистов выходит из рабочей среды. Почему? Потому, что условия жизни рабочих таковы, что воспитывают в них общественные инстинкты: коллективный труд, успех которого зависит от общих усилий, общая обстановка труда, общие переживания, общая борьба за человеческие условия существования, — всё это сближает рабочих между собой, спаивает их узами классовой солидарности. Возьмём класс капиталистов. Условия жизни этого класса совершенно иные. Конкуренция заставляет всякого капиталиста видеть в другом капиталисте прежде всего конкурента, которому надо подставить ногу; в рабочем капиталист видит лишь «рабочие руки», которые должны работать над созданием прибыли для него, капиталиста. Конечно, общая борьба против рабочего класса сплачивает капиталистов, но той внутренней спайки, того растворения в коллективе, которые мы видим у рабочих — им делить между собой нечего, — в классе капиталистов нет, капиталистическая солидарность разъедается червоточиной конкуренции. Вот почему человек с развитыми общественными инстинктами в рабочей среде является правилом, в капиталистической же среде такой человек складывается в виде исключения.

Общественный инстинкт значит очень много. Часто он помогает чутьём находить правильный выход из положения, помогает найти правильный путь. Вот почему при чистке РКП обращалось внимание, принадлежит ли тот или иной член партии к рабочей среде или нет. Тому, кто принадлежит к рабочей среде, легче выправиться. У нас в России интеллигенция, — видя, как легко даётся благодаря классовому инстинкту рабочему понимание того, до чего интеллигент, например, доходит с большим трудом, — склонна была в конце 90-х годов и в первой половине первого десятилетия XX века (1896—1903 гг.) преувеличивать значение классового инстинкта. «Рабочая Мысль» — одна из социал-демократических нелегальных газет — договорилась до того, что перестала даже допускать, чтобы не из рабочей среды мог выйти социалист...

Классовый — в рабочем классе он совпадает с общественным — инстинкт есть условие, необходимое для того, чтобы быть коммунистом. Необходимое, но недостаточное.

Коммунисту надо ещё немало з н а т ь. Во-первых, он должен понимать, что вокруг него делается, должен разбираться в механизме существующего строя. Когда в России стало развиваться рабочее движение, социал-демократы озаботились в первую голову распространением в широких массах таких брошюр, как, например, Дикштейна[1]. «Кто чем живёт», «Рабочий день» и т. п. Но мало понимать механизм капиталистического строя. Коммуни-

[1] Д и к ш т е й н — польский социал-демократ, автор знаменитой книжки «Кто чем живёт», объяснявшей механику извлечения прибавочной стоимости. Была самой популярной книжкой в подпольных кружках. (*Примечание Н. К. Крупской*).

сту надо ещё изучить законы развития человеческого общества. Он должен знать историю развития хозяйственных форм, развития собственности, деления на классы, развития государственных форм. Должен понимать их взаимозависимость, знать, как из определённого общественного уклада вырастают религиозные и моральные представления. Поняв законы развития человеческого общества, коммунист должен ясно представлять себе, куда идёт общественное развитие. Коммунизм должен представляться ему не только желанным строем, где счастье одних не будет строиться на несчастье других, он должен понимать также, что коммунизм именно и является тем строем, к которому неизбежно идёт человечество, и что коммунисты должны расчищать лишь путь этому строю, содействовать его скорейшему наступлению.

В рабочих кружках, возникавших на заре рабочего движения в России, обычно проходилась, с одной стороны, политическая экономия, имеющая целью объяснить структуру современного общества, и история культуры (история культуры противополагалась при этом обычному изложению истории, которое представляло собою часто набор исторических фактов самого различного значения). Вот почему в кружках того времени читался 1-й том «Капитала» Маркса и «Происхождение семьи, собственности и государства» Ф. Энгельса.

В 1919 году в одном из сёл Нижегородской губернии, в селе «Работки», мне пришлось наткнуться на такое явление. Учителя рассказывали мне, что во 2-й ступени они проходят политическую экономию и историю культуры, что ученики единогласно потребовали введения этих предметов в курс школы 2-й ступени.

Откуда в волжском селе, в котором всё население занимается исключительно волжскими промыслами да земледелием, у крестьянских подростков могло появиться такое и так определённо формулированное желание? Очевидно, интерес к политической экономии и истории культуры был занесен в «Работки» каким-нибудь рабочим, ходившим когда-то в кружок и объяснившим ребятам, что им надо знать.

Однако в переживаемый момент русскому коммунисту надо знать не только это. Октябрьская революция открыла перед Россией возможность самого широкого строительства в направлении коммунизма. Но, чтобы использовать эти возможности, надо знать, что надо делать сейчас, чтобы хоть на шаг продвинуться к коммунизму; надо знать, что возможно сейчас достигнуть и чего нельзя.

Надо знать, как строить новую жизнь. Надо прежде всего знать основательно ту отрасль работы, за которую берёшься, а затем надо обладать методом коммунистического п о д х о д а к делу. Возьмём пример. Чтобы правильно поставить медицинское дело в стране, надо, во-первых, знать самое дело, во-вторых, знать, как оно было раньше поставлено у нас в России, как ставится в других государствах и, наконец, в-третьих, надо

уметь подойти к нему по-коммунистически, а именно: повести агитацию среди широких слоёв трудящихся, заинтересовать их, вовлечь в работу, создать усилиями трудящихся могучую организацию вокруг медицинского дела. Надо всё это не только знать, как сделать, надо у м е т ь это сделать. И выходит, что коммунист должен знать не только, что такое коммунизм и почему он неизбежен, но должен знать хорошо ещё своё дело, должен уметь подойти к массе, повлиять на неё, убедить её.

В своей личной жизни коммунист должен всегда руководиться интересами коммунизма. Что это значит? Это значит, что как бы, например, ни хотелось остаться в привычной уютной домашней обстановке, раз для дела, для успеха коммунистического дела, надо бросить всё и ехать в самое опасное место, коммунист это делает. Это значит, как бы трудна и ответственна ни была возлагаемая на коммуниста задача, раз это нужно, коммунист берётся за неё и старается провести её в меру своих сил и уменья, идёт на фронт, на субботник, на изъятие ценностей и т. п. Это значит, что коммунист свои личные интересы всегда отодвигает на задний план, подчиняет их общим интересам. Это значит, что коммунист не проходит равнодушно мимо того, что кругом него делается, что он активно борется с тем, что вредит делу коммунизма, борется с тем, что вредит интересам трудящихся масс, а с другой стороны, отстаивает активно эти интересы, считает их своими.

Кого выбрасывали при чистке из партии: а) шкурников и примазавшихся, т. е. тех, кто свои личные интересы ставит выше интересов коммунистического дела; б) тех, кто равнодушен к коммунизму, ничего не делает, чтобы помочь ему осуществиться, кто далеко стоит от массы и не стремится сблизиться с ней; в) кто не пользуется уважением и любовью массы; г) за грубое обращение, чванство, неискренность и пр.

Итак, чтобы быть коммунистом: 1) надо знать, что плохо в капиталистическом строе, куда идёт общественное развитие и как надо содействовать скорейшему наступлению коммунистического строя; 2) надо уметь прикладывать своё знание к делу; 3) надо быть душой и телом преданным интересам трудящихся масс и коммунизму.

Перейдём теперь к вопросу о коммунистическом воспитании молодёжи.

Великая революция, вся революционная обстановка развила в молодёжи, горячей и отзывчивой, глубокий интерес к общественной жизни. Это относится не только к рабочей молодёжи, но и к молодёжи крестьянской, и к молодёжи интеллигентской. Молодёжь тянется к коммунизму.

И вот необходимо не заглушать это стремление, а всячески поддерживать, развивать проснувшиеся под влиянием революции общественные инстинкты молодёжи.

Как поддерживать? Во-первых, необходимо, чтобы организация РКСМ давала к а ж д о м у своему члену возможность в той

или иной форме работать для дела коммунизма, быть не только пассивным созерцателем того, как строится коммунизм, но быть активным строителем его. То дело, для которого поработал, в которое вложил кусочек своего я, делается гораздо более близким. Конечно, для того, чтобы каждый мог найти в рядах РКСМ дело по своим силам и по душе, организация РКСМ должна быть достаточно гибка и жизненна, должна быть тысячами нитей связана с той громадной творческой строительной работой, которая сейчас ведётся в стране. Участие в строительстве будет одновременно давать и уменье, и те организационные навыки, которые нам, россиянам, так необходимы.

РКСМ может воспитать в своих членах уменье работать коллективно, проводя всюду умелое разделение труда, воспитывая чувство ответственности за свою работу перед коллективом, воспитывая трудовую дисциплину и уча коммунистическому подходу к строительству новой жизни. Успех этой воспитательной работы зависит целиком от размаха работы РКСМ и налаженности его организации, глубины и жизненности постановки всех вопросов.

Воспитание характера, выдержки должно цениться РКСМ не меньше, чем умение говорить, выступать.

Кроме активного участия в общественной работе РКСМ было бы, может быть, полезно требовать от каждого члена Союза Молодёжи работы, по крайней мере в течение года, где-нибудь на фабрике или заводе. Американцы требуют от каждого кончающего инженера годовой практический стаж в предприятии в качестве рядового рабочего, работающего в общих для всех рабочих данного предприятия условиях. Американцы считают, что только проделавший такой стаж инженер способен будет управлять рабочими и влиять на них. Тем более необходим был бы такой стаж общественной работы для каждого члена Союза Молодёжи.

Наряду с воспитанием характера, общественных инстинктов, практических умений вести работу необходима большая работа каждого члена РКСМ над своим мировоззрением. У нас в России эта работа тесно переплетается с работой над самообразованием. Если мы находимся в более выгодных условиях, чем западно-европейская молодёжь, в том отношении, что гораздо меньше пропитаны буржуазными предрассудками, буржуазными взглядами, то нам гораздо труднее в том отношении, что громадное большинство рабочей и особенно крестьянской молодёжи не имеет даже самого необходимого минимума общеобразовательных знаний. А без этого невозможно и овладение марксизмом. Нашей молодёжи приходится учиться и учиться, пользоваться каждой свободной минутой, каждым случаем, чтобы заполнить те пробелы, которые мешают им стать сознательными коммунистами.

Надо упорно работать и над приобретением того научного марксистского фундамента, который необходим, чтобы разби-

раться в сложных вопросах окружающей действительности, чтобы не теряться перед каждым непонятным на первый взгляд положением. Совпартшколы, партшколы, кружки с умелыми руководителями облегчат эту задачу некоторой части молодёжи. Но таких счастливцев, которые могли бы воспользоваться всеми этими учреждениями, будет всё же небольшое меньшинство. Громадное большинство вынуждено будет учиться самостоятельно, отчасти в одиночку, отчасти небольшими группами, сообща работающими над приобретением знаний. В помощь этим усилиям самопроизвольно возникающих кружков должны быть изданы рекомендательные каталоги, методические указания, как вести кружковую работу, целый ряд примерных программ. Издать всё это как можно скорее крайне необходимо.

«Юный коммунист», № 8—9 за 192[illegible] г.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ

Общественное воспитание складывается из воспитания: 1) общественных инстинктов, 2) общественного сознания и 3) общественных навыков.

I

С самых ранних лет необходимо ставить ребёнка в такие условия, чтобы он жил, играл, работал, делил свои радости и горести с другими детьми. Необходимо, чтобы эта совместная жизнь была как можно полнее, радостнее, ярче. Коллективные переживания должны ассоциироваться у ребёнка с рядом радостных эмоций.

Это не значит, конечно, что надо постоянно возбуждать детей, трепать им нервы, заставлять их непременно что-нибудь «переживать». Для нормального развития эмоциональной области ребёнку точно так же нужна спокойная обстановка, как она нужна и для развития умственного. Ничего нет вреднее, как превращение жизни детей в непрерывный ряд празднеств, спектаклей, выступлений и т. п. Это — с одной стороны. С другой стороны, и отдельные эмоции могут иметь отрицательное значение, потрясая весь организм. Однажды мне пришлось быть свидетелем такого зрелища. На рассвете по улицам Парижа в глубоком молчании двигалась процессия. Хоронили девочку умершую в одном из католических приютов. Её одноклассницы — человек пятнадцать девочек 10—12 лет, закутанные в саваны, со свечками, двигались за колесницей. Одежда, свечи, глубокое молчание, утренний рассвет — всё это рассчитано было на то, чтобы вызвать глубочайшую эмоцию, которая подавила бы навсегда голос рассудка. Католические священники — хорошие психологи, они знают, что участники такой погребальной процессии останутся всю жизнь верными католиками. Эмоция имеет

громадное значение. Современные психологи доказывают, что в основе интереса, внимания, памяти, воли и пр. лежит именно эмоция. Эмоция определяет направление интереса, интерес обусловливает внимание, внимание — память и т. д. Но эмоция не должна подавлять остальных сфер духовной жизни.

Для жизни нужны не надорванные, а нормально развитые люди. Их может создать нормальная коллективная жизнь, в которой дети являются активными участниками. Активное участие изменяет весь тонус переживания. Это хорошо учитывают, например, те же католические священники. В описанном выше примере их воздействия на эмоциональную сторону характерно, что они делают девочек не только свидетельницами похорон их товарки, но участницами этих похорон. Коллективная жизнь детей должна быть заполнена радостной, свободной деятельностью, и тогда она воспитает людей с сильно развитым общественным инстинктом.

Буржуазный строй, покоившийся на началах свободной конкуренции, превращал жизнь в борьбу за существование, где интересы одной личности противостояли интересам всех других, находились в противоречии с интересами целого. Весь уклад общественной жизни противодействовал развитию общественных инстинктов. В том же направлении влияла и семья. Семья противополагалась обществу. Мне запомнился, между прочим, один из эпизодов детства французского писателя — архибуржуазного — Лоти. В «Романе ребёнка», где он описывает своё детство, он рассказывает о той внутренней борьбе, которую ему пришлось пережить. Жили они в одном из приморских городов Бретани, всегда переполненном толпами матросов, жившем очень интенсивной общественной жизнью. 13-летнему подростку Лоти страстно хотелось всегда смешаться с этой толпой, пожить её жизнью. Мать и тётушки, семья, которую он очень любил, боялись влияния на него улицы. Они дарили ему дорогие книги, коллекции прекрасных раковин. И вот Лоти описывает ту внутреннюю борьбу, которую он переживал. Любовь к семье заставила его заглушать в себе общественный инстинкт, и вышел из него не великий писатель, выразитель настроения массы, сделаться которым он мог по своим задаткам, а слащаво-сентиментальный буржуазный романист. В том же направлении подавления общественных инстинктов влияет и буржуазная школа с её похвалами и порицаниями, отметками, наградами и наказаниями... Учитель в буржуазной школе стремился править, разделяя, отделяя овец от козлищ. В том же направлении влияет и религия, поскольку она вырывает человека из общества, берёт его изолированным, вне условий общественной жизни, трактует его только как индивидуум и, как такого, ставит под гнев и милость господни. Немудрено, что индивидуализм развивался пышным цветом в буржуазном обществе. И хотя в отдельных случаях носителями его являлись крайне яркие личности, но в общем отрыв личности от общества вёл к необычайному убоже-

ству мысли и чувства, к скудости переживаний. Выразителем этого отрыва личности от общества и являлось мещанство.

Но уже в недрах капиталистического общества вырос слой, где не было этого противоположения личности обществу. Таким слоем был рабочий класс. Условия существования и борьбы сплачивали членов рабочего класса в одно целое. Работая на фабрике, на заводе, рабочий ежечасно наблюдает, как его работа координируется с работой других, как выполнение им какой-нибудь небольшой частичной функции необходимо в цепи ряда действий, в результате которых получается изготовляемый продукт. Это, как и весь заводской уклад, вырабатывает привычку к коллективному действию, к коллективной жизни. Успех классовой борьбы зависит от выдержанности, сплочённости, дисциплинированности рабочих. И сама работа, и условия существования, и классовая борьба — всё укрепляет в них общественные инстинкты. Интересы рабочего класса не противополагаются общественным. Они идут по одной линии. Историческая миссия рабочего класса — уничтожение всех классов общества.

И сейчас уже в рабочем классе борьба между интересами личными и общественными значительно ослаблена. Но только в коммунистическом обществе между этими интересами будет полная гармония. Это не означает, что личность будет подавляться обществом, как это было в первобытном обществе, в общине и пр., будет только прекращение внутреннего разлада, внутреннего раздвоения. Напротив, будет расцвет личности, которая будет черпать силу, мощь в коллективной жизни.

В нашу переходную эпоху школа должна всячески способствовать развитию общественных инстинктов в детях и подростках.

Конечно, способствовать этому должен в первую голову весь школьный уклад, вся школьная жизнь — игры, учебные занятия, труд и пр. Но школа не должна быть замкнутой единицей, не должна напоминать буржуазную семью, только в несколько расширенном виде. Под видом «новых трудовых школ» часто создаются школы именно такого типа: тихие заводи среди бурного моря.

Школа, которая ставит себе целью воспитание в учащихся общественных инстинктов, не может изолироваться. Необходимо расширить рамки общественных переживаний детей, сблизить школу с взаправдашней общественной жизнью. Конечно, хорошо, если школы связаны между собою. Но общение между школами может привести к простому хождению друг к другу в гости, вроде того, как раньше дети одной буржуазной семьи ходили в гости к детям другой семьи. Придавать исключительное значение общению между школами не следует. Гораздо важнее организованное общение школьной молодёжи с рабочей и крестьянской молодёжью вообще. С этой точки зрения особо важное значение имеет организация в школах ячеек КСМ. Через Комсомол школьники связываются с рабочей и крестьянской моло-

дёжью, ближе входят в её жизнь. Надо только, чтобы школьные ячейки Комсомола правильно учитывали свою роль в школе. Им не плохо поучиться знанию психологии хотя бы у католических попов и заботиться о том, чтобы каждого школьника вовлечь в активную работу, приставить к какой-нибудь работе по Комсомолу: сбирать и переплетать книжки для библиотечки, обучать грамоте неграмотных комсомольцев, участвовать в их кружках, в работе с юными пионерами, содействовать изданию комсомольцами листков, плакатов, газет, журналов, входить в санитарные отряды вместе с комсомольцами и т. д., и т. п. Та ячейка Комсомола наилучше выполнит свою задачу, которая наилучше сумеет использовать школу в интересах рабочей и крестьянской молодёжи.

Небесполезно также в тех же целях открыть двери школы для стоящей вне её рабочей и крестьянской молодёжи и впустить в школу этот кусок живой жизни.

Но надо, чтобы школа была связана не только с жизнью молодёжи, но и с жизнью взрослых, в первую очередь с жизнью рабочего класса. В особо благоприятных условиях находятся в этом отношении школы фабзауча, школы в рабочих поселках, вроде «Электропередачи» и т. п., где дети и подростки вне школы живут интересами рабочей массы.

Но и учащихся других школ надо сближать с жизнью рабочего класса всюду, где к этому имеется хоть малейшая возможность. Как это сделать? Некоторые думают, что достаточно, если дети и подростки будут время от времени принимать участие в рабочих празднествах вроде 1-го Мая, годовщины Октябрьской революции и т. п. Это само собой не плохо, но этого ёще чрезвычайно мало.

...Важна спайка между рабочей и крестьянской молодёжью, между молодёжью и трудящимися. Эта спайка лучше всего будет способствовать развитию общественных инстинктов у детей и подростков.

II

Эмоциональные переживания в области общественной жизни создают повышенный интерес к явлениям общественной жизни. Воспитатель должен уметь использовать этот интерес, чтобы выработать у учащихся сознательное отношение к окружающей жизни, понимание явлений общественной жизни. Надо базироваться на переживаниях, на опыте ребёнка и подростка, их брать за исходный пункт, постепенно расширяя горизонт учащегося, связывая преподавание с его опытом. «Великое педагогическое правило, — пишет У. Джемс в своей «Психологии» (изд. 1922 г. «Наука и школа», стр. 250), — заключается в следующем: всякий новый отрывок знаний следует связывать с каким-нибудь образовавшимся в уме ребёнка интересом, т. е., иначе говоря, каким-нибудь путём ассимилировать этот отрывок с заранее

приобретенными сведениями. Отсюда вытекает преимущество, получаемое из сравнения отдалённого и чуждого непосредственному опыту с близким и знакомым и неизвестного с известным и из связывания сообщаемых сведений с личным опытом ученика»...

Работать коллективно не значит просто работать вместе, в одном помещении, одну и ту же работу. Это самая простая форма сотрудничества. Коллективной работой называется такая работа, которая имеет общую цель. Но достижение этой общей цели обычно допускает и даже требует определённого, обычно очень сложного разделения труда. Паровоз есть продукт коллективного труда рабочих, но он является в результате очень сложной организации труда. Каждый рабочий выполняет свою определённую часть работы. Но он знает, что без точного, быстрого выполнения той части работы, которую он делает, остановится всё дело. Это постоянное сознание себя, как части целого, имеет громадное воспитывающее, дисциплинирующее значение.

Навыки в коллективной работе создают одновременно и навыки общеорганизационные и навыки известной самодисциплины. Те и другие имеют громадное значение в вопросах организации коллективной жизни.

В школе учёбы, где не ставятся учащимся общие конкретные цели, самоуправление обычно не ладится. Там же, где перед учащимися встают конкретные трудовые задачи, там и самоуправление носит гораздо более жизненный характер и налаживается гораздо легче.

Но как трудовые задачи надо уметь ставить: начинать с элементарных и близких и лишь постепенно переходить к более сложным и далёким, так и самоуправлению учащихся нельзя давать сразу сложную форму. В младших классах дети будут организовываться от случая к случаю для выполнения временных задач, в старших классах организация должна уже охватывать все стороны жизни и отливаться в определённую конституцию.

Правильно поставленное общественное воспитание должно не только помочь им сознательно отнестись к явлениям общественной жизни, но и научить их активно строить эту жизнь.

«На путях к новой школе».
1922, № (1) 4.

К ВОПРОСУ О МОРАЛЬНО-ДЕФЕКТИВНЫХ ДЕТЯХ

«Морально-дефективные»... как этот гнусный буржуазный термин пробрался в нашу советскую педагогику и завоевал в ней довольно прочное право гражданства?

Термин «морально-дефективный» предполагает, что существуют какие-то извечные, незыблемые нравственные законы, где-то вне сознания людей, кем-то извне установленные.

Эти нравственные законы живут в душе человека, и тот человек, который не знает их, морально-дефективен. Это точка зрения философского идеализма. Буржуазия весьма охотно принимает такое представление о морали, изображая свою буржуазную мораль извечной, незыблемой моралью.

Философский идеализм резко отвергается марксизмом. Маркс и Энгельс всю жизнь боролись с философским идеализмом, прекрасно понимая, каким сильным орудием в руках буржуазии он является. Марксизм смотрит на мораль, на её происхождение по-другому.

Опираясь на изучение истории, он утверждает, что нравственные представления не являются чем-то незыблемым, что на протяжении истории они постепенно менялись, что у различных классов общества они различны. Не только, скажем, дикарь и своевременный человек диаметрально противоположно подходит к вопросу о том, что хорошо и что дурно, но мы видим у буржуазии и у пролетариата две совершенно различные морали.

В «Коммунистическом Манифесте» Маркса и Энгельса прекрасно вскрыта классовая сущность буржуазной и пролетарской морали. Марксизм не только вскрыл классовую сущность морали различных классов, он показал, как вырастают нравственные представления на почве известных экономических, политических и бытовых условий. «Происхождение семьи, собственности и государства» Энгельса проливает очень яркий свет на возникновение моральных представлений.

Маркс и Энгельс посвятили долгие годы на борьбу с философским идеализмом, конечно, не потому, что это просто доставляло им удовольствие, вроде того, как игра в шахматы. Они боролись с философским идеализмом потому, что понимали, как важно духовное освобождение пролетариата из-под влияния буржуазии, потому, что понимали, что религия является линия «популяризацией для масс» философского идеализма.

Религия — прекрасное средство обуздания масс, средство приглушения их классового инстинкта, средство ослабления их классового самосознания.

Но нельзя бороться с религией, не преодолев её философского обоснования — идеализма.

Для марксиста совершенно неприемлем термин «морально-дефективный».

Есть затравленные, озлобленные, замученные, больные дети, но нет морально-дефективных.

Почему же влез с своими грязными лапами этот термин в советскую педагогику?

Воспитывать озлобленных, больных, живших долгое время в тяжёлых условиях звериной борьбы за существование, в атмосфере разврата, ребят не легко. Нужны большая чуткость, громадный такт, наблюдательность, готовность прийти на помощь поддержать, заставить звучать громче струны общественного инстинкта. Где у нас такие педагоги, которые бы годились для этого?

Война мировая и гражданская, общая разруха, голод расширили до колоссальных размеров кадры беспризорных детей. Надо было как-нибудь их устраивать. И шли в эту работу очень часто не те, кто понимает и любит ребят, а те, кто просто нуждался в куске хлеба и квартире. Термин «морально-дефективный» освободил их от всякой ответственности и внутренне и внешне, освободил от необходимости считаться с ребятами, уважать их человеческое достоинство, их личность, учиться подходить к ним, освободил от самого обыкновенного человеческого побуждения помочь слабому. Термин «морально-дефективный» санкционировал преступное отношение к беспризорным детям. Для «морально-дефективных» ребят ввели карцер, «изолятор», оскорбляющее обращение, — всё позволено, с детьми ничего не поделаешь: они дефективные.

Позорный термин «морально-дефективный», развязывающий руки бессовестной и бессознательной части педагогов, должен быть изгнан из употребления.

На работе с заброшенными, задавленными жизнью, исковерканными ею ребятами надо оставить лишь живых, чутких людей, умеющих заслужить доверие ребят, умеющих подойти к ним.

Надо помочь ребятам, на которых всей тяжестью обрушились невзгоды жизни, надо помочь им подняться, на эту работу должны итти лучшие люди.

Долой снимающие ответственность буржуазные термины вроде «морально-дефективный».

Беспризорные, заброшенные, больные ребята должны стать родными, любимыми детьми советской республики.

«На путях к новой школе»,
1923, № 9.

ИЗ СТАТЬИ «К ВОПРОСУ О ЦЕЛЯХ ШКОЛЫ»

...Государство во все времена ставило школе определённую цель, ставит школе цель и Советская власть. Отрицать это — значило бы возражать против очевидности. Что буржуазное государство, создавая систему народного образования, преследовало свои классовые интересы, также несомненно и вряд ли вызовет возражения. Надо бы, пожалуй, остановиться на одной стране, по отношению к которой у многих могут явиться сомнения, — на Америке. Мы привыкли смотреть на Америку, как на страну, где осуществляется школою какое-то внеклассовое истинное воспитание. Однако ближайшее знакомство с современной американской школой покажет нам, как мы глубоко ошибаемся, если так думаем. Не говоря уже об особых школах для негров, в Америке вся школа пропитана архи-буржуазным шовинистским духом. Возьмём хотя бы пронлогоднюю американскую школьную неделю, цензуру учебников, надзор над школами и т. д. Странно, если бы было иначе.

Цель, которую ставит буржуазное государство школе, — служить оружием классового господства буржуазии.

Какую цель ставит себе пролетарское государство... какие цели ставит школе рабочий класс?

Эта цель идёт по линии общих целей рабочего класса. Цель заключается в воспитании поколения, которое могло бы осуществить цели рабочего класса. Каково оно для этого должно быть? Насквозь пропитано коллективистическими инстинктами, ясно понимающее, за что борется современный передовой класс, понимающее, что идеалы рабочего класса лежат на пути общественного развития, что поэтому они реальны, осуществимы. Молодое поколение должно ясно видеть пути, которые ведут к осуществлению целей рабочего класса, уметь итти по этим путям.

И буржуазия, и рабочий класс ставят школе определённые цели, но буржуазия смотрит на школу, как на средство классового господства, а пролетариат смотрит на школу, как на средство воспитать поколение, способное положить конец классовому господству. Цели буржуазного государства ведут к подавлению личности громадного большинства детей, к затемнению их сознания, эти цели идут в разрез с интересами молодого поколения; цели, которые ставит школе рабочий класс, ведут к расцвету личности каждого ребёнка, к расширению его кругозора, к углублению его сознания, к обогащению его переживаний, цели идут по линии интересов молодого поколения. В этом разница между целями буржуазии и целями пролетариата.

Многие педагоги, высказываясь против того, чтобы школе ставились цели, часто имеют в виду только одно: что дети, молодёжь не должны стать орудием для осуществления посторонних, идущих в разрез с их интересами, целей. И с этим нельзя не согласиться. Но цели, которые ставит рабочий класс, — не посторонние цели; они не идут в разрез с интересами молодого поколения. И потому, я думаю, всякий, любящий ребят и свое дело, педагог постепенно убедится, что и ему следует работать не за страх, а за совесть над осуществлением тех целей, которые ставит школе рабочий класс.

«На путях к новой школе»,
1923. № (2) 5.

ЮНЫЕ ПИОНЕРЫ

Буржуазия всех стран прекрасно знает, какую могучую власть имеют над человеком переживания детства, и потому она старается с ранних лет пропитать ребят своим духом. Усердно работает в этом направлении духовенство, усердно работают кадры послушных буржуазному правительству учителей, продажные детские писатели, жадные до наживы владетели кинематографов.

Последние годы, когда под влиянием войны обострилась классовая борьба, обострилась и борьба за детскую душу. Буржуазия широко использует бойскаутские методы, чтобы организовать ребят в верные старому строю отряды. Буржуазия прекрасно знает силу организации и не дремлет. Она внимательно изучает потребности и интересы детского возраста и старается придать детскому движению такие формы, которые увлекали бы детей, производили бы на них сильное впечатление, давали бы простор их самодеятельности.

Типичная форма буржуазного детского движения, куда буржуазия стремится втянуть как можно больше пролетарских ребят, — это бойскаутизм. Лагеря, костры в лесу, увлекательные игры, спорт — всё это так захватывает ребят, что они и не замечают, как незаметно опутывают их в этих организациях сетью буржуазного мировоззрения, как воспитывают из них послушных рабов капитала. По тому же типу, как бойскаутизм, построена в Италии фашистская детская организация «Балила»...

...У нас в России стало развиваться детское движение. Участники этого движения, ребята с 11 до 14 лет, называются «юными пионерами», работают с ними почти исключительно комсомольцы. В СССР государство в руках рабочих и крестьян, и если в буржуазных странах государственная власть стоит всецело на точке зрения буржуазии и старается всячески помешать детскому коммунистическому движению, то у нас дело как раз наоборот. И могущественная у нас коммунистическая партия и Комсомол могут беспрепятственно и широко помогать развитию детского движения. Наркомпрос и все другие советские организации идут навстречу ребятам. Возможности открыты для движения широкие.

Важно, чтобы пионерское движение как можно теснее было связано с рабочими организациями и особенно с работницами.

Что могут сделать работницы для юных пионеров?

Прежде всего сознательные работницы могут повести широкую агитацию среди малосознательных работниц и крестьянок, объясняя им, что такое «юные пионеры».

В пролетарской семье дети часто предоставлены самим себе. Отец работает на фабрике, мать тоже, а если и не работает, то завалена заботами о семье, стряпнёй, стиркой, поденщиной. Дети мыкаются без призора, легко подпадают под влияние улицы, а если и сидят дома, то видят мало радости: не до них родителям. Участие в организации «юных пионеров» даст им общение с товарищами, даст много радостных переживаний, даст знание борьбы рабочего класса, пробудит их любознательность. Всё это надо растолковать тем работницам и крестьянкам, которые недовольны, что ребята вступают в пионеры, ругают их за это. Надо объяснить им, что поступать в пионеры девочкам не менее важно, чем мальчикам. Девочек не надо держать привязанными к дому, надо, чтобы они с ранних лет приучались быть в одних организациях с мальчиками, быть с ними на товарищеской ноге,

это имеет большое значение для дальнейшего развития девушек да и мальчиков тоже. Необходимо чтобы с ранних лет девочки интересовались общественными вопросами, учились итти нога в ногу с коллективом пропитывались общественными инстинктами.

Дети жадно слушают рассказы взрослых. Пусть работницы, много пережившие, расскажут юным пионерам о пережитом: как приходилось бороться с фабрикантами, как можно было чего-либо добиться лишь путём упорной борьбы, как тяжело жилось рабочим и их семьям при царизме, как трудно было рабочему человеку пробиться к знанию в те времена, пусть они расскажут пионерам о войне, о своём участии в революции, о борьбе с белыми и т. д., и т. п.

«Юные пионеры» хотят работать, хотят иметь умелые руки — им надо много уметь, и они готовы учиться у всякого, кто может научить их. Работницы умеют многое, пусть они идут к пионерам и передадут им свои знания.

Среди пионеров немало ребят, которым тяжело живётся, у которых нет родных, которым нужна материнская ласка. Пусть работницы смотрят на юных пионеров, как на своих детей...

Работницы найдут тысячи путей, как помочь пионерам вырасти стойкими борцами, умелыми работниками будущего, хорошими коммунистами.

Работницы! Усыновите юных пионеров!

«Работница», 1923, № 8

ПОМЕНЬШЕ БАРАБАННОГО БОЯ

Пионерское движение имеет громадное значение. Оно захватывает ребят в том возрасте, когда только ещё складывается человек, развивает общественные инстинкты ребят, помогает выработке у них общественных навыков, выработке общественного сознания. Оно ставит перед ребятами великую цель, ту цель, которая выдвинута переживаемой эпохой, за которую борется рабочий класс всего мира. Цель эта — освобождение трудящихся, организация нового строя, где бы не было разделения на классы, не было бы никакого угнетения, эксплоатации и все люди жили бы полной счастливой жизнью. Эта цель такова, что может ярким светом осветить жизнь подрастающего поколения, наполнить её глубоким содержанием, необычайно богатыми переживаниями. Пионерское движение могло бы при известных условиях воспитать действительно то молодое поколение, которое могло бы справиться с теми задачами, которые встанут перед ним.

Но для того, чтобы пионерское движение могло это сделать, необходимо, чтобы оно было правильно организовано. Что для этого необходимо?

Прежде всего необходимо, чтобы каждому пионеру была ясна цель. Надо, чтобы он горел ненавистью ко всякой эксплоа-

тации, угнетению, ко всякой несправедливости, чтобы он замечал остатки старого в окружающей жизни, горел желанием их устранить. Только тогда, когда загорится в нём это желание, цель, стоящая перед пионерским движением, станет ему близка и понятна, станет его личной жизнью и тогда будет иметь решающее влияние на всю его жизнь.

Надо научить поэтому пионеров прежде всего видеть все пережитки угнетения, эксплоатации, темноты, невежества мелкособственнической психологии.

...Ещё ярче выступают у нас всяческая некультурность, дикость, темнота. Надо ребят научить их видеть и ненавидеть.

Учит ли «Барабан»[1] видеть эксплоатацию, гнёт, неустройство, некультурность нашей жизни?

«Барабан» говорит о катастрофе в Японии, о Германии, о Китае, о бушменах, но о неустройстве нашей жизни ничего не говорит, если не считать «Рассказа спичечной коробки», написанного в очень поучительном тоне. Ни одного рассказа из реальной жизни нет. Можно подумать, что кругом уже земной рай, так что и менять ничего не надо.

Тактика замалчивания тёмных сторон жизни неправильна. Пионеры в большинстве своём принадлежат к слоям населения, знающим и нужду и горе, с ними надо говорить об окружающей жизни, научить смотреть правде в глаза.

Другое — даром ничего не даётся. За поставленную цель надо уметь бороться. Важна борьба не только с оружием в руках, важны не только геройские подвиги, важна повседневная мужественная борьба со всякой эксплоатацией, темнотой, дикостью, неумелостью.

Только закалившись в этой борьбе, можно «быть готовым» на всё.

Как вести эту повседневную борьбу, должна учить пионерская организация.

За что и как бороться в семье? За что бороться в школе? За что бороться с товарищами? Что отстаивать?

Что говорит об этом «Барабан»?

Ничего. Ни одного сообщения нет о том, как, например, пионер настоял, чтобы братишку отдали в школу, как звено боролось с мастером, любящим «поучить» ученика, как звено «вывело на чистую воду» хозяйку, эксплоатирующую деревенскую девочку-прислугу. Нет сообщений о том, какую борьбу пришлось вынести таким-то пионерам, как они не позволяли обижать товарищам младших и т. д., и т. п.

Похоже на то, если судить по «Барабану», что пионерское движение совсем ещё не разработало вопроса о борьбе пионеров, не организует никак эту борьбу.

Затем пионерское движение много говорит о братской солидарности всех детей трудящихся.

---

[1] «Барабан»—журнал для юных пионеров, издававшийся Московским бюро деткомгрупп с 1923 г.

Казалось бы, вопросы взаимопомощи должны занимать крупное место в пионерском движении. Как ребята помогают друг другу учиться, как помогают друг другу материально, помогают в работе, — об этом ни слова нет в «Барабане».

И, наконец, пионеры-строители.

Что они строят? Что они устраивают? Есть ли в «Барабане» описание того, как ребята устроили для такой-то фабрики передвижку, сговорившись с библиотекой и взяв на себя доставку, выдачу книг и ответственность за них? Есть ли описание помощи звена детскому саду, фабрике, яслям? Есть ли описание работы «санитарного отряда», вообще того, что ребята устраивают? Ничего этого нет.

А если в журнале не отражается реальная жизнь, не отражается борьба юных пионеров, не отражается их взаимопомощь, их творческая, строительная работа, то журнал не выполняет своего назначения, не направляет пионерского движения на правильный путь.

Нужно поменьше барабанного боя и побольше углублённой работы.

Сборник «Коммунистическое воспитание смены» М. Молодая гвардия, 1934, стр. 29—32.

ФИЗКУЛЬТУРА

(Замечание в скобках)

Тов. Клара Цеткин, описывая своё последнее свидание с Владимиром Ильичём, вспоминает, как, уходя, он сказал ей: «Я должен рассказать Вам ещё об одной вещи, которая должна Вас особенно порадовать. Я недавно получил письмо от ребят одной деревенской школы, которые пишут мне: «Милый дедушка Ленин, мы уже умеем немного читать и писать, умеем делать всякие вещи, и мы каждый день теперь моем лицо и руки...»

«Видите, милая Клара, во всех областях мы делаем успехи. Мы становимся культурными, мы моемся даже каждый день. Смотрите, даже деревенские ребятишки строят новую жизнь. Разве можно сомневаться в том, что мы победим!»

Да, мы победим, конечно, но нам надо страшно многому учиться... и, главное, учиться во всех наших начинаниях, быть как можно ближе к жизни, внимательно учитывать условия, в которых живут наши школьники, внимательно учитывать уровень культуры.

Надо каждый раз ставить себе вопрос, как и при данных условиях можно улучшить питание ребят, добиться чистоты, как добиться освежения воздуха в классе и дома, как охранять и укреплять силы ребёнка.

Мы ужасно много говорим о таких вещах, как евгеника, евгенически-экономический принцип, идеологический процесс,

атлетика, мотоциклетный спорт и пр. и т. д., но весьма мал говорим о том, как при наших нищенских средствах добиться, путём привлечения родителей, шефства хозорганов и пр., школьных завтраков, как завести при школе машинку для стрижки волос и убедить родителей, что ребятам надо стричься, как вести борьбу со вшами, как чинить детскую одежду в шк е, как устраивать собственными силами вентиляторы... вообще, мы совершенно не говорим о тех мелочах, сумма которых определяет культурный уровень населения, о тех мелочах, которые так важны, которые надо изменить.

Школа должна стать рассадником культуры, а этого не будет долго ещё, если мы вместо того, чтобы ориентироваться на жизнь, на существующие условия жизни, будем носиться по поднебесью «мотоциклетного спорта».

«На путях к новой школе»
1924, № 2, стр. 39.

ЛЕНИН И НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ

Вопросы народного просвещения стояли в поле внимания товарища Ленина; он неоднократно высказывался по поводу них. Эти высказывания относятся главным образом ко времени после Октябрьской революции. До тех пор, пока самодержавие накладывало свою тяжёлую лапу на школу, было довольно-таки бесплодно разговаривать о школе, народном образовании и пр.; центр внимания направлялся на то, чтобы создать хоть минимальные условия для реорганизации школы.

Но уже в 1897 г. в статье «Перлы народнического прожектёрства» Владимир Ильич высказался по этому вопросу. «Нельзя себе представить идеала будущего общества без соединения обучения с производительным трудом молодого поколения: ни обучение и образование без производительного труда, ни производительный труд без параллельного обучения и образования не могли бы быть поставлены на ту высоту, которая требуется современным уровнем техники и состоянием научного знания» (том II, стр. 293).

Это точка зрения Маркса, тогда ещё мало известная даже марксистам. Владимир Ильич указывает на это: «Эту мысль высказывали ещё старые великие утописты, её вполне разделяют и «ученики»[1].

Эту точку зрения провёл потом Владимир Ильич при выработке программы ВКП.

В той же статье «Перлы народнического прожектёрства» товарищ Ленин подробно разъясняет разницу между сословной и классовой школой, разницу, которую до сих пор очень многие не понимают.

---

[1] «Учениками» называл себя марксисты по цензурным соображениям. (*Примечание Н. К. Крупской*).

«Сословная» школа требует от ученика принадлежности к известному сословию. «Классовая» школа не знает сословий, она знает только граждан. Она требует от всех и всяких учеников только одного: чтобы он заплатил за своё обучение. Различие программы для богатых и для бедных вовсе не нужно классовой школе, ибо тех, у кого нет средств для оплаты обучения, расходов на учебные пособия, на содержание ученика в течение всего учебного периода, тех классовая школа просто не допускает к среднему образованию. Классовой замкнутости вовсе не предполагает классовая школа: напротив, в противоположность сословиям, классы оставляют всегда совершенно свободным переход отдельных личностей из одного класса в другой» (т а м ж е, стр. 286).

«Классовая школа, если она проведена последовательно, т.-е. если она освободилась от всех и всяких остатков сословности, необходимо предполагает один общий тип школы».

Это написано в 1897 г., а теперь, в 1924 г., мы видим, как борьба за «единую» среднюю школу во Франции, насквозь классовую, выдаётся за великую борьбу, за коренную якобы реформу школы, проводимую в интересах народных масс. Достаточно прочесть эту старую статью Владимира Ильича, чтобы правильно оценить то, что делается сейчас, 27 лет спустя после появления этой статьи, во Франции, чтобы «великая» реформа предстала пред нами во всей своей буржуазно-классовой наготе.

Прошло много лет с 1897 г. В 1917 г. было свергнуто самодержавие, перед народом открылась возможность широчайшего строительства, и в своей речи на I съезде по народному образованию 28 августа 1918 года, за два дня перед тем, как в него стреляла эсерка Каплан, увидевшая в нём врага народа, — Владимир Ильич произнёс речь о роли школы в советской России. Эта речь прошла как-то мало замеченной, отчасти потому, что выстрел Каплан отодвинул на время все актуальные вопросы, отчасти потому, что за времена царского самодержавия вопросы народного образования не привлекали к себе внимания марксистов, и этими вопросами мало интересовались, — а речь эта очень знаменательна.

Характерно, что в ней Владимир Ильич как бы подхватывает нить своих доказательств, прерванную в 1897 г. В этой своей первой речи по народному образованию он вновь говорит о классовом характере школы.

«Иные нас упрекают в том, что школу мы делаем классовой. Но школа и была таковой во всё время своего существования. Если сейчас мы видим саботаж со стороны учителей высшей школьной ступени, так это показывает, что эти учителя хотят монополизировать нашу школу, сделать её орудием классовой борьбы, сделать её оружием, направленным против рабочих и крестьян. Да чем же собственно и вызвана хотя бы эта продолжающаяся уже пятый год бойня, как не тем, что школа была использована врагами трудового народа в своих целях? В шко-

лах старого типа ребёнку неминуемо внушаются национальные предрассудки; разжигается ненависть к другим народам, к рабочим другой национальности; юная мысль затемняется глупыми предрассудками. Школы в буржуазных странах насыщены ложью и клеветой в угоду буржуазии. Чувство ненависти к отдельным национальностям буржуазия как нельзя лучше использует в своих целях именно во время войны, которая даёт ей колоссальные барыши» (том XV, стр. 417). В этой речи поражает, какое большое значение придаёт Владимир Ильич школе в деле воспитания народных масс, каким сильным оружием классовой борьбы он считает школу. Эту мысль он повторяет и дальше.

Сказав, что «и наша школа будет классовой, но преследующей интересы исключительно трудовых слоёв населения», он заканчивает свою речь призывом: «Необходимо приложить все силы, энергию и знания, чтобы возможно скорее возвести здание нашей будущей школы, которая лишь одна сумеет оградить нас в будущем от всяких мировых столкновений и боёв, подобных тем, что продолжаются уже пятый год» (там же).

И именно потому, что Владимир Ильич придавал школе такое громадное значение, его речь была обращена не только к учительству, но и к трудовым слоям населения. «Русская же школа отныне освобождается от этой опеки буржуазии и вместе со своим освобождённым от цепей рабства народом вступает в новую жизнь на началах социализма, братства и равенства».

В своей речи на III Всероссийском съезде РКСМ 4 октября 1920 г. Владимир Ильич наиболее полно выразился по вопросу, как он мыслит, какова должна быть наша советская школа.

«Старая школа заявляла, — сказал Владимир Ильич, — что она хочет создать человека всесторонне образованного, что она учит наукам вообще. Мы знаем, что это было насквозь лживо, ибо всё общество было основано и держалось на разделении людей на классы, на эксплоататоров и угнетённых. Естественно, что вся старая школа, будучи целиком пронизана классовым духом, давала знания только детям буржуазии».

Каждое слово её было подделано в интересах буржуазии. «В этих школах молодое поколение рабочих и крестьян не столько воспитывали, сколько натаскивали в интересах той же буржуазии. Воспитывали их так, чтобы создать для неё пригодных слуг, которые были бы способны давать ей прибыль и вместе с тем не тревожили бы её покоя и безделья. Поэтому, отрицая старую школу, мы поставили себе задачей взять из неё лишь то, что нам нужно для того, чтобы добиться настоящего коммунистического воспитания».

И далее:

«Когда мы слышим нередко и среди представителей молодёжи и среди некоторых защитников нового образования нападки на старую школу, что старая школа была школой зуб-

[illegible], мы говорим им, что мы должны взять то хорошее, что было в старой школе.

Мы не должны брать из старой школы того, когда память молодого человека обременяли безмерным количеством знаний на девять десятых ненужных и на одну десятую ненужённых, но это не значит, что мы можем ограничиться коммунистическими выводами и заучить только коммунистические лозунги. Этим коммунизма не создать. Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество.

Нам не нужно зубрёжки, но нам нужно развить и усовершенствовать память каждого обучающегося знанием основных фактов, ибо коммунизм превратится в пустоту, превратится в пустую вывеску, коммунист будет только простым хвастуном, если не будут проработаны в его сознании все полученные знания. Вы должны не только усвоить их, но усвоить так, чтобы отнестись к ним критически, чтобы не загромождать своего ума тем хламом, который не нужен».

Эту мысль Владимир Ильич в течение своей речи на съезде молодёжи повторил несколько раз.

«Мы должны, — повторял он, — взять себе всю сумму человеческих знаний и взять так, чтобы коммунизм не был у вас чем-то таким, что заучено, а был бы тем, что вами самими продумано, был бы теми выводами, которые являются неизбежными с точки зрения современного образования».

И не только коммунизму должны учиться ребята.

«Перед вами, — говорил Владимир Ильич, — стоит задача хозяйственного возрождения всей страны, реорганизация, восстановление земледелия и промышленности на современной технической основе, которая покоится на современной науке, технике, электричестве.

Вы прекрасно понимаете, что к электрификации неграмотные люди не подойдут, и мало тут простой грамотности. Здесь недостаточно понимать, что такое электричество: надо знать, как технически приложить его к промышленности, к земледелию и к отдельным отраслям промышленности и земледелия. Надо научиться этому самим, надо научить этому всё подрастающее трудящееся поколение».

«Мы не верили бы, — говорил дальше Владимир Ильич, — учению, воспитанию и образованию, если бы оно было загнано только в школу и оторвано от бурной жизни.

Школа должна за то время, пока люди в ней учатся, делать их участниками борьбы за освобождение от эксплоататоров.

Только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящими коммунистами».

И дальше Владимир Ильич говорил о том, что надо все задачи учения ставить так, чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе молодёжь решала практически ту или иную задачу общего труда, пускай самую маленькую, пускай самую простую.

«Школа должна научить детей и молодежь, — говорил Владимир Ильич, — объединять свой труд, осмысливать его и планомерно его осуществлять».

Эти слова советской школы, намеченные Владимиром Ильичем, и должны проводить в жизнь учителя совместно с трудящимися слоями населения.

«О работе среди женщин».
Сб. статей М.—Л., Госиздат, 1930, стр. 62—69

О ЗАДАЧАХ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ

Одна из современных задач современного воспитания — это научить ребят работать и жить коллективно. В эпоху перехода от капитализма к социализму эта задача имеет совершенно исключительное значение.

Мы многому научились за последние восемь лет. Мы теперь гораздо яснее отдаём себе отчёт в том, что переход от капитализма к социализму означает не только обобществление средств производства, но параллельно с этим и перевоспитание всей массы людей, превращение людей из индивидуалистов, каковыми их воспитал капитализм, в коллективистов, умеющих сливаться с коллективом, находить совершенно новое радостное счастье в этом слиянии, умеющих к каждому вопросу подходить с точки зрения целого.

Надо отдать себе отчёт в том, что одной из необходимейших предпосылок возможности осуществления коллективизма является тесная связь между людьми, близость их между собой, умение до конца понимать друг друга...

Средством общения между людьми является слово. Надо учитывать, как страшно повысила наша революция умение говорить. Рабочие массы были страшно беспомощны в деле выражения своих мыслей словами, т. е. значит, не могли люди говорить, а теперь говорят. Как многое научила революция, научил всех революционный период говорить. Этого уж ничем никакие белогвардейцы не могут изменить, — люди научились говорить и теперь самым лучшим понимать друг друга.

Но слово не единственный способ общения между людьми, «холоден и жалок пишущий наш язык».

Пока язык человека был не развит, мог выражать очень немногое (у диких первобытных народов), сильно были развиты другие способы выражения своих мыслей и чувств — мимика, жест, интонация; интонация, оформленная ритмом, выростала в музыку, мимика, жест — в ритмические движения, в танец. Я не знаю, — далеко стою от искусства, — но мне кажется, что изучение музыки, танцев, вообще искусства малокультурных народов проливало свет на то, что такое музыка, танец, пение. Вероятно в истории искусства об этом рассказано.

И когда мы хотим построить художественное воспитание ребят, мы должны ознакомиться с этой историей, она может

открыть перед нами совершенно новые подходы к художественному воспитанию детей.

Ребёнок лишь постепенно научается говорить, долгое время запас слов его скуден, конструкция бедна, а переживания сильны, есть у него известные уже мысли и чувства. И ребёнок прибегает к интонации, к мимике, к жесту. У ребят они гораздо богаче развиты, чем у взрослых.

Стремление к общению растёт у ребёнка всё больше по мере того, как он научается выражать себя. Возраст 7—12 лет характеризуется развитием общественных инстинктов. Умение выражать свои мысли и чувства сближает.

Обычно семья и школа стремятся сдерживать у ребёнка выявление им себя. И поэтому ребёнок с возрастом становится менее живым, менее экспансивен. Его учат часто музыке, танцам, сознательно с выражением стихов, — но это уж нечто другое, это уж не выражение собственных мыслей и чувств ребёнка, это подражание, в большинстве случаев подражание выражению себя взрослыми.

Правильно ли по мере обогащения речи подавлять мимику, жест, интонацию? Неправильно. И у взрослого человека эти формы выявления себя способствуют лучшему пониманию людьми друг друга. Какой оратор наиболее захватывает аудиторию? Тот ли оратор, который говорит деревянным голосом, без всякой интонации, с маскообразным лицом, не двигаясь, или оратор, речь которого полна выражения, интонации, глаза которого загораются, на лице и в жесте которого отражаются его мысли и чувства?.. Конечно, дело не в искусственных повышениях и понижениях голоса, шаблонных, театральных жестах, беганьи по трибуне, — рабочая и крестьянская аудитория и в жестах и в интонации, как и в словах, требует соответствия выражаемым мыслям и чувствам. Но нет сомнения, что сила второго оратора во много раз выше.

Музыка, танец, театр захватывают нас часто — если они созвучны нашим переживаниям — до крайности...

Недостаточность словесного переживания своих мыслей особенно остро почувствовалась в революционное время и вызвала у нас в искусстве искания — не очень, правда, удачные — новых форм выражения...

Надо ли гнаться за тем, чтобы дать подрастающему поколению возможность наиболее полно, наиболее разносторонне выражать свои мысли и чувства? Думается, что да. Ибо выражение оформляет мысли, углубляет чувства. Выражая себя, человек растёт. Как в процессе речи, устной и письменной, человек лучше осознаёт свои мысли, так и, выражая свои переживания в песне, в танце, в мимике, человек лучше осознаёт себя. Мне кажется, изречение древних «познай самого себя» имело в виду не познание в себе, а именно это познание себя в процессе выражения.

При художественном воспитании важно особенно внимательно

ное отношение к тому, чтобы не подавлять естественный рост выражения себя в песне, ритме, музыке, танце, не навязывать ему сложных развитых форм этого выражения у взрослых...

Взрослые так часто не понимают ребёнка, характера его восприятий, характера его выражения себя... Например, понимают ли взрослые неотделимость для ребёнка содержания от формы? Посмотрите, как слушает ребёнок сказку: он не позволит вам при повторении сказки изменить ни одного слова, — если первый раз девочка была в голубом платье, то потом уже нельзя сказать никак, что она была в розовом... Ребёнок воспринимает и форму и содержание целостно... У малокультурного человека наблюдается то же самое. Я наблюдала в воскресной школе малограмотных. Для них пересказ представляет неимоверные трудности. Не потому, что взрослому неглупому человеку непонятно содержание прочитанного, но потому, что он стремится передать рассказ дословно: и для него форма не отделима от содержания. Когда дело идёт о переложении басни или стиха, тут дело обстоит ещё хуже: малограмотный старается передать не только как можно точнее, теми же именно словами содержание, но стремится воспроизвести и ритм. Бывали случаи, что на поверочных работах учащиеся пытались дать изложение в стихах...

Нужно наблюдать и наблюдать ребят в области их художественного выявления себя. Эта целостность и неразделимость образов у ребят выражаются и в рисовании. Ребёнок никогда не рисует отдельных частей — голову, руку, он старается изобразить ландшафт, хоровод, целую сцену так, как она запечатлелась у него.

Отсюда, по-моему, вытекает необходимость пронитанности всех занятий в школе I ступени элементами искусства, но не выделение различных форм искусства в отдельные предметы, отдельные отрасли искусства.

Такое разделение уместно во II ступени, в период полового созревания, когда у ребят появляется потребность в анализе, в расчленении, в дифференциации, в самоуглублении. В этот период искусство имеет особое значение именно потому, что оно позволяет подростку лучше осознать себя.

Но умение выражать себя, это одна сторона дела, другая — умение понимать других. Для этого нужно созвучие в их переживаниях. Для того чтобы понять другого, надо самому пережить много. Человек, который сам не переживал сильных эмоций, сам не думал,—не поймёт и другого.

Но в одиночку человек может развиваться только до известного предела, очень незначительного, а там его опыт должен оплодотворяться опытом других. Опыт других, созвучный развивающемуся ребёнку, близкий ему, дающий материал для сравнения, ведёт ребёнка вперёд. Чем шире будет этот усваиваемый, впитываемый чужой опыт, тем больше вынесет из него ребёнок, тем более коллективным человеком он будет расти.

Необходимо научить ребёнка воспринимать опыт других. Тут искусство может дать опять-таки колоссально много. Не только надо научиться слушать речь другого, но надо научиться слушать и его интонацию, его песню, читать на его лице, читать его движения, жесты, рисунки...

Про Владимира Ильича часто говорят, что он умел слушать рабочих и крестьян. Но он не только слушал, он — воспринимал каждую интонацию, каждый жест говорившего, улавливая по этому его настроение, степень искренности и пр.

Как научить ребят воспринимать переживания чужих? Мне кажется, что базой для этого должны быть сильные коллективные переживания — совместное пение близкой, понятной песни, совместные коллективные движения (игра), коллективная декламация и пр. Конечно, не только это, но и коллективный труд, сопровождаемый песней, коллективная радость, всякая, всеми ребятами ощущаемая эмоция.

Особенно важно крепить коллективные эмоции в возрасте от 7 до 12 лет, когда у ребёнка так ярко выражается социальный инстинкт, стремление всё делать сообща. Искусство тут может сыграть очень большую роль.

Школа I ступени должна дать прочную базу закреплённого социального инстинкта, на котором самоуглубление, свойственное переходному возрасту, развивалось бы уже на базе прочных социальных коллективистических навыков и, благодаря этому, протекало бы наиболее нормально.

Целый ряд самых серьёзнейших проблем возникает в связи с художественным воспитанием. Тут нужны новые пути.

Надо помочь ребёнку через искусство глубже осознавать свои мысли и чувства, яснее мыслить и глубже чувствовать. Надо помочь ребёнку это познание самого себя сделать средством познания других, средством более тесного сближения с коллективом, средством через коллектив расти вместе с другими и нести сообща к совершенно новой, полной глубоких и значительных переживаний жизни[1].

[1] «Художественное воспитание в школе I ступени» (Научно-педагогическая секция ГУСа.) М., «Работник просвещения» 1926, стр. 14—17.

РЕЧЬ НА II ВСЕСОЮЗНОМ СЪЕЗДЕ ПИОНЕРСКИХ РАБОТНИКОВ

Начну со старой школы, с буржуазной школы. Массовая буржуазная школа стала зарождаться тогда, когда стал широко развиваться капитализм. При старом натуральном хозяйстве можно было, чтобы рабочие и крестьяне были неграмотны потому, что производство было так элементарно, так просто, было замкнуто в определённые рамки, что тут не требовалось ни грамотности, ни какого бы то ни было развития. Но когда в начале XIX века широко стал развиваться в Европе капитализм,

тогда перед буржуазией стал вопрос, как этих многочисленных рабочих, которые скоплялись на фабриках и заводах, нельзя подготовить к тому, чтобы можно было их наиболее производительно использовать. И вот тогда мы видим, что буржуазия начинает придумывать всевозможные способы массового обучения. Характерно, что в это время создаются большие школы для обучения многих сотен ребят — для обучения элементам грамотности. Развиваются широко, так называемые, Ланкастеровские школы. Учителей достаточно не было, и создавался план взаимного обучения в этих Ланкастеровских школах. И в дальнейшем мы видим, что из народное образование буржуазия обращает большое внимание. В настоящее время в большинстве капиталистических стран начальная школа охватывает почти всех ребят, и там даётся не простая грамота, но уже определённый круг знаний, хотя, правда, и элементарных. Таким образом, развитие производственных сил, развитие народного хозяйства и промышленности ставит даже перед буржуазией вопрос о необходимости создания массовой школы, о необходимости обучения всех поголовно ребят грамотности, сообщения им элементарных сведений, сообщения тех знаний, которые дают им определённое развитие. И тут же у буржуазии получается противоречие. С одной стороны, она не может обойтись без того, чтобы обучать грамоте ребят, а с другой стороны — это обучение грамоте и знания, которые ребята получают, расширяют их кругозор, будят их мысль, а капиталистам чрезвычайно неудобно иметь развитых рабочих, которые понимают, что кругом делается, понимают смысл происходящего, понимают суть капиталистического строя. И мы видим, как в буржуазной школе, наряду с сообщением полезных и нужных знаний засоряют мозг ребёнка. Религиозное представление о том, что буржуазное общество есть общество, самим богом устроенное и искони существующее, передержки всяких исторических фактов, развитие шовинизма, затем свирепая дисциплина, дисциплина не внутренняя, а чисто внешняя, вдалбливаемая при помощи палки, — всем этим старается буржуазия уравновесить тот плюс, который даёт массам знание.

Конечно, о самоуправлении в буржуазной школе, в массовой народной школе и речи быть не может. Совершенно откровенно буржуазия говорит, что надо уметь править «разделяя», и там даже открыто в педагогических книжках даются советы учителю, как он должен наиболее способных учеников выдавливать, вести с ними беседы и отделять от массы других ребят. Это — «править, разделяя», — есть то, что является неотъемлемой характерной чертой старой буржуазной школы.

Теперь, как обстоит дело у нас? Конечно, у нас вопрос о проведении всеобщего обучения, об углублении тех знаний, которые должна дать школа всем ребятам, стоит ещё много острее. Особенно остро встала эта задача за последний год. За последний год, когда экономически страна сделала крупные успехи, мы видим со стороны крестьянства напор на школу, а

[illegible] и деревне со школой, надо сказать прямо, дело обстоит [illegible] очень плачевно — сорок пять процентов детей, посещающих школу на круг, — нужно считать для настоящего момента [illegible] крайне ничтожным процентом. Когда у нас было натуральное хозяйство, тогда можно было жить при 45% охвата учащихся в школах, а теперь, когда мы стоим перед вопросом, что надо поднять промышленность страны на гораздо более высокий уровень, чем довоенный, когда надо идти в ногу с капитализмом, идти впереди капиталистических стран и даже не [illegible] в смысле организации промышленности, организации производства, потому что, если Советская Россия не перегонит в этом отношении буржуазные страны, то рано или поздно она будет побеждена — тут нужна упорная борьба за развитие промышленности, и эту борьбу нельзя вести, если школа не будет на достаточно высоком уровне. И массы это очень хорошо сами [illegible]т. У нас в Наркомпросе мы постоянно видим крестьян, которые приходят разговаривать насчёт школ, которые рассказывают, как они делают то-то и то-то, просят помощи и т. д. И эти посещения всё увеличиваются и увеличиваются, и видно, как инициатива прёт с низов. Это показатель того, что наступил момент, когда всеобщее обучение нужно провести во что бы то ни стало.

Конечно, и Советская власть и коммунистическая партия стараются вместе с знаниями, которые даёт школа, дать также и развитие, дать понимание того, куда идёт общественное развитие, понимание того, что кругом делается, дать известное марксистское мировоззрение. Конечно, это немножко громкое слово — марксистское мировоззрение. Иногда такие большие слова повторяются ребятами. Ко мне недавно пришла девочка немножко выше стола и на мой вопрос, что они делают в будни, не в праздники, а в будни в детском доме — очень важно мне ответила: «изучаем ленинизм». Если ребята так начнут говорить и о мировоззрении, то это будет вредно, неестественно, потому что у них нет ещё ясного представления о том, что такое мировоззрение. Но мы можем дать им известное марксистское понимание окружающего, не говоря таких больших слов. Когда [illegible] заходила о школе, Владимир Ильич говорил, что одна из самых важных задач, которые стоят перед Наркомпросом — это создать программу, в которой может быть и не упоминалось слово марксизм, но которая по существу дела показывала бы связь явлений в их настоящем виде, которая показывала бы, как связаны различные отношения в природе, хозяйственные, общественные, которая показывала бы эту увязку; дать такое ясное представление о связи явлений, о развитии этих явлений — это значит дать основу марксизма. Наркомпрос бился над этой задачей. Задача эта чрезвычайно трудная, потому что надо это сделать на самых простых элементарных фактах, в форме, доступной ребятам. Если мы будем говорить детям о марксизме и т. д., то из этого ничего хорошего не

ыйдет. Но мы должны ребятам на простых примерах дать по-
нимание, например, зависимости между природой и хозяйствен-
ой жизнью, между хозяйственной жизнью и общественной
жизнью, между разными сторонами общественной жизни.. дать
понимание этой связи. Всё это кажется элементарным, но
в этом и заключается вся задача — на простых примерах,
понятных ребятам, показать им настоящую сущность явле-
ний. Задача нашей советской школы не только дать определён-
ную сумму знаний, но и показать, как эти знания с жизнью
жизнью связаны, как они могут эту жизнь изменить. Конечно,
если мы теперь перейдём к вопросу об отношении пионердвиже-
ния к школе, то мы должны сказать, что пионердвижение за-
интересовано в том, чтобы школа была поставлена как можно
лучше и чтобы пионердвижение использовало эту школу в
максимальной степени. Тут говорили, что вожатый должен зна-
комиться с программой — это правильно. Мне кажется, что
должна быть самая тесная смычка между школой и пионердви-
жением, между учителем и вожатым, между программой школы
и программой пионеработы, потому что без этой смычки пио-
неры не могут заниматься так основательно, как этого требует
от них жизнь, требует текущий момент.

Думать, что беседы у костра могут заменить школу, это
ошибочно, потому что беседы у костра могут дать главным об-
разом, настроение, могут дать возможность уловить ту или иную
мысль, но понимания общей связи, — а связь это самое главное, —
эти беседы у костра дать не могут. Они помогут сплотить ре-
бят в одном переживании, в одном чувстве так, как не может
этого сделать школа. Это дает именно пионердвижение. С дру-
гой стороны, новая школа совершенно не может обойтись без
пионердвижения. Если мы будем строить не просто старую,
просто прикрашенную школу, а по существу новую школу, то
она нуждается в таких учащихся, которые были бы самостоя-
тельны, которые были бы организованы в какой-то коллектив,
сплачивающий ребят, воспитывающий в них внутреннюю дисци-
плину. Буржуазная школа никогда не уживалась и не уживается
с пионерским движением. Она неминуемо будет с ним во враж-
дебных отношениях.

Советская же школа с её стремлением дать ребятам маркси-
стское понимание окружающего, дать уменье претворять знание
в жизнь, она как раз нуждается и не может существовать без
пионерского движения.

Коммунисты часто говорят: у коммунистов три задачи: учить-
ся, пропагандировать и организовывать. И это относится также
и к пионердвижению...

Одна из задач пионердвижения — углублять те знания, кото-
рые даёт школа, научить ребят сознательно относиться к тому,
что говорит учитель, и потому вожатым надо знать программу,
по которой учат в школе. Надо, чтобы определённые вещи, ко-
торые говорит учитель, чтобы они в пионерском движении были

подчёркнуть для того, чтобы ребята некоторые вещи лучше себе уяснили. В отрядах надо подчёркивать и освещать такие, например, вопросы, как вопрос о классовой борьбе, о международном рабочем движении, о национальном вопросе, о борьбе трудящихся всех стран. Все эти вопросы надо гораздо больше подчеркнуть, и это как раз можно сделать при помощи пионерского движения...

...Затем я хотела обратить внимание на одну сторону. Дело Маркеветы говорят: во-первых, надо учиться, во-вторых пропагандировать. И вот с самых малых лет ребят важно учить такому подходу: что узнал, передавай, растолковывай другим ребятам.

Сейчас часто комсомольские и пионерские ячейки стараются замкнуться, отгородиться от широкой массы ребят и молодёжи, поставить себя над этой массой. Тут забывается основная задача, которая стоит перед коммунистической партией, которая стоит перед комсомолом и которая стоит перед пионерским движением — это общество переработать так, чтобы не было классов. Вл. Ильич раз пришёл с докладом на собрание профсоюзов и увидел плакат, на котором было написано, что царству рабочих не будет конца. Он в речи отметил, что это совершенно неверно. Нельзя так говорить: царству рабочих не будет конца. Разве мы хотим увековечить классовое общество? Социализм означает общество, где никаких классов не будет, где все будут трудиться, социализм означает такую организацию общества, где теперешнего разделения на классы не будет. Чем молодой возраст, тем больше и шире нужно стараться захватывать в рамки организации другие слои. Впечатления детства самые сильные. Если ребёнок родился, скажем, от купца, от какого-нибудь буржуя, он не виноват в своём рождении, важно, чтобы у него миросозерцание было такое, которое совпадало бы с миросозерцанием рабочих, чтобы у него выработалась рабочая идеология. Взрослому очень трудно перемениться: человеку в 40 лет, который всё время занимался выколачиванием прибавочной стоимости, трудно превратиться в человека, который будет интересоваться тем, чтобы рабочие победили, чтобы рабочие организовались и вернее шли к цели. А в 20 лет это, конечно, более вероятно. А в 12 лет человек ещё никого не эксплоатировал. В среде товарищеской у него может легко выработаться ясное пролетарское миросозерцание, и он может стать горячим борцом за дело рабочего класса. Вот этого часто мы не понимаем. У меня есть письмишко — я хотела захватить его, но забыла — одного мальчика, 13-летнего, который жалуется, что его не принимают в пионеротряд, а не принимают потому, что он сын кустаря. Я думаю, что тут уже перехвачено через край, как больше нельзя перехватить. Владимир Ильич в своём «Развитии капитализма» (это одно из основных его сочинений, которое и сейчас совершенно не устарело и сейчас проливает яркий свет на очень многое) говорит, что рабочий класс состоит из различных слоёв: из заводских рабочих — это передовой отряд, который сами-

ми условиями своей работы на фабрике делается сознательным, способным к организации, затем из более отсталых слоёв рабочего класса: кустарей и затем сельских рабочих. Таким образом в понятие рабочего класса у него входят не только заводские рабочие, а также и рабочие, ремесленники — кустари и сельскохозяйственные рабочие. А мы даже в пионеры не принимаем ребёнка потому, что его отец кустарь. Идя таким путём, мы укрепляем не только старое классовое общество, мы создаём отсталое сословное общество, создаём какие-то сословные переголодки. Тут существует большая опасность. Изоборот, чрезвычайно важно, чтобы пионеры старались другим ребятам передать то, что они поняли, что они знают. Поэтому я думаю, что то, что они поняли в школе, что они потом углубленно прорабатывают в пионерском отряде, они должны стараться другим ребятам и в школе и вне школы разъяснять.

Относительно организационного вопроса в детдвижении я не буду говорить, так как я не работаю практически в детдвижении. Скажу лишь пару соображений.

Нельзя думать, что если человек коммунист, то это уже означает, что он годится в вожди детдвижения. Я знаю массу коммунистов, которые о педагогических вопросах, о подходе к детям часто никакого представления не имеют. В этом отношении комсомольцы гораздо лучше, потому что ребята, естественно, тянутся к более близкому возрасту. Комсомолец может влиять на ребят, потому что он естественный авторитет. Это надо принимать во внимание...

«О детском движении (сборник) М., «Молодая гвардия» 1926, стр. 97—119.

РЕЧЬ НА СОВЕЩАНИИ ПО ФИЗИЧЕСКОМУ ВОСПИТАНИЮ ШКОЛЬНИКОВ В МАССОВОЙ ШКОЛЕ

«Мы начали великую войну, которую мы не скоро окончим: это бескровная борьба трудовых армий против голода, холода, сыпняка, за просвещённую, светлую, сытую и здоровую Россию, но мы кончим эту войну такой же решительной победой, какой окончили и борьбу против белогвардейцев»... (Ленин, Речь на беспартийной конференции Краснопресненского района от 26 января 1920 года).

Совещание по физическому воспитанию школьников в массовой школе имеет важное значение. Массовая школа — это школа 1-й ступени, охватывающая возраст от 8 до 12 лет. Советская школа, органически связана с детдвижением, она стремится стать культурным центром для всей детворы. Поэтому данное совещание в сущности является совещанием по вопросам укрепления здоровья, по вопросам укрепления сил нашей детво-

ли, так много пережившей лишений в годы своего самого нежного детства — 18-й, 19-й, 20-й годы. У наших ребят возраста 9—12 лет организм подорван годами гражданской войны и голода, и, готовя смену смене, мы должны особенно внимательно и заботливо относиться к здоровью детворы...

Данное совещание — начало кампании, которую развёртывает Соцвос за укрепление здоровья детей. Соцвос не сомневается, что ему на помощь в этом деле всячески придут Наркомздрав, Нарпит, «Друг детей», все и всяческие общества и объединения, придёт на помощь все организованное население, возьмутся за это дело — под председательством пионеров — и сами школьники.

Соцвосу нужно, прежде всего, поставить пропаганду основ физического воспитания.

Надо вести эту пропаганду и в городе, и в деревне. Надо не летать по поднебесью, не говорить о залах с душами и прочим, а всё внимание направить на достижимое, на работу в условиях наших плохих зданий, плохих жилищ, в условиях нашей тёмной деревни. Надо ставить пропаганду и словом, и делом.

Я рассказывала как-то Владимиру Ильичу о той работе, которую развёртывает 1-я опытная станция Наркомпроса в Калужской губернии в деле физвоспитания деревенских школьников. (Тогда станция делала ещё первые шаги в этом направлении, теперь эта работа у неё развернулась очень широко.) «Вот это настоящее дело, а не болтовня», — заметил Владимир Ильич. И потом он говорил как-то, смеясь, Кларе Цеткин по поводу одного ребячьего письма: «Ребята мне пишут, что они — подумайте только — каждый день моются, моют руки перед едой, — как же не быть уверенным после этого, что мы победим».

Наркомпрос и Наркомздрав мало до сих пор вели борьбу за здоровье ребят — за Россию здоровую. Наркомпрос старался больше насчёт России просвещённой, но откладывать этого дела нельзя.

Вопрос идёт по отношению к детям не о спорте, маршировке и пр. — вопрос идёт о сне и отдыхе, о питании, о свежем воздухе, о купанье, о самых простых вещах, но которые так страшно важны для благополучия наших ребят — для их развития. Мы — материалисты и потому знаем, что физическое и психическое — это нечто неразрывное, и что здоровая душа, если говорить старыми терминами, водится лишь в здоровом теле.

А насчёт «здорового тела» у нас весьма даже плоховато. Приходят ко мне как-то пионеры из Костромы с бледными, тёмными лицами. — «Что же это, говорю, ребята, вы первой заповеди пионеров не выполняете: «Пионер должен иметь красные щёки». В плохих условиях, что ли, живёте?» «Нет, — говорят, — ничего. Только у нас «индивидуальную» физкультуру отменили, трудно очень». Ребята усумнились — действительно ли нужно пионеру, прежде всего, иметь красные щёки, и совсем уж недоумевали, что для этого нужно делать.

Пропаганда элементарнейших правил физвоспитания нужна для ребят, для учителей, для совпадов, для женотделов, для каждого общественного деятеля. Они все должны знать, что нужно делать, чтобы у ребят были красные щёки.

Надо организовать беседы врачей на эту тему с ребятами, с учителями, с представителями районных школ, с секциями советов, с женотделами и т. д.

Сейчас самое главное — не столько разработка каких-нибудь новых мудрёных истин в области физвоспитания, самое главное в понимании, что надо делать, а затем в организации, в систематической общей работе над укреплением здоровья ребят...

Хотелось бы, чтобы совещание по физическому воспитанию ребят было бы первой ласточкой в деле широкого общественного движения по укреплению здоровья детворы.

«О детском движении» (сборник). М., «Молодая гвардия», 1926, стр. 97—110.

ПИОНЕРСКАЯ ДИСЦИПЛИНА

...Чтобы добиться поставленной цели, надо действовать дружно, сообща. Другой раз и не хочется чего-нибудь делать, а приходится — нельзя действовать врозь.

Что надо действовать дружно — это все ребята понимают. И когда случается, что тот или иной пионер не подчиняется общим решениям, тогда и ребята, и вожатый сердятся, читают ему выговоры, а бывает — исключают из отряда.

Выходит, дисциплина в отряде принудительная, пионер подчиняется постановлениям из страха быть исключённым. Правильно ли это?

В своей брошюрке «Великий почин» Владимир Ильич писал о том, что при капитализме люди работают только из-за выгоды, при капитализме царит принудительная дисциплина, при коммунизме же принудительной дисциплины не будет, будет дисциплина добровольная. Владимир Ильич очень хвалил субботники потому, что субботники были примером добровольной дисциплины. Кончается работа в субботу, можно бы отдохнуть, а люди вместо отдыха дружно берутся за выполнение часто самой тяжёлой, самой скучной работы. Никто их не заставлял работать, а шли и работали потому, что понимали, как важно было в то время справиться с разрухой.

Пионерский отряд — это детская организация, которая хочет довести дело Ильича до конца. Вот почему пионерам можно воспитывать в своих рядах не принудительную, а добровольную дисциплину.

Как это сделать? Откуда берётся добровольная дисциплина? Из ясного сознания, что именно так, а не иначе, надо сделать.

У мальчика заболела мать. Ей надо достать лекарство. За лекарством надо итти десять вёрст. На дворе ночь. Мальчик

любит мать. Его никто не посылает за лекарством. Но он берёт рецепт и один ночью, не отдыхая ни минуты, идёт через лес, чтобы достать матери лекарство. Что заставляет его так действовать? Любовь к матери и сознание того, что лекарство спасёт мать. Вот и пионерам надо ясно сознавать, что и для чего они делают. Тогда и среди них будет укрепляться добровольная дисциплина.

В мастерской или клубе работают только старшие пионеры. Младших ребят к верстаку не допускают. Они растащили пилки, пролили клей. Их ругают: «Какие вы пионеры? Вас надо исключить из отряда, хулиганы!» Правильно ли это? Нет. Случившееся показывает, что неправильно было поставлено дело, что надо было и младших вовлечь в работу — дать им варить клей, делать работу, не требующую большой силы, и т. п. Тогда ребята не разливали бы клей, не таскали бы пилки, не хулиганили бы. Виноваты ведь не столько нахулиганившие младшие, сколько не позаботившиеся о них старшие. А если заинтересовать бы ребят, у них развилась бы внутренняя дисциплина, они не мешали бы общей работе, а участвовали в ней.

Таких примеров немало. Вы найдёте их сами достаточное количество.

«Пионерская правда», 1927, № 1.

ЛЕНИН О ПРОСВЕЩЕНИИ И НАРОДНОМ УЧИТЕЛЕ

Сын педагога-шестидесятника, много поработавшего на поприще организации начальных школ, Владимир Ильич всегда принимал близко к сердцу дело постановки народного образования и высоко расценивал роль народного учителя. Его слова из «Странички из дневника» слишком хорошо известны, так что нет надобности их повторять.

Владимир Ильич всегда учитывал тот факт, что громадное большинство учительства близко стоит к рабочему классу и к трудящейся части крестьянства, живёт их интересами. Этот факт заставлял его относиться с доверием к учительству. Особенно характерна в этом отношении его речь на II Всероссийском съезде учителей-интернационалистов, имевшем место в январе 1919 года (см. т. XX, ч. II соч. В. И. Ленина).

Руководители союза учителей-интернационалистов опасались расширять рамки союза, им казалось, что та ожесточённая борьба, которая шла между учителями, с самого начала ставшими на сторону советской власти, и учителями, придерживавшимися старых порядков, диктует сугубую осторожность. Уже год шла эта борьба. Выступая на съезде, Ленин начал с того, что выразил уверенность, что теперь после годовой борьбы этой борьбе должен прийти и приходит конец. «Нельзя сомневаться в том, — говорил он, — что громадное большинство учительского персонала, который стоит близко к рабочему классу и трудящейся

части крестьянства, что оно в громадном большинстве убедилось теперь, как глубоки корни социалистической революции, как неизбежно она распространяется на весь мир, и я думаю, что теперь громадное большинство учительства, несомненно, искренно встанет и будет становиться на сторону власти трудящихся и эксплоатируемых в борьбе за социалистический переворот и в борьбе с той частью учительства, которая до сих пор, оставаясь на почве старых буржуазных предрассудков и старых порядков и лицемерий, воображала, что может что-нибудь сохранить от этих порядков».

И потому, что Ленин был уверен, что народный учитель будет заодно с массой и вместе с ней пойдёт за советской властью, он стоял за широкий учительский союз. Он говорил: «Сейчас главная задача той части учительства, которая встала на почву Интернационала, которая встала на почву советской власти состоит в том, чтобы создать более широкий и по возможности всеобъемлющий учительский союз». Ленин говорил союзу учителей-интернационалистов: «Задача вашего союза—привлечь сюда самые широкие учительские массы в вашу семью, задача воспитать наиболее отсталые слои учительства, подчинить их общепролетарской политике, связать в общую организацию». Из этих слов Владимира Ильича ярко выразился его взгляд на профсоюз как на «школу коммунизма». Он говорил о том, что колеблющиеся демократические элементы силою вещей вынуждены переходить на сторону советской власти, потому что они убедились, что всякий другой путь невольно толкает их на путь защиты белогвардейцев и международного империализма. Владимир Ильич не мыслил себе, конечно, что учительский союз может остаться «нейтральным». Он не сомневался, на чью сторону станет учительский союз в борьбе труда и капитала. Он считал, что «полноправным членом профсоюза может быть только тот, кто признаёт революционную борьбу за социализм путём диктатуры пролетариата».

В этой своей речи Ленин говорил о тех необъятных задачах, которые встанут перед учительским профсоюзом. Основной задачей союза будет борьба за то, «чтобы знание и наука перестали быть делом привилегированных, перестали быть материалом, который укрепляет позицию богатых и эксплоататоров, и превращались бы в орудие освобождения трудящихся и эксплоатируемых».

Широкий учительский союз необходим для того, чтобы было можно было создать новую социалистическую школу. Буржуазия, говорил Владимир Ильич, «во главу угла школьного дела ставила свою буржуазную политику и старалась школьное дело свести к тому, чтобы натаскать для буржуазии покорных и расторопных слуг, исполнителей воли и рабов капитала, никогда не заботясь о том, чтобы школу сделать орудием человеческой личности, вне класса. И теперь ясно для всех, что это может сделать только школа социалистическая, стоящая в непримиримой

глазъ со всеми трудящимися и эксплоатируемыми и стоящая не за страх, а за совесть на советской платформе».

В этом высказывании Владимира Ильича особо важна его мысль о том, что только социалистическая школа может быть трудием воспитания человеческой личности. Эту мысль надо особенно подчеркнуть. Наша советская школа, увлекаясь, по вполне понятным причинам, вопросом коллективистического воспитания, оставляла в тени вопрос о воспитании человеческой личности. Школа, организуемая капиталистическими государствами, школа учёбы, школа с принудительной дисциплиной подавляет самодеятельность ребят, мешает развёртыванию человеческой личности, коверкает её. Лишь школа труда, школа, тесно связанная с окружающей жизнью, с интересами ребёнка, открывающая ему различные сферы приложения своих сил, школа, учащая коллективной жизни, ставящая перед учащимися высокие цели, создаёт впервые условия для развития человеческой личности.

Воспитание коллективиста должно быть соединено с воспитанием всесторонне развитого, внутренне дисциплинированного человека, способного глубоко чувствовать, ясно мыслить, организованно действовать.

В настоящее время, когда определено уже содержание преподавания в школе, вопросы воспитания всё более и более выступают на первый план, всё более привлекают к себе внимание учительства. И теперь высказывание Владимира Ильича имеет поэтому особую ценность.

В этой же своей речи Владимир Ильич, говоря о необходимости тесной связи школы с политикой, прибавляет: «Конечно, дело перестройки школы — дело трудное. И, конечно, тут бывали и сейчас наблюдаются ошибки и попытки принцип связи школы с политикой перетолковать и извратить в грубый и уродливый смысл, как пытаются внести эту политику в умы ещё молодого подрастающего поколения, которому следует подготовиться. И несомненно, что с этим грубым применением основного принципа нам всегда придётся бороться».

Что имел тут в виду Владимир Ильич? Из других его речей ясно, что под извращением принципа связи школы с политикой он имел в виду превращение коммунистического по своему духу воспитания в новую учёбу, когда ребят заставляют заучивать и повторять вещи, которые им непонятны, когда не связывают учение с общественной работой, когда не учат ребят жить и работать сообща, помогая во всём друг другу, когда коммунизм превращают во что-то, ничего общего с настоящим живым коммунизмом не имеющее.

Без малого девять лет прошло со времени этой речи Владимира Ильича. Просвещенцы давно уже стоят на платформе советской власти, стремятся воспитывать молодёжь в духе ленинизма, готовят новое поколение, которому выпадет на долю дело Ленина довести до конца. Цели перед просвещенцами

[illegible] громадные и по своему значению, и по своей глубине, и по своему охвату. Ленин учил нас с доверием относиться к просвещению.

Просвещенец всё бережнее будет держать знамя Ленина, выше поднимать его.

«На путях к новой школе»,
1927, № 10, стр. [illegible]

О КОЛЛЕКТИВНОМ ТРУДЕ ДЕТЕЙ

Мы часто упрекаем детей в лени, в лодырничестве, забываем, что дети есть дети, и то, что для нас кажется игрой, для них — подлинный труд.

Ребёнок долбит из коры дерева лодку. Цель — сделать модель лодки — для взрослого кажется пустячной, детской, ненужной, но он с интересом рассматривает модели новых машин, а между тем, изготовляя модель лодки, ребёнок учится: он узнаёт на практике, на опыте ряд законов природы, он узнает свойства материала, из которого делают лодку, он научается применять тот инструмент, которым он работает, и преступна мать, которая выбрасывает в печку лодку сынишки, она мешает сынишке расти квалифицированным рабочим.

Иногда ребята затевают что-либо вместе, вместе мастерят что-либо. Иногда строят во дворе печку, иногда мастерят модель аэроплана, устраивают какой-нибудь уголок, для школы приготовляют рамки, картинки и пр., иногда устраивают сообщ. грядки и т. п.

Взрослый лучше всего сделает, если не будет вмешиваться в эту игру-труд, ибо его авторитет, умелые руки настолько превышают детские уменья, что игра перестанет интересовать ребят, интерес к ней пропадает; но когда ребята обращаются к взрослому за советом, он должен помочь им советом, показом, отнестись к ним по-серьёзному.

Совместную работу детей надо особенно ценить — это зачатки коллективного труда. В этом коллективном труде развёртываются лучше всего силы ребёнка. Помню, как в детстве мы, — трое девчат десяти-одиннадцати лет — решили устроить зоологический сад для малышей; надо было раздобыть денег — собрали по квартирам старые пузырьки и коробочки, продали их в аптеку за пятьдесят копеек — первоначальный капитал. Затем сговорились с одной тётушкой о том, что она будет нам платить какие-то гроши за вышивку каких-то тесёмок для белья — очень усердно вышивали, заработали, должно быть, больше рублёвки. В библиотеке перерыли все каталоги, отыскивали книжки о жизни животных. Избегали все магазины, отыскали листы со снимками животных, разрезали пару книжек с картинками — клеили, мудрили, пока не устроили «зоологического сада». Для взрослого наш «сад» выглядел игрушкой, а как многому мы

…[illegible] научились и как сдружились все эти «бойскауты», как теперь называют [illegible].

Практически американцы понимают всё значение детского творчества коллективного труда. Там ребята привыкли устраивать детские объединения для труда. Пятеро ребят [illegible] семи-восьми лет объединяются на недельку в «колонию индейцев», устраивают себе луки и стрелы и головные уборы из перьев; четверо ребят — любители рисования — организуют кружок «молодых портретистов» — рисуют две недели портреты товарищей по классу; десяток девочек постарше организовал кружок шитья, который работает целый месяц. Такими детскими временными целевыми объединениями кишит детский американский мир.

Я не знаю, так ли это, я читала об этом как-то много лет тому назад. Если это так, то это пример, которому мы всячески должны подражать.

Трудовые целевые объединения ребят, возникающие по ребячьей инициативе, надо всячески поддерживать, помогать им. Привычка к совместной деловой работе, хотя бы и краткосрочной, хотя бы и преследующей часто ребячьи цели, имеет громадное значение. Такие кружки вырабатывают привычку к коллективной работе.

Мы говорим о коллективизации сельского хозяйства, столовых, починочных мастерских, домах-коммунах, об организации всей жизни на коллективных началах, понимаем, что такая организация — лучшая гарантия от нищеты и других тяжёлых сторон разъединённой, неорганизованной жизни, где человек человеку — волк, но смешно было бы думать, что это может организовать просто-напросто какое-то ведомство, надо самим браться за организацию коллективного труда во всех областях жизни.

Ну, и ребят с юных лет надо воспитывать так, чтобы они умели сообща жить и работать. С этой точки зрения трудовые объединения ребят надо всячески развивать, всячески помогать им. Этого требует наша общая установка на строительство социализма.

Мы пока ещё очень бедны, чтобы покрыть всю страну детскими садами и детскими клубами и мастерскими, но мы можем — и это целиком зависит от нашей сознательности — покрыть всю страну деловыми, мелкими временными детскими объединениями. Такие детские объединения — хорошее лекарство против хулиганства.

Позже школа, пионерорганизация смогут влить коллективную деятельность ребят в общее организованное русло. Привычка к трудовым объединениям сделает много плодотворнее и легче и работу школы, и работу детей. Нам надо учиться уважать детский труд, помогать ему.

«О наших детях»,
1928, № 2—3.

О ПОЛИТЕХНИЗМЕ

1. Наша страна была до сих пор одной из самых отсталых в промышленном отношении стран. Теперь она идёт по пути индустриализации, и отсталые, веками практиковавшиеся [illegible] труда отмирают, вытесняются современной крупной промышленностью, строящейся на основе последнего слова науки. Идёт реконструкция всего народного хозяйства.

2. Но и независимо от нашей отсталости современная крупная промышленность, на которую держит курс наша страна, не есть нечто стабильное. Для неё характерны, как это [illegible] время отмечено К. Марксом, постоянные изменения в процессах производства, постоянные изменения в технических основах производства — перманентная, так сказать, реорганизация производства. От современного рабочего требуется поэтому умение приспособляться к всё изменяющимся условиям производства, овладевать новыми методами производства. В нашей же стране, в которой надо подводить как можно скорее производственную базу под социалистическое строительство, где в реконструкции играет такую роль кооперирование населения, где нельзя произвести переворота во всём хозяйстве страны без участия [illegible] масс, как это постоянно подчёркивал Ленин, политехнический кругозор масс играет колоссальную роль.

3. Реконструкция всего народного хозяйства пробуждает в массах, в том числе и в детских массах, интерес к технике, что создаёт благоприятные предпосылки для проведения политехнического воспитания, углубляющего этот интерес и подводящего под него научную базу.

4. Необходимо, чтобы наши учреждения, начиная с детского сада, не заглушали этого интереса, а всячески развивали его путём сообщения соответствующих фактов, научного осмысливания их путём создания соответствующих книг для чтения, путём показа, экскурсий, наблюдений, путём изучения процесса труда и т. д. Надо увлечь учащихся романтикой современной техники.

5. В целях практического ознакомления с современной техникой должна быть использована каждая электрическая станция, каждая железнодорожная мастерская, каждый трактор, каждая швейная машина, каждая мастерская, каждый завод, каждая фабрика.

6. В чём заключается содержание политехнического образования? Было бы ошибочно думать, что это содержание сводится лишь к приобретению известной суммы навыков или к многоремесленности, как полагают иные, или лишь к изучению современных, притом наивысших, форм техники. Политехнизм — это целая система, в основе которой лежит изучение техники в различных её формах, взятой в её развитии и всех её опосредствованиях.

Сюда входит и изучение «естественной технологии», как называл Маркс живую природу, и технологии материалов, и

...учение орудий производства, их механизмов, изучение энергетики. Сюда входит и изучение географической основы экономических отношений, влияние способов добывания и обработки на общественные формы труда и влияние последних на весь общественный уклад.

7. Политехнизм не есть какой-то особый предмет преподавания, он должен пропитывать собою все дисциплины, отразиться на подборе материала и в физике, и в химии, и в естествознании и в обществоведении. Нужна взаимная увязка этих дисциплин и увязка их с практической деятельностью и особенно увязка их с обучением труду. Только такая увязка может преподаванию труда придать политехнический характер.

8. Само собой, политехнически построенная программа требует от учащихся больше, чем какая-либо другая, умения наблюдать, углублять и проверять свои наблюдения путём опытов, путём практики, в частности трудовой практики, требует умения фиксировать свои наблюдения и делать из них выводы.

9. Обучение труду в политехнической школе должно давать учащимся, с одной стороны, общие трудовые навыки (как-то: умение ставить своему труду определённые цели, планировать свою работу, делать расчёты, составлять чертежи, целесообразно распределять между собою работу, работать коллективно, умение экономно обращаться с материалом, обращаться с инструментами, добиваться известной, доступной для данного возраста тщательности в работе и т. д.), с другой стороны — осмысливать трудовые процессы с точки зрения техники, организации труда, их общественной значимости (конечно, опять-таки в соответствии с возрастом и жизненным опытом учащихся).

10. Вооружение трудовыми навыками помогает углублять постановку общественно-полезной работы школы, которая имеет громадное значение в деле воспитания навыков коллективного труда и в деле воспитания у ребят общественного подхода к своему труду.

11. Рисовальные и чертёжные классы, лаборатории, мастерские и опытные участки являются необходимым школьным оборудованием. Однако школа должна стремиться организовать работы ребят в самом производстве.

12. Само собой, политехническая школа имеет различный облик на различных своих ступенях. На I ступени трудовое воспитание неизбежно носит общий характер. Но в семилетке за исходный пункт берётся уже какая-либо определённая область производства (как мы видим это, например, в подростковой школе ЯШКМ и в школе ФЗС). Однако в семилетке нет ещё специализации. Цель её — осмыслить для учащегося самые основы производства, помочь ему понять технические и хозяйственные взаимоотношения данной отрасли производства с рядом других, вооружить умением связывать теорию с практикой. Во второй концентре даётся уже известная специализация, однако специализация эта даётся таким образом, чтобы она, давая необходи-

мые в определённой профессии умения, выдала бы в то же время политехнический кругозор учащихся.

13. Политехническая школа отличается от профессиональной тем, что центр тяжести в ней лежит в осмыслении трудовых процессов, в развитии умения связывать воедино теорию и практику, умения понимать взаимозависимость известных явлений, тогда как в профессиональной школе центр тяжести переносится на вооружение учащихся трудовыми навыками.

14. Однако природа современной крупной промышленности такова, что она предъявляет спрос на специалистов такого типа, которые могли бы приспособляться ко всё изменяющимся условиям производства, поэтому всё более и более начинает подводиться политехнический базис под обучение навыкам и в профессиональных школах (по крайней мере в отраслях, охваченных крупным производством).

15. Но правильно поставленное политехническое воспитание вырабатывает такого всесторонне развитого работника, который не нужен капиталисту. Вот почему при капитализме политехническая школа не может развернуться полностью.

16. Развитию политехнической школы в нашей Советской стране мешает слабое развитие крупной промышленности. Однако с каждым годом это препятствие будет ослабляться, и советская школа будет принимать всё более и более политехнический облик.

1929 г.

Н. К. Крупская, Сочинения, т. IV
М.—Л., Учпедгиз, 1934, стр. 52—56.

К СЛЕТУ ПИОНЕРОВ

Кого мы хотим воспитать из того поколения, которому теперь одиннадцать-шестнадцать лет и которое будет продолжать наше дело?

Чтобы правильно ответить на этот вопрос, надо глядеть вперёд, в будущее.

Вряд ли правильно для этой цели в деталях рисовать картину того, что будет через десять-пятнадцать лет с нашей страной. Это зависит в значительной степени от того, сорвёт ли война наше мирное социалистическое строительство, да и от целого ряда других обстоятельств. Но если сопоставление «пятнадцатилетника» — предприятие в достаточной мере утопичное, то общее направление развития, тенденции развития, при условии мира, ясны.

Новейшая техника и применение её в нашей стране сделают страну более богатой, более сытой. Наблюдая то, что происходит сейчас в области сельского хозяйства, мы должны отметить, что там происходит настоящая революция.

Тракторы, комбайны и другие новейшие сельскохозяйственные орудия меняют облик деревни, вызывают стихийное стремление к коллективизации. Конечно, этот процесс идёт не везде оди-

чаковым темпом. Но вот возьмём, к примеру, Северный Кавказ. Есть там совхоз «Хуторок», в девятнадцати километрах от Армавира. По пятилетке предполагается коллективизировать окружающее население на 40 процентов. Но совхоз снабжён тракторной колонной. Окружающее население — казаки — не захотело, чтобы их земли пахала колонна. Поехали дальше в Тимирюевку, Петропавловку, Михайловку. Закипела борьба. «Не знаете разве, — говорили кулаки, — что горючее делает семена невсхожими»? Часть деревни всё же рискнула согласиться. Запашку сделали, но из-за колебаний сделали на неделю позже, чем полагалось. И вот стоит чёрное, вспаханное пространство — не всходят семена. Ликуют кулаки, приуныла, хмурыми ходят согласившиеся в запашку. Но хлынул дождь, и сразу дружными частыми зеленями покрылось поле. Сейчас машинные товарищества, товарищества по совместной обработке земли завалены заявлениями о принятии в члены, казаки тоже гуртом стали подавать заявления. Около 80 процентов населения уже желают итти в колхозы, а по пятилетке рассчитывали на 40 процентов. Поди, предусмотри... И не только на Северном Кавказе — в Рязанской губернии, в Тульской уже целые районы переходят на плановое коллективное хозяйство: Сибирь, Урал, Средняя Волга, Нижняя — везде идёт ломка старого.

Всё это говорит за то, что борьба за сытую Россию, о которой говорил Ильич в 1920 г., приобрела небывалый размах. Индустриализация страны — предпосылка её богатства.

Новая техника потребует людей, хорошо подготовленных научно и практически к труду. Белоручкам, барам не будет места в новом строе.

Коллективизация сельского хозяйства будет с каждым годом всё больше и больше засыпать пропасть между городом и деревней. Уже сейчас рабочие бригады едут в деревню на время уборки хлеба, пахоты. Уже зарождается новый рабочий-человек социалистического общества. Зимой он будет работать на заводе, создавать тракторы, комбайны, автомобили, аэропланы, печатать миллионы книг, готовить километры мануфактуры, всё, всё, что надо людям для жизни, для работы, для радости, а летом за рулём советского авто тот же рабочий человек будет катиться на далёкие поля или вместе с бригадой своего завода подыматься на летящих туда стайками «Крыльях Советов» и там своими рабочими руками будоражить землю, обновлять её, вызывать к жизни новый растительный и животный мир. Зимой, отработав свои пять-шесть часов у станка, в лабораториях рабочих университетов, в богато обставленных, так, как об этом мечтал Ильич, общедоступных библиотеках, склоняясь над книгой, будет этот новый рабочий, человек Страны Советов, вооружаться всей силой знания, а летом будет применять эти знания к делу, получая неисчислимые богатства из недр земли, из непроходимых раньше таёжных лесов, из немых пространств мёртвых когда-то пустынь.

На фоне этого будущего совсем уже другой облик приобретает вопрос о политехническом образовании, о политехнической школе.

Будем глядеть вперёд, будем строить политехнические школы, также технические станции, зажигать в ребятах интерес к технике, к химии, воспитывать из них новое поколение с ясным умом, с умелыми руками.

В прежних «утопиях», картинах социалистического общества ничего не говорилось об организационном укладе социалистического общества, об общественной социалистической ткани. А Ильич не уставал повторять нам: «главное строительства социализма — в организации», и мы на деле, на повседневной борьбе в строительстве видим ежечасно, как прав был Ильич, например, вопрос организации. В Стране Советов новой организацией будет охвачено поголовно всё население, от мала до велика. Каждый будет в товарищеском окружении: совместная работа по общему плану на общую пользу будет воспитывать полезное уважение человека к человеку, а коллективные переживания, коллективная мысль и воля создадут такое взаимное понимание и близость, что иным станет весь общественный уклад.

И школа, и пионерские организации должны растить из детей людей, проникнутых сознательной дисциплиной, умелых организаторов, настоящих коллективистов.

Вопросы школьной и пионерской организации приобретают под вышеуказанным углом зрения совершенно новое значение.

Если будем глядеть назад — будем строить дисциплину на угрозах, наказаниях, исключениях, наградах, будем расслаивать детей на овец и козлищ, на жалобах родителям и т. д., если будем глядеть вперёд — будем строить детские организации, как связанные общими переживаниями, общими стремлениями коллективы, где ребята чувствуют себя товарищами, где они никого не боятся, ничего не делают напоказ, где они сознают себя активными членами советского строя, борющимися вместе со взрослыми за лучшую жизнь.

Мы знаем, общественное развитие немыслимо без борьбы. Меняются условия и в зависимости от этого меняются и формы борьбы. Они становятся всё более сложными, требуют всё более умелой организации, более углублённого подхода. Нам надо воспитывать наших ребят борцами за социализм, умеющими бороться и оружием, и словом, и убеждением. После борьба будет меняться, борьба будет принимать всё более и более международный характер. Нам надо заразить ребят той убеждённостью, той энергией, с которой велась нашим поколением борьба за социализм. Ребята должны впитать в себя весь опыт интернациональной борьбы рабочего класса.

Предстоит слёт пионеров.

Каждый должен сделать всё, что от него зависит, чтобы помочь слёту сделаться тем, чем он должен быть — звеном в

строительстве социализма. Необходимо его организовать так, чтобы каждый из приехавших на слёт пионеров почувствовал, что он член могучей организации, борющейся за великое дело, вооружённой вниманием, любовью всего рабочего класса, всей советской общественности. Надо повести ребят в музей Революции, в музей Ленина: пусть старые борцы-рабочие расскажут им о том, как шли годы борьбы не на живот, а на смерть со старым строем, со старыми порядками, с помещиками, надо передать ребятам тот энтузиазм, ту решимость, готовность на все, которые рождало революционное движение. На заседании Международного детского конгресса получат ребята хорошую интернациональную зарядку. Посмотрят они на заводы, может, удастся им показать аэроплан, повозить их на автомобилях, свозить в Институт труда, пробудить в них интерес к технике, свозить на Бутырский хутор, показать тракторы, свозить на [illegible] и т. д.

Надо, чтобы наши гости — пионеры — унесли с собой [illegible] впечатление от слёта, впечатление на всю жизнь.

Но это не всё.

Надо, чтобы слёт пробудил в широких массах рабочего класса, во всех коммунистах сознание своей ответственности перед подрастающим поколением.

Надо, чтобы слёт послужил началом широкой общественной работы по созданию для всех детей поголовно таких условий, при которых они могли бы вырасти теми людьми будущего, спрос на которые предъявляет эпоха, в которой им придётся жить.

«Учительская газета»
№ 92, 1926.

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Товарищи, тема моего доклада — «Коммунистическое воспитание детей и подростков». Сейчас вопрос о коммунистическом воспитании всей массы ребят имеет громаднейшее значение. В начале революции, после 1917 г., в первое время было обращено внимание на то, чтобы в отдельных опытно-показательных школах, опытно-показательных детских домах дать картину того, как нужно воспитывать по-новому, как нужно воспитывать не старыми приютскими способами, а новыми методами воспитания. Были созданы детские дома. Их пришлось создать в очень большом количестве, но только очень немногие детские дома действительно были домами показательными, где ребята могли кое-чему научиться. Если взять вопрос в целом, то нужно сказать, что дело это у нас хромало.

Особенно остро встал вопрос о воспитании широких детских масс в последнее время в связи с целым рядом изменений во всей нашей общественной жизни, во всём народном хозяйстве.

...е изменения, которые происходят в настоящее время в хозяйстве — переход мелких крестьянских индивидуальных хозяйств на коллективное механизированное хозяйство, — имеют очень многое. Я не говорю уже о широком развитии внешкольных организаций, которые открывают совершенно новые возможности для воспитания. Я считаю, что ввозить коммунистического воспитания ребят — в организацию их труда. Мы знаем, как организация труда воспитывает взрослых.

Возьмём деревню. В деревне индивидуальное крестьянское хозяйство воспитывает в определённое мировоззрение, определённый характер, определённый подход у людей по всем вопросам. Мы говорим: мелкособственническая психология. Что это значит? Это значит, что человек не понимает общих основ явления, не разбирается в основных вопросах, смотрит только недалеко вокруг себя, в своё хозяйство и всё меряет меркой своего мелкого хозяйства.

Мы знаем, как часто в деревне один хозяин враждует с другим, как женщины ссорятся из-за какого-нибудь выеденного яйца, как вообще их мысль не перелетает через околицу и как рассуждает мелкий крестьянин: «каждый за себя, а бог за всех». Вот мировоззрение, которое вырабатывается в мелком хозяйстве. Наблюдается непонимание новых форм труда, новых организационных форм...

...Попадает крестьянин на завод. Он видит большое механизированное производство, организацию труда, разделение труда, видит, как всё это идёт по определённому плану, чётко, организованно, как работа одного закрепляется работой другого. Каждый начинает сознавать себя каким-то винтиком, колёсиком общего механизма. И крестьянин, приехавший на завод, поварившийся некоторое время, как говорится, в фабрично-заводском котле, начинает смотреть на всё другими глазами. Он смотрит уже не с точки зрения своей колокольни, а с точки зрения общих интересов. Почему рабочий класс является ведущим классом? Потому, что самые условия крупного производства работы на заводе воспитывают из него коллективиста. И в вопросах религии основные кадры рабочих, которые долго работали на заводе, в общем мало религиозны, ибо они ежечасно видят, какие результаты получаются от механической обработки сырья, железа, от машинной организации труда. У них легче вырабатывается мировоззрение материалистическое.

...В особенности это наблюдается в таких отраслях производства, как механическое, металлообрабатывающее производство, где особенно видна мощность машин. Когда на глазах человека из куска железа вырабатывается тончайший инструмент, тончайшая машина, человек понимает силу техники, силу организации, силу коллектива.

Вот почему рабочий класс, закалённый на заводах, является именно классом, который понимает лучше и все общественные отношения, и из него вырастает и укрепляется ведущий класс.

Посмотрим, что происходит теперь. Индустриализация страны укрепляет мощь рабочего класса. А к чему приводит та коллективизация, к которой мы вплотную подошли, начиная с XV партсъезда? Она приводит к тому, что старые мелкие хозяйства, дедовские формы труда, унаследованные от отцов и дедов, распадаются, и новое крупное коллективное хозяйство начинает перестраивать всё мировоззрение крестьян колхозному. Сейчас создались чрезвычайно благоприятные условия для коммунистического воспитания подрастающего поколения. Чем дальше, тем эти условия будут благоприятнее. Но, чтобы разобраться в том, как мы должны строить коммунистическое воспитание детей, мы должны посмотреть на отдельные звенья этого воспитания.

В прежнее время, когда царило ремесло, кустарное производство и мелкое крестьянское хозяйство, огромную роль играла семья. Какой-нибудь мальчик в крестьянской семье с малых лет видел труд своего отца и матери и всей своей семьи. Его учили показом, но он не знал, как объяснить то или другое явление природы. Навыки он приобретал с детства, т. е. ребёнком в 8 лет имел уже известные трудовые навыки. Возьмём кустарное производство или ремесленное производство. Тут сын смотрел, как работает отец, и учился таким образом. Раньше семья давала трудовое воспитание. А сейчас? А сейчас труд рабочего и труд колхозника, особенно в высших формах колхозного движения (коммуны), происходит вне дома; мы видим, что семья перестаёт быть хозяйственной единицей. Труд рабочего происходит на заводе, и ребёнок не видит, как идёт работа. Дома он находится под влиянием какой-нибудь старухи-бабушки, которая часто рассказывает ему небылицы, или под влиянием матери, которая также не работает на заводе, а если мать работает, то часто он всецело находится под влиянием улицы.

Таким образом, воспитывающее влияние завода, которое сказывается на взрослом рабочем, на ребёнке не сказывается. Мы видим, что те же процессы начинают происходить и в крестьянской семье. Когда крестьяне идут в крупный машинизированный колхоз или в крупный зерновой совхоз, то семья перестаёт уже играть ту роль, которую она играла раньше в смысле трудового воспитания. Если же мы возьмём семью служащего, т. е. городскую нерабочую семью, то в такой семье трудовое воспитание, если и есть, то оно строится только вокруг домашнего хозяйства: подмести пол, помочь в стряпне обеда, сбегать на рынок или в лавочку и т. д. Таким образом, это воспитание, трудовое воспитание, ограничивается как бы самообслуживанием. Теперь же, когда мы подходим к фабрикам-кухням, к столовым и т. д., то и это трудовое воспитание начинает отпадать.

Сейчас не только у нас, но и в капиталистических странах, например в Германии, говорят о том, что под влиянием развития индустрии, женского труда влияние семьи стало гораздо слабее, потому, что семья не является той трудовой единицей, которой она была раньше. Это не значит, что семья изживается, но она

перестает быть трудовой единицей того типа, которого она была раньше, и воспитательное влияние её потому слабеет.

Что мы сейчас наблюдаем в отношении детского труда? Изучая детский труд в деревне, мы наблюдаем, что та борьба, которую мы ведём с кулачеством, то ограничение наёмного труда в индивидуальном хозяйстве, которое сейчас проводится, ведёт к тому, что середняк, который ведёт ещё своё хозяйство, боится прибегать к наёмному труду, машин у него нет, и всё приходится делать самому при самом примитивном оборудовании. В результате мы видим, что на ребят взваливают непосильную работу. Спрашиваешь ребят, как они работают. Оказывается: от 6 часов утра до 6 часов вечера. Это — совершенно непосильный труд для ребёнка. В результате ребёнок часто уходит из семьи. Всё это опять-таки подтверждает то обстоятельство, что влияние семьи в смысле трудового воспитания ослабляется.

Но это влияние ослабляется и в других смыслах. Перед нами открываются возможности ослабления влияния семьи нежелательного типа. Возьмём, например, кулака. Он раньше в своей семье старался пропитать ребёнка «своим духом». У Толстого очень хорошо описано, как кулак не хотел отдавать своего ребёнка в школу, потому что он хотел «пропитать его своим духом». Сейчас этого уже не выходит. Поэтому влияние кулака и его семьи на ребёнка и на подрастающее поколение становится всё меньше, по мере того, как возрастает влияние школы, окружающей среды.

Это ослабление семейного влияния и трудового воспитания имеет разные стороны. С одной стороны, от этого возрастает беспризорность. Часто ребёнок стремится уйти из семьи, так как в семье он не получает того воспитания, которое он получал раньше. Семейное влияние ослабляется. Что же получается взамен этого? Когда воспитывала семья, будь то семья ремесленника, кустаря, мелкого крестьянина, то школа выполняла одну только функцию — учебную. Так раньше и говорили: учитель учит, ученики учатся. Школа учила читать, писать, считать и т. д. По труду она не обучала. И вот то обстоятельство, что в массовой школе не обучали труду (только в профессиональной школе обучали труду) и вся массовая школа была не трудовая, это накладывало определённую печать и на самую школу и на все наши детские учреждения. Таким образом школа не имела того воспитательного значения, которое она получает сейчас.

Сейчас, поскольку ослабляется влияние семьи в силу изменения характера производства, школа приобретает громадное воспитательное значение. Перед нами встают вопросы о том, как организовать труд в школах, в наших детских учреждениях. Мы держим курс на всеобщее обучение. Сейчас это всеобщее обучение не есть что-то отдалённое: оно становится уже близким, ощутимым, это уже — реальность, а всеобщее обучение означает влияние школы на всю детскую массу. И важно, что-

бы не только было учтено влияние школы, чтобы так и только давалась сумма знаний, а чтобы школа была трудовой школой и труд был поставлен так, чтобы он воспитывал в коммунистическом духе.

Вот почему в программе коммунистической партии, в том месте, который говорит о просвещении, о школах, и сказано о необходимости существования трудовой школы, а не просто трудовой школы, а школы политехнической, т. е. такой, которая учит труду по-новому.

Как же она учит труду по-новому, как она должна учить? Я не говорю о практике, как она сложилась у нас, а лишь об установках. Как же должна учить труду эта школа? Она должна смотреть, какой труд требуется сейчас на заводе, в крупном зерновом хозяйстве, в крупном производстве, какие навыки учения требуются от рабочих этого производства.

Раньше положение было несколько иное. Конечно, требовалось длительное ремесленное воспитание для того, чтобы овладеть этим искусством, овладеть инструментом. Если мы посмотрим на работу колхозов, мы увидим, чего недостает. Недостает культуры труда, недостает умения обращаться с орудиями труда, умения планировать своё время, распределять работу, брать тот темп, который нужен в работе.

...В этом отношении рабочие могут сыграть колоссальную роль, потому что они получили соответствующую закалку на заводе, и мы должны стараться, чтобы наша школа, наши воспитательные учреждения были связаны с рабочей массой, с колхозной массой, чтобы свой трудовой опыт рабочий и колхозник вносили в школу. Тогда только можно будет по-настоящему поставить воспитание. Сейчас необходимо по заводам, по фабрикам, по крупным, наилучше устроенным колхозам и совхозам мобилизовать рабочую массу в преподавание труда в школе, потому что если мы будем строить в школе детский труд на старый манер, то из этого мало что выйдет.

Вот в прежних детских домах, где есть оборудование, есть инструктора труда, девочка-подросток, которая там учится, приходит и жалуется: «Я шесть лет работаю в детском доме в мастерской, и меня всё учат одному и тому же — петли метать». В ремесленных школах так и было: учили какой-нибудь одной области труда и годами делали одно и то же. Годами мальчик учился малевать какую-нибудь картину или производить какой-нибудь отдельный процесс.

А здесь можно, чтобы ребёнок умел приспособляться к разным видам труда и чтобы та учёба, которая проводится в школе, помогала ребёнку овладевать культурой труда.

Если мы думаем, что всё дело заключается в том, чтобы по-старому обучать ремёслам в школе, то мы воспитательный труд не поставим на должную высоту. Если сидит переплётчик и клеит коробочку, а ребята сидят и смотрят, — из этого никакого толка не выйдет, никакого трудового воспитания не выйдет. Нуж-

но, чтобы труд был поставлен по современному. Этого понимания часто нет.

Школа ФЗУ числится, что она примыкает к заводу, а у неё никакой организационной связи с заводом нет. Завод даёт деньги и учит детей рабочих, и только. Завод — сам по себе, а школа — сама по себе. В школе заведена ремесленная столярная мастерская, а завод — крупный механизированный — производит крупные вещи.

Значит наши воспитательные учреждения, школьные мастерские нужно связать с крупным производством, тогда они будут иметь крупное воспитывающее значение. Механизированный труд чрезвычайно воспитывает. Посмотрите, какое громадное значение имеет правильный, по-новому поставленный труд. Вот школа ГПУ в Костине. Туда берут подростков, юношей, которые выброшены из трудовой семьи и скатились в сторону беспризорности, пошли по пути преступности — тяжёлые ребята.

Что же сделано?

Сделано вот что. Устроили трудовую школу, механизированные мастерские, пригласили опытных рабочих, и в связи с этим у ребят получилась определённая закалка (ребятам показали, как нужно дело делать). На этой почве у них выросло стремление к учёбе и умение определённым образом организовываться. И эта школа по общему признанию тех, кто её видел, является могучим воспитательным очагом.

Есть и другие такие школы. Вот в Ярославском округе был детдом. Во главе его стоял коммунист. Вначале он нам писал, что ничего с детьми сделать нельзя. Мы с ним стали переписываться. Он добился правильного обучения труду, созданы были хорошо организованные механизированные мастерские, и после этого он писал, что он не узнаёт своих ребят. «На все они стали согласны и сами охотно идут на всё». Изменился труд, изменилась организация труда, изменилось и воспитательное значение школы. Это имеет громадное значение.

Но дело не только в этом. Коммунистическое воспитание заключается в определённом трудовом воспитании. Мелкий собственник смотрит на всё со своей точки зрения: «Это для меня выгодно, это — моё» и т. д. А как смотрит рабочий на заводе? Возьмём, например, коммунистические субботники или соцсоревнование. Как это всё воспитывает рабочего? Да так, что теперь у нас, спустя двенадцать лет после Октябрьской революции, рабочие массы уже смотрят на завод как на своё детище, они чувствуют себя ответственными за то, как идёт работа на заводе, т. е. это то, что т. Ленин называл сознательной дисциплиной, дисциплиной не из-под палки, не по принуждению, а той сознательной дисциплиной, без которой социализма не построить. Это — настоящая коммунистическая дисциплина.

С другой стороны, мы часто видим, что в колхозе этой дисциплины ещё нет. Необходимо длительное воспитание на манер субботников и соцсоревнования, которое подведёт всю кол-

хозную массу к сознательному отношению к труду. В этом гвоздь коммунистического воспитания. При сознательном отношении к труду мы видим понимание того, что труд каждого есть частица общего труда. Тут уже взаимопомощь строится на других основаниях, на понимании необходимости для правильной постановки труда этой взаимопомощи. взаимопомощь — неотъемлемая сторона коллективного труда. Коллективный труд воспитывает чувство солидарности.

Такой человек, такой подросток, из которого мы сумеем воспитать сознательного коллективиста, на всё будет смотреть другими глазами...

...Мелкий собственник всего боится, для него всё кажется непонятным, случайным. А коллективист понимает, что суть дела в организации труда...

... Ему нужен инженер, нужен товарищ по работе, нужна правильная организация труда...

И к общественным вопросам коллективист начинает подходить по-новому.

Коллективистически воспитанный человек с внутренней сознательной дисциплиной и в общественном отношении является дисциплинированным, он иначе подходит ко всем общественным вопросам. Это — одна из важнейших воспитательных задач.

Кроме того, чем наше социалистическое хозяйство отличается от капиталистического?

Оно идёт не так, что один капиталист соревнуется с другим и старается у другого кусок выхватить, чтобы получить бо́льшую выгоду.

Такой капиталистической конкуренции у нас нет. Это мы знаем. Мы сейчас подошли вплотную к постройке единого плана всего хозяйства. Нельзя недооценивать этого крупного шага вперёд. Однако от нашего плана мы можем ещё многого требовать. Дело, товарищи, не в том, чтобы мы где-нибудь в Большом театре аплодировали нашим планам и говорили что плановость — хорошая вещь. Нам надо всё наше воспитание направить в этом отношении соответствующим образом. И вот сейчас наши педагоги планированию придают большое значение.

Возьмём I ступень. Надо сделать какую-то небольшую работу, допустим, её надо сделать в один день. Вот нам восьмилетний ребенок, он будет работать не один, а их будет работать группа, скажем, в пять человек. Как эта группа построит свою работу? Ребята не учитывают своих сил, и им всегда кажется что они всё могут. У них нет меры своих сил, они увлекаются. Однако если они один раз обожгутся, второй раз обожгутся, то они увидят, что они силы свои переоценивали и что план их не годился.

Тут нужна помощь старшей группы. Для второй группы нужен и уже, может быть, не один день работы, а план на пять

дней, и там уже будут работать группы не в пять человек, а в десять человек. Для II ступени могут быть уже гораздо более сложные задачи. Планирование предполагается вести не так, как школьную жизнь. Это имеет большое воспитательное значение потому что тут одновременно воспитывается и работник, и человек производства, т. е. когда он потом придёт на производство, то он придёт не простым исполнителем, который будет только ручку вертеть, а он сумеет в то же время хорошо работать в забзавкоме, не допустит вредительства и т. д. Также и в колхозе. Он не только сумеет работать лопатой, а он сумеет обращаться с трактором, трактор не будет стоять в снегу, а колхозник будет хорошим хозяином, который обо всём будет думать и будет знать сам меру своих сил, будет знать сам, какое значение имеет организованный коллективный труд.

Нужно сказать, что трудовое воспитание должно быть по-разным ребятам. Нельзя подходить к ребятам всех возрастов с одной меркой. Очень хорошо отражает способность ребят к труду процесс рисования. Вот как рисуют в детском саду и в первой группе школы ребята. Начнут рисовать одно, а выйдет совсем другое. И работают точно так же. Начнёт ребёнок лепить, задумает лепить человека, а потом в процессе работы думает: «Нет, я лучше вылеплю дом». И вылепит дом. И нет у него ни меры своих сил, ни настойчивой целевой установки.

Труд для ребёнка 8—9 лет не то же самое, что труд для взрослого человека. У взрослого человека и даже у подростка труд имеет определённое целевое назначение, а у ребёнка цель труда — это познание окружающего. Поэтому труд у него очень изменчив. Детский труд — характерный труд. Ребёнок часто не замечает всех сторон труда. Начнёт что-нибудь делать, увлечётся чем-нибудь, заметит что-нибудь, и он забудет о труде. Вот попадёт в руки бабочка, он начнёт рассматривать крылышки, а что хотел сделать, — он уже забыл, его поглотило это наблюдение.

Вот особенности детского возраста. Эти особенности нужно учитывать и давать ребятам 8—9 лет такой труд, на котором они могли бы учиться и расти. А этим ребятам часто дают чисто механический труд: смотри за курами, за бахчами и т. д.

Теперь посмотрим третью и четвёртую группы. Они совершенно иначе рисуют. Они схватывают всё целое.

Но их интересуют некоторые стороны, которые они желают схватить в целом. И вот это желание охватить в целом, которое начинает сказываться с 9 до 12 лет, показывает, что тут особенно важно наладить политехнический, разносторонний труд, чтобы показать, как труд между собой увязан во всех частях.

Возьмём рисунок подростка. Он рисует уже не так, как 10-летний ребёнок, он рисует уже не так, что голова получается больше туловища. Его интересуют подробности и детали. Ему хочется, чтобы каждая частица была нарисована как следует.

Это — особенность переходного возраста — внимание к мелочам, желание внимательно на них сосредоточиться. Это характерно для этого возраста.

Для того, чтобы правильно подойти к этому моменту, надо, чтобы предыдущий период дал правильный закал.

Говоря о труде, надо иметь в виду утомляемость ребят, которая гораздо выше, чем у взрослых. Поэтому надо бережно относиться и учитывать силы ребят разных возрастов. Если мы на ребят навалим непосильный труд, то мы будем воспитывать людей, людей, которые халатно будут относиться к труду. Нужно сделать так, чтобы труд был и интересный, и посильный и в то же время, чтобы это был творческий труд, а не только механический.

Я хочу ещё остановиться на выборе труда. Есть такая отрасль науки — психотехника, которая показывает, что не каждый может быть лётчиком, трактористом или даже организатором и т. д. У каждого есть свои особенности, связанные с его организмом. Один может сразу охватить всё, другой по-особому подходит к этому. Один легче учится со слуха, другой легче усваивает в процессе делания, третьему нужно видеть глазами, чтобы запомнить, и т. д.

Все эти разные свойства организма очень важны. Труд только тогда может быть производительным, когда на каждой должности будут стоять соответствующие люди. Это хорошо знает буржуазия. Мы знаем, как заботливо для каждой должности буржуазия выбирает соответствующего человека. В Германии, в Америке при школах есть советчики труда, там широко развита психотехника.

Но если мы посмотрим на этих советчиков, то что мы увидим. Мы увидим, что для каждого общественного класса они дают различные советы. Если это дети рабочих, то они их посылают на одну работу, ребёнку рабочего они рекомендуют быть исполнителем, а детям буржуазных классов они говорят, что они могут быть инженерами, агрономами, врачами и т. д. Советчик не смотрит на то, что у ребёнка рабочего могут быть громадные организаторские способности, — ему не полагается быть руководителем, и он должен быть исполнителем. И ему советуют итти на исполнительную работу. Для каждого общественного слоя даётся особый совет в отношении выбора профессии.

Мы к этому вопросу подходим не так. Кроме того, буржуазия не смотрит на то, как та или иная работа отзывается на организме, а смотрит, насколько она прибыльна капиталисту. Наши же советчики, когда они будут, будут обращать внимание не только на то, как эта работа важна для производства, но и на то, как эта работа сможет человека воспитать и поднять на высшую ступень развития.

В своём докладе я хотела показать громадную воспитывающую роль политехнического труда. Сейчас, когда ослабляется

влияние семьи и общественное воспитание выступает на первый план, этот момент приобретает особое значение.

Нам нужно перестроить наши детские дома. Есть детские дома, сейчас [illegible] не годны. Это надо прямо сказать. Особенно это относится к последним годам. Может быть, [illegible] ние и [illegible] [illegible], но в нашей жизни [illegible] [illegible] [illegible] на, это не та [illegible], на которую [illegible] рассчитывали. Мы [illegible] разговоров о том, что дети бегут из детских домов. Это происходит между прочим потому, что ребёнка детский дом не удовлетворяет в смысле труда. Нам нужно подумать о том, как бы всем воспитательным учреждениям придать трудовой характер, придать им [illegible] более широких рамках, потому что они всё более и более будут заменять собой то трудовое воспитание, которое получается в семье.

Как поставить это трудовое воспитание? Это — колоссальная задача. Нам нужен целый ряд учреждений, и не только детских домов. Нам нужно поставить и [illegible], и технические станции, и детские артели, нам нужно до конца организовать детский труд. Это — основное звено. Это — то, что поможет нам всю воспитательную работу поднять на высшую ступень.

Почему происходят всякие недоразумения в детдомах? Потому, что там или нет труда, или он поставлен неправильно. Вокруг этого вопроса нет правильной организации детей и т. д.

Мне кажется, что на этой конференции к этим вопросам надо отнестись с большим вниманием. Надо помнить, что без помощи рабочих и работниц мы ничего не сделаем. В отношении ликвидации неграмотности есть так называемые культармейцы, т. е. масса, которая идёт на помощь специалистам. Так вот без таких широких кадров культармейцев из среды рабочих и колхозников мы настоящего коммунистического воспитания дать не сможем.

Отразить всё это было целью моего доклада. Позвольте на этом закончить и пожелать, чтобы конференция на эти вопросы обратила своё сугубое внимание.

Доклад, прочитанный Н. К. Крупской на III съезде по охране детства 26 мая 1930 г. «На путях к новой школе», № 7, 1930.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА ПЛЕНУМЕ ЦБ ЮНЫХ ПИОНЕРОВ

(9 июля 1931 года)

Товарищи, цифры роста нашего пионердвижения вы лучше меня знаете. Везде и всюду мелькают сейчас пионеры и чувствуется растёт численность пионеров. Если возьмём сейчас ту борьбу, которая идёт за политехническую школы, за овладение техникой, борьбу с прорывами и т. д., — мы видим, что пионерорганизация принимает тут огромное участие. И я думаю, что на этом фронте пионерорганизации ведут за собой школу. Если бы у нас не было, хотя это трудно себе представить, пионерорган-

зации, конечно, школа так широко не развернула бы борьбу за политехнизацию, как мы это видим в настоящее время. Так что тут говорить об этой стороне дела много не приходится. Мне пришлось лишь мельком, мимоходом слышать выступления пионеров, но и они уже дали картину того, как ребята думают, как они вглядываются в окружающую жизнь и впитывают в себя то положительное, что есть в окружающей жизни. Весь этот громадный культурный рост, который в стране происходит: поднятие сознательного отношения к труду, ударничество, соцсоревнование, — всё это не может не заразить ребят вообще и в частности пионеров. Рост сознательности пионеров приходится постоянно наблюдать.

Но я думаю, что о достижениях пионерорганизации вы сами знаете. Я хочу поговорить о другом — о неполадках в нашей работе. Была я в одном из комвузов на торжественном заседании. Потом подходят пионеры и начинают жаловаться — и то плохо, и другое плохо, и дворник их во дворе утесняет, и комнаты отдали дошкольникам, а им нужно под клуб и т. д. Одним словом «нам, нам» — даже неприятно было слушать. Конечно, это не все пионеры такие. На-днях я выступала у дошкольниц, а затем вышли во двор, где появилась целая группа пионеров. Стали они меня звать на линейку посмотреть, как они готовятся к отъезду куда-то в лагерь. Я стала им говорить: «Вот у нас сейчас дошкольный съезд идёт, как вы относитесь к дошколятам? Я была вот в комвузе, там тоже пионеры, и там ребята говорили: «Зачем комнату отдали дошколятам — её бы нам под клуб». Ребята примолкли, посмотрели на меня с удивлением, а потом один парнишка говорит: «Этого у нас нет и не будет». Вот это очень хорошо, что нет и не будет, но бороться с этим всё-таки всячески приходится.

Мы, желая помочь пионердвижению, часто ставим пионеров в привилегированное положение, и это привилегированное положение очень отрицательно действует. Я в газете читала на-днях о кривой роста пионердвижения. У вас как будто бы наблюдается такое явление, что к весне число пионеров растёт, а осенью убавляется. Я не знаю, всюду ли это так (*с места*: «Всюду»). Как это расшифровать? Я думаю, что это можно так расшифровать: летом едут пионеры в лагеря, родители не знают, куда девать ребят, и говорит: «Поступай в пионеротряд — поедешь на дачу»...

Вопрос сознательного отношения к труду. Чрезвычайно важно, чтобы вырабатывалось сознательное отношение к общественному имуществу, вырабатывалось общественное мнение. Сейчас практикуются так называемые общественные суды. Об этом говорили на конференции школьного самоуправления, но я хотела бы сказать, что общественный суд общественному суду рознь. Если хотят подражать процессу «промпартии» и рассматривать детей как «вредителей», то это зелёная чепуха. Есть другой тип общественных судов. В 1917 г., когда Владимир Ильич ско-

бо много думал над тем, в чём же будет, собственно говоря заключаться строительство социализма, он говорил, что Советы должны опираться на всю массу населения, туда должны быть втянуты все женщины и подростки. (Я между прочим как-то раньше не обратила внимания, что в этой статье он говорит о вовлечении в общественную работу подростков.) Он говорил что должна быть организована общественная служба по санитарии, по культуре, по распределению продуктов, по жилищному делу. Необходимо, чтобы в это дело были втянуты самые широкие массы и в том числе подростки. Он говорил, что надо изменить всю организационную ткань, надо чтобы каждый гражданин Советской страны нёс определённую ответственность, принимал участие в этой стройке по-новому всей жизни. В связи с этим он говорил и об общественных судах. Мне в это время приходилось работать в Выборгском районе, в промежуток между Февральской и Октябрьской революциями. Выборгский район был как бы крепостью, туда приходишь как-будто совсем в другой город. Это был рабочий район, очень революционно настроенный, и там многое можно было делать в промежуток между Февральской и Октябрьской революциями. Рабочие заводили там свои порядки. Я работала там в районной управе, тогда она называлась районной управой. Владимир Ильич говорил, как надо проводить работу, как надо втягивать в неё массы. Первым шагом нашим было то, что мы втянули солдаток в контроль за работой детских приютов. Затем, самое важное, рабочая публика, представители от всех фабрик и заводов, собирались каждую неделю и обсуждали те вопросы культурного строительства, которые стояли на очереди к проведению. Это делалось по целому ряду вопросов. Владимир Ильич говорил об организации общественных судов. Тогда в районной управе работали Чугурин и Кучменко — наши большевики. Решено было организовать общественный суд? В Самсоньевском нардоме мы устроили общественный суд. Над кем? Над милиционером, который взял взятку, и над рабочим, который поколотил подростка, работавшего с ним рядом на заводе. Никаких прав выносить наказания этот общественный суд не имел. Помещение суда было полным полно, на окнах даже стояли работницы и рабочие. Милиционер был украинец, высокий, коренастый детина. Когда стали говорить, доказывать ему, что это безобразие — совершить такой поступок, то дело дошло до того, что этот милиционер — высеченный детина — заплакал. Пробирали затем рабочего, побившего подростка. Тогда это собрание не имело никакого права выносить наказания, но значение этого общественного суда было очень велико.

Я это к тому говорю, что и в наших детских организациях нужно выработать общественное мнение, общественное обсуждение вопросов поведения, потому что важно выковывать коммунистическую пионерскую мораль, чтобы они знали, как и почему они действуют.

Такие обсуждения, без вынесения всяких наказаний, исключений из организаций и т. д., имели бы большое значение.

В быту у нас довольно много, я бы сказала, мелкособственнических мещанских остатков старого. Важно, чтобы в этом отношении пионеры имели определённое мнение. Отвечает за это пионер или не отвечает, если в школе ненормальные отношения между мальчиками и девочками? Я думаю, что пионеры и среди других товарищей должны добиваться в школе, чтобы все мещанские безобразия, которые в этом отношении есть, изживались. Если посмотреть на повседневные мелочи, то даже в мелочах, во всём это проявляется. Если мальчик одел какой-нибудь новый пояс, то об этом не говорят, а если девочка одела платье новое, то это все обсуждают. Здесь у нас есть что-то от старого мещанского и здесь надо держать ухо востро. Пустопорожних пересудов бывает не мало в пионерорганизации.

Хочу сказать ещё об игре. Я жила в санатории, была на отдыхе и смотрела, как взрослые, не старики, конечно, а люди среднего возраста, проводили время. Они играли во всю и не только в лаун-теннис, но их жизнь была сплошной игрой: то в шахматы поиграют, то прогулку в лесу устроят, то поют, и не стыдились того, что играют, а мне кажется, что пионеры немножко по-детски стыдятся играть. А это, ведь, не годится. Мне кажется, что искусство и игра должны гораздо большее место иметь в пионерорганизации, чем они имеют в настоящее время. В деревне, например, поют, но что поют — поют частушки, часто очень глупые, а пионеры своего не поют, своих песен у них мало. Пение очень организует. Когда у нас была конференция весной Научно-педагогической секции ГУС'а, в конце МОНО решило нас, участников конференции, порадовать, развлечь, показать, как наши ребята поют. А как они пьесы разные играют! Прекрасный был хор, человек 200 ребят, руководил которым Тугаринов. Дети пели песню, которая кончается словами «даёшь программу Ильича», «даём» должны ответить слушатели.

В первый раз публика растерянно смотрела, а во второй раз все уже организованно отвечали — «даём». Перед этим выступал комсомолец и говорил, как хорошо, что у нас ребята обучаются пению. А потом мы сидели с ним рядом и разговаривали. Я, между прочим, у него спросила, почему у вас одни девочки, разве есть школы, где только девочки? Почему только девочки поют «даёшь программу Ильича». А он говорит: «мальчики у нас считают, что это дело девочек». «Это ребята так прекрасно поют во всех школах, или только это одна, вот эта группа?»,—спросила я его. Ответ был неопределённый.

А я спрашиваю: «эта группа часто выступает на разных собраниях, вроде сегодняшнего?» Получила ответ: «почти каждый день». Я против того, чтобы детские певческие кружки каждый вечер развлекали советских работников, я против этого. Я считаю, чтобы и мальчики и девочки — все пели, чтобы пение помогало организовывать, создавало общее настроение.

В письме из пионеротряда в Рябушках девочка пишет, что она бросила музыкальные курсы и занялась техникой. Эта девочка не была использована для того, чтобы помочь другим ребятам сорганизоваться по части пения, которое вносит ритм в труд. Это имеет большое значение, и нужно всех ребят, которые могут помочь, на это дело бросить.

На вечере, устроенном МОНО, детские пьесы ставили. Одна пьеса, не знаю, кто её писал, о вредителях, там вредители — саранча, суслик и кулак, — всё это под одну доску поставлено. Ребята с воодушевлением играли. Тот, кто играл саранчу, прямо с увлечением играл, лицо расплывалось в улыбку. Но надо сказать, что и кулак с увлечением играл. Никакого конкретного вреда от этого кулака не было, и почему он вредитель — было не ясно. Между вредителями полей и кулаком поставлен знак равенства. Нужно глядеть и на содержание пьес, а не только на играющих их ребят.

Потом была ещё одна пьеса, которая на всех произвела отвратительнейшее впечатление. В пьесе показано, как ребята разрушают старую школу. Но вышло так, что и старую школу не показали как следует в классовом свете и от новой школы в пьесе ничего нет. Пионеротряду нужно иметь некоторый глаз и направлять художественную работу. Такие пьесы, как вышеназванная, дезориентируют. Нужно пионерам не просто проходить мимо художественной работы, а стараться направить её в правильное русло.

Но что особенно нужно для ребят. Это так называемое массовое действо, коллективная декламация, массовые инсценировки. Вам художники расскажут, как это технически организовать. В смысле инсценировок это довольно разработанная вещь, и это нужно использовать широко. Пионерскую жизнь надо делать красочной. Тогда, пожалуй, осенью не придётся подсчитывать число выбывших из организации пионеров. А если ребята будут увлечены всем этим, тогда они на своих родителей повлияют. Бывает, родители говорят: «Ну, теперь вернулся из лагеря, выходи из пионерорганизации». Есть такие разговоры. Нужно, чтобы он отстоял своё право быть пионером, чтобы жизнь в пионерорганизации ему казалась интересной, красочной и он держался бы за пионеротряд.

Также насчёт игр. Я не говорю уже о физкультуре, которая особенно важна, нам нужно растить крепкое поколение. Это входит в наши задачи растить здоровое крепкое поколение. Но кроме таких чисто физкультурных упражнений есть польные игры. Я думаю, что фыркать на игры не следует, а нужно подумать, как поставить так, чтобы игры помогли коммунистическому воспитанию ребят. Ребята ведут общественную работу теперь по борьбе за промфинплан, по всей линии овладения техникой, за политехнизацию школы — это очень хорошо. Но не только это должны делать ребята. Сейчас у нас перестраивается быт. В нашем быту очень много мелкопроизводственного, что накла-

ывает печать мещанства. Все эти кухни, стирки, которые держат женщину в оковах, о чём так много писал Ленин, — всё это накладывает на взаимные семейные отношения печать. Что мы сейчас видим? Мы видим, как ломается старый быт, семья уже другая, иные создаются основы семьи. Масса женщин идёт на производство и некогда им дома заботиться, какую салфеточку связать, положить на стол, какие цветочки из какой бумаги состроить и куда положить. Все эти мелочи, которые возникали на почве безделья, замкнутого домашнего хозяйства, носили мещанский характер, и это теперь отпадает. Но получается положение чрезвычайно трудное. Сейчас нехватает рабочих рук. Осенью я только и слышу — нельзя найти домашнюю работницу, на кого я оставлю ребёнка, я иду на производство. Сейчас каждая работница охотно пойдёт на фабрику, на какую-нибудь службу, где она отслужит известное число часов, а потом свободна, между тем домашняя работница связана всё время. Это очень хорошо, что ин-т домработниц, в котором много стародавнего, изживается. По части домработниц тут особенно много мохнатого, старого, рабского. Даже работница иногда рассуждала: «Так для чего я из деревни девчонку привезла, разве для того, чтобы в школу ходила? — нет, чтобы дома сидела и за ребёнком смотрела, и девочка, взятая из деревни в качестве домработницы, растёт неграмотной. Домработница хочет вечером пойти на собрание. А кто самовар поставит? И вот домработницы, у которых даже хорошие отношения с хозяйками, они сами в плену домашнего быта. Даже, когда хозяйка отпускает, сами не идут. В среде домработниц особенно много пережитков от старого. Эта работа больше, чем какая другая, вне общественного контроля. Поэтому отмирание этой профессии нужно приветствовать, но как быть в этом случае? Остро встаёт вопрос о необходимости общественного питания, по-иному организовать, придать этому другой размах и от некоторых барских привычек отучиться.

Относительно барских привычек. Мне пришёл на память гончаровский Обломов. Обломов приударил за какой-то девушкой и поэтому прикинулся камердинером. Взял сапоги, начал чистить. Но девушка вывела его на чистую воду. «Какой же вы камердинер? Сапог чистить не умеете, ваксой подошвы чистите!». Неумение даже сапоги почистить было для помещиков чрезвычайно характерно.

Я думаю, что чистка подошвы ваксой не изжита до конца даже в рабочих семьях. Считают часто: одно дело — пойти на производство, а другое дело — мыть посуду и чистить сапоги. Поэтому в общежитиях стоит дым коромыслом, никто за собой не прибирает, в квартирах — невероятная грязь. Раньше убирала работница, а нет её, и стоит грязь. Я думаю, что из этого вытекает, что нельзя к самообслуживанию с такой гримасой относиться, с какой относятся многие пионеры. Нельзя смотреть свысока на самообслуживание. Часто теперь говорят: вначале

когда строилась советская школа, тогда было самообслуживание, а теперь мы занимаемся электрификацией. Электрификация электрификаций, а мыть стаканы и мыть полы — надо уметь каждому. Остатки российского, барского отношения к самообслуживанию надо изжить.

Я как-то была на заводе «Богатырь» на детской конференции по политехнизации. Пионерчики 11-летние напирали очень на директора, упрекали его: «тоже красный директор, на больших собраниях всё обещает, а когда коснётся дела, ничего не дают. Нам надо крольчатник строить, нам нужны гвозди, мы приходим, а нам говорят: «ни одного ржавого гвоздя вам не дадим». С такой критикой выступили 4 пионерчика из 3-й группы. Потом выступает работница и говорит: «надо критику тоже умеючи проводить. Вы других критикуете, а себя не критикуете. Вам всё дай, да дай, а ведь среди ваших родителей есть и столяры, и слесаря, вы их агитируйте, чтобы они пришли и помогли вам станки исправить. Как вы воспитываете ваших родителей? Тут работница классовым чутьём уловила недопустимость того, что всё дай, да дай. И пионеры должны воспитывать родителей. Не плохо было бы, чтобы и в отношении общественного питания они немножко повоспитывали своих родителей побудили бы их к тому, чтобы рабочие побольше боролись за детское питание, потому что без детского питания сейчас быт не перестроишь.

Стоит также очень остро вопрос о детских общежитиях. Нельзя пионерорганизациям стоять в стороне от этого дела. Мне кажется, что сейчас эта борьба за новый быт играет крупнейшую роль в перестройке всей нашей жизни, и пионерорганизациям нельзя стоять в стороне. Во что это конкретно должно вылиться — это ваше дело. Каждый пионеротряд это обсудит во всей конкретности, как надо подойти к тому или другому случаю.

В связи с перестройкой быта растёт и безнадзорность детей. Я уже говорила о том, как часто не умеют пионеры наладить настоящих взаимоотношений с беспризорными. Я думаю, что если они пойдут на «Путёвку в жизнь», хотя нельзя сказать, что «Путёвка в жизнь» на все 100% удалась, — то они всё же увидят там хорошие педагогические приёмы. Там хорошо показан педагогический приём, как относиться к ребятам с доверием, каким могучим воспитательным средством является доверие. Когда организатор этого детдома лезет в карман — все ребята смотрят и думают, не браунинг ли он вытащит, а он вытаскивает папиросы, которые он предлагает ребятам, подходит к ним, как равный, как товарищ. Это доверие подняло ребят, их заинтересовало. Тут имеется целый ряд хороших педагогических моментов.

Я думаю, что пионерорганизациям нужно о беспризорных подумать и к беспризорным не относиться, как к каким-то «зачумленным», а относиться по-товарищески.

Последний момент. У нас очень слабовато идёт борьба за овладение знанием. В Америке существует такая вещь. Летом — время свободное, все желающие ребята берут десятки книг через библиотеку, и кто прочитает 20 определённых книг, тот получает звезду, это своего рода соцсоревнование между ребятами, не просто так — пришёл и сказал «я прочитал», а происходит взаимная проверка. Я думаю, что это, в другом виде, но перенять нужно, потому что у нас ребята очень мало читают. Ребята «друзья Барнаульской детской библиотеки» пишут, что у них идёт политехнизация и поэтому школьники перестали ходить в библиотеку. Это пишут мои постоянные корреспонденты (*смех*). Никуда не годится. Нужно организовать таким образом, чтобы политехнизация не заслоняла интереса к чтению. Мы тоже говорим, что у нас политехническая школа, а когда начинаю: критиковать, то говорят — какая у нас учеба, когда в политехнической школе пишут такие каракули и читать не умеют. Я думаю, что нужно ввести тут определённое соцсоревнование. У Толстого имеются педагогические статьи. Там описано, как у ребят в деревенской школе вдруг появилась мода на красивый почерк, только и делают, что переписывают в тетрадку красивым почерком. Как бы среди пионеров распространить такой метод, чтобы научились чётко и ясно читать и писать не только вожатые, — многие вожатые пишут очень хорошо, — а рядовые ребята-пионеры. Нужно обратить внимание на чёткость письма и привычку к чтению. Также необходимо обратить внимание и на математику. В жизни учёт нужен, а математика пока что хромает на все четыре ноги.

Возьмём вопрос дисциплины. Ребята на заводе держат себя в большинстве случаев довольно дисциплинированно, приходят в школу — дисциплина падает. Один член бригады, обследовавший московские школы, рассказывал такие вещи: приходит учительница и говорит: «будем писать, вынимайте тетради». Часть ребят вынимает, остальные нет. Она говорит: «Иванов, почему не вынул тетрадь — ступай за дверь». Тогда Иванов нагибается и достаёт тетрадку. «Петров, почему не вынул тетрадь — ступай за дверь». Петров вынимает и это тянется в течение 15 минут. А когда спросили ученика, почему это он делает, то он ответил: «интересно посмотреть, как она злится».

Я не знаю, как поступали пионеры, — точно таким же порядком или, как хорошие ученики, сразу взяли тетради, но нужно призвать пионерорганизацию на борьбу с такой «рациональной» постановкой времяпрепровождения. От этого учёба страдает, получается недисциплинированность и не видать, какая связь между школой и заводом. Должна быть увязка между работой на предприятии, в мастерской и тем, чем они занимаются в школе...

Сейчас мы имеем прогресс. Жизнь идёт быстрыми шагами, молодому поколению придётся знать гораздо больше, чем нужно было знать нам, старикам. Надо будет им самостоятельно составлять планы, отчёты и т. д. Нужно, чтобы всё это они

получали в школе... Конечно, здесь должно быть обращено внимание не на изучение никому ненужных знаний, а тех знаний которые нужны для перестройки жизни. Вот те вопросы содержания, над которыми должна работать пионерорганизация, мобилизуя за собой всех учащихся.

«О школьном самоуправлении».
Учпедгиз, М. 1931, стр. 21—30

III

ПРОИЗВЕДЕНИЯ Н. К. КРУПСКОЙ, НАПИСАННЫЕ ПОСЛЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦК ВКП(б) ОТ 5 СЕНТЯБРЯ 1931 ГОДА О ШКОЛЕ

ВАЖНЕЙШЕЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПАРТИИ

В своей брошюре «Знание — сила, сила — знание» Вильгельм Либкнехт писал когда-то: «Не было еще господствующей касты, господствующего сословия или класса, которые пользовались бы своей властью для просвещения, образования и воспитания угнетённых, а не наоборот, систематически охраняли их от истинного образования, от образования, которое даёт свободу». И далее: «Школа — самое могущественное средство освобождения, но она же — могущественное средство порабощения, смотря по характеру и целям государства». В своей брошюре Вильгельм Либкнехт очень убедительно доказывал, что в капиталистическом государстве, в Германии в частности, всеобщее обязательное обучение является средством классового господства, все дети находятся в распоряжении государства. Буржуазия превращает школу из образовательного учреждения в заведение для дрессировки. Старые педагоги-марксисты хорошо знали эту брошюру Вильгельма Либкнехта, учились по ней... Теперь у нас диктатура пролетариата: «Школа, — сказано в программе ВКП(б), — в период диктатуры пролетариата, т. е. в период подготовки условий, делающих возможным полное осуществление коммунизма, должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного организованного воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм». Сейчас, когда мы вступили в полосу строительства социализма по всем линиям, когда мы провели всеобщее обучение, мы должны уделять школе особо большое внимание. Школа — это не только дело учителя, это не только дело Наркомпроса, — это — дело всей страны, — это дело всех коммунистов, дело профсоюзов, хозяйственников, дело комсомола и пионерорганизации. Постановление ЦК требует ото всех внимания школе, помощи школе и учителю.

Школа должна идейно влиять на ребят и закладывать у них основы коммунистического мировоззрения, сделать для них близким, понятным дело коммунизма. Школа должна вооружить ребят знанием. Переживаемая эпоха — эпоха высокого развития техники и науки. Надо подрастающему поколению овладеть знанием — без этого нельзя стать хозяином жизни. Вот почему ЦК в своём постановлении так усиленно налегает на поднятие вооружения знанием учащихся на высшую ступень. Нужны научно обоснованные программы, нужны систематические знания, а не обрывки знаний, не какая то мешанина из случайных обрывков знаний. Знание — сила. Молодёжь должна быть сильна знанием. Успехи индустриализации страны сделали возможной политехнизацию школы. Но дело это новое, требующее от педагогов очень серьёзной подготовки, которой у них часто нет. В результате неуменья увязать теорию с практикой незаметно соскальзывают на путь игнорирования теории, снижения её. Нельзя, чтобы труд заслонял знание. Это — возврат к старому, это — шаг назад. Надо труд осветить светом углублённого знания, осмыслить его, поднять на высшую ступень. И потому ЦК говорит: «Соединение обучения с производительным трудом надо проводить на такой основе, чтобы весь общественно-производительный труд учащихся был подчинён учебным и воспитательным целям». Это постановление особо важно потому, что у нас увлечение участием детей в общем труде рабочих и колхозников, в общем строительстве, увлечение и преподавателей и самих ребят зачастую приводит к тому, что учебные и воспитательные цели отодвигаются на задний план. Политехническая школа — школа трудовая, но все же — это школа.

В своих последних речах и статьях Ленин говорил о необходимости самой серьёзной учёбы. За последние годы на фронте хозяйственного строительства мы научились очень многому. Теперь партия призывает к серьёзнейшей учёбе на педагогическом фронте. Коммунисты должны овладеть методикой. На первый взгляд это звучит даже странно. Методикой? Да, методикой. Чтобы руководить, надо знать. Конечно, методика методике рознь. Методика связана теснейшим образом с содержанием преподавания, с целями его. Буржуазная методика должна быть переработана в корне. Потому и предлагает ЦК поставить хороших, крепких коммунистов на педагогическую научно-исследовательскую работу, чтобы найти пути, как наилучшим образом подойти к современному ребёнку, как поднять искусство преподавания и воспитания на высшую ступень, как пропитать их насквозь марксистско-ленинским духом. Надо учиться коммунистам методике, должны овладеть ею инженеры, агрономы, специалисты. Лучшие учителя должны стать инструкторами. Их дело — не столько инспектировать, сколько инструктировать, показывать, как надо учить. Заведующий школой за школу отвечает, он — хозяин в школе, но он должен знать дело, должен учиться. И, наконец, учителя. Постановление ЦК недаром приводит на-

тату из Ильича, касающуюся положения учителя. Постановление ЦК требует внимания к учителю, помощи ему, помощи материальной, помощи ему в его учёбе, в его работе. Это то, что нужно.

«...Старое перевёрнуто, но не изжито, не отошло в стадию ушедшей в далёкое прошлое культуры. Именно о культуре ставлю я здесь вопрос, потому что в этих делах достигнутым надо считать то, что вошло в культуру, быт, привычки. А у нас, можно сказать, хорошее в социальном устройстве до последней степени не продумано, не проверено, не испытано, не подтверждено опытом, не закреплено и т. д.». Это писал Ленин в статье: «Лучше меньше, да лучше». Дело тут идёт о госаппарате, но это место целиком относится и к школе, относится и по сию пору. В школьном деле старое не изжито до конца. Много нового, интересного, но старые традиции очень ещё живучи. Правые никак не могут оторваться от старинки, полны недоверием к новшествам, мерки старые крепко ещё держат в своих лапах.

В постановлении ЦК указывается, что необходима борьба с правыми, тянущими к старой школе. Но эти правые настроения питаются в значительной степени «левыми» загибами. «В вопросах культуры торопливость и размашистость вреднее всего. Это многим из наших юных литераторов и коммунистов следовало бы намотать себе хорошенько на ус», — писал Ильич в «Лучше меньше, да лучше». Постановление ЦК как раз и подчёркивает необходимость борьбы с этой торопливостью и размашистостью, которой так много у наших левых». В педагогике не меньше, чем в других областях, нужно хорошенько продумать новое, проверить, испытать на опыте, закрепить. Непродуманное до конца с марксистско-ленинской точки зрения, непроверенное на опыте нельзя сейчас же выдавать за какое-то всеспасающее средство. И ЦК бьёт по «левацким» загибам. ЦК предлагает исследовательским институтам обобществлять проделанный учительский опыт, предлагает внимательнее вглядываться в жизнь. Практическая помощь учителю в школе, — вот что сейчас нужно. Надо закрепить достигнутое, надо уверенным шагом итти по пути превращения школы в действительное орудие воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм.

«Народный учитель»,
1931, № 9, стр. 28—29.

О ПРЕПОДАВАНИИ ЛИТЕРАТУРЫ

Литература — могучее средство воздействия на подрастающее поколение. Она может помочь ему понять жизнь, людей, то, чем они живут, чем дышат, научить разбираться в людях, понимать что их волнует. Литература может научить подходить к людям, влиять на них. Литература влияет на мораль, на поведение человека, на его мировоззрение. Очень сильно влияет художественная литература на подростка, на молодёжь, на тот возраст, когда складывается человек.

Влияние литературы особенно сильно в переходные периоды, когда меняется общественный уклад и в связи с этим старые привычные взгляды на явления, на взаимоотношения людей. Не всякая литература «зажигает сердца», ведёт вперёд. Бывает и такая литература, которая тянет назад, к старому, которая туманит взор, дезориентирует. Нельзя закрывать глаза на этот факт. Такая литература действует вроде отравы. Нужна страховка от такой литературы, от её влияния.

Всё это говорит о важности правильной постановки преподавания литературы в нашей школе. Но было бы очень большой ошибкой укладывать это изучение только в прокрустово ложе «учебного курса».

Прежде чем перейти к вопросу о том, как надо ставить преподавание литературы, я хотела бы остановиться на том, как влияла литература на Владимира Ильича, что он брал из неё.

Владимир Ильич юношей читал очень много беллетристики. Анна Ильинична рассказывала как-то, что Владимир Ильич будучи в старших классах гимназии, массу времени употреблял на чтение Тургенева. Ильич хорошо знал Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тургенева, Л. Толстого, Щедрина. Хорошо знал Белинского, Добролюбова, Писарева, Герцена, Чернышевского.

Ленин всегда горячо говорил о Чернышевском, называл его «великим русским революционером», писал о мужицком демократизме Чернышевского, о том, что Чернышевский умел в невыносимейших условиях говорить правду то тем, что он молчал, то тем, что он высменивал либералов. У Чернышевского учился Ленин ненависти к либерализму, к либеральному фразёрству. Меня всегда поражало, как хорошо знал Ленин даже беллетристические произведения Чернышевского, например, «Что делать?», как помнил их.

Но даётся ли что-либо в наших программах по литературе из Чернышевского, рассказывается ли о Чернышевском, о его революционной деятельности, его литературной деятельности? Нет.

Рядом с именем Чернышевского Ильич постоянно упоминает о Добролюбове. Добролюбову тоже не нашлось места в программах по литературе.

Ценную статью необычайно горячо написанную, посвящает Ленин Герцену. Некоторые высказывания Герцена, оценка его роли и значения должны даваться в наших программах по литературе.

Много раз вспоминает Ленин о письме Белинского к Гоголю квалифицирует Белинского, как предшественника русской социал-демократии, говорит о ненависти кадетской интеллигенции к Белинскому, ругает «Вехи», которые стремятся развенчать Белинского как публициста, называют Белинского, Добролюбова, Чернышевского вождями интеллигенции (Чаадаева, Владимира Соловьёва, Достоевского «Вехи» поднимают на щит, уверяют, что они вовсе не интеллигенты).

В статье «Ещё один поход на демократию» (1912 г.) Ленин говорил о 1905 г., что это был год, когда исполнилась мечта Некрасова о том времечке, когда крестьянин «не Блюхера и не милорда глупого, Белинского и Гоголя с базара понесёт».

«Желанное для одного из старых русских демократов «времечко» пришло. Купцы бросали торговать овсом и начинали более выгодную торговлю — демократической дешёвой брошюрой. Демократическая книга стала *базарным* продуктом. Теми идеями Белинского и Гоголя, которые делали этих писателей дорогими Некрасову, как и всякому порядочному человеку на Руси, была пропитана сплошь эта новая базарная литература... «Какое беспокойство!» — восклицала мнящая себя образованной, а на самом деле грязная, отвратительная, ожиревшая, самодовольная либеральная свинья, когда она увидела *на деле* этот «народ», несущий с базара... письмо Белинского к Гоголю.

И, собственно говоря, ведь это же «интеллигентское» письмо провозгласили «Вехи» под гром аплодисментов Розанова, Нововременца и Антония Волынского».

Не знаю, объясняют ли учителя ребятам, за что и как ненавидели Белинского либералы и черносотенцы. А можно ведь объяснить просто и понятно.

Ильич хотел, чтобы массам стало доступно не только письмо Белинского к Гоголю. Он хотел, чтобы им стали доступны и произведения Л. Толстого. Вот что он писал по этому поводу в связи со смертью Л. Толстого: «Эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперёд, в художественном развитии всего человечества.

Толстой-художник известен ничтожному меньшинству даже в России. Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием *всех*, нужна борьба и борьба против такого общественного строя, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, забитость, каторжный труд, и для этого нужен социалистический переворот.

Толстой не только дал художественные произведения, которые всегда будут ценимы и читаемы массами, когда они создадут себе человеческие условия, свергнут иго помещиков и капиталистов; он сумел с замечательной силой передать настроение широких масс, угнетённых современным порядком, обрисовать их положение, выразить их стихийное чувство негодования. Принадлежа главным образом к эпохе 1861—1904 гг., Толстой поразительно рельефно воплотил в своих произведениях и как художник и как мыслитель и проповедник черты исторического своеобразия всей русской революции, её силу и её слабость».

Статьи Ленина дают прямое в сущности указание, что давать из Толстого в программах по литературе и как давать, как разбирать эти произведения, с какой оценкой к ним подходить.

Но, намечая программу по литературе, Л. Толстого загоняют на задворки и дают из него совершенно не то, что надо. Если

Ильич считал, что нужен социалистический переворот для того, чтобы сделать Л. Толстого доступным массам, то надо бы серьезно подумать, что и как давать из Л. Толстого подрастающему поколению в программах по литературе.

Сразу же после Октябрьской революции Ленин потребовал переиздания классиков, стал требовать, чтобы произведения Герцена, Чернышевского, Белинского, Добролюбова, Л. Толстого, Некрасова, Гоголя, Пушкина и др. были переизданы в дешёвых изданиях и спущенных в массовые библиотеки.

Тургенева Ленин оценивал как либерала, которого тянуло к умеренной, монархической и дворянской конституции, но знал он его хорошо. Он приводил из «Записок охотника», из рассказа «Бурмистр», эпизод, в котором «культурный» помещик за невкусно поданное к обеду вино без крика и шума, вполголоса отдаёт приказ «снасчёт Фёдора распорядиться», т. е. отправить его на конюшню.

Много цитирует Ильич Некрасова, который был одним из самых любимых его поэтов.

Много цитирует Щедрина — приводит описания Щедриным эволюции русского либерала, который просит у начальства «реформ», по возможности, продолжает тем, что клянчит: «Ну хоть что-нибудь», и кончает вечной и незыблемой позицией «применительно к подлости». Несколько раз цитирует Ильич его выражение «применительно к подлости» и другое щедринское выражение: «умы пыне лбе не растут». Берёт Ильич щедринский тип Иудушки Головлёва из «Господ Головлёвых» и тип Балалайкина из «Современной идиллии». Видно, как захватывают Ильича насмешки Щедрина над окружающим укладом. Надо ли давать Щедрина в курсе литературы? Надо. Надо показать, над чем он смеялся.

Сатира Гоголя, сатира Щедрина многому учит. Она учит критически вглядываться в жизнь. Надо только чётко ставить вопрос о том, над чем надо смеяться. Критика критике рознь. И Ленин бьёт из «Очерков гоголевского периода русской литературы» Чернышевского описание поверхностей критики, когда человек не знает, над чем он смеётся. Возьмёт человек в руки «Похождения Чичикова» и начинает «критиковать»: Чи-чи ков.. чи-чи... Ах, как смешно».

Одна из задач курса литературы — научить критиковать. Вот почему в курсе литературы анализ художественных произведений должен занимать видное место.

Анализ произведений, неразрывно связанный с анализом действительности, — одна из самых важнейших частей курса литературы. Не так важно, чтобы было зачтено в классе как можно больше художественных произведений, важно, чтобы было взято типичное, чтобы дана была всесторонняя марксистско-ленинская оценка этих произведений, чтобы учащийся научился черпать из художественного произведения понимание жизни, чтобы он научился «видеть» жизнь во всей её глубине и многогранности

Умение расценивать читаемую литературу чрезвычайно важно. Мы не можем держать учащегося вечно на поводу. Надо, чтобы он сам умел разбираться в произведении, правильно оценить его. Тогда не такая беда, если ему случайно и попадётся в руки какое-нибудь барахло. Он будет защищён от вредного влияния этого барахла. Конечно, не только курс литературы, но вся программа, весь характер школьной и внешкольной деятельности учащегося должен помогать его правильному подходу к художественным произведениям, но курс литературы должен тут играть ведущую роль, вооружить учащегося необходимыми мерилами.

Я не буду дальше приводить цитат из Ленина. Отмечу только, что он использовал некоторые произведения как характерные документы, рисующие истинное положение вещей. Многие литературные произведения дают такую яркую картину общественного уклада, как никакие статистические сборники. Ленин умел использовать такие произведения для своих выводов. Он использовал для этой цели Успенского, Короленко и др.

В нашу эпоху строительства социализма художественная литература имеет громадное значение, и поэтому курс литературы должен быть особенно тщательно обдуман, подвергнут широкому общественному обсуждению.

Прежде всего важен отбор художественных произведений. Надо давать наиболее художественные, наиболее идейные произведения современных писателей; показать, как тесно связаны эти произведения с жизнью, как они освещают эту жизнь, помогают в ней разбираться. Надо дать разбор нарочки художественных произведений, дезориентирующих читателя, затемняющих его сознание. Надо брать не только современную беллетристику, а и публицистику, публицистику, дающую анализ действительности. На современных писателях, на современных публицистах нужно дать мерила того, что надо ценить в художественном произведении. Надо, чтобы учащийся понял громадное значение социалистической литературы, понял её задачу — научить ненавидеть гнет, эксплоатацию, «все недостойное, подлое, злое», обывательщину, мещанство. Надо, чтобы учащийся понял, что социалистическая литература должна острить взгляд, учить смотреть правде в глаза, должна учить понимать людей, их стремления, воодушевлять, укреплять волю. Надо дать понять, что такое классовый характер литературы, дать мерила того, на мельницу какого класса льёт воду то или иное художественное произведение.

Курс литературы имеет такое громадное значение с точки зрения коммунистического воспитания, что создание его не может быть делом рук нескольких учителей-практиков, преподавателей литературы да пары литературоведов. Значение этого курса выходит далеко за пределы педагогики.

Вооружив пониманием роли литературы на ярких примерах современности, надо углубить это понимание на изучении классиков. История литературы должна быть не какой-то самодовле-

ющей задачей, а служить лучшему пониманию современности: современной литературы, с одной стороны, должна служить лучшему пониманию истории — с другой. Последняя задача требует тесной увязки курса истории литературы с курсом истории. В структуре программ эта связь должна быть предусмотрена.

Литература больше, чем какой-либо другой предмет, должна покоиться на самодеятельности ребят. Необходимо развить в них интерес к литературе и чтению, давать рекомендательные списки литературы с соответствующими аннотациями: надо, чтобы ребята делали систематические выписки из читаемых произведений и мотивировали, почему они выписывают именно эти, а не другие места, почему именно эти места их заинтересовали. Необходимо, чтобы ребята подошли вплотную к писанию рецензий — оценок книг. Писание сочинений имеет совершенно особое значение при прохождении литературы...

Правильно поставленное преподавание литературы имеет громадное значение теперь больше, чем когда-либо. Надо только уметь разбудить самодеятельность у ребят, научить их коллективной работе в данной области, организовать их самодеятельность, прийти им на помощь.

«На путях к новой школе».
1932, № 1, стр. 62—65

КАК БОРОТЬСЯ С ПРОПУСКАМИ И ОПОЗДАНИЯМИ

Дорогие ребята!

Вы все читали, вероятно, постановление ЦК ВКП(б) о начальной и средней школе; вероятно, уж обсуждали между собой как, вам, пионерам, проводить в жизнь постановление ЦК ВКП(б).

Мне хочется поговорить с вами по этому поводу. Тут стоит ряд вопросов.

Первый вопрос — как наладить аккуратную посещаемость школы. Вы постановляете: «Будем бороться с опозданиями и пропусками ребят». Это правильно. Раз вы — пионеры, вы обязаны это сделать. Но как? Прежде всего убедить всех ребят, что это важно.

Вы можете рассказать ребятам, как работал Ленин, как он всегда, как бы он ни устал, шёл на собрание, шёл выступать.

Когда в 1918 г. Ленин был ранен, он очень волновался, что он пропускает заседания Совнаркома, а там стоят важные вопросы. Как только он стал поправляться, он стал просить врачей, чтобы скорее ему позволили встать и пойти на заседание.

Наконец, ему позволили. Он встал, вся кровь прилила к сердцу, и он стал бледный, бледный. Когда он пришёл в Совнарком, все товарищи были очень взволнованы его приходом и энергично принялись за работу.

Ленин никогда не запаздывал на заседания Совнаркома.

Заседание обычно начиналось в 6 часов. Ильич берёт телефонную трубку и звонит секретарю: «Что же, пришёл кто-нибудь?

будь? Никого... Как только придут двое, сейчас же позвоните мне».

И как только секретарь позвонит ему, что пришло два или три человека, он сейчас заторопится, возьмёт бумаги и быстрыми шагами пойдёт в Совнарком. Не дожидается, пока все соберутся. Сам во-время на месте. Скоро все стали собираться в Совнарком без всяких опозданий.

Вы расскажите это всем школьникам, и не только вам, юным ленинцам, но и всем им захочется поступать так, как Ленин. Во время вашего рассказа посветлеет лицо у Светланы, загорятся глаза у Владлена.

Но может случиться, что пройдёт несколько дней, и начнет опаздывать Владлен, пропускать Светлана, Саша, Сережа.

Как тут быть?

Записать их на чёрную доску? Записать им строгий выговор? Дескать, будут знать, как опаздывать. Но это неверно. Вот, скажем, записали, выговор вынесли, а ребята огорчились, но продолжают опаздывать, пропускать.

Что же делать?

«Исключить из пионеров», — предлагают некоторые.

Это, ребята, будет неправильный подход. Это будет подход бюрократический. Вы слышали, верно, как Ленин боролся с бюрократизмом, считал, что бюрократизм портит работу, что это большое зло. Слово «бюрократизм» происходит от французского слова «бюро», что значит контора, канцелярия.

Бюрократизм — это такое отношение к делу, когда в суть дела не вникают, сутью дела не интересуются, а обращают лишь внимание на форму, на бумажку.

Бездушное, формальное отношение к делу и называется бюрократизмом. Положим, что надо быстро послать к больному врача. Посылают бумажку в какое-нибудь учреждение, от которого это зависит, а там выходной день.

На другой день посмотрит кто-нибудь эту бумажку, скажет, что надо сначала, чтобы просьбу о враче утвердило другое учреждение. Бумажка путешествует из учреждения в учреждение, а больной лежит без помощи, когда нужно ему спешно помочь.

Вас, может быть, удивит, к чему я это говорю и к чему рассказываю вам о бюрократизме. Я об этом говорю потому, что и среди пионеров иногда бывает порядочно бюрократизма, а это никуда не годится. Вглядитесь в свою работу, и вы увидете, что часто и вы к делу тоже относитесь формально, бюрократически.

Мне один паренёк писал, что его записали в прогульщики, а поэтому даже одежды не выдали, когда другим выдавали. А он живёт от школы в пяти километрах, и по дороге река. Река разлилась весной, парень не мог попасть в школу, а его записали в прогульщики.

Как не по-бюрократически подойти к вопросу об опоздании и пропусках? Надо выяснять каждый раз причину запаздывания или пропуска.

Может быть, мать считает, что девочке, её дочери, совсе... не к чему ходить в школу, пусть она лучше сидит дома и вышивает подушечки...

...У нас проведено всеобщее обязательное обучение, и тех кто не пускает ребят в школу, полагается штрафовать...

Может не ходить в школу ученик по нужде. Мать уходит на работу, а малые ребята остаются без всякого призора, кому нибудь надо дома оставаться. В таких случаях надо либо помочь устроить малышей в ясли и детский сад, или организовать помощь через совет или через комсомол.

Но может причина быть и в самом ученике: выйдет другой ученик из дому во-время, да дорогой ввяжется в драку или чем нибудь заинтересуется, какими-нибудь похоронами, например, и в школу запоздает. В таких случаях надо, чтобы более выдержанный и близкий товарищ пришёл на помощь: заходил за неаккуратным товарищем, вместе с ним шёл в школу.

Только справившись с прогулами и опозданиями в школе, вы сумеете в будущем и на производстве работать, как ударники.

Юные ленинцы, к борьбе за рабочее дело будьте готовы!

«Письма пионерам»,
М., «Молодая гвардия»
1938, стр. 27—31

«МОЁ» И «НАШЕ»

Дорогие ребята!

Сегодня мне хочется поговорить с вами об одном большом и важном вопросе.

У одного знакомого мальчика висит на стене портрет Ленина. Он вырвал его из книжки.

— Ведь ты книжку испортил, — говорю я.

— Я не из своей.

Оказалось, что книжка была библиотечная.

Посмотрите, какое дело получается. Мальчик много слышал о Ленине, считает себя ленинцем, его портрет на стену вешает, а что делает? Своё имущество бережёт, а общее-то, которым пользуются многие, библиотечное, портит. Откуда это?

При помещиках и капиталистах порядки были такие. Помещик имел много земли. «Земля моя, — говорил он. — Что хочу, то и делаю с ней. Захочу — не буду ее совсем обрабатывать, пускай стоит порожняком. Захочу — сдам её в аренду соседним крестьянам, у них своей земли мало, подороже с них за аренду сдеру. Захочу — куплю сельскохозяйственных машин, найму агрономов, батраков найму, пусть на меня работают. До того не дам, всё равно им деваться некуда».

Богатый крестьянин-кулак, у которого земли было много, рассуждал так же: «Моя земля, мой скот, как хочу, так ими и распоряжаюсь».

А как рассуждал бедняк, батрак? «Земля не моя, скот не мой, машина не моя, мне до них дела нет». И поэтому помещичьи

землю пахал кое-как, о скотине заботы не было, машины не берёг никто.

Теперь у нас колхозы. Про колхоз не говорят уже *мой*, а говорят *наш* колхоз. И кони, и коровы — скот — общие, *наши*. Машины в колхозе тоже *наши*.

...Много надо было времени, чтобы пожилые люди, привыкшие к капиталистическому порядку, привыкли смотреть на общее добро как на свое собственное.

Фабрики принадлежали капиталистам. Они рассуждали так: «Моя фабрика. Захочу — заведу на ней самые совершенные машины, захочу — оставлю старые, захочу — могу в любое время фабрику закрыть, выброшу рабочих на улицу. Рабочие — мои. Захочу — часовню для них выстрою, захочу — школу выстрою. Мои, всё моё».

Теперь фабрики стали *общим* добром, *общим* имуществом. Рабочие говорят уже о фабрике, как *о нашей*, заботятся о ней, берегут её. Только не всегда и не все ещё.

В быту пережитков старого сколько хочешь: у себя в квартире огонь на ночь тушат, а в учреждениях сплошь и рядом забывают на ночь электричество потушить. Книжки в библиотеку не возвращают. В общежитиях грязь, часто мебель поломана.

Зачем я это всё пишу?

Юные пионеры, которые хотят быть ленинцами, должны научиться заботиться об общественном имуществе.

Есть ли эта забота? Не всегда. Входишь иногда в школу, видишь изрезанные столы, на только что выкрашенных стенах какие-то глупые надписи, нет-нет, кто-либо втихомолку лампочку вывинтит, проволочку перережет, окошко выбьет.

Некоторые ребята так рассуждают: велика беда, если лампочку вывинчу или школьный учебник изувечу — советская власть о нас позаботится. Зато я — пионер, завтра вместе со всеми я буду петь: «Мы — молодая гвардия рабочих и крестьян», завтра я пойду с отрядом на фабрику, в красном галстуке, и буду отвечать, что в борьбе за дело Ленина и Сталина мы «всегда готовы».

Разве не бывает так, ребята? Вглядитесь в жизнь своей школы, разве у всех вас заботливое отношение к общественному имуществу?

...Это показывает, как мало сознательны ещё были некоторые ребята. Ни школа, ни отряд не учили их, не объясняли им, как надо относиться к общественному имуществу. Теперь лучше, но кое-какие пережитки старого ещё есть.

Поглядите, ребята, вокруг себя. Вы увидите, как много ещё сохранилось старых, собственнических привычек, старых взглядов, когда люди рассуждали так: «каждый за себя, только бог за всех».

Не менее внимательно надо смотреть, что делается у вас в школе, в отряде. Какое отношение к общественному школьному имуществу? Есть ли достаточно заботливое отношение к школь-

ному имуществу? Стараетесь ли держать ваш класс, вашу школу, вашу библиотеку, ваш пришкольный участок в чистоте, в порядке; стараетесь ли сделать их красивее, удобнее для общей работы, занятий, игры? Что вы сделали для того, чтобы лучше обслужить школу, библиотеку? Как боретесь вы за ленинское бережное отношение к общественному имуществу, за заботу о нем? Как у вас обстоит с этим дело в отряде?

К борьбе за рабочее дело будьте готовы!

1932 г.

«Письма пионерам»
«Молодая гвардия», М., 1938, стр. 22—26.

НАУЧИМСЯ РАБОТАТЬ ПО-НАСТОЯЩЕМУ, ПО-ЛЕНИНСКИ

Дорогие ребята!

Исполняется десять лет, как существует пионерорганизация. За эти годы число пионеров выросло до 6 миллионов. Громадная армия юных ленинцев! За эти годы ребята учились в своей организации, как действовать сообща, организованно, учились вести общественную работу, сознательно относиться к окружающему, многому научились, выросли на этой работе. Шлю я вам, родные мои ребята, горячий привет!

Ленин придавал очень большое значение организации. Всю жизнь работал он над тем, чтобы помочь рабочим организоваться, всю жизнь работал над тем, чтобы самый сознательный, передовой отряд борцов за рабочее дело организовать в крепкую, стойкую, не боящуюся никаких трудностей партию, чтобы около этой партии сплотить самые широкие массы трудящихся. Но не всякий достоин быть членом партии. Членом партии может быть лишь тот, кто не покладая рук работает на общую пользу, кто себя не жалеет, готов в любую минуту встать на ту работу, куда надо, готов бороться за рабочее дело, положить за него свою жизнь. Для этого нужна большая внутренняя дисциплина. Наша партия действует дружно, сплочённо. Оттого она и победила.

Комсомольцы готовят себя к тому, чтобы стать достойными членами партии, комсомол — это смена, они учатся быть закалёнными, стойкими. А пионеры — это смена комсомола. Им надо много работать над собой, чтобы стать сознательными, стойкими, смелыми. Когда пионерам говорят партийцы, комсомольцы, вожатые: «К борьбе за рабочее дело будь готов!», пионеры отвечают: «Всегда готов!» Но сказать легко, сделать много труднее. Надо строго выполнять постановления организации во всём, даже в мелочах. Пионеры не здороваются за руку, а отдают салют. Так постановлено.

Однажды, в 1924 г. кажется, было большое пионерское собрание в Доме союзов в Колонном зале. Вхожу я, у дверей стоит пионер: я, по старой привычке, хочу поздороваться с ним

за руку. Он поднимает руку для салюта и говорит: «Мы, пионеры, руку не подаём, мы отдаём салют». До чего я была рада, что соблюдает он постановления!

Рассказывал мне рабочий один. Видит он раз в лесу собрались у костра пионеры, оживлённо о чём-то говорят. Рабочему захотелось поговорить с ними. Он подошёл и вступил с ребятами в беседу, курил при этом. Тогда встал один пионер и говорит: «Товарищ, мы, пионеры, не курим и других просим в нашем присутствии не курить». — «Неловко мне стало, — рассказывал рабочий, — бросил я папироску в огонь. Думаю, пожалуй правда, бросить курить надо, да трудновато».

«Молодцы ребята», — подумала я. Правда, не всегда так легко и просто соблюдать то, что постановлено. Бывают случаи: станет пионер отца уговаривать не пить, тот на него закричит: «Молчи, щенок!», — а то и побьёт. Но я знаю десятки примеров мужественного поведения пионеров. И каждый раз приходилось думать: вот настоящие ленинцы растут. Ленину горячо хотелось, чтобы ребята вырастали стойкими коммунистами. Бывало, шутит с каким-нибудь мальчонком, а потом спросит: «Не правда ли, ты будешь ведь коммунистом?» И видно, что хочется ему, чтобы паренёк коммунистом рос.

Сейчас у нас идёт повсюду строительство мощных заводов, идёт коллективизация, сейчас надо уметь по-новому хозяйничать, надо много знать, уметь. Надо овладеть техникой, надо овладеть знанием. Это — боевой лозунг.

Сейчас те, кому хорошо жилось при царской власти, которые хотят, чтобы вернулась власть помещиков и капиталистов, чтобы зажать в кулак покрепче рабочих и трудящиеся массы крестьянства, колхозников, стараются всячески вредить соцстроительству, пользуются темнотой, которой еще много в деревне, чтобы пускать всякие злые и вредные слухи, настраивать тёмных людей против советской власти. Но, чтобы бороться с ними, надо самим очень хорошо разбираться во всём. Для этого надо много знать.

И партия ставит перед всеми партийцами и комсомольцами задачу — учиться. И от школы требует, чтобы школа давала ребятам побольше знаний, от пионеров требует, чтобы те особо налегали на приобретение знаний, чтобы и сами усиленно учились и товарищам помогали учиться.

Помещики и капиталисты хотели всегда, чтобы рабочие да крестьяне знали как можно меньше, в школах учили больше закону божию да послушанию царю да богатым.

Сейчас врагам Советской страны, капиталистам всех стран, охота, чтобы СССР как можно дольше оставался, если не неграмотным, то хоть малограмотным, тогда с ним легче будет справиться. И вот пионерам надо в бой вступить за овладение знаниями. Не только в классе надо слушать, надо побольше читать, научиться пользоваться библиотечными книгами, ходить в библиотеку, в читальню. Надо научиться пользоваться всякими

справочниками, себе в тетрадку выписки делать. Надо помогать друг другу, объяснять тем, кто не понимает. Важно, чтобы пионеры в каждой группе обсуждали между собой, как лучше наладить учёбу, были бы в группе боевой бригадой, которая борется за знания, сама по учёбе идёт впереди и других за собой ведёт. Если трудности какие встречаются, надо их обсудить в пионеротряде, обдумать, как с ними справиться.

Празднуя десятилетие своей организации, пионеры должны сказать себе: будем и дальше вместе дружно жить, помогая друг другу, будем вести общественную работу, будем бороться за знание, научимся работать по-настоящему, по-ленински. Готовы ли вы, ребята, к борьбе за рабочее дело, за дело Ленина?

«Комсомольское воспитание смены». «Молодая гвардия», М., 1931, стр. 183—186.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Каждый школьный предмет — математика, биология, история и пр. — имеет целью изучение целого ряда более или менее однородных явлений.

В каждой из таких областей — горы фактов, целый ряд работ, обсуждающих эти факты с самых различных точек зрения, и с идеалистической, и с материалистической. Вопрос заключается в том, как из всего этого материала выбрать самое нужное и существенное и как этот материал систематизировать, расположить так, чтобы знакомящийся с ним получил самое ясное и верное представление о самой сути явлений данного порядка, или, иначе говоря, о самых основах этой науки. Знание основ науки даёт учащемуся возможность разбираться в явлениях данного порядка, в тех новых фактах, с которыми он будет в дальнейшем встречаться. Говоря о необходимости овладеть основами наук, Ленин имел в виду именно необходимость знать самое существенное, основное в каждой области знания.

Чтобы разрешить правильно задачу правильного подбора и расположения материала, необходимо руководствоваться *диалектическим методом.*

Во время споров о профсоюзах, которые происходили в рядах коммунистической партии в конце 1920 и начале 1921 г., Владимир Ильич дал очень точное определение того, в чём этот диалектический метод заключается. Он говорил:

«Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережёт нас от ошибок и от омертвения. Это во-первых.

Во-вторых, диалектическая логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении» (как говорит иногда Гегель), изменении.

В-третьих, вся человеческая практика должна войти в полное

«определение» предмета и как критерий истины, и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку.

В-четвёртых, диалектическая логика учит, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна», как любил говорить вслед за Гегелем покойный Плеханов».

Сам Владимир Ильич при изучении явлений общественного порядка умел мастерски пользоваться диалектическим методом.

Возьмём пример. Как изучал он такое явление, как капитализм? На заявление народников, что у нас в России нет капитализма, Ленин ответил большой исследовательской работой — «Развитие капитализма в России». В этой работе он старался охватить, изучить все его стороны, все связи и опосредствования. Особенно вложил он много нового в изучение развития капитализма в деревне, показывал на всех участках, как из старых докапиталистических форм вырастали новые, капиталистические формы. Он брал не вопрос о развитии капитализма вообще, а о развитии конкретного капитализма, капитализма русской пореформенной эпохи. Он вскрыл и отрицательные и прогрессивные стороны капитализма, анализировал те политические условия, которые усиливают отрицательные, тёмные стороны капитализма, и политические формы, которые ослабляют темные стороны и усиливают стороны прогрессивные. Ленин изучал, как влияют капиталистические условия на жизнь крестьянина, на жизнь рабочего. Изучая капитализм, Ленин брал не только русский капитализм, но изучал его в связи с развитием капитализма в других странах, брал «всю человеческую практику». Он изучал капитализм с той целью, чтобы найти пути, как превратить капитализм в движущую силу человеческого прогресса, усилить сознательность, организованность рабочего класса, показать путь устранения капитализма, замены его социалистическим укладом. Это нужно человеку.

У Ленина мы находим в его работах массу материала, который вскрывает перед нами то, как надо применять диалектический материализм к изучению общественных явлений.

Когда мы составляем программы для школ, т. е. делаем отбор материала и располагаем его в известном порядке, мы должны руководиться диалектическим методом.

Когда мы изучаем, скажем, математику, мы должны изучать все её стороны, все связи и опосредствования.

Надо, чтобы ребятам была ясна связь и между разделами: геометрией, арифметикой, алгеброй и т. д.

Надо, чтобы ребятам была ясна роль математики в изучении техники, в поднятии техники на высшую ступень, роль изучения математики в изучении сил природы (взять хотя бы астрономию), роль математики в организации общественной жизни (роль статистики, учёта, планирования). Собственно говоря, надо было бы создать целую серию очень популярных и простых книжек, которые показали бы, как благодаря математике можно всё глуб

же и глубже изучать природу в общественную жизнь, преобразовывать их.

Самое преподавание математики надо ставить таким образом, чтобы ребята ясно представляли себе эту сторону дела.

Надо поднять на высшую ступень составление самими учащимися задач. Надо, чтобы в процессе составления задач, взятых из окружающей жизни, сравнения их, обобщений ребята научились бы понимать, что математика помогает изучению закономерности явлений. Необходимо, чтобы школа развивала у ребят уменье наблюдать явления сквозь «математические очки».

Возьмем другой предмет — историю.

Нужно всестороннее изучение прошлого. Нужно изучение *всех* сторон жизни: экономики, политики, культуры. Надо показать взаимозависимость, взаимодействие между этими сторонами жизни, — иначе не получится материалистического понимания истории. Надо взять в с е прошлое. Надо показать взаимозависимость между историей различных стран. Брать каждую страну на фоне истории всего человечества.

Надо показать ступени развития человечества, брать человечество в его развитии. Нужно давать живые, конкретные, типичные факты, а не определения, нужно показать, для чего нужно знать историю, нужно показать, как история влияет на современность.

Когда изучаем современность, надо давать не клочки её, а современность в целом, — и технику, и экономику, и политику, и культуру. Надо давать современность во всей её конкретности. Надо давать на фоне международной современности, надо тесно связывать изучение современности с общественной работой, с ее организацией.

И к *каждому* предмету надо подходить так, как указывал Ленин. Без этого наша учёба не даст материалистического мировоззрения, не даст уменья осмыслить окружающую жизнь, не научит логически думать, применять знания к изменению, к улучшению жизни.

Могут сказать: вы опять хотите итти по пути комплексности. Комплексность комплексности рознь. Есть «комплексность», которая затемняет реальные связи и опосредствования, которая связывает воедино вещи, ничего общего между собой не имеющие, что мы на каждом шагу наблюдали в практике нашей школы, и есть комплексность, способствующая пониманию существующих реальных связей между различными областями явлений и тем способствующая выработке цельного материалистического мировоззрения.

Мы перешли к предметной системе, которая облегчает систематическое изучение различных областей явлений, но значит ли это, что мы хотим воздвигнуть между отдельными предметами стены? Целевая установка, которую мы преследуем в нашей школе, — дать знания, необходимые для перестройки жизни на социалистических началах.

Все отрасли наук должны быть поставлены на службу социалистическому строительству. И преподаватель науки должен подходить к преподаванию именно с этой точки зрения. Он должен вскрывать перед ребятами связь между теорией и её практическим применением в интересах соцстроительства.

Такой подход связывает все науки воедино одной общей целью, создаёт между ними внутреннюю связь громадной силы. И необходимо, чтобы она была осознана.

В связи с вопросом о необходимости строить наши программы, руководясь диалектическим методом, я хотела бы остановиться на вопросе о систематике. Метод проектов способствовал тому, что всякая систематика была угроблена, но старая — привычная для старой школы — систематика тоже мало для нас пригодна. Систематика систематике рознь. Вот в естественных науках например. Была в своё время систематика Линнея. На смену ей пришла систематика эволюционной теории. Обычно между школьной систематикой и систематикой научной имеется зияющий разрыв. Его надо изжить. Тут особенно важна работа наших научно-исследовательских педагогических институтов. Я бы хотела обратить ещё внимание на необходимость брать предмет в его развитии, «самодвижении». «Самодвижение» — это развитие от простого к сложному, от частного, конкретного к общему, к абстрактному, могущему быть переведённым на конкретный язык. Это уж известные указания для методиста.

Основы систематики надо искать в истории развития данной отрасли науки.

История развития каждой отрасли науки бросает свет на трудности развития её на определённых этапах «самодвижения». Методист должен отдать себе отчёт, в чём именно заключалась трудность и как она была преодолена и как её можно преодолеть на современном этапе развития. Но вопрос это ещё мало разработанный, требующий большой научной, исследовательской работы.

Методика преподавания органически связана *с самой сущностью преподаваемого предмета*. По-одному надо преподавать математику, где на первый план выдвигается логическое мышление, по-другому — естествознание, где самое важное — научить наблюдать, «видеть», обобщать наблюдения, ещё по-иному — обществоведение, где важна особая связь с общеизвестными явлениями окружающей жизни, где эмоциональный элемент играет особенно сильную роль.

Методика органически связана с теми целями, которые стоят перед школой. Если цель школы — воспитать послушных рабов капитала, — и методика будет соответствующая, и наука будет использована для того, чтобы воспитать послушных исполнителей, как можно менее самостоятельно думающих, рассуждающих; если цель школы — воспитать сознательных строителей социализма, — и методика будет совсем другая, — все достижения науки будут использованы для того, чтобы научить самостоя-

...стоятельно мыслить, действовать коллективно, организованно, отдавая себе отчёт в результатах своих действий, развивая максимум инициативы, самодеятельности.

Методы воздействия, влияния на ребят долгие годы покоились на эмпирике, с одной стороны, на идеалистической психологии — с другой. Научности в старой методике не было никакой, или она была ложная. Сейчас научная материалистическая психология, опирающаяся на достижения современной невропатии, дала серьёзнейший научный базис, на котором может быть построена научная методика. И наконец, методика органически связана *с знанием объекта воздействия*, т. е. того человека, растущего, развивающегося, к которому она применяется. Характер инструмента определяется свойствами того материала, видоизменение которого он должен произвести: чтобы проткнуть полотно, — нужна иголка, кожу—шило, камень—лом и т. д. Так и методы воспитания и обучения изменяются, должны изменяться в зависимости от физических сил, жизненного опыта, запаса знаний и умений учащегося, его навыков к отвлечённому мышлению и т. д.

Итак, — диалектический метод в подборе и организации учебного материала.

Диалектический метод определяет собой и характер систематики материала.

Методика, правильно поставленная, должна вытекать из самой сущности предмета, базироваться на изучении истории развития данной отрасли знаний, определяться целями школы, базироваться на достижениях научной материалистической психологии, на всестороннем знании ребёнка, его возрастных особенностей и того, как эти особенности преломляются в среде, соответствующей данной эпохе.

Постановление ЦК от 5/IX 1931 г. поставило со всей остротой вопрос о качестве учёбы, о систематике. На основе этого постановления Наркомпрос издаёт программы, выпускает методические письма, — это несомненный шаг вперёд, но перед нами, поскольку мы хотим создать кадровую, пронизанную духом марксизма и ленинизма, духом социализма программы и методы, лежит еще необъятное поле работы по подъёму этих вопросов на высоту, которую требует от нас постановление ЦК.

В заключение остановлюсь ещё на одном вопросе — на том, что должны мы позаимствовать для нашей школьной методики из проверенной уже на практике методики пропаганды и агитации среди взрослых.

Если мы посмотрим, как вела пропаганду и агитацию наша партия за всё время существования, мы увидим, что перед партией всегда стояла ясная, чёткая цель, которой были подчинены все какие-либо пути, которые отвечали ей на каждом определённом этапе времени, в самых разнообразных условиях. Организация стачечного движения, вооружённого восстания, использование легальных возможностей агитации против войны, организация масс около вопросов мира и войны и т. д. и т. п. — всё

было подчинено общей цели — борьбе за социализм. Вся агитация и пропаганда покоились *на глубоком знании масс*, их жизненных интересов, того, что массу в данную минуту волнует. Это знание масс давало умение нащупать в каждый данный момент то, что больше всего волнует массу, найти то звено, за которое надо ухватиться. *Интерес* брался за исходный пункт, делаясь организующим моментом, около которого и развивалась вся работа. Начинали с кипятка, который распорядился не давать рабочим управляющий фабрики, со штрафов, с длинного рабочего дня и шаг за шагом подводили к пониманию социализма. *От простого, конкретного, близкого — к сложному, отвлечённому, отдалённому, всё время однако к переводимому на язык конкретных фактов, постоянно расшифровываемому с точки зрения потребностей текущего момента и с точки зрения достижения цели.* И затем, не пропаганда ради пропаганды, не агитация ради агитации, а пропаганда и агитация, организующая определённым образом волю, направляющая самодеятельность, *готовность к действию.*

Целесообразность такой именно формы пропаганды и агитации доказана жизнью.

— Но какое имеет всё это отношение к школе? — спросит читатель. Самое прямое, — ответим мы.

Преподаватель каждого предмета ни на минуту не может забывать о цели — *воспитание сознательных и активных строителей бесклассового общества*, т. е. общества социалистического, — этой цели должна быть подчинена и организация учебного материала, и систематика, и методы работы. Ни один предмет у нас не может строиться аполитично, «объективно». Это значит, конечно, что учитель будет подгонять факты под определённые выводы. Но ещё в начале своей революционной деятельности Ленин в статьях «Экономическое содержание народничества» и «От какого наследства мы отказываемся» поставил вопрос о подлинной объективности и теснейшей увязке с нею классовой борьбы и объективности в кавычках, за которыми прячутся противники классовой борьбы, противники борьбы за социализм.

Цель создаёт внутреннюю увязку между всеми предметами, между всеми методами.

Другой вывод — необходимость глубокого всестороннего марксистского, научного изучения детей, их возрастных особенностей и окружающих их условий жизни, изучение детских коллективов и изучение детских интересов. Необходимость интересоваться ребятами, как какими-то живыми существами, и уметь находить к ним, заинтересовывать их, уметь учитывать их интересы и интересы их развития, а не игнорировать интересы ребят.

И наконец последнее, но очень важное — это ставить учёбу так, чтобы она была руководством к действию. Вопрос об увязке теории и практики у нас не разрешён. Мы отвергаем ту увязку, которую мы видели в практиковавшемся методе проектов, где

учёба, теория, была сведена на нет. Но из этого вовсе не следует, что мы должны запереть ребят в стены школы, оторвать учёбу от жизни. Мы имеем прямые директивы Ленина о необходимости увязки теории и практики, учёбы и общественной работы подростков и в «Письмах издалека», и в «Речи на III съезде комсомола», и в ряде других мест. Учёба должна вооружить ребят знаниями и умениями и умением применять знания на практике. Теория — руководство к действию. Этого мы ни минуту не можем забывать.

«На путях к новой школе» 1932, № 4, стр. 20—24.

РОЛЬ ЛЕНИНА В БОРЬБЕ ЗА ПОЛИТЕХНИЧЕСКУЮ ШКОЛУ

Владимир Ильич всегда придавал совершенно исключительное значение воспитанию подрастающего поколения. В школе видел он орудие подготовки бесклассового общества, орудие перевоспитания всего подрастающего поколения в духе коммунизма. Сын выдающегося педагога, с громадным вниманием относившегося к массовой начальной школе, отдававшего всё своё время на дело поднятия её на более высокий уровень, Владимир Ильич с особенным вниманием читал то, что говорили Маркс и Энгельс о школе, о соединении обучения с производительным трудом. В 1897 г., когда марксизм у нас в России только что стал приковывать к себе внимание и шла острая борьба с народниками, совершенно неправильно представлявшими себе путь развития к социализму, Ленин написал статью «Перлы народнического прожектёрства». Народник Южаков развивал планы, как дать возможность овладеть знаниями сыновьям и дочерям крестьян, создав в деревнях на хозрасчёте гимназии, при которых были бы большие хозяйства. Богатые крестьяне платили бы за своих детей, а дети бедняков платили бы за своё содержание и обучение трудом. Сохранялись при этом дух и программы старой гимназии времён царизма. Ленин страшно возмутился этим проектом. Южаков считал, что можно без всякой борьбы, сохраняя существовавшее классовое деление и самодержавный строй, создать многочисленные сельские гимназии для крестьян. Цензурные условия заставляли Ленина говорить прикрыто, иносказательно, намёками, но Ильич сказал всё же, что хотел, доказал всю утопичность этого «проекта», его бессилие, всё непонимание Южаковым русской действительности, классового характера русского строя, доказал крепостнический дух всего проекта, прикреплявшего молодёжь к земле, превращавшего крестьянскую молодёжь в подневольных батраков, не имевших права даже в 25 лет жениться без разрешения школьного начальства. Южаковскому проекту Ленин противопоставлял единую трудовую общеобязательную школу, где бы давались и серьёзные знания и где бы все ученики работали.

Потом Ленин долгое время ничего не писал по этому вопросу, но всё время уделял много внимания труду ребят, писал о необходимости самой строгой охраны этого труда, о том, что надо ребят с ранних лет втягивать в политику.

Когда разразилась мировая война, Ленин, предвидя громадные исторические сдвиги в истории человечества и думая о подрастающем поколении, останавливается на вопросах воспитания в статье «Карл Маркс», написанной для Граната, в разделе «Социализм», он приводит цитату из Маркса, касающуюся соединения обучения с производительным трудом. Владимир Ильич посоветовал тогда мне засесть за писание книжки о том, что делалось в передовых в промышленном отношении странах в направлении соединения обучения с производительным трудом. В результате я написала книжку «Народное образование и демократия», которую он внимательно прочитал и стал заботиться, чтобы продвинуть её в печать. За годы войны — будучи в эмиграции — он писал о необходимости участия молодёжи в классовой борьбе, в гражданской войне, о необходимости подросткам начиная с 15 лет, принимать непосредственное участие в общественной работе пролетарской милиции.

Разрабатывая в 1917 г. проект партийной программы, Ленин так формулировал пункт о школе: необходимо «бесплатное и обязательное, общее и политехническое (знакомящее в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) образование для всех детей обоего пола до 16 лет, тесная связь обучения с детским общественно-производительным трудом». Особо подчёркивал он в этом проекте программы обязательность детского общественно-производительного труда.

С момента взятия власти Ильич настаивал, чтобы Наркомпрос взялся за проведение в жизнь политехнической школы. Приходилось это делать без всякого опыта, в условиях величайшей хозяйственной разрухи. Работа шла сначала преимущественно по линии опытных школ. На первых своих шагах «политехническое» образование выглядело весьма убого и выражалось главным образом в самообслуживании, в работе в столярных, в слесарных, в переплётных мастерских. Ленин же хотел, чтобы по-серьёзному ставилось во всех учебных заведениях преподавание электрификации, и набросал даже целый план этой работы. Это было в декабре 1920 г.

Владимир Ильич считал, что работа по политехнизации школы идёт у нас чересчур медленно. В Наркомпросе было течение, которое хотело ранней профессионализации школы, которое говорило, что политехническое образование не нужно, нужно монотехническое; были разговоры о том, что не везде возможно проводить политехническое образование, что его следует проводить лишь в больших городах, а в деревне не нужно. На Украине идея политехнической школы была совершенно извращена. Ленин настаивал на устройстве партсовещания. На этом партсовещании предполагался мой доклад о политехнизации.

Предварительные свои тезисы я показала, само собой, Ильичу. Ильич написал на них свои замечания, причём надписал «Прив ватно. Черняк. Не оглашать. Я ещё раз и два обдумаю это». Эти тезисы оглашены теперь по моей инициативе. Много уже времени прошло с тех пор, вопрос о политехнической школе жизнь ставит очень остро. И мне казалось, что то, что не надо было оглашать в то время, теперь необходимо огласить. Мы ведь изучаем сейчас и все черновые заметки Ильича. Мои тезисы не были тогда пущены в ход. Я захворала и доклада на партсовещании не делала. О чём говорилось в замечаниях Ильича? О необходимости подчеркнуть принципиальное значение политехнического образования. Сам Ильич придавал ему громадное значение. Он считал, что политехническая школа мо может создать базу для построения бесклассового общества. И он хотел, чтобы это было подчёркнуто в моих тезисах. Далее Ильич считал, что необходимо сказать, что политехнизм надо вводить тотчас. В моих тезисах была уступка профессионалистам. Я писала, повидимому (текста моих тезисов у меня не сохранилось), о том, что II ступень должна слиться с реформированными профшколами, а Ильич добавлял, что сливать надо «не всю вторую ступень, а с 13—14 лет, *по указанию и решению педагогов*». На партконференции этот возраст был установлен партией в 15 лет. В статье «О работе Наркомпроса», написанной в связи с решениями партсовещания, Ленин писал: «Если мы вынуждены *временно* понизить возраст (переходя от общего политехнического к профессионально-политехническому образованию) с 17 лет до 15, то и *партия должна рассматривать* это понижение возрастной нормы «исключительно» как практическую необходимость, как временную меру, вызванную «нищетой и разорением страны».

Очень часто то, что пишет дальше Ильич о профшколах, с которыми должны были слиться старшие группы школы II ступени, относят и школе-семилетке. О профшколах говорит Ленин, что они должны быть политехнизированы, не впадая в ремесленничество, говорит о необходимости бронировки в них общеобразовательных знаний, настаивая на необходимости политехнизировать их. Это относится к школам ФЗУ и техникумам. И это не след забывать. И далее о чём говорит Ленин — это о необходимости конкретных указаний, как в наших условиях политехнизировать школу. В архиве Института Ленина имеется за № 3946 ещё запись Ленина, относящаяся к вопросу о политехнизации. Он пишет:

«добавить: 1) о политехническом образовании для юношей и взрослых, 2) самодеятельность детей в школе.

Для взрослых — развитие профессионального образования с переходом в политехническое».

Когда и по какому случаю сделана эта запись — в архиве не отмечено. Но эта запись для нас очень важна.

Чрезвычайно много дают вышедшая в феврале 1921 г

статья Ленина: «О работе Наркомпроса» и составленные им «Директивы ЦК коммунистам—работникам Наркомпроса». В «Директивах» говорилось о необходимости политехнизации школы, об обязательности увязки профтехнического образования с политехническими знаниями, о том, что должны быть разработаны и утверждены Коллегией Наркомпроса программы учебных заведений основных типов, а затем курсов, лекций, чтений, собеседований, практических занятий, говорилось о необходимости привлечения всех подходящих технических и агрономических сил к профессионально-техническому и политехническому образованию, говорилось об использовании каждого сколько-нибудь сносно поставленного фабрично-заводского и сельскохозяйственного предприятия.

На IX съезде советов, имевшем место в декабре 1921 г., Ильич настаивал на связи школьной работы со злободневными хозяйственными задачами как всей республики, так и данной области и данной местности.

В высказываниях Ленина мы имеем очень конкретные указания, как строить политехническую школу. Пять лет эта работа велась под его руководством, в позднейшие годы продолжала строиться в указанном им направлении.

Теперь уже создан ряд общих предпосылок, которые облегчают это дело. Самая важная предпосылка — это успехи нашей промышленности, индустриализация нашей страны, перестройка сельского хозяйства на новых началах; громадное значение имеет плановость народного хозяйства: она ширит политехнический кругозор, показывает взаимозависимость различных отраслей производства; усиленно идёт подготовка кадров нашей промышленности и сельского хозяйства, растёт сознательное отношение к труду широчайших масс трудящихся, чему особо способствует соцсоревнование, растёт сознательная дисциплина. Школа I ступени охватывает всех ребят, она стала обязательной. Мы подходим уже к обязательности школы-семилетки; мы имеем обширные кадры комсомольцев и пионеров, помогающих школе; школы у нас прикрепляются к предприятиям. Делу политехнизации школы придаёт особое значение партия.

Всё это предпосылки, которые облегчают строительство политехнической школы. Облегчает его и борьба за качество учёбы, которая сейчас широко развёртывается. Но наша школа далеко ещё не осуществила полностью указаний Ленина, нужна ещё дальнейшая борьба за ленинские установки в школьном деле. Пройденный путь поможет нам избежать многих ошибок. Мы знаем, как мало даёт самообслуживание, с которого началась стройка политехнической школы; но мы знаем, что идёт борьба за культурный быт, за его поднятие на высшую ступень, и школа не может оставаться в стороне от этого дела, она должна вооружить ребят знаниями и умениями, которые им нужны, чтобы рационализировать быт; мы знаем, что наша политехническая школа не должна скатываться в ремесленниче-

ство, но мы знаем, что нужен определённый минимум элементарных умений, чтобы глубже изучать современную технику; мы против многоремесленничества, которым часто подменяли политехнизм. Мы за производительный труд детей, но мы против того, чтобы производительный труд детей вытеснял учёбу, которая сводилась бы к минимуму. На основе решения ЦК от 5/IX 1931 г. против этого перегиба шла борьба весь прошлый год.

Пройденный путь строительства политехнической школы многому научил нас. Надо ещё многому учиться, чтобы построить подлинную политехническую школу, мы её строим усиленно и построим такой, какой хотел её видеть Ленин.

«Коммунистическое воспитание»,
1932, № 9.

ИЗ ДОКЛАДА В ОБЩЕСТВЕ ПЕДАГОГОВ-МАРКСИСТОВ 14 ОКТЯБРЯ 1932 г.

Какая работа учителя хороша? Мне кажется, что это один из спорных вопросов. Я учительница давнишних времён. Буду говорить с точки зрения старого опыта, а вы, которые лучше знаете теперешнюю школу, вы наведите, пожалуйста, критику на мои соображения, как определить—кто хороший учитель? Если спросить ребят, какой у них любимый предмет, то ответ на этот вопрос уже до известной степени скажет, кто из учителей сумел заинтересовать, пробудить интерес, — это одно из необходимых достоинств хорошего учителя. Если учитель по всем правилам искусства даст образцовый урок, но не сумеет пробудить в ребятах интерес, найти, за что зацепиться, на что обратить особое внимание ребят, как их заинтересовать, то урок, может быть, будет квалифицирован, как хороший. Но я бы сказала, что это не тот учитель, который нам так нужен. Мы хотим, чтобы учитель сам был влюблён в свой предмет, чтобы он интересовался этим предметом и свой интерес умел передать ребятам. Учителей-энтузиастов, которые любят своё дело, свой предмет и умеют передать свою любовь к данной области знания ребёнку, у нас много.

Потом другой вопрос. Интерес-то можно пробудить, но надо суметь удовлетворить этот интерес, и тут чрезвычайно важно, чтобы пробуждённый интерес как-то поддерживался. Надо давать ребятам списки книг, которые можно читать по этому предмету: указать, где можно поработать, указать детскую техническую станцию, ответить на те вопросы, которые являются у ребёнка; научить его самостоятельно работать в данной области знания. Учитель может дать целый ряд советов, как ребятам за это дело взяться, и таким образом пробуждённый интерес у ребёнка не будет затухать, а будет развиваться больше и больше. Ведь нам с самых младших классов всё время приходится учить самостоятельно работать. Если учитель не научит ребёнка самостоятельному чтению книги, умению работать в библиотеке, пло-

хо вооружит его для самостоятельной работы в старших классах, и там ему придётся всё разъяснять. Нужно научить ребят работать коллективно. Надо, например, выделить группу ребят, которая особенно плохо пишет, поставить перед ними определённую цель, научить преодолевать одну трудность за другой, проверять себя и друг друга, помогать друг другу. Надо, чтобы работа захватила, увлекла ребят. Важно, чтобы учитель пробуждённый интерес как-то поддерживал.

Конечно, без плана работать нельзя, надо составлять план. У нас прошлой зимой было очень большое увлечение составлением планов уроков. Я, например, слышала жалобу одного товарища, что его жена-учительница пропадает до глубокой ночи: сидит и пишет длинные простыни, планы составляет. Тут вопрос в том, чтобы этот план был реальным, жизненным, чтобы не было выдуманного плана, чтобы он опирался на знания, имеющиеся у ребят. Раньше очень много говорили об окружающей среде, о ребёнке, а теперь частенько стали забывать и о среде и о ребёнке.

Мне пришлось слышать от некоторых горе-педагогов даже такую вещь: важно провести то, что мы считаем нужным, а как ребёнок воспримет — об этом что говорить: он должен воспринять. Но настоящий, хороший учитель, который умеет с ребятами работать, не может не понимать, что результаты такого игнорирования уровня знаний и развития ребёнка могут быть лишь самые плачевные. Реальный план тот, который опирается на те знания, которые у ребят есть, который имеет в виду эти знания наилучшим образом использовать, чтобы достигнуть цели. Может быть, я это говорю потому, что вчера мне пришлось видеть план ФЗУ по политэкономии. Я руками за голову схватилась: настолько трудный, вузовский план предполагается дать ребятам, которые только что окончили семилетку. И вот мне кажется, что планы, которые составляются, должны быть обдуманы с точки зрения реальности, чтобы они были осуществимы.

Важно, чтобы эти планы были не только для самого учителя. Учитель должен уметь их довести до каждого ученика, растолковать ребятам самое основное в плане. По-моему, мы должны здесь поучиться у Америки. Американцы также придают плановости большое значение. Правда, содержание преподавания у них очень отлично от нашего. Они не так обращают внимание на то, чтобы дать ребятам самое существенное. Больше мелочей всяких в этом плане. Но что они умеют хорошо делать, это свои планы объяснять ребятам. Более взрослым детям даётся план на более длительный срок, а в младших группах объясняется план на очень короткое время, т. е. на предстоящий урок. В начале урока идёт объяснение, очень конкретное — что надо за этот час сделать, в очень понятной, конечно, форме, что и как сделать. Это по отношению к малышам, а для более старшей группы объясняется план на более длительный срок. Необходимо, чтобы

плановость была не только у учителя, а чтобы он сумел и ребят втянуть в эту плановость, ибо это нам очень важно, это воспитывает у ребят умение планово работать. И несомненно, что урок будет гораздо успешнее, если ребята будут понимать, какими знаниями они за этот урок должны овладеть. А то иной раз бывает так: приходит учитель и говорит: «ну, ребята, вынимайте тетради, будем писать то-то и то-то». А для чего именно, не говорит.

Затем возникает вопрос о том, как перейти к самому главному, к умению передать ребятам свои знания. Прежде всего для этого необходимо несомненно, чтобы учитель сам знал, что он рассказывает. Если он учит грамматике, необходимо, чтобы он сам знал эти грамматические правила. Если он разъясняет литературу, чтобы он сам её читал. То же самое надо сказать и в отношении преподавания истории, естествознания и т. д. Учитель прежде всего должен знать свой предмет, а затем уметь передать его. Это большое искусство — передавать знания в популярной форме, с того конца, с которого надо, чтобы заинтересовать учеников, уметь остановиться на самом главном, уметь выделить самое существенное от второстепенного, всё это конкретно сказать и проиллюстрировать примерами. Я ещё раз повторяю, что это очень большое искусство, это не так просто, как кажется. И образцовый урок, и образцовый рассказ должны приковывать внимание ребят к тому, о чём идёт речь. Это самое главное. К сожалению, мы знаем, что учитель часто не умеет заинтересовать ребят своими рассказами. Если учитель рассказывает интересно, тогда вопросы дисциплины отходят на задний план, ребятам интересно, они слушают и не шумят. Сейчас у нас много говорится об образцовом уроке. Но мы должны говорить не только об образцовом уроке, дело не только в уроке. Мы должны совсем по-другому строить организацию работы ребят. При этом очень важно, чтобы учитель знал своих учеников. Хороший образцовый учитель знает своих ребят. Он не просто спрашивает одно и то же каждого ребёнка. Вот мне приходилось в прежние времена ходить по школам. Хороший учитель знает, какому ребёнку какой вопрос надо предложить, потому что он знает слабые стороны каждого ребёнка. Конечно, при большой группе это немножко трудновато. Но все же учитель, привыкший к ребятам, умеет узнавать по поведению ребёнка, по его вопросам, что его затрудняет. Внимательный педагог знает, какого ребёнка о чём спросить. А неумелый учитель обыкновенно предлагает всем детям одни и те же вопросы, и ясное дело, в классе начинается нечто невероятное, так как детям очень скучно. Хороший учитель должен знать индивидуальность каждого ребёнка.Он должен иметь свои определенные записи, где будет не только красоваться «уд». и «неуд», но где будет записано, в чём именно заключаются слабые и положительные стороны данного ребёнка. Возьмите, например, русский язык. Один ребёнок может прекрасно рассказывать, рассказывать живо,

точно, но писать не умеет: другой — напротив — не умеет говорить, но умеет писать. Так вот, каждый учитель знает, как надо разно спросить каждого ребенка и кому какое задание дать. То же самое и с заданиями. Надо, конечно, уметь спрашивать.

Дальше встаёт вопрос о заданиях, возникает вопрос о том, как лучше организовать работу ребят. Надо уметь давать им задания. Это тоже очень большое искусство, потому что можно давать задание очень лёгкое, которое ребят не заинтересует, и можно дать задание очень трудное, которое непосильно ребятам, которое будет обращать внимание на самое существенное, которое будет требовать от ребят особого внимания, развивать необходимые навыки. Это тоже очень большое искусство. Этим искусством должен обладать учитель. Он должен уметь так повести ребят, чтобы, с одной стороны, был какой-то обязательный минимум, а для более сильных он должен давать такие задания, которые учили бы их самостоятельно работать и поглубже овладевать той областью знаний, которой в данном случае приходится овладевать, но не уводили бы их от остальной группы... Теперь насчёт крепкой, сознательной дисциплины. У нас в этом отношении, особенно в больших городах, большие прорывы, в деревне, пожалуй, лучше. Как-то была в Москве экскурсия деревенских ребят. Они говорят: «какие у вас ребята в Москве недисциплинированные: мы идём, они в нас камнями бросают; конечно, мы делаем вид, что это к нам не относится, а всё же нельзя, чтобы были такие недисциплинированные...» Только самый отсталый учитель может думать, что дисциплина повысится, если он будет кричать и делать замечания ребятам. Это верный путь, чтобы ребята шумели в классе всё больше и больше, чтобы приходилось всё больше повышать голос. Так дисциплину не поднимешь. Если учительница говорит ребёнку, что она выкинет его из класса, если он только пошевелится, то это не путь к сознательной дисциплине. А необходимо привлечь ребят, заинтересовать их целым рядом вещей. У них бывает целый ряд вопросов всегда в связи с учёбой, требующих разъяснения. Ребята у нас очень развитые, и помочь им сорганизоваться учитель может без всякого крика и вышвыривания за дверь, которое и его нервирует и нервирует весь класс. Мне пришлось слышать такую вещь, что постановление об исключении ребят за хулиганство толкуется так, что ребятам-малышам 8—9 лет говорят на каждом шагу: «Имей в виду, что тебя исключат из школы!» Конечно, мы должны охранять ребячий коллектив. Ведь ребята очень впечатлительны, и если попадает часть хулиганистых ребят, они начинают всякие циничные вещи рассказывать, что очень сильно влияет на коллектив. Поэтому иной раз необходимо такого ребёнка поставить в особые условия. Приходится иногда исключить даже. Но прежде чем это сделать, надо выяснить, в чём тут дело. Так просто, с маху, нельзя этого, конечно, делать. К малышам это

относится в гораздо меньшей степени. Это, главным образом, относится к старшим ребятам, с которыми очень часто трудно что-нибудь сделать. Но если учитель думает, что это какая-то заслуга школы, что она исключит побольше ребят, то это, конечно, совершенно неверно. Если учитель думает, что можно такую вещь делать, как привлекать ребят к обсуждению того, кого надо исключить из школы, — это тоже неверно. Мы должны коллектив ребят укреплять. Заведующему иногда приходится делать очень тяжёлые вещи, причём делать это после всестороннего обдумывания. Перекладывать ответственность за исключение на ребят — это значит разлагать коллектив, а нам нужно всячески коллектив укреплять.

Между прочим мне пришлось слышать и такие разговоры, что вот, мол, вызывают родителей и говорят: «Вы знаете, вашего сына надо исключить». — «Почему?» — «А потому, что он мелом измазал ранец одной девочки». Ну, хорошо. Если мы за это дело будем исключать, то нам придётся половину ребят исключить, потому что ребёнок всё же ребёнок. Необходимо правильно оценить каждый поступок ребёнка. Надо, конечно, охранять коллектив ребят от хулиганства, потому что дети очень впечатлительны и хулиган может испортить всех. Но тут же, конечно, необходима очень большая осторожность, огромна ответственность учителя за то, что он делает. Такие случаи могут быть в школе только как редкое исключение. Учитель должен уметь справиться с ребёнком. Иногда по мотивам социальной защиты ребят крайнюю меру — меру исключения надо проводить. Но отсюда нельзя сделать того вывода, что в классе должен стоять постоянный крик учителя. Мы должны воспитывать сознательную дисциплину, а не просто итти по стопам старой школы.

Что касается порядка в школе, то он зависит от общего уклада школы...

...Налаженность общей школьной жизни чрезвычайно важна. Необходимо внимание ко всем этим мелочам, ибо весь режим школы, вся её налаженность необычайно сильно влияет на дисциплину. Конечно, дисциплину мы понимаем не в том смысле, что ребята должны только сидеть и не шелохнуться. Мы должны понимать её в том смысле, что ребята должны уметь как-то коллективно работать, не мешая другу другу, помогая друг другу в работе.

Необходимо так наладить обучение ребят в школе, чтобы они не только воспринимали то, что им говорят, а чтобы они умели и самостоятельно учиться, проявляли инициативу в работе. Конечно, хороший учитель это умеет сделать.

Научный архив Академии педагогических наук РСФСР, дела 1932—1933 гг. Печатается впервые.

ПРОЙДЕННЫЙ ПУТЬ

Октябрьская революция в корне изменила все классовые отношения, свергла власть помещиков и капиталистов, поставила у власти рабочий класс, создала диктатуру пролетариата.

Социализм из далёкой цели стал конкретной действительностью, за которую борется партия, опирающаяся на революционный пролетариат, на широкие массы трудящихся. Растёт здание громадной и совершенно невиданной стройки социализма.

За 15 лет мы добились громадных сдвигов на культурном фронте. Об этом красноречиво говорят цифры. Они говорят главным образом о количественных сдвигах. Ярко свидетельствуют они и о качественных.

Борьба на культурном фронте органически была связана с общей борьбой, которая шла в стране, и с общей перестройкой всего уклада. Культура — это цемент, скрепляющий все достижения. Социализм немыслим без громадного подъёма культуры.

Строительство культуры в Стране Советов качественно отличается от строительства культуры в капиталистических странах: оно служит совсем другим целям. Нам надо прокладывать совершенно новые пути, преодолевать чрезвычайно большие трудности.

В данной статье я попробую осветить один лишь участок пройденного пути — борьбу за политехнизацию школы.

Наша страна была перед Октябрём страной со сравнительно слабо развитой индустрией, страной аграрной, по преимуществу, с преобладающими отсталыми формами земледелия. На такой базе, на такой хозяйственной основе построить социализм нельзя было. Надо было создать совершенно иную базу, надо было догнать и перегнать капиталистические страны. Только подняв промышленность и сельское хозяйство на необходимую высоту, можно было создать плановое хозяйство.

Плановое хозяйство — это то, что в корне отличает хозяйство социалистическое от хозяйства капиталистического, где господствует конкуренция, стоящая на пути дальнейшего хозяйственного развития. Но плановое хозяйство требует от участников соцстроительства громадной сознательности, понимания взаимосвязи различных отраслей производства, понимания роли каждой отрасли производства во всём народном хозяйстве, знания техники, понимания структуры каждой основной отрасли промышленности, понимания того, как она должна развиваться дальше, понимания того, куда идёт всё хозяйственное развитие.

Участникам соцстроительства нужен широкий политехнический кругозор, тогда только они сумеют по-настоящему помогать проведению планового хозяйства в жизнь. Но одного политехнического кругозора мало, надо, чтобы каждый гражданин Советской страны владел современной высокой культурой труда, умел бы любую работу вы-

полнять быстро, четко, рационально, умел обращаться с инструментами, машинами и различными материалами. Только тогда он сумеет овладеть всё изменяющейся усовершенствованной техникой.

В нашей стране, где господствует уже плановое хозяйство, где быстро развивается социалистическая промышленность, политехнизация имеет совершенно особое значение. Вот почему в партийной программе говорится о том, что наша советская трудовая школа должна быть политехнической.

Комиссариат народного просвещения РСФСР с самого начала существования стремился строить политехническую школу. Широкие массы учительства впервые слышали этот термин и не знали даже, что он означает. Взгляды Маркса и Энгельса на это дело были мало кому известны. Но и работники Наркомпроса не знали, как приступить к нему. Они знали, что надо соединять обучение с производительным трудом, но как это сделать — не знали. Кругом была дикая разруха. Производительный труд ребят выливался в самообслуживание. Это самообслуживание было в тот период необходимостью, оно было связано с налаживанием элементарных жизненных удобств.

Вспомним, что писал по поводу субботников Ленин, вспомним организующую сторону субботников, их воспитательное значение, тогда ясно станет, какую роль играл в то время бытовой детский труд в школах и детдомах. «Мы, молодая гвардия рабочих и крестьян», с гордостью пели подростки. Надо ли сейчас выкидывать самообслуживание целиком из школы? Конечно, нет. Задача рационализации быта не разрешена ещё, и школа не может и не должна отмахиваться от участия в этой рационализации, но борьба за новый быт должна быть лишь частицей трудового воспитания, целиком подчинённой учебным и воспитательным целям.

Параллельно с этим усиленно пропагандировалась идея политехнической школы. В марте 1919 г. была принята программа партии, в которой ясно говорилось, что советская школа должна стать политехнической, знакомящей в теории и на практике со всеми главными отраслями производства, проводящей тесную связь обучения с производительным трудом, подготовляющей всесторонне развитых членов коммунистического общества. Введение этого пункта в программу партии имело громадное значение. В нём ясно говорилось о связи с производством, говорилось о связи обучения с производительным трудом.

Но 1919—1920 годы были годами, когда фабрика и заводы стояли, и связь с производством была весьма проблематична. Производительный труд стал вводиться главным образом как ремесленный. Ребят обучали шитью, переплётному делу и столярничанью. Связь с производством выражалась обычно лишь в экскурсиях на производство, проводившихся к тому же часто неумело.

Главными борцами за политехнизм стали опытно-показательные школы. В деревне связь с производством велась по линии сельского хозяйства. Около вопроса о политехнизации школы стали разгораться горячие споры.

В конце 1920 г. имело место первое партсовещание по вопросам народного образования. Я готовилась к докладу, набрасывала тезисы по вопросу о политехнизации школы, набросок тезисов показала Ильичу. Он сделал ряд указаний. Тогда эти заметки не были опубликованы. Они не предназначались к опубликованию. На них была надпись: «Приватно. Черняк. Не оглашать. Я ещё раз и два обдумаю это».

Прошло много лет, споры между Наркомпросом Украины и РСФСР отошли в прошлое, потеряли свою остроту, но эти заметки Ленина имеют громадное принципиальное значение, являются руководством к действию и в данный момент, поэтому я, получив их из архива Института Ленина, решила в 1929 г. опубликовать.

В этих заметках говорится о необходимости подчёркивать вредное значение ранней специализации, против оремесливания школы, но в то же время говорится о необходимости профобразования, даже ремесленного типа, дополняемого увязкой с общим образованием и широким политехническим кругозором. Раннюю специализацию, оремесливание общеобразовательной школы Ильич называл «пересобачиванием до глупости» и в то же время требовал, чтобы о политехнизации не только говорили, а немедля проводили её в жизнь.

Партсовещание не разрешило до конца вопроса о политехнизации, и в феврале 1921 г. Ленин повторил те же мысли, что в заметках на тезисы НК, в статьях «О народном образовании» и «Директивах ЦК коммунистам — работникам Наркомпроса», дополнив их указаниями, как использовать окружающую техническую обстановку, электростанции, образцово поставленные совхозы и заводы. Он писал о необходимости теснейшим образом увязывать учёбу с задачами соцстроительства, об изучении в школе основ электрификации, о введении изучения научной организации труда.

За годы нэпа труд в школе сосредоточивался главным образом в школьных мастерских, а вне школы шёл по линии широко развернувшейся общественно-полезной работы. Большим завоеванием были политехнические установки школ ФЗУ и ШКМ.

Промышленность была восстановлена и в реконструктивный период стала быстро развёртываться, новые заводы стали строиться по последнему слову науки и техники. Остро встал вопрос о кадрах, а вопрос о кадрах упёрся в вопрос о школе и её политехнизации. Теперь вопрос о том, не рано ли вводить политехнизацию, никем уже не ставился, ясно было, что создались — в связи с ростом промышленности и ростом коллективизации сельского хозяйства — условия для введения политехнизации в массовом масштабе.

Потребность превратить нашу школу в школу трудовую, политехническую была очень остра. Со страниц педагогических журналов этот вопрос перекинулся на фабрики и заводы, стал привлекать широкое внимание. В августе 1930 г. состоялся съезд по политехническому образованию.

На съезде принимали участие рабочие организации, колхозники и передовики-рабочие и учителя почувствовали себя в центре внимания. После съезда интерес к политехнизации школы рос с каждым днём. Вопрос горячо обсуждался на рабочих собраниях. Центральным был вопрос об увязке теории и практики.

В то же время сплошь и рядом школьная политика и практика оказались заражёнными «левацкими» теориями «отмирания школы», метода проектов, когда систематическая учёба подменялась отдельными социалистическими «делами»-заданиями. В эту же сторону влияло и то, что хозяйственники стали порой смотреть на школу как на поставщика даровых работников, а школа не везде и не всегда умела дать этому отпор. Труд детей в том виде, как он стал практиковаться, был подчинён хозяйственным, а не учебным и воспитательным целям, он отнимал время от учёбы и весьма мало с ней связывался.

«Вытекавшие из антиленинской теории «отмирания школы» попытки положить в основу всей школьной работы так называемый метод проектов вели фактически к разрушению школы» (из постановления ЦК ВКП(б) от 5/IX 1931 г.).

В сущности никакой увязки между обучением и производительным трудом не получалось, получалась невероятная сутолока и срыв занятий. Ярко выявился коренной недостаток нашей школы — плохо поставленная учёба, методическое прожектёрство, отсутствие в школе порядка, определённого учебного и трудового режима, неподготовленность учителя, слабость его руководства. Постановление ЦК ВКП(б) от 5/IX 1931 г. сказало: надо учиться, надо поднять учёбу на должную высоту, труд должен быть подчинён учебным и воспитательным целям.

У нас в массовой школе сейчас учатся дети разных национальностей, живущих в очень разнообразных условиях. Задача, поставленная партией перед школой, потребовала громадного напряжения сил. И надо сказать с полной уверенностью, что за минувший учебный год сделан очень основательный шаг вперёд. Постановление ЦК ВКП(б) от 25/VIII 1932 г. говорит о необходимости улучшения методов работы и всего школьного режима. Эти вопросы теснейшим образом связаны с вопросами о поднятии учёбы.

Перенесение в данный момент центра тяжести на поднятие качества учёбы вовсе не означает, само собой, какого-либо отказа от политехнизации школы — наоборот.

Поднятие всего уровня учёбы, вооружение учащихся знаниями, поднятие квалификации учителя и воспитательной работы школы — это та предпосылка, которая необходима для того, чтобы провести подлинную политехнизацию школы.

Наша советская школа растёт и крепнет, данные Октябрём установки будут осуществлены.

«За коммунистическое просвещение»,
7 ноября 1932, № 9.

БОРЬБА ЗА ЗНАНИЯ — ВАЖНЕЙШАЯ ЗАДАЧА ПИОНЕРОРГАНИЗАЦИИ

За последнее время особенно остро встал вопрос о том, какое место должна занимать пионерская организация в школе. Иногда читаешь отчёты, слушаешь доклады о том, как проходят занятия в школе, как идёт сейчас борьба за овладение учёбой, за дисциплину, и как-то мало слышишь во всём этом голос пионеров.

Отчего это происходит? Потому ли, что недооценивается значение пионерской организации, или же потому, что в отчётах не считают нужным говорить об этом? Этот факт вызывает у некоторых боязнь, не растворилась бы пионерская организация в общешкольной организации. Несомненно, что в некоторых местах пионерская организация начинает немножко терять своё лицо. Сегодня я и хотела бы как раз поговорить об этом.

Мы часто, товарищи, говорим: «Пионер — всем детям пример». Но не в этом дело. Пионер, конечно, должен быть таким, чтобы вызывать у других ребят желание подражать ему. Это так. Но вопрос идёт о пионерской организации. Важно не только то, как держит себя отдельный пионер, а важно, чтобы в каждой школьной группе было крепкое пионерское ядро, которое боролось бы за определённые идеи, за определённые цели, которое помогало бы школе в её работе.

Сейчас проводится очень большая работа по проведению в жизнь всеобщего обязательного обучения. В этом направлении проделана громадная работа, число школ, число учащихся выросло колоссально.

В отношении количественном мы уже подходим к всеобщему четырёхлетнему обучению. Четырёхлетка стала уже обязательной. В ближайшие годы будет обязательной семилетка. Благодаря тому, что школа охватывает всех ребят, её удельный вес, её значение стало гораздо больше. Наша школа должна давать настоящее подлинно коммунистическое воспитание. Она должна вооружать настоящими знаниями. Она должна давать не какие-то обрывки и клочки знаний, а давать самое нужное, самое важное, должна закладывать основы материалистического, марксистско-ленинского мировоззрения.

Необходимо, чтобы пионерская организация осознала всю важность этой задачи. Ведь в школе учатся ребята, которым придётся заканчивать дело, начатое Октябрьской революцией, дело, начатое нашей партией. В школе учатся ребята, которым придётся бороться за весь социалистический уклад, бороться в совершенно других условиях и доводить до конца начатое

дело. И здесь нашему молодому поколению необходимо вооружиться знаниями. Это должен сознавать каждый член пионерской организации.

Вожатые должны не просто говорить: «комсомол постановил, партия постановила», а должны объяснить, в чём тут дело.

Очень хороша книжка Вильгельма Либкнехта «Знание—сила», где он рассказывает, как в классовой борьбе буржуазия старалась закрывать массам доступ к знанию, старалась дать массам лишь обрывки, клочки знаний. В нашей же Советской стране мы должны давать не клочки, а действительное, подлинное знание, то знание, которое необходимо для преобразования жизни.

Сравниваешь сейчас своё поколение с теперешним поколением. Ребята старого поколения не умели говорить и не умели писать о том, что они видели кругом. Никаких деткоров в наши времена не существовало. А сейчас ребята умеют говорить, умеют защищать свои мнения. Сейчас совершенно другое развёртывание общественной жизни. Вся обстановка учит говорить. Но надо, чтобы тут помогала и школа, чтобы она учила говорить просто, ясно, чётко. Надо, чтобы каждый из ребят умел написать, выразить свою мысль и не просто написать что-то, не просто написать какую-то резолюцию, а написать чётко и убедительно о том, что его интересует. Надо, чтобы ребята научились в школе учиться. Всем им придётся в жизни прорабатывать серьёзный научный материал, и они должны быть к этому готовы.

Ребята должны это осознать. В борьбе за знания пионеры должны играть крупную роль и должны играть эту роль именно как организация. Они должны быть заражены энтузиазмом по овладению знаниями, и надо, чтобы они не замыкались в себе, а старались всех ребят втянуть в это дело и стать во главе всего детского движения за учёбу.

Один старый учитель вспоминал, как он учился вместе с Владимиром Ильичём. В своих воспоминаниях он говорит, что у Владимира Ильича всегда по истории были пятёрки. Учителем истории был в Симбирске (Ульяновске) отец Керенского. Было дано сочинение какое-то. И вот Керенский, возвращая тетрадь Владимиру Ильичу, сказал: «К чему это у вас вдруг в сочинении «угнетённые массы».

Автор воспоминания говорит далее, что все ребята интересовались, сколько же за это сочинение учитель поставил Владимиру Ильичу. Единицу? Нет, оказалась пятёрка. Это показывает, что даже в те давние времена в связи с уроками обществоведения, истории, литературы у учащихся возникали вопросы политического характера. Ребята стремились в меру своих сил разобраться в целом ряде вопросов. Но старая школа не давала ответов на такие вопросы, старалась заглушить интерес ребят. Теперь пионеры каждый вопрос, который ставится на уроках истории и обществоведения, между собой обсуждают. Им помогают вожатые. Мы в прежние времена были бессильны в этом.

отношении. Большинству из нас не к кому было обратиться с возникавшими у нас вопросами. Сейчас же у пионеров есть вожатые, есть комсомол, который всегда может помочь.

Вы знаете, что в своей речи на III съезде комсомола Ленин говорил о том, что надо не только запоминать и усваивать, а надо всё продумывать, сообща обсудить. Поэтому мне кажется чрезвычайно важным, чтобы пионерорганизация некоторые вопросы, которые на уроках поднимаются, внутри у себя обсуждала, важно, чтобы она проявляла определённую инициативу и училась самостоятельно работать, потому что только в этом случае она сможет повести за собой ребячью массу. Только в том случае, если сами пионеры будут работать над выработкой у себя ясных взглядов, только тогда они смогут влиять на общественное мнение ребят.

Вы знаете, как важна выработка общественного мнения. Часто бывает так, что родные никакого внимания на ребят не обращают, очень многого они часто сами не знают и не понимают. Учитель тоже не всегда хочет и имеет время толковать с ребятами. Между тем общественное мнение, мнение детской организации имеет громадное значение. Мне рассказала одна работница, жена старого партийца и сама партийка, что с её сынишкой никакого сладу не было, что он парень отчаянный, говоришь ему, что пора итти ему спать, а он не обращает внимания. Когда он стал пионером, то стал в девять часов ложиться спать. Она думала: что это значит, что его и уговаривать не приходится? Оказывается, пионерская организация постановила в девять часов ложиться спать. Таким образом влияние детской организации является чрезвычайно сильным.

...Сейчас у нас идёт очень много разговоров о сознательной дисциплине. Конечно, каждый пионер должен быть сознательным и дисциплинированным, но важно, чтобы это было не на словах, а на деле. Мне кажется, тут надо заинтересовать ребят с такой стороны. Если ребятам объяснить, как надо над собой работать, как надо вырабатывать характер, то таким путём можно подвинуть вперёд это дело.

Тут опять-таки вспоминается детство. В раннем детстве лет шести-семи, я начиталась сказок о каких-то медведях, которые приходили под окошко и спрашивали: «Кто на моей шкуре сидит, мою шёрстку прядёт?» и т. д. Там были нарисованы картинки, изображающие свирепого медведя. И вот, когда мне было уже лет двенадцать-тринадцать и я уже интересовалась такими вопросами, как революционное движение, жили мы в Ленинграде, на третьем этаже, никаких медведей там быть не могло, — между тем, когда мне надо было пойти в тёмную комнату, я невольно посматривала на окошко. Наконец, я возмутилась сама собой и нарочно стала заставлять себя ходить в тёмную комнату, пока не ликвидировала этот глупый страх.

Переживания детства часто остаются на всю жизнь. Надо заинтересовать ребят в том, чтобы каждого научить владеть собой. Есть даже такие игры, которые учат следить за собой. В прежнее время была игра, когда начинают смешить, а надо выдержать характер и не рассмеяться. Есть целый ряд игр, которые требуют самоконтроля. Я думаю, что сейчас можно сообща придумать очень много такого рода игр, которые по сути дела являются играми, вырабатывающими характер, вырабатывающими волю.

Посмотрите, что сейчас требует партия от каждого своего члена. Она требует очень большой воли, она никакой расхлябанности не допускает. Член партии должен уметь подчинять свою волю интересам целого не на словах, а на деле. Это не всегда бывает так просто и так легко, как это может показаться с первого взгляда. Для этого надо иметь большую сознательность и крепкую волю, и эту сознательную волю надо вырабатывать у пионеров. Но надо суметь подойти к пионерам, надо уметь увлечь их этим, заинтересовать. И тут, конечно, вам, вожатым, надо над этими вопросами подумать. Вы стоите ближе всего к ребятам, можете с самими ребятами потолковать и увлечь их этим. Это поможет очень сильно в выработке сознательной дисциплины.

Конечно, особенно надо вырабатывать характер на общественной работе. За последнее время у нас имеется такая беда. Года два-три тому назад у нас ребята были загружены общественной работой. Я была в 9-й пролетарской школе при заводе «Динамо». Встаёт девчурка-пионерка на стул и читает рапорт — сколько утильсырья собрано школьниками. Но сколько же времени взял у ребят сбор утильсырья? Ведь надо в каждую квартиру зайти, объяснить, зачем пришли, надо растолковать, что это за утильсырьё, и т. д. И так из вечера в вечер время уходит на утильсырьё. Некогда ничего сделать, некогда позаниматься. А что это дети сами надумали утильсырьё? Нет, учителя дали ребятам такую «нагрузку». Какая же это общественная работа? У нас и термин получился: не общественная работа, а нагрузка. А сколько таких нагрузок бывает? Не больше одной нагрузки. А если вдуматься, что это означает, то это означает, что по существу это было только выполнение известных указаний учителя или известных указаний вожатого, а ребятам часто не объясняли даже, зачем нужно это утильсырьё. Общественная работа та, когда ясно сознаёшь, понимаешь, что непременно вот это надо сделать, и особенно, конечно, ценна такая общественная работа, где ребята сами проявляют инициативу, видят какой-нибудь непорядок, думают над тем, как исправить, и поправляют, видят, что плохо сделано, борются с этим, добиваются улучшения, работают над улучшением дела. Вот, например, живут в жакте и видят какой-нибудь непорядок, — соберутся пионеры жакта и обсуждают, как надо бороться с тем или другим непорядком. Вот это — общественная работа. Важно

то, что делается по инициативе самих ребят, важно, чтобы ребята вглядывались в жизнь и смотрели, как эту жизнь надо переменить к лучшему. Вот это очень важная сторона общественной работы. Надо избегать массовых нагрузок, но совершенно необходимо, чтобы ребята вели общественную работу. Конечно, общественная работа не должна мешать учёбе, не должна мешать тому, чтобы ребята занимались сами, и уроки учили, и в кружках работали. Но общественная работа чрезвычайно воспитывает. Владимир Ильич в 1917 г., перед Октябрём и в первое время после Октября, говоря о советах, подчёркивал в своих статьях и в целом ряде выступлений, какое громадное значение имеют советы тем, что втягивают членов совета в общественную работу. Он уже тогда говорил о том, что важно к общественной работе привлекать ребят. В одном месте он говорил, что лет с четырнадцати, в другом месте есть указание, что с двенадцати лет ребята должны принимать участие в общественной работе. Этой общественной работе он придавал большое значение, потому что она воспитывает, она организует, научает действовать сообща. Он считал, что часто небольшая общественная работа, дружно, планово проведённая, имеет гораздо большее значение, чем посещение десятка собраний. И вот, мне кажется, вожатому пионерской организации надо обдумать очень серьёзно, как вести общественную работу с ребятами так, чтобы она не загружала всего их времени, чтобы она не мешала, а помогала их учёбе, чтобы она имела очень большое воспитательное значение. Часто бывает так: пришёл пионер домой, на скорую руку поучил уроки, а потом идёт в клуб, где сидит с 6 до 11 часов и всё время играет. Всё время у него уходит на игру, а на общественную работу ничего не остаётся. Никакой общественной работы нет, и нет думы о ней. Пионеры думают, как бы сходить в кино и т. д., а о том, как изменить окружающую жизнь, не думают. Они приучаются смотреть на безобразия, которые происходят вокруг них, равнодушно, не наше это дело. Поэтому особенно ценишь, когда слышишь, как пионеры протестуют против некоторых вещей. Вот бьёт рабочий своего сынишку, а пионер говорит: «В советской республике бить ребят нельзя», — и это несмотря на то, что взрослый может, рассердившись, и его хватить. Тут есть определённая убеждённость, определённое мужество.

Принимая участие в общественной работе, надо, чтобы ребята не воображали, что они какие-то крупные общественные деятели и что без них дело не обойдётся. А у нас, как я в шутку говорила, «пичванство» тоже имеется в некоторой доле. Пионер ещё не сделал ничего, а уже думает, что он всем детям пример, и не только детям, а и взрослым. Этого надо избегать. Но всё же мы часто видим, что пионеры иногда делают очень дельные замечания, с которыми надо считаться. Например, в Горьком, в Канавине, есть фабрика, которая вырабатывает жернова. И вот пионерчики, которые попали туда, заинтересова-

лись тем, хорошее ли качество жерновов. Предприняли экскурсию на три или четыре мельницы и расспросили, как там оценивают качество жерновов, и записали, что жернова плохи тем-то и тем-то, и так собрали сведения на четырёх мельницах. Потом пришли на рабочее собрание и сделали доклад, что слышали о качестве жерновов, и рабочие рассказывали, как их поразило, что ребята так серьёзно вдумались и провели такую работу, которая заставила задуматься взрослых рабочих над тем, как надо повысить качество изготовления жерновов. Так что инициатива ребят, их старание улучшить жизнь, улучшить труд часто даёт очень много положительных результатов, и мне кажется, что общественную работу нельзя снижать. Надо только смотреть, чтобы она не занимала так много времени, что на учёбу ничего не остаётся. Надо, чтобы эта работа была такой, которая действительно коммунистически воспитывает. Вопросы коммунистического воспитания и в школе и вне школы сейчас имеют особое значение.

Итак, борьба за повышение качества учёбы, за широкое развёртывание общественной работы! Затем я хотела бы ещё остановиться на одной стороне, а именно на том, что пионеры не должны замыкаться в своей организации. Пришлось мне как-то разговаривать с одним парнишкой. Я его спрашиваю: «А что у вас делает пионерорганизация?» Он мне ответил, что большинство школьников о ней ничего не знает. Это никуда не годится, когда пионерорганизация замыкается, когда пионеры считают себя привилегированными. Пионеры должны заботиться не только о том, чтобы члены их организации хорошо учились, были сознательными, это само собой, но должны также заботиться о том, чтобы втягивать остальных ребят, заинтересовывать их своей организацией, действительно влиять на других ребят. Мне кажется, что это важный вопрос, и если тут найти правильную линию, то много будет сделано для поднятия качества школы.

...Влияние родителей слабо, и тут очень важна сейчас правильная организация внешкольной работы. У нас часто внешкольную работу понимают так, что внешкольная работа — это пойти ребятам в кино и в театр, а нет кино и театра, так нет никакой внешкольной работы. Мне кажется, на эту сторону пионерорганизация должна обратить внимание, потому что если парень целый день околачивается на улице, если он находится под впечатлением разговоров улицы и ему некуда приткнуться, то, конечно, тогда это не может не отозваться и на школе. Поэтому, мне кажется, очень важно обдумывать со всех сторон, как в самых трудных условиях надо создать эту внешкольную работу, как надо вне школы организовать ребят, потому что правильная организация внешкольной работы помогает работе школы.

Речь на пленуме ЦБ ДКО
11 декабря 1932 г.

МЕТОДИКА ЗАДАВАНИЯ УРОКОВ НА ДОМ

Уроки на дом имеют большое значение. Правильно организованные, они приучают к самостоятельной работе, воспитывают чувство ответственности, помогают овладевать знанием, навыками.

Научить ребят самостоятельно работать совершенно необходимо. Самая прекрасная школа даёт лишь сравнительно небольшой объём знаний. А между тем, современная жизнь требует уймы общих и специальных знаний. Прогресс техники, прогресс науки, постоянная смена занятий, смена функций, необходимость продумывать и разрешать ряд вновь возникающих проблем требуют умения самостоятельно работать над приобретением знаний. Если мы посмотрим на то, как работали Дарвин, Эдиссон, Маркс, Энгельс, Ленин, мы увидим у них громадное умение работать, громадную настойчивость в труде, умение проделывать уйму черновой, мелкой работы, наблюдать и обобщать. Человек, который не умеет сам учиться, а лишь усваивает то, что ему говорит учитель, профессор, который умеет ходить лишь на поводу, мало на что годен. Нам надо научить подрастающее поколение самостоятельно овладевать знанием. Это одна из важнейших проблем, которые должна разрешить наша советская школа. Мы должны овладеть методикой обучения. Тут должны помочь своим опытом учителя с большим стажем, они могут дать очень много.

В своей речи на 4-м конгрессе Коминтерна Ленин говорил о том, что «важнейшее в наступающий период — учёба». «Учиться также должны и иностранные товарищи. Правда, не в том смысле, как учимся мы — читать, писать и понимать прочитанное, — в чём мы нуждаемся». «Мы учимся в общем смысле». И много раз говорил Ильич о необходимости научиться учиться.

Научить учиться обязаны мы и подрастающее поколение. Задавание уроков на дом должно помогать вооружению ребят умением самостоятельно учиться.

Овладеть знанием можно лишь, овладевая одновременно целым рядом навыков, и чем элементарнее знания, чем ниже возраст, тем больше надо времени на овладевание навыком. Понаблюдайте маленьких ребят, и вы увидите, какое бесчисленное число раз они повторяют одно и то же движение, одно и то же слово, выражение, и как им это не надоедает, ибо, овладевая навыком, они чувствуют свой рост.

Задавание уроков на дом должно помогать овладению навыками, самостоятельная работа над приобретением навыков должна сделать содержательнее классную учёбу. Работа на дому может и должна выравнивать уровень знаний и навыков у ребят и тем повышать эффективность работы школы.

Но задавание уроков на дом имеет ещё то значение, что оно может и должно служить средством воспитания сознательной дисциплины, может и должно воспитывать чувство ответственности.

Однако задавание уроков на дом — палка о двух концах, и если оно методически не продумано, оно может приводить как раз к обратным результатам: научить халтурить, недобросовестно относиться к выполнению своих обязанностей, приобретать отрицательные навыки, мешающие учёбе, обманывать. Оно может чрезмерно перегружать ребят без всякой надобности.

Сейчас, когда мы вводим как систему задавание уроков на дом, мы обязаны детально разработать методику этого дела.

Остановлюсь на некоторых вопросах.

Прежде всего должна быть обеспечена возможность выполнения урока, т. е. у учащегося должна быть на уроках тетрадка, карандаш или перо, необходимый учебник или учебное пособие, необходимое время, возможность найти место, где выполнять урок.

Это не так просто, как кажется на первый взгляд. Сейчас с бумагой большие, хотя и временные затруднения. Надо снабдить учеников хотя бы исписанной бумагой на одной стороне. На счёт учебника затруднения были и в старой школе. Малообеспеченные учащиеся, не имевшие возможности купить учебника, либо не учили уроков, либо выпрашивали учебник у более состоятельных товарищей. Иногда беготня за учебником отнимала больше времени, чем приготовление урока.

Затем важно, чтобы было где приготовить урок. При теперешних жилищных условиях это не всегда разрешимая задача. И, наконец, одна из важнейших причин, мешающих выполнению урсков в массовой школе,—это загруженность ребят домашней работой: нянченье младших братишек и сестрёнок, побегушки всякого рода, для девочек—работа по домашнему хозяйству и проч.

Необходимо, вводя задавание уроков на дом, принять и ряд мер, делающих возможным выполнение уроков. Лучшим выводом была бы школа продлённого дня. В Женеве, например, считалось, что уроки на дом можно задавать лишь при наличии школы продлённого дня, обеспечивающей ребёнку возможность пользоваться учебником и спокойно заниматься. В Ленинграде одно время усиленно вводилась школа продлённого дня. Сейчас при жилищном кризисе в большинстве крупных центров, при работе школ в несколько смен, об этом не приходится и думать. Кроме того, учеников, которые живут далеко от школы, это не устраивает.

Американцы имеют учебники в большом количестве в детских библиотеках. Дети, не могущие купить учебников, широко пользуются ими. Читальные залы детских библиотек так устроены, что в них можно заниматься. В наших детских библиотеках, как правило, учебников не держат. Кроме того, и самих-то детских библиотек очень мало.

Нам надо широко развить систему таких детских комнат и детских учебных изб, где бы можно было пользоваться учебниками, книжками для чтения, где можно было бы спокойно учиться. Необходимо широко развернуть устройство детских учебных

комнат при жактах, в клубах и учреждениях, в избах. Тут сильно могут помочь профсоюзы, жилтоварищества, кооперация, «Друг детей» и пр. Надо, чтобы такие комнаты были близки к жилью, чтобы они устраивались для различных возрастов. Должны подумать и библиотеки, что они могут сделать в этом отношении.

Другой вопрос — это о посильности выполнения уроков. При царившем у нас до последнего времени отсутствии систематики, при слабом изучении объёма знаний ребят, уроки, даваемые ребятам, часто непосильны. Очень часто ребятам предлагается прочесть произведения, которых нигде не найдёшь; измерить — в городе к тому же — «рост озими»; подсчитать число середняков на селе; выяснить число неграмотных мужчин, женщин и детей (в один вечер); написать сочинение на совсем неизвестную тему, например: в четвёртой группе — «О задачах партии в данный момент». Стоит пересмотреть наши недавние учебники, написанные по типу рабочей книги, чтобы выявить сотни совершенно невыполнимых заданий.

Часто даются одни и те же задания детям совершенно различных возрастов, с совершенно различной подготовкой, различным жизненным опытом. Непосильные задания только развращают, приучают к недобросовестному отношению к своим обязанностям.

Необходим очень тщательный инструктаж ребят, как им выполнять задания. Задавать не просто «отселева доселева», а учить, как наилучшим образом, в наиболее короткий срок выполнить задание, как преодолеть встречающиеся трудности, на что обратить особое внимание. Такого инструктажа обычно нет. Его надо организовать. Надо выпустить специальную брошюру по этому поводу, которая поможет учителю организовать инструктаж и консультацию учащихся через старших учеников и культармейцев.

Нужно, чтобы ученикам была понятна цель задания и эта цель воодушевляла его. Тогда он может с увлечением проделать очень много неинтересной, но нужной работы. Чем младше возраст, тем интереснее должно быть само задание. Интересная работа облегчает её выполнение, учит лучше работать, лучше воспитывает сознательное отношение к труду.

Как сделать самое обычное задание интересным — это зависит от искусства учителя. Как правило, самое интересное — это то задание, которое максимально развивает самодеятельность ребёнка, будит его мысль. Наша задача — не муштра ребят, наша задача — наилучшая организация их сил. В буржуазных школах умышленно дают ребятам неинтересную, притупляющую работу, например, на уроках труда в массовой школе заставляют часами распутывать запутанные клубки ниток: надо с ранних лет приучать де ребят к терпению. Мы хотим учить не рабскому терпению, а сознательному отношению к труду. Соответственно этому и надо строить наши задания.

При заданиях на дом нельзя вводить уравниловку. Надо индивидуализировать задания, учитывая проблемы, имеющиеся у ученика, сумму его знаний и навыков, — более сильным ученикам давать задания, которые не уводили бы их вперёд, а лишь углубляли его знания, улучшали бы их качество.

Надо иметь также в виду, что выполнение одного и того же задания обычно берёт у разных учеников совершенно различное количество времени. Это надо учитывать при распределении уроков.

Задавание уроков на дом тогда только целесообразно, если организован учёт выполнения заданий, качества выполнения этих заданий. Отсутствие проверки дезорганизует учащихся, понижает сознание ими ответственности. Отсутствие систематичности проверки, эпизодичность проверки дезорганизует.

Необходима постоянная проверка выполнения.

Без контроля и учёта выполнение задания уроков на дом может дать лишь отрицательные результаты.

Вот несколько мыслей, явившихся у меня в связи с постановкой вопроса о введении в систему задавания уроков на дом.

«Народный учитель»,
1932, № 1, стр. 40—42

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ОТДЕЛЬНЫХ ДИСЦИПЛИН

В конце декабря 1920 г. и в январе 1921 г. шла дискуссия о профсоюзах, обсуждался вопрос о роли профсоюзов на данном этапе развития. Во время обсуждения этого вопроса Ленин в немногих словах охарактеризовал, как надо изучать тот или иной предмет, явление, вопрос по-марксистски, подходя к ним с точки зрения диалектического метода изучения. Вот что он писал:

«Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережёт нас от ошибок и от омертвения. Это во-1-х. Во-2-х, диалектически логика требует, чтобы брать предмет в его развитии, «самодвижении» (как говорит иногда Гегель), изменении... В-3-х, вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета и как критерий истины и как практический определитель связи предмета с тем, что нужно человеку. В 4-х, диалектическая логика учит, что «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна», как любил говорить, вслед за Гегелем, покойный Плеханов» (Соч., т. XXVI, стр. 134—135)[1].

[1] О диалектическом материализме см. также «Краткий курс истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)», гл. IV, раздел 2.

Эти немногие слова являются результатом многолетней работы Ильича над вопросами философии. Философией Ильич занимался не потому, что это «очень интересная дисциплина», а потому, что в философии Ленин искал руководства к действию. Он нашёл его в диалектическом материализме, который вооружил его умением чрезвычайно глубоко изучать явления, находить пути организованного влияния на эти явления, диалектический метод вооружил его необычайной дальнозоркостью, устойчивостью во взглядах, умением, как говорится, «брать быка за рога», выявлять самое существенное, важное в каждом вопросе.

Для всякого, кто хочет понять до конца ленинизм, надо бы, вооружившись вышеприведёнными строками, проанализировать ряд произведений Ленина, проследить, как он подходил к трактовке каждого вопроса. Возьмём пример. В 90-х годах шёл вопрос о том, развивается ли капитализм в России или нет. Это был актуальнейший вопрос, который определял весь характер той революционной деятельности, которую надо было проводить. И Ленин берётся за большую работу «Развитие капитализма в России». Он разрешил этот вопрос, и ясен был вывод: надо пойти по пути организации поднятия сознательности рабочих масс.

У Ленина выбор тем всегда очень актуален; каждая статья, каждое произведение дают определённый ответ на вопрос: что делать? Каждое произведение, каждая статья — руководство к действию.

Вопрос о развитии капитализма взят во всей конкретности. Берётся не вопрос о капитализме вообще, а вопрос о конкретном капитализме, капитализме в данный период времени в нашей отсталой в то время стране. Конкретность постановки всех вопросов характерна для всех произведений Ленина. Вопрос развития капитализма Ленин берёт не односторонне, а в полном объёме, рассматривает капитализм в городе и деревне, во всех его формах и проявлениях.

Широкая постановка всех вопросов — это также особенность ленинского подхода к вопросам. Ленин берёт вопрос о развитии капитализма в России во всех связях и опосредствованиях. Необходимость писать легально в те времена, когда свирепствовала царская цензура, заставляла часто не ставить точки над «и», и тем не менее Ильич сумел вскрыть связи русского капитализма с недавним крепостническим прошлым, взять его в связи со всем общественным укладом, с культурным уровнем населения и пр. Ленин брал вопросы во всех связях и опосредствованиях. Вот почему, если сравнить то, как он рассматривал один и тот же вопрос в разные эпохи, на разных этапах развития, можно проследить, в каких новых связях он берёт вопрос, как по-новому ставит каждый раз один и тот же вопрос.

Ильич, рисуя картину развития капитализма в России в конце прошлого века, дал прямо гору фактического материала, изу-

нил весь имевшийся тогда опыт многообразных форм развития капитализма в нашей стране, выбирая самое типичное, самое характерное. Ленин тщательнейшим образом изучал фактический материал, весь имеющийся опыт. То, на чём особенно важно было остановиться, он определил на основе изучения опыта тех стран, в которых капитализм был уже гораздо более развит, — он изучал весь человеческий опыт в данной области, на фоне его брал наш опыт и, наконец, брал весь вопрос в его развитии.

Всё это давало ему возможность сделать правильные выводы, выводы крайне убедительные.

Преподавателю всякой отдельной дисциплины надо отдать себе отчёт в том, что для того, чтобы стать хорошим преподавателем её, надо прежде всего глубоко овладеть знанием данной дисциплины. Конечно, это условие далеко недостаточное, но условие это необходимое. При изучении каждой дисциплины — будь то литература, обществоведение, история, география, математика, физика, химия, биология, педагогика и пр. — необходимо всестороннее изучение её, и тут особо важен диалектический подход к её изучению. И тут указания Ленина особенно важны. Может быть, было бы целесообразно, чтобы сейчас же интересующиеся этим вопросом «предметники» стали изучать диалектический материализм. Мне кажется это могло бы дать очень многое самим «предметникам».

Возьмём математику. «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Таково первое требование диалектического подхода к изучению предмета. Математик должен знать основные отрасли математики, понимать, как они связаны между собою, как одна отрасль дополняет другую. Но этого мало. Необходимо знать те проблемы, которые она разрешает. А если так подойти к изучению математики, то надо отдать себе отчёт, какую роль играет математика в изучении явлений и сил природы, какую роль она играет в развитии техники и пр. С другой стороны, необходимо осознать, как толкает вперёд развитие математической науки развитие техники, промышленности, планирования хозяйства. Необходимо, чтобы были перекинуты прочные мосты между математикой и астрономией, физической географией, физикой, химией, обществоведением. Без понимания наличия связующих нитей между математикой и обществоведением непонятно, почему, например, Маркс и Энгельс так много занимались математикой. Что это было с их стороны — причуда или глубокое понимание роли математики в общественных науках?

Чрезвычайно важно посмотреть, как и под влиянием чего развивалась математика, отметить узловые пункты её развития, взять математику в «самодвижении», в её развитии. Это поможет как раз осознать моменты, на которых особо обстоятельно надо будет остановиться педагогу при преподавании, ярче выявятся трудности, которые при преподавании данного раздела надо преодолеть.

Затем, продумывая курс математики, надо отдать себе отчёт в том, как на каждом этапе надо перекидывать мост между теорией и практикой, отметить, насколько и чем важна математика для разрешения жизненных проблем. Это увязывание теории с практикой особо важно, чтобы ощутить увлекающую своеобразную поэзию математики, это особо будит инициативу, мысль. Преподаватель математики особенно должен обращать внимание на составление вместе с учащимися жизненных задач, на стимулирование учащихся в этой области. Истина должна быть конкретна. И надо уметь самые отвлечённые математические понятия иллюстрировать конкретными примерами.

Любивший парадоксы Лев Толстой утверждал, что никуда не годен тот профессор математики, который не умеет изложить основы высшей математики понятно для каждого. Значительная доля истины в этом утверждении есть. Преподаватели математики, начав думать над вопросом о диалектическом подходе к математике, сумеют разрешить его, конечно, гораздо полнее и глубже.

Возьмем другую дисциплину: экономгеографию. И тут надо всестороннее изучение, и тут надо обратить внимание на развитие этой науки, надо взять эту науку в связи с развитием других естествоведческих наук, вскрывающих богатства и производственные возможности каждого края, района, его перспективы, вскрыть связь с геологическими изысканиями, успехами биологии, с одной стороны, с другой — поставить в связь с развитием техники и социалистических форм хозяйствования. Показать, чем была экономгеография при капитализме и чем она становится при советском строе. Вскрыть перспективы развития этой науки.

Надо связать изучение экономгеографии с практическими задачами планового хозяйства, на ряде примеров проследить, как экономгеография может помочь рационализировать хозяйство. И, наконец, надо выработать конкретный план природоведческого и экономического обследования конкретного района и непременно сделать выводы из этого обследования.

Экономгеография — наука, где диалектический подход к изучению её прямо диктуется жизнью. Я не знаю, думал ли тов. Паустовский, написавший свою интереснейшую книжку «Карабугаз», о диалектическом подходе к описанию этого залива Каспийского моря, но, несомненно, по этой книжке следует учиться такому подходу.

Не будем останавливаться на таких науках, как биология, физика, химия, — тут дело ясно. Возьмём для примера другого типа науку — литературу. Всякий знает, как органически связана она с общественной жизнью. В царские времена это была наука, через которую контрабандой врывалась политика, наука, которая учила всматриваться в жизнь внимательными глазами и сознательно-критически относиться к окружающему общественному укладу. Без прочного моста между изучением общественного

уклада и литературой мертвеет изучение общественного уклада, и из литературы выпадают живые образы людей. Недаром Плеханов говорил о том, что изучение произведений Г. Успенского и других писателей той переходной эпохи от крепостнического уклада к капитализму не менее важно для её понимания, чем изучение ряда научных исследований. Литература всегда насквозь пропитана политикой, поэтому и изучение её не может быть аполитичным. Литература органически связана с наукой о языке. Если мыслить науку о языке как набор определений и орфографических правил, то такое «языковедение» можно отделить каменной стеной от литературы, но если понимать, как язык связан с непосредственными переживаниями людей, с их бытом, трудом, работой мысли, то жалкими кажутся все разговоры об отрыве изучения литературы от изучения языка. «Холоден и жалок нищий наш язык»,— писал в 80-е годы Надсон, поэт-индивидуалист эпохи реакции. Горячее, могучее, богаче, интернациональнее будет становиться с каждым днём язык страны, где миллионами рук строится новый, социалистический уклад. По мере того, как шире и глубже будет развиваться всеобуч, по мере того, как знание будет вливаться в массы, будет крепнуть смычка между наукой и трудом, по мере того, как будет ликвидироваться разрыв между культурой города и деревни, как будет расти и крепнуть коллективизация деревни, — будет расти неустанно запас слов и понятий, становиться проще структура языка, ярче, выразительнее речь. Разве может литература быть оторвана от языковедения? Разве может быть литература оторвана от истории? В истории литературы неизбежно отражается ход общественного развития, литература яркими штрихами отмечает особенности эпохи. Литература связана с искусством, с музыкой, с изобразительным искусством. Это знает всякий. Литература всё крепче и крепче связывается с трудом. Она была оторвана от точных наук, от преобразования лика земли, от борьбы за овладение силами земли. Но по мере того, как поэзия этих наук будет охватывать массы, будет меняться и содержание литературы, будет шириться охват трактуемых ею тем, литература будет становиться на службу точных наук, помогая массам лучше, глубже понять достижения точных наук, проблемы, ими разрешаемые. Литература должна изучаться во всех связях и опосредствованиях, изучаться в её развитии. Но вместе с тем она должна быть тесно связана с тем, что сейчас нужно. Перед ней стоят громадные задачи, которых я отчасти коснулась выше. Литература должна стать элементом соцстроительства. Я не буду касаться других дисциплин.

Если преподаватель дисциплины не человек в футляре,— диалектический подход к изучению дисциплины даст ему чрезвычайно много. Увлекаясь изучением дисциплины, он сумеет передать свой интерес к ней и учащимся.

«На путях к новой школе»,
1933, № 1.

БЕРЕГИ КНИГУ

Дорогие ребята!

Каждый из вас видел книжки, читал их, но не знаю, каждый ли из вас знает, сколько народу работало над каждой книжкой, сколько в неё вложено труда, забот, бессонных ночей многих и многих рабочих и работниц, писателей и учёных.

Книжки печатаются на бумаге. Знаете ли вы, как изготовляется бумага, какое это сложное дело? Знаете ли вы, как набираются, печатаются книжки? Представляете ли вы себе, в чём заключается труд писателя?

Вы знаете, в книжках рассказано об очень интересных вещах: и о ледоколе «Красин», и о путешествии на Памир, и о лётчиках, и о революции, и о партии, много-много о чём рассказано. Те, кто эти книжки писали, массу времени затратили на то, чтобы обо всём этом разузнать поподробнее, поточнее, чтобы обо всём попонятнее, получше написать.

Не меньше затрачивает сил и времени писатель, который пишет повести и рассказы: ему многое надо понаблюдать, многое надо изучить.

Каждая книжка — результат большого коллективного труда, и этот труд надо беречь.

Мне вспоминается одно письмо школьников, которое я получила как-то. Они описывали, как они развели впервые в садике около школы новые сорта растений, как они раздобыли книжку, где говорилось об этих растениях, изучили её, как добыли семена, как изо дня в день следили за их ростом, вели дневник развития растений. Растения уже зацветали, но у них случилась большая беда: шёл мимо школьного сада какой-то молодой парень, на что-то злился он — плохое настроение у него было, — посмотрел на распускавшиеся цветы растений, перелез через ограду и с корнем повырывал все растения. Сорвал злость и пошёл дальше. Как горевали ребята! Как возмутительно такое отношение к чужому труду!

Но, ребята, подумайте, тот, кто рвёт, может, теряет библиотечные книги, ведь он такой же хулиган, как тот прохожий парень, который изничтожил растения юных натуралистов!

Я не знаю, есть ли детские рассказы, повести, которые рассказывают, как создаётся книга. Наши библиотекари детских библиотек, наверное, дадут об этом справки. Но, мне кажется, надо бы сейчас создать общими силами самих ребят рассказ «История библиотечной книги». Такая книжка носила бы характер хрестоматии и была бы понятна каждому читателю детской библиотеки. Прочитав её, каждый читатель понял бы, почему надо беречь книжку. Но наиболее сознательные ребята и сейчас понимают, что книжки надо беречь.

Библиотечные работники выработали такие правила обращения с библиотечными книгами:

1. Заверни книгу в бумагу — не будет пачкаться обложка.

2. Не читай книгу во время еды — можешь испачкать её.

3. Не клади в книгу карандашей, ручек и других толстых предметов — от этого рвётся переплёт.

4. Не загибай углов на страницах книги — углы отрываются, и портится книга, сделай себе для книг закладку.

5. Не рви страниц, не рисуй и не пиши ничего в книге, не делай в книге никаких пометок ни чернилами, ни карандашом, ни ногтями.

6. Не перегибай книгу — от этого вырываются страницы.

В книжке обычно отражены мысли отдельного писателя. Есть такая поговорка: «ум — хорош, два — лучше». В книгах библиотеки отражены мысли, опыт, переживания тысяч людей. Надо к библиотечным книгам относиться с особой заботой, это — общественная собственность. Не трудами одного человека создаётся библиотека, а трудами тысяч, не одного человека она обслуживает, а очень многих. Пионер, школьник, хоть сколько-нибудь сознательный, понимает, как недопустимо расхищение библиотечных книг, их порча, невозвращение в срок.

Пионеры, школьники, берегите библиотеку, сплачивайтесь около неё, выделяйте из своей среды «юных друзей библиотеки!»

Что должны делать «юные друзья библиотеки»? Прежде всего они должны брать под своё наблюдение новых читателей библиотеки. Они должны объяснить им, сколько труда, заботы, мысли вложено в каждую книжку. Они должны рассказывать им про самые интересные библиотечные книжки. Они должны рассказывать им, как надо беречь библиотечную книжку, вовремя возвращать её, следить, чтобы новые читатели эти правила выполняли.

«Юные друзья библиотеки» должны вербовать новых читателей, должны помочь библиотекарю, им надо поставить себе целью добиться того, чтобы они могли сказать своему отряду, своей школе: «В этом месяце в нашей библиотеке не было ни одной зачитанной книжки, ни одной испорченной книжки».

1933 г.

«Письма пионерам»,
«Молодая гвардия», М., 1933, стр. 83—86.

ХОРОШИЙ УЧЕБНИК — ПОЛИТЕХНИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ

Доклад на совещании авторов при Учпедгизе.

В наших опытно-показательных школах, где были квалифицированные учителя, были книги для чтения, оборудованные пособиями кабинеты, вопрос об учебнике не стоял так, как он стоит в массовой школе. Передовые педагоги, которые группировались в опытно-показательных школах, часто учитывали только ту обстановку, в которой они работали, и не учитывали обста-

новки, в которой жил и работал массовый учитель. Теперь в центре внимания стоит массовая школа, и при малоподготовленном учителе удельный вес учебника — иной.

Для нас интересней Америка, так как там часто наблюдаются те же трудности, которые есть и у нас: большая страна, очень разнообразная по национальному составу. И вот интересно то, что там при введении всеобщего обязательного обучения вопрос о повышении квалификации учителя массовой школы встал очень остро, и вопрос об учебниках является решающим. Эти вопросы подробно освещаются в американской прессе. Приводится много данных о низком уровне массовика-учителя; хорошо, если он окончил 6 лет учёбы, а то есть и такие, которые кончили всего 2 года. Такой учитель не знает достаточно предмета и не может этот предмет излагать, как следует. Кроме того, в массовой школе приходится часто на одного учителя несколько групп. Всё это создаёт острую потребность в учебниках.

Сейчас, когда у нас вводится всеобщее обязательное обучение, — уже введено в объёме четырёх лет и подходим к всеобщему семилетнему обучению, — у нас также вопрос об учителе встал чрезвычайно остро. Во всех журналах, во всех газетах говорится о низком уровне подготовки молодого учителя. И, конечно, думать, что такой учитель может обойтись без учебника, — это значит не учитывать реального положения дела. Необходимо, чтобы работа учителя опиралась на возможность пользования учебником, чтобы учебник в школе занял то место, которое он занимает в массовой американской школе, где говорят, что без учебника школы не могли бы существовать.

Думаю, не случайность, что у нас именно сейчас так остро поставлен партией вопрос об учебнике. Зайдите в рядовую школу, — не в образцовую, а в рядовую, и вы увидите, как это отсутствие учебников делает невозможными занятия.

Вопрос об учебнике органически связан с вопросом о качестве учебника. Конечно, нельзя винить только авторов учебников, что они не написали таких учебников, которых требуют программы сегодняшнего дня. Вы знаете, как много во всей постановке школьного дела изменили постановления ЦК от 5 сентября 1931 г. и от 25 августа 1932 г. Весь прошлый год прошёл под знаком борьбы за то, чтобы повысить качество учёбы, улучшить содержание преподавания. Если мы посмотрим на многие прежние учебники, на многие прежние программы, мы увидим, что там часто было изобилие новых слов, новых понятий. В жизнь входит каждый год много нового. Скажем, умерла соха-матушка, а в поле у нас стали разгуливать тракторы, — и браковались те программы, учебники где не говорилось о тракторах. Новые понятия, термины толпились на страницах наших программ и учебников огромной неорганизованной толпой. Я с карандашом в руках подсчитывала как-то число понятий, терминов, которое у нас было в программе первого года: восьмилет-

него ребёнка мы пичкали усердно новыми понятиями без всякой системы.

Конечно, у нас замечательные ребята; они часто употребляют в разговоре слова, которые для нас, стариков, непривычны были в детстве; жизнь даёт им запас этих слов и понятий. Но ребёнок есть ребёнок, и надо знать меру. Мы стремились дать как можно больше слов и понятий на первом году обучения, на втором году немного меньше давали этих определений, в третьем и в четвёртом — ещё меньше. Самый тяжёлый год — это первый. Так было в программах, и это отражалось и на учебниках.

Сейчас перестроена программа. Над этой программой произведена очень большая работа, которая рационализирует расположение материала, выбирает из массы сведений, которые в каждой области науки имеются, самые существенные, узловые вопросы и около этих узловых вопросов организует материал. Конечно, тут надо учителю ещё много перевести на детский язык, сделать сообщаемый материал архиконкретным, но самая основная работа — указание, что нужно взять, как это систематически расположить и как это распределить во времени, — относительно этого есть уже определённые указания. И сейчас составление учебников находится в гораздо лучших условиях, чем оно находилось раньше, когда приходилось излагать предмет так, что в сущности он не мог быть систематически изложен, когда приходилось метаться, стараясь сделать понятным тот материал, который по существу дела ребятами не мог быть на данном году усвоен.

Я не буду останавливаться на отдельных вопросах, остановлюсь сейчас только на следующем. Когда недавно в директивных инстанциях обсуждался вопрос об учебниках, то давалось указание ориентироваться на постановление ЦК от 25 августа 1932 г., где говорится о программах. Если мы посмотрим на это постановление, мы увидим там целый ряд конкретных указаний. Кроме того, отмечалось низкое качество учебников. Затем говорилось о перегрузке материалом, о том, что аполитично очень часто излагаются учебники. Говорилось о несоответствии особенностям детского возраста, малодоступности языка, малодоступности понятий; в языке — многословие, постоянные отступления, нет концентрации на чём-нибудь одном, самом важном, отсутствуют простота, конкретность; нет цельности в изложении — для одной группы учебник пишет одна бригада, для другой — другая, для третьей — третья, так что общей цельности прохождения предмета не получается.

Указания, собственно говоря, чрезвычайно простые, но именно потому, что они простые, они имеют особенно большое значение. Нам надо сейчас внимательным глазом посмотреть, как этого достигнуть, как действительно сделать учебник таким, каким он должен быть. Нам надо ориентироваться не на наши опытно-показательные школы, не на лучшие школы, где лучшие

условия, в которых ребята работают, нам надо ориентироваться на обычную школу, притом иметь в виду теперешние условия работы деревенской и городской массовой школы. А это заставляет быть особенно популярным, особенно останавливаться на самом основном.

Возьмём вопрос перегрузки. Надо сказать, что это больное место. Мне приходилось принимать участие в составлении программы. Всё как будто ладно, а перегрузка получается отчаянная. Хочется обыкновенно составителям программ в программе всё сказать, всё выложить сразу. И вот от этого-то и получается чрезвычайная перегрузка. Особенно надо сказать это по отношению к таким предметам, как обществоведение, география, история, — тут особенно хочется авторам не упустить ничего. Так что в дальнейшем придётся поработать, вероятно, ещё над разгрузкой программ. Но, конечно, программы — одно, а учебник — другое. Надо умело подбирать и располагать материал. В этом отношении наши учебники часто страдают тем, что дают не самое существенное. А надо брать основное и на этом основном останавливаться поподробнее, тогда и остальное будет гораздо понятнее.

Потом, в учебнике нехватало систематики. Это отсутствие систематики заставляло постоянно повторяться. Никогда учитель и автор учебника не могли быть уверены, что ученику известно. В учебниках мы видим постоянные отступления. Эти отступления вызываются неуверенностью в том, что ученики действительно знают предмет. Как-то чувствует автор учебника, что тут надо пояснить. Отсутствие системы заставляет постоянно делать эти отступления. Я думаю, сейчас все программы подработаны именно в направлении того, чтобы была система, чтобы не приходилось повторяться.

Наличие системы, конечно, значительно облегчит составление учебников.

Дальше указывалось на аполитичность многих учебников, таких учебников, как учебники по грамматике, математике и пр. В первую минуту может показаться, что тут есть какое-то противоречие. С одной стороны, требуем систематику, а с другой указываем на то, чтобы по грамматике, например, аполитичность получилась. Это кажется странным в первый момент, нет ли тут какого-либо противоречия. Очень характерно, что в американской литературе о точных науках, в частности о математике, говорится, что мы сейчас живём в такой момент, когда все науки должны быть социализированы. Что это значит по отношению к математике? Значит ли это, что какие-нибудь отступления будут в этой области? Нет, это означает, что надо, когда выбираешь примеры, задачи, выбирать их из окружающей жизни, брать значимые задачи.

В СССР это имеет ещё гораздо большее значение. Мы должны брать такие примеры, задачи, которые связаны с нашим социалистическим строительством. Это не значит, что мы будем

брать задачи, касающиеся промфинплана и каких-нибудь непонятных ребятам вещей, но есть очень многое в жизни, имеющее громадное значение с точки зрения строительства социализма, что могло и должно было быть введено в задачи. Например, вопросы учёта. Ведь это тоже есть социализированная математика. Часто у нас на уроках математики не упоминают даже о такой вещи, как статистика. А между тем, для того, чтобы правильно поставить учёт, — а учёт в нашей стране имеет совершенно исключительное значение при плановом хозяйстве, — надо как-то научить ребят, те знания по математике, которые есть, прилагать к элементарнейшим вопросам учёта.

Если в математике у нас тот недостаток, что, выбросив старые задачи с купцами и пр., для новых задач мы не подбираем материала, связанного с нашим социалистическим строительством; если в точных науках мы не умеем социализировать наши учебники, то в обществоведении мы полагаем, что ребята от рождения всё понимают и знают. Правда, в разговоре ребята, благодаря тому, что они кругом слышат, употребляют часто весьма мудрёные слова. Но насколько они понимают их? Мне постоянно приходится слышать о семилетках, как они жутко конкретно всё понимают. Мальчонка говорит вещи, которые в старину ребята не сказали бы. Он как будто ищет, интересуется всякими вопросами, а когда читают ему в книжке «сбросили царя», он задаёт вопрос: «Куда сбросили?» Вот вам—и толкуйте. Конечно, это — семилетка, девятилетка этого вопроса не задаст. Но что они не поймут какой-нибудь вопрос архиупрощённо, за это никто из нас поручиться не может. Если вплотную с ребятами поговорить, то и наши девятилетки часто так конкретно мыслят, что вкладывают совершенно не то содержание, которое вкладывает взрослый человек в эти простые с его точки зрения понятия.

Мы постоянно говорим общими формулами. Вот, например, так понятно нам: кулак, бедняк. А как толкует семилетка? Кулак — это богатей, всего у него много, у бедняка всего мало; у кулака — семья большая, у бедняка — маленькая. Про себя он думает, что если он живёт только с матерью, то он бедняк, а если с ним живёт и отец, и тётка, то он богатый, кулак. Вот его детское представление. Откуда богатство, что такое эксплоатация — он не знает. Богато — много, и делу конец...

...Что отвлечённо нельзя говорить, — в теории это мы знаем, но учебники пишут не ребята, а взрослые, и они каждую минуту забывают, что надо язык давать образный, образы — близкие детям; давать такие конкретные подробности, которые ребят заставили бы ощутить, о чём идёт речь, понять говоримое гораздо полнее и точнее.

Насчёт языка много говорить не приходится, но надо всё же проверять язык учебников. Очень важны тут учителя-практики, потому, что учителя-практики привыкают и к детскому языку, знают круг детских понятий; они сразу почувствуют, что понят-

но и что непонятно ребёнку. Но надо сказать, что настоящей смычки между авторами учебников и между массовым учителем, как правило, нет. Эту смычку на больших собраниях очень трудно провести; тут надо в более тесном кругу авторам сговориться с учителями-практиками, чтобы они на эту сторону дела обратили особое внимание, обратили внимание на понимание детьми речи взрослых, на понимание определений; особенное внимание надо обратить именно на эту сторону дела. Такая смычка, может быть, в Госиздате проводится, я не знаю. Мы не так много имеем рецензий на учебники со стороны учителей-практиков, как это надо было бы. Может быть, у авторов есть письма, которые приходят к ним по этому вопросу. Надо составить определённые указания учителю-практику, на что он должен обращать внимание при отзыве на учебники...

...Скажу ещё по линии популярного писания. Мне приходилось работать над популярным изложением. Приходилось работать с взрослыми рабочими, заниматься в школе и знать, что если называешь какое-нибудь понятие и не приводишь конкретного примера, то это кажется непонятным, а если приведёшь конкретный пример для пояснения, то сразу становится понятным, и человек начинает сам приводить гораздо большее количество примеров и шире подходит к вопросу. Эта конкретизация совершенно необходима. Конечно, когда для детей пишется, в особенности для детей первой ступени, то надо брать другие примеры, чем для взрослых, брать понятия, близкие ребятам.

Насчёт того, что цельность должна быть, это само собой разумеется. Как-то мне пришлось писать статью в «Правду» о том, что Ленин понимал под диалектическим изучением предмета. Во время спора о профсоюзах он в нескольких абзацах, в краткой формулировке сказал, как он понимает диалектическое изучение предмета. Эта его краткая формулировка была результатом многих лет работы по вопросу о диалектике. Он там указывает, что когда изучаешь какой-либо предмет, то надо брать его во всех связях и опосредствованиях. Это относится и к нашим учебникам, и к нашим программам; надо непременно брать изучаемое явление, изучаемую вещь в их связях и опосредствованиях. В постановлении ЦК от 25 августа 1932 г. как раз указывается на то, что один из недостатков программ тот, что нет связи между отдельными предметами, нет связи с конкретной окружающей обстановкой. Действительно, какой бы мы предмет ни взяли, если мы не устанавливаем, с чем он связан в жизни, то мы не даём полного представления об этом предмете или об этом явлении.

Сейчас мы перешли к преподаванию по отдельным предметам даже в первой ступени. Но значит ли это, что должна быть порвана связь между этими предметами, что между предметами этими и жизненными явлениями должна вырасти стена?

Что у нас было плохо в комплексности? В комплексности

основная мысль была верна — надо брать предметы в их связи и их опосредствованиях. Но было плохо то, что брали не те связи, которые существуют в жизни, а искусственные; связывали например 1 Мая, праздник рабочих, с распусканием цветов и с тем, что в сельском хозяйстве происходит. Какие-то ужасно искусственные, противоестественные устанавливали связи. Тут сказывалось то, что все мы плохо владеем диалектикой, и поэтому естественные связи подчинены были искусственным. Вместо того, чтобы лучше ориентировать ребёнка-учащегося, искажённая комплексность дезориентировала его. В этом была вся беда. Но никто не отрицает необходимости брать явления, в их реальных связях и опосредствованиях.

Затем необходимо учесть вопрос о том, чтобы каждое явление брать не как стабильное, вечно существующее, а брать его в развитии. Когда мы даём программу на несколько лет, у нас в программах это соблюдается. Например, в тех указаниях, которые даются постановлением ЦК от 25 августа, говорится о необходимости обращать внимание на историческую сторону при изучении языка, при изучении обществоведения или истории. Точно так же при изучении техники, физики, математики надо рассказать об открытиях. Это не значит, что надо историю всех открытий рассказывать, но надо брать некоторые моменты и показывать, что внесло нового данное открытие, как оно изменило удельный вес того или другого явления в данной области знания. Конечно, сказать это надо просто и конкретно. Владимир Ильич в своих высказываниях подчёркивал, как надо диалектически, всесторонне изучать предмет, напоминал: истина всегда конкретна. Когда мы даём материал ребятам, эта конкретность должна быть сугубая. Если мы возьмём ребят младшего возраста, то эта конкретность вызывается ещё возрастными особенностями.

Владимир Ильич говорил также о том, что необходима не просто связь с первыми попавшимися явлениями, а такая связь, в которой бы как раз ухватывалось то, что нужно человеку, что важно для человека. Поэтому надо уметь выбрать связь предмета с такими явлениями, которые имеют большой удельный вес с точки зрения общественности. Эти указания каждый из нас найдёт в сочинениях Ленина, и я думаю, что их надо было бы всесторонне обдумать, потому что они указывают, как правильно и всесторонне подходить к изучению предмета. Какую бы мы дисциплину ни излагали, надо продумать, как в этой дисциплине учитывать все её особенности, добиться, чтобы дисциплина получилась не мёртвая, а живая, развивающая, тесно связанная со всей нашей жизнью. У нас часто и программы мёртвыми выглядят, а учебники — ещё мертвее.

Язык в учебниках трудный, но это не означает, что мы должны подделываться под детский язык. Надо постепенно давать ряд терминов, по мере того, как ширится запас слов у ребят;

который и взрослый не всегда выдержит. Но это не значит, что нельзя сразу целый поток терминов вылить на них, такой поток, надо сюсюкать и подделываться. И не надо детям говорить только о детях, как у нас постоянно бывает. Поэтому ребята так хватаются за сказку, где говорится о взрослых. Но ведь можно и без сказки увлекательно рассказывать о людях.

В отношении языка было бы хорошо изучить авторам то, что во Франции называют фольклором, — массовый народный язык, полный живых, конкретных образов. У нас был словарь Даля, там — масса ярких, образных выражений. Но у нас язык очень резко и быстро меняется. Я это по опыту знаю и чувствую, что говорю иногда старомодным языком. И корректора тщательно выправляют язык. Если в цитатах из сочинений Владимира Ильича забудет переписчица поставить кавычки, то корректор обязательно начинает исправлять язык, находит, что так нельзя сказать. Некоторые поговорки и сравнения, которые были в ходу у старого поколения, кажутся сейчас допотопными. Теперешнее поколение говорит другим языком; в нём много современных оборотов, гораздо больше язык носит сейчас международный характер, гораздо больше международных терминов в жизнь вошло. Но надо брать язык живой, а не канцелярский. Правда, нам очень много приходится писать бумажек, но не языком же этих бумаг излагать яркие явления.

Вопросы методики. Тут мы подходим к задачам, как наиболее ясно и понятно рассказать ребятам о некоторых вещах. Надо, как сказано в постановлении от 25 августа, пользоваться разнообразными методами. И тут имеет особое значение частная методика. Недавно в школьной секции ГУС'а мы говорили о частных методиках, и мне кажется, что мы очень плохо по части частных методик подкованы. В чём дело? Дело в том, что каждая дисциплина, каждый предмет имеет свои особенности, свою определённую логику, свой подход. Если сравнить обществоведение и математику, то там и тут должны быть совершенно другие методы обучения. В математике требуется громадная систематичность: если выпадает хотя бы одно звено, то делается непонятным всё остальное. Следовательно, здесь особенно важны те приёмы, которые заставляют постепенно овладевать отдельными звеньями. А если по обществоведению какой-нибудь кусок пропущен, то можно с другого конца подойти. Но зато там надо особое внимание обращать на связь явлений, на их развитие. В естествознании опять свой метод, — наблюдения, наглядность играют здесь совсем особую роль. Вообще методика органически связана с самой сущностью предмета, и мне кажется, что эти две вещи — овладение частной методикой и умение написать хороший учебник, которого требует от нас текущий момент, — органически связаны. Надо провести очень большую работу по частным методикам, не по старинке подходя к этому, а продумывать методику на основе данных современной науки.

Несомненно, лицо каждого предмета, каждой области знания свое, поэтому одни требования к учебнику математики, другие требования — к учебнику естествознания, у обществоведа — свои требования. Под углом зрения тех требований, которые мы предъявляем, интересно почитать американскую литературу. Так как у них учебники в массовой школе в ходу, так как у них большая практика, большой опыт по части учебников, то очень интересно посмотреть, что там говорится об оформлении, о подходе, о целом ряде методических приёмов. Надо сказать, что мы часто, когда просматриваем американскую литературу, читаем лишь то, что говорится о некоторых школах, о школах, которые стоят в особых условиях. Например, как стоит там вопрос о выборе учебника. Если вы вспомните общеизвестных выдающихся методистов, то увидите, что каждый учитель свободно выбирает учебник, какой он хочет. А если вы посмотрите массовую школу, то там методбюро каждого района определяет учебники и затем это идёт на утверждение: так что в Америке свободы выбора учебников, как мы часто это представляем, нет.

Но у них есть интересный опыт. Я, может быть, не поняла бы этого опыта, если бы недавно не удалось заполучить американскую энциклопедию, издание последнего года, которая на меня произвела очень сильное впечатление именно своим методическим подходом. В книге Штормзанга «Прогрессивные методы обучения» указывается, какие пункты американцы считают нужными ввести для того, чтобы учебник мог быть использован максимально. Привожу эти пункты, как они изложены у Штормзанга.

Современные составители учебников вводят следующие пункты, облегчающие и улучшающие пользование учебником:

1. Предварительные разъяснения для учителей, как пользоваться учебником.
2. Оглавление узловых тем, на которые распадается предмет.
3. Указатели, оглавления, описания основ данной науки.
4. Перечисление проблем, которые должны быть разрешены.
5. Дополнительные сведения для учителей и учеников.
6. Разделение тем на отдельные уроки.
7. Указание ученикам.
8. Картины, карты и диаграммы.
9. Всевозможные типографские приёмы, имеющие целью привлечь внимание и подчеркнуть смысл.
10. Необходимые для данной темы (урока) упражнения.
11. Иллюстрация упражнений.
12. Вопросы в конце каждого урока или темы, на которые должен ответить ученик.

Во-первых, как мы видим, они считают, что каждому учебнику должно предшествовать *разъяснение для учителя, как он*

должен пользоваться этим учебником. Это у нас практиковалось в отношении к политпросветским учебникам; там очень часто давалось приложение-разъяснение, как этим учебником пользоваться. Я думаю, что это хорошо было бы ввести по отношению ко всем учебникам. Затем оглавление узловых тем, на которые распадается предмет. Вот определённый курс предмета. Важно дать каждому его отделу соответствующие заголовки. И когда смотришь энциклопедию, о которой я говорила, поражаешься, как американцы умеют давать говорящие заголовки: например: «Архитектура — это история веков, запечатленная в камнях». Это для юношества написано: может быть, для ребят не так надо сказать. Вот — алгебра. Они говорят просто: «Алгебра и проблемы, которые она разрешает». Когда я прочла, я подумала: «Да, ловкие они!» Мне много приходилось репетиторством заниматься, и я занималась с ученицами, общежития которых были при гимназии. Меня терзали мои ученицы: зачем нам нужна алгебра, — а я членораздельно им ответить не умела, я тогда только что кончила гимназию. А тут они берут: «Алгебра и проблемы, которые она разрешает», и популярным образом это излагают. Правда, в этой энциклопедии смесь хорошего с плохим. ...Но всё же учиться у них надо, несмотря на то, что они такие по-капиталистически дикие люди в области обществоведения. Но умение показать, умение характеризовать у них есть: «Биология — наука о живых вещах». Там всегда есть определение, которое захватывает читателя, и поэтому, когда читаешь это определение — «оглавление узловых тем», то понимаешь, что они хотят, чтобы заглавия были для ребёнка живыми, говорящими. Конечно, над этим надо поработать.

В энциклопедии замечательный предметный указатель, который позволяет прекрасно ориентироваться. Американцы в учебниках для второй ступени, соответствующей нашей семилетке, для старших групп *дают к каждому учебнику предметный указатель, индекс, по которому можно легко разобраться и найти, что надо.* Ученик забыл какое-нибудь определение, название; он по указателю найдёт, что сказано в нескольких местах об этом предмете. Эти предметные указатели имеют громадное значение. В своём известном письме к т. Покровскому Владимир Ильич как раз указывает на необходимость дать для учебника по истории разработанный хронологический указатель, указатель политических оценок.

Затем оглавление. Оно очень важно. Вот американская энциклопедия много вопросов затрагивает, а в оглавлении не все вопросы даёт. Берётся только самое существенное, самое интересное для оглавления. И оглавление является у них как бы вывеской тех основных вопросов, которые затрагиваются. Затем в этой энциклопедии, — и это они делают в учебниках, — у них есть изложение основ каждой науки. Они перечисляют вопросы, которые эта наука излагает, по разделам, по подотделам. Если у учащихся есть это короткое, в пару страниц, описание основ

науки, перечисление отделов, их соотношение, связь с другими науками, — они сразу ориентируются в предмете. По физике, например, там всё можно заимствовать у них, потому что относительно точных наук там дело хорошо поставлено. Я показывала энциклопедию т. Кржижановскому, и он находит, что по таким вещам, как электрификация, электричество, математика, естествознание, энциклопедия в смысле научности стоит на уровне современной науки. И вот очень важно, чтобы учащийся имел подобного рода описания: ему это будет очень интересно и полезно. Такие описания основ науки освещают те вопросы, которых данная наука касается. Американцы считают очень важным вводить такие указатели, оглавления и излагать коротко основы науки. В пединститутах там учат, как преподаватель должен учить ребят пользоваться энциклопедиями, справочниками, указателями всякого рода.

Затем при оценке учебников обращается внимание на перечисление проблем, которые должны быть разрешены. Даётся определённый предмет или часть предмета на таком-то году. И важно для ученика показать, какие же жизненные проблемы разрешаются при помощи этой науки. Скажем, география европейских стран. Надо коротко, ярко, показательно объяснить, что же именно, какие проблемы разрешаются данным курсом. По обществоведению надо в понятной форме, не в виде отвлечённых определений, а конкретно, на основании материала, с которым знакомятся ребята, изложить основные проблемы. Они — американцы — не всегда умеют это делать. В энциклопедическом словаре у них есть вначале такие «интересные» проблемы, как они называют: на основании того, что в данном томе есть, они ставят разные вопросы, ответы на которые читатель может найти, только прочитав данный материал. Это несколько напоминает нашу викторину. Научности тут нет, они по-американски интересуются тем, что бросается в глаза, что «интересно». Но продумав всё это, может быть, и можно было бы перенести этот метод (но не их практику) в наши учебники.

Американские практики предлагают давать *дополнительные сведения для учителей и учеников,* например, рекомендательные списки, указания об экскурсиях, указывают учебные пособия и пр. В учебниках мало дать американскому учителю (конечно, и нашему) простое систематическое изложение предмета, а надо разбить материал на уроки. Эта разбивка на уроки, распределение чрезвычайно облегчает нашему молодому учителю всякое планирование. Сейчас прямо умирает молодое учительство над этим планированием, сидят ночи напролёт — им трудно распределить рационально материал. Опытный учитель и составитель учебника должны проделать эту черновую работу, не возлагать её на плечи молодого неопытного учителя, а продумать, как надо распределить поурочно этот материал. Насколько я знаю, у нас не в обычае распределять материал во времени и по теме. А это, мне кажется, надо было бы сделать, чтобы значительно

облегчить и учителю подготовку к каждому уроку и облегчить учеников. После того как это распределение у них произведено, они в начале каждого урока дают указания ученику, как над этим уроком работать. Это, по-моему, очень целесообразно.

Дальше — иллюстрации, карты, диаграммы. Это и мы даём, но тут нам надо учиться и учиться у Америки, потому что мы даём иллюстрации—хуже не сделаешь. Надо уж лучше фотографии давать; а то выходит криво, косо, что дезориентирует ребят страшно. Надо давать какие-то живые куски, а не так, как у нас в большинстве случаев делается.

Карты у них замечательные, хотя бы в этой энциклопедии; поверхность выпуклая; не хочешь — и то усвоишь, так это хорошо сделано.

Дальше — всевозможные типографские приёмы, имеющие целью привлечь внимание или подчеркнуть какую-нибудь мысль. Другим шрифтом напечатано, крупным, бросается в глаза. Оформлено по-особому, хочешь — не хочешь, обратишь внимание. Эта форма у них разработана чрезвычайно удачно.

По урокам они дают краткий перечень вопросов. У нас одно время в «Правде» практиковалось перед статьёй писать краткое содержание статьи. Для аппарата газеты это очень большая работа. Одно время это пошло в ход, а потом замерло и свелось на нет. Но для учебников это совершенно необходимо. Сам себя может ученик проверить, усвоил ли он эти вопросы. И потом: к каждой теме, к каждому уроку они дают соответствующие упражнения разного типа, смотря по тому, какой это предмет; на разных ступенях — разные упражнения, причём дают иллюстрации этих упражнений, т. е. образцы, как надо выполнить упражнение. Они открывают учащемуся путь к тому, чтобы научиться самостоятельно работать. Если он научится работать по учебнику, то будет уметь работать и над книгой.

Наконец, в конце каждого урока даётся ряд вопросов, на которые должен ответить ученик. Они дают не только вопросы выспрашивающие, отвечая на которые, ученик должен только повторить то, что в учебнике сказано. Они задают часто такие вопросы, ответить на которые можно, только пройдя данный урок, которые новы для ученика. Если он может ответить, значит он понял урок. Это даёт прекрасный учёт знаний.

Я размножила в нескольких экземплярах американские мерила оформления учебника. «Проекта» тут никакого нет, так что бояться, что это «метод проектов», не приходится. Это — на основании многолетней практики выработанные практические указания авторам учебников. Я думаю, что нам надо было бы применять их в значительной мере в наших учебниках, ориентируясь на то, что трудно нашему молодому учителю.

Как мы работаем с молодым учителем? ...Ряд курсов он прослушает — и работает самостоятельно. Едет молоденькая девушка, полуребёнок, в деревню, где она будет почти одна грамотная. Председатель сельсовета умеет только подписать свою фа-

милию. Какая работа ложится на её плечи! Она не сможет отмахнуться от общественной работы. Мы можем писать, чтобы не перегружали учителей общественной работой, но что же делать, когда она одна грамотная в селе? Правда, сейчас у нас в смысле грамотности лучше, но три года тому назад так бывало. Едут учителя с громадным энтузиазмом, но помочь им всё же надо, и такой учебник был бы громадной помощью учителю. Я думаю, что здесь нам предстоит большая работа.

В заключение хочу сказать несколько слов о бригадном способе работы над программами и учебниками. Я, по правде сказать, к бригадам стала относиться недоброжелательно. Кто за что отвечает — неизвестно. Конечно, бригадная работа — целесообразная вещь, но надо, чтобы бригада составлялась по определённому принципу. В Америке также работают бригады, но какие это бригады? У них так составляется учебник: специалист, который отвечает за научность изложения; это очень важно, потому что часто учитель-практик не всегда в курсе последнего слова науки, а важен каждый оттенок формулировки —он часто имеет большое значение. Поэтому необходимо, чтобы в каждом учебнике, как бы прост он ни был, отвечал за содержание спец по данной науке. Это совершенно необходимо потому, что без этого очень легко может быть всякая вульгаризация, а мы даже для учебников первой группы не можем допускать никакой вульгаризации, дезориентации, упрощенства. Затем они берут психолога, который знает ребёнка. А когда в бригаде просто публика собрана, и неизвестно, кто за что отвечает, то получается много разговоров, а дела мало. Иногда думаешь, взялся бы один знающий — лучше бы написал. Страшная затрата времени только получается, ужасно много разговоров и очень мало результатов. Нужно хорошенько обдумать формирование бригады. Иногда бывает, что специалист и методист объединяются в одном лице, или методист и популяризатор, так что не надо пяти человек, а достаточно двух-трёх человек. Конечно, советоваться необходимо, коллективная работа важна, но надо, чтобы она не выливалась в простые разговоры, в беспредметность, как часто бывает с бригадами. Мне кажется, что сейчас мы подходим к такому моменту, когда много можно сделать в связи со стабилизацией программ. Когда в культпропе ЦК шла работа над программами, там тоже по такому принципу создавались бригады: люди науки в данной области, потом учителя-практики.

Там, правда, не об учебниках шла речь, а о программах. Специалисты и практики работали рука об руку. Здесь по каждому учебнику надо проверять и научную ценность и методологическую сторону.

«На путях к новой школе»,
1933. № 1.

МАРКС О КОММУНИСТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Маркс не оставил специальной работы, посвящённой коммунистическому воспитанию подрастающего поколения. Но, как известно, его произведения содержат целый ряд высказываний по вопросу о реконструкции воспитания, которые, будучи увязаны со всем его учением, являются для нас руководством к действию.

Всякий знает, какое громадное значение имел «Коммунистический Манифест», написанный Марксом и Энгельсом в начале революции 1848 года. Это — сжатое, полное революционной страсти произведение, излагающее взгляды коммунистов на общественное развитие. В «Манифесте» говорится о том, куда и как идёт общественное развитие, о соотношении экономики и идеологии, о классах, о классовой борьбе, о роли пролетариата в этой борьбе и неизбежности его победы, о неизбежности замены капиталистического строя коммунистическим. И в этой связи в «Манифесте» затрагиваются и вопросы воспитания того поколения, которому придётся строить коммунизм. «Подобно тому, — говорится в «Манифесте», — как уничтожение классовой собственности представляется буржуазии уничтожением самого производства, так и уничтожение классового характера современного образования (разрядка наша — *Н. К.*) кажется ей равносильным уничтожению образования вообще. Образование, гибель которого она оплакивает, для огромного большинства является не более, как превращением в машину».

Отметив классовый характер образования вообще, творцы «Манифеста» подчёркивают, что крупная промышленность безмерно эксплоатирует детей, заставляет рабочих эксплоатировать собственных детей, разрушает старые семейные отношения, подрывает корни семейного воспитания. Воспитание в капиталистическом обществе насквозь классовое. Коммунисты хотят изменить характер воспитания.

Вот что говорит об этом «Коммунистический Манифест»:

«...Вы упрекаете нас в том, что мы хотим упразднить эксплоатацию детей их родителями? Мы сознаёмся в этом преступлении.

Но мы, говорите вы, уничтожаем самые дорогие отношения, ставя на место домашнего воспитания общественное.

А разве ваше воспитание не определяется обществом? Не определяется общественными отношениями, в которых вы воспитываете, не определяется прямым или косвенным вмешательством общества через школу и т. д.? Коммунисты не выдумывают влияния общества на воспитание; они лишь изменяют его характер, они вырывают его из-под влияния господствующего класса.

Буржуазные разглагольствования о семье и воспитании, о нежных отношениях между родителями и детьми становятся тем

противнее, чем больше разрушаются благодаря крупной промышленности все семейные связи в среде пролетариата и дети превращаются в простые предметы торговли и рабочие инструменты»[1].

«Манифест» намечает ряд мероприятий, которые пролетариат должен будет провести, когда он станет у власти. Среди них в п. 10 указываются и мероприятия, касающиеся воспитания. Это будет «общественное и бесплатное воспитание всех детей. Устранение фабричного труда детей в современной его форме. Соединение воспитания с материальным производством и т. д.». Этот пункт связан у Маркса с рядом других пунктов, как переход орудий производства в руки государства, одинаковая трудовая повинность для всех, соединение земледельческого труда с фабричным, постепенное уничтожение различия между городом и деревней.

Глава вторая «Коммунистического Манифеста» кончается словами:

«Место старого буржуазного общества с его классами и классовыми противоположностями занимает ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»[2].

Что это? Теория «свободного развития»? Неужели Маркс был её сторонником? Мы не поймём этого места, если не осознаем, что Маркс под свободой понимает совсем другое, чем представители буржуазии. «Но не спорьте же с нами, — говорится в «Манифесте», — оценивая уничтожение буржуазной собственности с точки зрения ваших буржуазных понятий о свободе, образовании, праве и пр. Ваши идеи сами порождены буржуазными условиями производства и собственности». И далее: «Идеи свободы совести и религии выражали собою лишь господство свободной конкуренции в области знания».

Энгельс в «Анти-Дюринге» писал:

«Гегель первый правильно понял отношение между свободой и необходимостью. Для него свобода — это понимание необходимости. «Необходимость слепа лишь постольку, поскольку она не понята». Свобода заключается не в воображаемой независимости от законов природы, а в познании этих законов и в возможности поэтому планомерно пользоваться ими для определённых целей. Это верно как о законах внешней природы, так и тех, которые регулируют физическую и духовную жизнь самого человека, — о двух классах законов, которые мы можем отделять друг от друга разве только в идее, но не в действительности. Поэтому свобода воли означает не что иное, как способность принимать решения со знанием дела. Следовательно, чем *свободнее* суждение какого-нибудь человека по

---

[1] «Коммунистический Манифест», 1932, стр. 32—33.
[2] Там же, стр. 36.

отношению к известной проблеме, с тем большей *необходимостью* будет определено содержание этого суждения; а наоборот, вытекающая из незнания неуверенность, которая выбирает якобы произвольно между многими различными и противоположными решениями, этим именно доказывает свою несвободу, свою подчинённость объекту действительности, который она должна была бы как раз подчинить себе. Следовательно, свобода состоит в господстве над самим собой и над внешней природой, основанном на познании естественной необходимости; значит, она является необходимым продуктом исторического развития»[1].

Если мы под таким углом зрения подойдём к вышеприведённым словам — «место старого буржуазного общества с его классами и антагонизмом классов займёт ассоциация, в которой свободное развитие каждого будет условием свободного развития всех», — мы поймём, что освобождённое до конца от пут капиталистического гнёта общество, где не будет уже классов и классовой борьбы, будет связано с таким расцветом науки, познанием законов природы и развития человечества, что это обеспечит каждому наиболее полное, всестороннее развитие, и каждый член этой ассоциации, этого союза так тесно, органически связан будет со всей ассоциацией и её прогрессом в целом, что вся его деятельность, вся его жизнь будет служить дальнейшему развитию этого будущего бесклассового общества.

В «Коммунистическом Манифесте» всё время сугубо подчёркивается мысль, что базой идеологии служит экономика.

«Нужно ли особое глубокомыслие, чтобы понять, что вместе с условиями жизни людей, с их общественными отношениями, с их общественным бытом изменяются также и их представления, взгляды и понятия, одним словом — и их сознание?

Что же доказывает история идей, как не то, что умственная деятельность преобразуется вместе с материальной. Господствующими идеями любого времени были всегда лишь идеи господствующего класса.

Говорят об идеях, революционизирующих всё общество; этим высказывают лишь тот факт, что внутри старого общества образовались элементы нового, что рука об руку с разложением старых условий жизни идёт и разложение старых идей»[2].

Маркс не только констатировал факты, но всегда указывал выход из положения. Ещё в тезисах о Фейербахе (1845 г.) Маркс писал: «Философы лишь различным образом о б ъ я с н я л и м и р, но дело заключается в том, чтобы и з м е н и т ь е г о».

А чтобы найти правильные пути изменения, он изучал развитие материальных условий, те элементы их, которые служили орудием преобразования всего общественного строя.

Интересно в этом отношении письмо Маркса к Анненкову,

---

[1] «Анти-Дюринг», 1931, стр. 103—104.
[2] «Манифест коммунистической партии», 1932, стр. 34.

написанное им ещё до «Коммунистического Манифеста» —28/XII 1846 г. В этом письме Маркс писал:

«Для Прудона разделение труда вещь совершенно простая. Но кастовый строй разве не был тоже определённым разделением труда? Разве цеховой строй не был другим разделением труда? А разделение труда мануфактурного строя, который начинается в Англии в середине XVII века и заканчивается в конце XVIII века, разве не отличается самым решительным образом от разделения труда в современной крупной промышленности?.. Разве вся внутренняя организация народов, все их международные отношения не есть выражение определённого разделения труда? Разве всё это не должно измениться вместе с переменой в разделении труда? Прудон так мало понял вопрос о разделении труда, что даже не упоминает о разделении между городом и деревней, которое в Германии, например, произошло, начиная с IX по XII столетие. Для Прудона это разделение есть вечный неизменный закон и т. д.»[1].

В «Нищете философии» (написанной в 1847 г.) Маркс даёт блестящий пример того, как в идущем всё дальше разделении труда надо выявлять положительные стороны этой тенденции. Маркс пишет там о том, что «разделение труда внутри современного общества характеризуется тем, что оно порождает специальности, специалистов, а с тем вместе и свойственный им профессиональный идиотизм» (разрядка наша—*Н. К.*)[2].

Приводя факт профессионального идиотизма, Маркс в то же время отмечает, как дальнейшее развитие разделения труда помогает изжитию этого идиотизма. В «Нищете философии» он говорит о влиянии автоматической фабрики (не всякой, а именно автоматической) на развитие рабочих:

«Разделение труда на автоматической фабрике характеризуется тем, что труд совершенно теряет здесь характер специальности. Но как только прекращается всякое специальное развитие, является потребность к универсальности, чувствуется стремление индивидуума ко всестороннему развитию. Автоматическая фабрика стирает специальности и свойственный им профессиональный идиотизм»[3].

Маркс любил детей. В книге «К критике политической экономии», вышедшей впервые в 1859 г., есть одно замечательное место о детях, правда сказанное мимоходом, но тем не менее проливающее свет на то, почему Маркс так любил детвору и что он в ней видел. Говоря об искусстве, он между прочим писал:

«Мужчина не может сделаться снова ребёнком, не становясь смешным. Но разве не радует его наивность ребёнка и разве сам он не должен стремиться к тому, чтобы на высшей ступени воспроизводить свою истинную сущность; и разве в детской

[1] «Письма», Соцэкгиз, М. 1931, стр. 15—16.
[2] «Нищета философии», 1928 г, стр. 136.
[3] Там же, 1928, стр. 137.

натуре в каждую эпоху не оживает её собственный характер в его безыскусственной правде?»[1].

Маркс не был узким учёным специалистом. Он прекрасно знал литературу, понимал искусство и понимал детей.

Многие ли умеют с этой точки зрения наблюдать детей? Это умел делать Лев Толстой, смотревший на детей глазами великого художника, но у него была та беда, что он не мог понять своей эпохи. Маркс понимал и эпоху и детей. Глубокому пониманию ребёнка должен учиться у Маркса каждый современный педагог.

Любовь к детям заставляла Маркса особенно сильно возмущаться капиталистической эксплоатацией детского труда. Но не в одной любви к детям причина того, что Маркс уделяет так много места в первом томе «Капитала» положению детей при капитализме. В одной только главе «Рабочий день» Маркс приводит более 20 с лишним примеров возмутительнейшей эксплоатации детей на фабриках, причём факты берутся из официальных документов (из отчётов фабричных инспекторов, судебных дел, законодательных постановлений). Вопрос об эксплоатации детского труда занимает не меньше места и в главе «Машины и крупная промышленность».

Необычайно ярко рисует Маркс всю мизерность государственного законодательства Англии по охране детского труда, он показывает, как капиталисты находят тысячу путей, чтобы обойти даже эти мизерные законы, как и умственно и физически калечится подрастающее поколение.

Маркс писал обо всём этом потому, что в вопросе о детском труде, как в капле воды, отражалась тенденция капиталистического уклада к безмерной эксплоатации масс.

Изучая, с одной стороны, развитие промышленности, влияние тех или иных изменений её на рабочие массы, а с другой — положение ребят на производстве, Маркс стремился найти начала, которые помогли бы так поставить общественное воспитание, чтобы подрастающее поколение оказалось способным в корне реорганизовать капиталистическое общество.

Приведём выдержку из главы «Машины и крупная промышленность», говорящую о том, что современная промышленность требует всесторонне развитого рабочего:

«Принцип крупной промышленности: всякий процесс производства, взятый сам по себе и прежде всего безотносительно к руке человека, разлагать на его составные элементы, создал всю современную науку технологии. Разношёрстные, на вид лишённые внутренней связи и закостенелые формы общественного процесса производства претворились в обдуманно-планомерные систематически расчленённые — в зависимости от желательного полезного эффекта применения естественных наук. Технология открыла также те немногие группы основных форм движения, в

[1] «К критике политической экономии», Соцэкгиз, М. 1931, стр. 81.

которых неизбежно выливается производительная деятельность человеческого тела, как бы разнообразны ни были применяемые при этом инструменты — совершенно подобно тому, как механика, несмотря на величайшую сложность машин, не сомневается, что все они представляют собою постоянное повторение элементарных механических средств.

Современная промышленность никогда не рассматривает и не трактует существующую форму известного производственного процесса, как окончательную. Поэтому её технический базис революционен, тогда как у всех предшествовавших способов производства базис был по существу консервативен. Посредством машин, химических процессов и других методов она постоянно производит перевороты в техническом базисе производства, а вместе с тем и в функциях рабочих и в общественных комбинациях процесса труда. Этим она также постоянно революционизирует разделение труда внутри общества и непрерывно бросает массы капитала и массы рабочих из одной области производства в другую.

Природа крупной промышленности, обусловливает поэтому перемену труда, постоянную смену функций (занятий) и всестороннюю подвижность рабочего...[1].

Сама крупная промышленность своими катастрофами делает для себя вопросом жизни и смерти признать постоянные перемены в сфере труда и поэтому возможно большую разносторонность рабочих за всеобщий закон общественного производства и приспособить общественные условия к нормальному осуществлению этого закона.

Чудовищное явление капитализма, существование нищенского рабочего населения, которое капитал держит в запасе для своих изменяющихся потребностей эксплоатации, должно быть заменено абсолютной пригодностью человека к различным требованиям труда. Эта замена становится вопросом жизни или смерти для крупной промышленности. Превращенный в дробь индивидуум, простой носитель частичной общественной функции, должен быть заменён целостно (всесторонне) развитым индивидуумом, для которого различные общественные функции являются сменяющими друг друга формами приложения его деятельности.

Одним из естественно возникающих на базе крупной индустрии моментов этого процесса реконструкции являются политехнические и агрономические школы, другим — «écoles d'enseignement professionel» (профшколы), где дети рабочих получают некоторые сведения из технологии и практические уменья пользоваться различными орудиями производства. Если фабричное законодательство, как первая скудная уступка, вырванная у ка-

[1] «Капитал», т. I, изд. 1932 г., стр. 377—378.
Примечание: Местами перевод сделан мной—Н. К.

питала, соединяет с фабричным трудом лишь элементарное обучение, несомненно, что неизбежное завоевание политической власти рабочим классом завоюет также надлежащее место теоретическому и практическому преподаванию в рабочих школах. Но точно так же не подлежит никакому сомнению, что капиталистическая форма производства и соответствующее ей экономическое положение рабочих стоят в полном противоречии с этими ферментами реконструкции и ее целью — уничтожением старого разделения труда[1]».

Таким образом, мы видим, какую крупнейшую роль отводит Маркс в деле реконструкции капиталистического общества, в социалистической перестройке общественному воспитанию подрастающего поколения. Это общественное воспитание должно выращивать всесторонне развитых людей. Это требование вытекает из самого характера крупной промышленности. Ребятам надо овладеть большой суммой знаний и надо учиться работать. Изучение истории фабричного законодательства Англии в отношении охраны детского труда привело Маркса к такому заключению.

«Уже в 1840 г. — пишет Маркс в первом томе «Капитала»,— была назначена парламентом комиссия для исследования детского труда. Отчёт её от 1842 г. раскрыл, по словам Н. Сениора, «ужасную картину жадности, эгоизма и жестокости капиталистов и родителей, нищеты, вырождения и разрушения организма детей и подростков, какую едва ли видывал мир... Этот отчёт (1842 г.) пролежал без внимания 20 лет, в течение которых позволили стать родителями нынешнего поколения детям, выросшим без малейших представлений о том, что мы называем моралью, о школьном образовании, религии или естественной семейной любви» (слова Сениора)»[2].

Комиссия требовала регулирования фабричного труда детей законодательным путём.

«Умственное одичание, — пишет Маркс, — искусственно производимое превращением незрелого человека в простую машину для фабрикации прибавочной стоимости, — его легко отличить от того первобытного невежества, которое оставляет ум невозделанным, не причиняя вреда его способности к развитию, его естественному плодородию, — это одичание заставило, наконец, даже английский парламент провозгласить начальное образование обязательным условием «производительного» потребления детей до 14 летнего возраста во всех отраслях промышленности, подчинённых фабричному законодательству»[3].

«Как ни убоги были параграфы фабричного закона относительно воспитания малолетних рабочих, они всё-таки объявили элементарное образование обязательным условием для употребления детского труда. Их успех впервые доказал в о з м о ж-

[1] «Капитал», т. I, 1932, стр. 377—379.
[2] Там же, стр. 382—383.
[3] Там же, стр. 304.

ность соединения обучения и гимнастики с физическим трудом, а следовательно, и физического труда с обучением и гимнастикой. Фабричные инспектора скоро узнали из свидетельских показаний школьных учителей, что фабричные дети, хотя они учатся по времени вдвое меньше обыкновенных учеников, успевают столько же и часто даже больше. «Дело объясняется очень просто. Тот, кто проводит в школе лишь полдня, постоянно свеж и почти всегда готов и способен учиться. Система попеременного занятия учением и физическим трудом делает каждое из этих занятий отдыхом от другого, и следовательно, гораздо более пригодна для детей, чем однообразные занятия одним каким-нибудь делом. Мальчик, который с раннего утра сидит в школе, к тому же в летнюю жару, ни в каком случае не может соперничать с другим мальчиком, который приходит бодрый и весёлый со своей работы».

Более подробные данные об этом предмете можно найти в речи Сениора на социологическом конгрессе в Эдинбурге в 1863 г. Он в ней, между прочим, показывает также, как односторонний, непроизводительный и продолжительный школьный день учеников высших и средних классов бесполезно увеличивает труд учителей и в то же время заставляет детей тратить время, здоровье и энергию не только без пользы, но и во вред себе». Из фабричной системы, как более подробно это можно проследить у Роберта Оуэна, возникает зародыш воспитания будущего, которое для всех детей свыше известного возраста соединит производительный труд с обучением и с гимнастикой, и это будет не только метод повышения общественного производства, но и единственный метод производства всесторонне развитых людей»[1].

Полагал ли Маркс, что обучение труду надо перенести с фабрики в стены школы? Никоим образом. Признавая необходимость политехнической школы, он стоял всё же за работу детей на фабрике.

«Как ни ужасно, как ни отвратительно разрушение капиталистической системой старинного семейного строя, тем не менее крупная промышленность посредством той решающей роли, которую она возлагает на женщин, подростков и детей обоего пола в общественно организованном процессе (разрядка наша—*И. К.*), вне сферы домашнего очага, создаёт новую экономическую основу для более высоких отношений между обоими полами»[2].

Рассказывая о безмерной эксплоатации детей их родителями, особенно в домашней промышленности, и указывая, что капиталистический способ эксплоатации, уничтожив экономический базис, соответствующий родительской власти, превратил её в злоупотребление, Маркс говорит, что «необходимо было про-

[1] «Капитал», т. I, 1932, стр. 374—375.
[2] Там же, стр. 380.

возгласить право детей». «Дети и подростки имеют право на защиту законодательства от злоупотребления родительской властью, которое преждевременно подрывает их физические силы и принижает их моральное и интеллектуальное существо» (380). Решающее значение, которое играют подростки и дети обоего пола в общественно организованном процессе, также меняет отношения между детьми и родителями, делая детей более самостоятельными и сознательными.

«Точно так же, — писал Маркс дальше, — ясно, что сочетание в комбинированном рабочем персонале лиц обоего пола и самого различного возраста — хотя в своей стихийной и грубой капиталистической форме, при которой рабочий существует для процесса производства, а не процесс производства для рабочего, оно и представляет заразительный источник разврата и рабства — при соответствующих условиях должно, наоборот, сделаться источником развития человеческой личности»[1].

Совместная работа со взрослыми помогает развитию ребят.

Мы знаем, что писал Маркс о влиянии автоматической фабрики на развитие рабочих. В первом томе «Капитала», в главе о кооперировании Маркс говорит о воспитательной роли совместного труда:

«Но и помимо той новой силы, которая возникает из слияния многих сил в одну общую, при большинстве производительных работ уже самый общественный контакт вызывает соревнование и своеобразное повышение жизненной энергии (animal. spirits), увеличивающее индивидуальную дееспособность отдельных лиц»[2].

В сентябре 1866 г. в Женеве состоялся конгресс I Интернационала, где принята была резолюция, составленная Марксом:

«Тенденцию современной промышленности привлекать к участию в общественном производстве детей и подростков обоего пола мы считаем прогрессивной, благодетельной и правомерной, хотя при капиталистическом господстве эта тенденция и принимает отвратительные формы. При разумном общественном строе все дети без исключения, начиная с девятилетнего возраста, должны будут принимать участие в производительном труде; точно так же и никто из взрослых не может быть исключён из того общего закона природы, что человек должен работать, чтобы есть, и не только головой, но и руками. Исходя из этой точки зрения, мы говорим, что ни родители, ни предприниматели не могут получать разрешение общества пользоваться трудом детей и подростков иначе, как под условием, чтобы их производительный труд был связан с образованием.

Под образованием мы понимаем три вещи: 1) умственное образование, 2) физическое развитие, такое, какое дают гимнастические школы и военные упражнения, 3) политехническое

[1] «Капитал», т. I, стр. 380—381.
[2] Там же, т. I, стр. 243.

воспитание, знакомящее с общими научными принципами всех производственных процессов и в то же время дающее ребёнку и подростку практические навыки в обращении с элементарными инструментами всех производств».

Остановимся ещё на двух произведениях Маркса: «Гражданская война во Франции в 1871 г.» и «Критика Готской программы» (1875 г.), которые освещают другие стороны отношения Маркса к школе.

«Уничтожив регулярную армию и полицию — эти орудия материальной силы старого правительства, — писал Маркс в «Гражданской войне во Франции в 1871 г.», — Коммуна приступила немедленно к сокрушению власти духовенства, этого орудия духовного порабощения; она декретировала ликвидацию и экспроприацию всех церквей, поскольку они были корпорациями, владевшими имуществом. Священники должны были вернуться к скромной жизни частных людей и, подобно их предшественникам — апостолам, жить милостынею верующих. Все учебные заведения, поставленные вне влияния церкви и государства, стали бесплатными для всех. Таким образом школьное образование сделалось доступным всем; с науки были сняты оковы, наложенные классовыми предрассудками и правительственной властью»[1].

Маркс хвалит Коммуну за то, что она сразу устранила влияние на школу и вообще на все учебные заведения церкви и буржуазного государства, буржуазной правительственной власти, которая принимала все меры, чтобы затемнить сознание масс с самых ранних лет.

Интересно ещё другое место в «Гражданской войне во Франции в 1871 г.». Указав, что Коммуна хотела подчинить крестьян идейному руководству окружных городов и обеспечить им в лице городских рабочих естественных представителей их интересов, Маркс пишет, что Коммуна дала бы крестьянину дешёвое правительство, заменила бы таких пиявок, как нотариус, адвокат, судебный пристав и пр., наёмными коммунальными чиновниками, выбираемыми им самим и ответственными перед ним. Она освободила бы его от произвола сельского стражника (garde champêtе), жандарма и префекта; она з а м е н и л а б ы о т у п л я ю щ е г о у м с в я щ е н н и к а п р о с в е щ а ю щ и м е г о ш к о л ь н ы м у ч и т е л е м»[2].

Критикуя проект программы, принятый с некоторыми поправками в мае 1875 г. на конгрессе германской социал-демократической партии в Готе, Маркс высказался там и по вопросам просвещения. Критикуя пункт, касающийся «ограничения женского и запрещения детского труда», он писал:

«З а п р е щ е н и е д е т с к о г о т р у д а»! Здесь безусловно было необходимо указать предельный возраст. Общее запреще-

---

[1] «Гражданская война во Франции в 1871 г.» 1930, стр. 50.
[2] Т а м ж е, стр. 56.

ние детского труда несовместимо с существованием крупной промышленности и потому является не более как благим пожеланием. А если бы возможно было провести подобное запрещение, это было бы реакционной мерой, так как при строгом регулировании рабочего времени сообразно различному возрасту и при соблюдении других мер предосторожности с целью охраны детей раннее соединение производительного труда с преподаванием является могущественным средством преобразования современного общества»[1].

Разбирая пункт, где от имени германской рабочей партии было высказано требование «всеобщего и равного для всех народного образования, находящегося в руках государства, обязательного посещения школы, бесплатного обучения», Маркс писал:

«Равное народное образование? Что подразумевают под этими словами? Воображают ли, что в современном обществе (а только о нём и идёт речь) образование для всех классов может быть равным?... Или хотят принудительным образом низвести высшие классы до скромного уровня образования народной школы, общественно совместимого с экономическим положением не только наёмных рабочих, но также и крестьян? «Обязательное посещение школы. Бесплатное обучение». Первое существует даже в Германии, второе в народных школах Швейцарии и Соединённых штатов. Если в некоторых штатах «бесплатное образование дается также и в высших школах, то в действительности это означает только то, что там высшие классы пользуются средствами для своего образования из общих налоговых средств». (стр. 46).

«Параграф, относящийся к школам, должен был бы по меньшей мере требовать технических школ (теоретических и практических) в соединении с народной школой».

«Никуда не годится «народное образование в руках государства». Определять общим законом расходы на народные школы, квалификацию преподавательского персонала, устанавливать программу школы и т. д. и наблюдать при посредстве государственных инспекторов за соблюдением этих предписаний закона, как это делается в Соединённых штатах, — нечто совсем иное, чем поставить государство в воспитатели народа. Следует, наоборот, отстранить как правительство, так и церковь от всякого влияния на школу. В современной прусско-германской империи (нечего увёртываться, будто имеется в виду «государство будущего», мы видели, как в этом отношении обстоит дело) государство, наоборот, само нуждается в самом суровом воспитании со стороны народа» (стр. 47).

Из рук церкви и из рук буржуазного государства хотел Маркс вырвать воспитание подрастающего поколения. Страстно спорил он с лассальянцами, думавшими, что можно итти на

[1] «Критика Готской программы», 1932, стр. 48—49.

сделки с буржуазным правительством, ждать от него каких-либо реформ, идущих по линии реальной помощи рабочему классу, тем более реформ, облегчающих подготовку коренного переворота во всём общественном укладе. А Маркс ведь хотел, чтобы воспитание детей и подростков было поставлено так, чтобы оно стало могущественным орудием преобразования современного общества.

Мы далеко не исчерпали высказываний Маркса о воспитании и школе. Приведённые нами высказывания дали установку нашей советской школе. В меру уменья и сил мы стремимся поднять воспитание подрастающего поколения на ту высоту, на которой хотел его видеть Маркс в эпоху диктатуры пролетариата. Нам помогают, однако, в нашей работе по просвещению не только прямые высказывания Маркса. Нам помогает всё его учение, взятое в целом, помогает его метод диалектического изучения явлений. Мы сумеем осуществить полностью, широко развив дальше, установки Маркса гораздо лучше тогда, когда учение его станет достоянием широчайших масс. Над этим мы работаем не покладая рук.

«Большевик»,
1933, № 5, стр. 93—103.

ВОСПИТАНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТОВ

Товарищи, мы сегодня собрались для того, чтобы обсудить вопросы интернационального воспитания подрастающего поколения. Каждый марксист, каждый педагог-марксист читал, конечно, «Коммунистический Манифест» Маркса и Энгельса. Это произведение, которое имеет громадное значение именно потому, что в нём кратко, сжато изложены основы учения марксизма, и которое насквозь проникнуто духом интернационализма.

И вот, это учение Маркса оказало громаднейшее влияние и на наше русское рабочее движение. Наше русское движение развивалось как движение, тесно связанное с международным движением. Если в нашей сравнительно отсталой стране пролетариат смог победить, смог взять в свои руки власть, то это только благодаря тому, что наше рабочее движение впитало в себя весь опыт международного рабочего движения, только благодаря тому, что оно тесно примыкало к международному рабочему движению, впитало его опыт, оно смогло и организационно и идейно подняться на ту высоту, которая обеспечила ему победу.

Если вы возьмёте работу нашей партии с самого ее основания, вы увидите, как пропитана она вся насквозь духом интернационализма, вы увидите, как через всё учение Ленина, через всю программу партии проходит этот дух интернационализма. И в настоящее время, когда власть в руках рабочего класса, мы знаем, как в своей внешней политике и как в своей внутренней политике наша партия проводит эти основные идеи интернационализма.

И, товарищи, мы, педагоги, которые думаем о воспитании подрастающего поколения, мы, конечно, понимаем, какое громадное значение имеет воспитание подрастающего поколения в духе интернационализма. Важно тут, конечно, не то, чтобы ребята запомнили лозунги, но важно с ранних лет заставить их почувствовать товарищескую, дружескую связь с трудящимися всего мира. Мы должны наших ребят воспитывать и эмоционально изо дня в день таким образом, чтобы они могли вырасти подлинными коммунистами и довести дело, начатое их отцами, до конца. Поэтому, товарищи, мы должны особенно бдительно, особенно внимательно следить за тем, чтобы разные злободневные задачи не заслоняли у нас вопросы интернационального воспитания молодёжи. Сейчас, конечно, перед педагогами стоит громадная задача. В этом году, как никогда, школа организуется для того, чтобы поднять качество всей работы, качество всего воспитания. Но эта задача нисколько не снижает, а напротив, поднимает необходимость интернационального воспитания. И наша пионерская организация, которая и в школе и вне школы должна руководить, помогать молодёжи складываться в подлинных коммунистов, она тут должна особенно быть начеку.

Н. К. Крупская, Коммунистическое воспитание смены, «Молодая гвардия», М. 1934. стр. 232—233.

О ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Русский язык сейчас изучается огромным количеством трудящихся советских республик, ибо это язык революционного народа, язык с большой литературой во всех областях знаний.

Но преподавание русского языка в нерусских школах у нас поставлено пока неудовлетворительно. В связи с этим мне хочется поделиться некоторыми наблюдениями и опытом из заграничной практики.

В Швейцарии, в Женеве, каждое лето бывали шестинедельные курсы французского языка для иностранцев-преподавателей французского языка в своей стране. Поступающие на курсы, как правило, пассивно знают французский язык, но произносят плохо, говорят неправильно, писать самостоятельно не умеют.

В 1908 г., попав во вторую эмиграцию, я подумала, что на этот раз долго придётся жить за границей и надо овладеть хорошо иностранными языками и в том числе французским. И вот летом я поступила на женевские курсы для иностранцев и за шесть недель очень многому там научилась. Особенностью курсов был дифференцированный подход к каждой национальности; прекрасное знание особенностей фонетики, структуры слов, их сочетания в языках; вытекающее из этого знания понимание тех специфических трудностей, которые надо преодолеть представителю той или иной национальности, чтобы овладеть французс-

ским языком. Хорошо разработаны были методы преодоления этих трудностей.

На курсы принимались англичане, немцы, русские. Очень большое внимание обращалось на произношение. Перед началом занятий при помощи граммофонной пластинки записывалось произношение каждого поступающего на курсы. Затем по окончании курсов делалась новая запись. Граммофонная запись как нельзя лучше иллюстрировала достигнутые успехи.

Что было характерно, — это масса экскурсий, бесед, которые проводились для каждой национальности отдельно. Беседы проводил преподаватель, знавший прекрасно специфику ошибок в произношении данной национальности и умело и тактично исправлявший ошибки участников бесед. Другой, очень интересный, приём — это работа в граммофонном кабинете. В учебных кабинетах стояли граммофоны с пластинками, на которых были записаны стихи, басни, произнесённые на прекрасном французском языке. Каждый учащийся работал постоянно с этими пластинками. Прослушает раза три какую-нибудь «Ворону и лисицу» на прекрасном французском языке, и так врежется ему в память это произношение, что потом он эту басню сам, как настоящий француз, прочтёт. Кроме того, каждой национальной группе указывалось, в чём именно недостатки произношения у данной национальности. Немцы-баварцы путали, например, звонкие согласные с глухими, например, *б* и *п* и пр., русские нечётко произносили гласные и т. д. Для каждой национальности существовал ряд своих особых таблиц.

Для каждой национальности были свои учебники, выясняющие, в чём разница в структуре слов, их сочетании; приводился ряд упражнений. Эти учебники особенно усердно читал Владимир Ильич, очень интересовавшийся всегда вопросами языкознания, нахваливал эти учебники.

Последнее время я усердно расспрашивала преподавателей школ взрослых в национальных республиках, как у них поставлено преподавание русского языка, в ходу ли швейцарские методы преподавания. Работа ведётся, но далеко ещё не достаточная. А специалисты-языковеды могут здесь сделать многое. Вот чуваши, например, подобно баварцам, путают звонкие и глухие согласные, им всё равно сказать *бал* или *пал*, *вот* или *фот*, *дам* или *там*, *жил* или *шил*. Тюркам трудно выговорить две согласные. Вместо того, чтобы сказать *для дела*, говорят *деля дела*, вставляя там, где не следует, лишнюю гласную и т. д. При письме больше половины ошибок является следствием плохого усвоения фонетики изучаемого языка.

Необходимо изучить весь опыт ускоренного преподавания того или иного языка иностранцам. Чрезвычайно интересна с этой точки зрения так называемая «база английского языка». В состав её входит около тысячи наиболее употребительных, наиболее типичных английских слов, на которых и базируется всё обучение английскому языку иностранцев.

Мне кажется, необходимо овладеть методами преподавания иностранных языков — европейских, широко применить эти методы при преподавании русского языка, учтя весь имеющийся уже у нас опыт в этой области, широко использовать для этой цели современную технику.

«Правда» от 20 октября 1934 г.

СТАТЬИ МАРКСА, ЭНГЕЛЬСА, ЛЕНИНА, СТАЛИНА, КОТОРЫЕ ДОЛЖЕН ЗНАТЬ КАЖДЫЙ УЧИТЕЛЬ

Мы ставим себе целью воспитать в своих школах сознательных граждан нашей родины — Союза Советских Социалистических Республик, поколение, способное довести до конца дело строительства социализма. Мы стремимся вооружить наших учащихся необходимыми для этого знаниями, умением применять эти знания в жизни, вооружить навыками осуществлять поставленные цели коллективными усилиями.

Само собой, что это возможно лишь при условии, если учитель будет понимать стоящие перед школой цели и ясно представлять себе пути их осуществления.

Мы должны требовать от учителя знания основ марксизма-ленинизма.

Если лет 15 назад мы требовали от учителя лишь общего сочувствия советской власти, то теперь[1], когда перестройка всего общественного уклада на социалистических началах на конкретных повседневных примерах наглядно показала верность взятых установок, мы требуем от учителей большего — проведения в жизнь в воспитательной и учебной работе основных положений Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

В программах наших педагогических учебных заведений и всевозможных педагогических курсов всегда имеются предметы, знакомящие учителей с основами марксизма ленинизма. Мы не будем пока подробно останавливаться на этом вопросе. Слабым местом продолжает оставаться применение марксизма-ленинизма к педагогической практике, к делу обучения и воспитания.

А между тем программа нашей партии, высказывания Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина дают богатый материал, могущий сильно облегчить задачи учителя, увлечь его. Надо начинать с ознакомления с программой ВКП(б), с пунктом 12 программы, посвященным вопросу народного образования.

Известно, что над этой частью программы много работал Ленин — он её составил. Но для того, чтобы понять до конца значение этого пункта, надо проследить, как он вытекает из учения Маркса и Энгельса, высказывания которых по вопросам воспитания учёл Ленин. Для этого надо прочесть хотя бы минимум их высказываний.

---

[1] Речь идёт о 1935 г., когда была написана данная статья.

Как начинать читать произведения Маркса и Энгельса.

Прежде всего надо прочесть «Коммунистический Манифест». Прочитать его сравнительно легко. Это произведение даёт понимание общих вопросов классовой борьбы и борьбы за социализм. Затем необходимо прочесть из т. I «Капитала» Маркса главы: XI («Кооперация»), XII («Разделение труда и мануфактура») и XIII («Машины и крупная промышленность»). В письме к Кугельману Маркс советовал жене Кугельмана, которая хотела прочесть «Капитал», начинать чтение именно с этих глав, так как они наиболее конкретны. Надо только объяснить термины, писал он Кугельману[1].

И, наконец, надо прочесть 3-й отдел («Социализм») из книжки Энгельса «Анти-Дюринг». «Анти-Дюринг» довольно труден, и, может быть, сразу недостаточно подготовленному учителю не всё в нём будет понятно, но эта глава многое даст в кружке под руководством хорошо подготовленного коммуниста.

Что читать из высказываний Ленина и Сталина.

Высказывания Ленина по вопросам просвещения неразрывно связаны со всей его деятельностью, со всем его учением, поэтому было бы ошибкой думать, что учитель может ограничиться чтением высказываний Ленина по вопросам просвещения. Понять до конца эти высказывания можно, лишь овладев учением Ленина в целом, тогда только будет понятно, почему он в тот или иной момент подчеркнул именно ту или иную мысль. Но, с другой стороны, изучение высказываний Ленина по вопросам просвещения сделает ближе, понятнее для просвещенцев учение Ленина в целом. Владимир Ильич говорил, что каждый специалист приходит к пониманию марксизма своим путём, — его больше всего убеждает понимание увязки развития любимого им дела с учением марксизма, с делом строительства социализма.

У Ленина есть много высказываний по вопросам просвещения, но начинать их изучение надо с тех его статей, которые целиком посвящены вопросам просвещения. Что это за статьи?

Возьмём I том сочинений Ленина. Он относится ко времени, когда Ленин приехал в Питер и повёл работу среди рабочих. Ленин видел, что многие из тех, кто «ходит» к рабочим (как тогда говорили), не понимают, что рабочим надо вооружиться знаниями, что общее образование даёт знания, необходимые для того, чтобы стать вполне сознательными политически, чтобы направить свою борьбу по правильному пути. И вот в 1895 г., 40 лет тому назад, Ленин пишет статью «О чём думают наши министры?» (т. 1, 2-е или 3-е изд., стр. 417—421[2]).

В то время, в 90-х годах прошлого столетия, очень сильно

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXV, стр. 57. Маркс — Людвигу Кугельману, Лондон, 30 ноября 1867 г.

[2] Далее, если не будет специальной оговорки, статьи будут цитироваться по тому же изданию.

было распространено так называемое «народничество» — направление, которого придерживалась часть интеллигенции, желавшая всяких благ для рабочих и крестьянских масс, но не понимавшая, что без классовой борьбы, без борьбы с царизмом, с помещиками и капиталистами нельзя добиться коренного улучшения положения трудящихся, что надо изменить весь общественный уклад, а не предлагать проекты улучшения его царским чиновникам, помещикам и капиталистам. К числу таких народников принадлежал Южаков, который полагал, что при существовавших тогда порядках возможно осуществить всеобщее среднее образование, и составил целый проект, как это сделать. Ленин высмеял этот проект, доказал всю его несостоятельность в статье «Перлы народнического прожектёрства» (т. II, стр. 277—302). Статья эта довольно трудная, она написана для тогдашней легальной печати, поэтому очень многое в ней говорится намёками. Но статья посвящена очень актуальному сейчас вопросу — о всеобщем среднем образовании, она бросает свет, почему советская власть работает над созданием единой трудовой школы и как осуществление этой задачи увязывается с учением Маркса и Энгельса о борьбе за социализм. Так как статья эта трудна, то её хорошо почитать под руководством подготовленного коммуниста. Разобраться в ней поможет также изучение упомянутых высказываний Маркса—Энгельса и произведения Ленина «Что такое «друзья народа», помещённого в I томе сочинений Ленина. Она написана гораздо проще, так как предназначалась для нелегальной печати,—там вещи назывались своими именами.

Учитель должен хорошо знать ту среду, в которой живут ученики его школы. Это нужно для того, чтобы правильно ставить учебную и воспитательную работу. У нас программа для школ едина, едина и для города и села, но учитель должен уметь иллюстрировать сообщаемый им ученику материал живыми, конкретными примерами, близкими и понятными учащимся. Для воспитателя в ещё большей мере нужно знание окружающей ученика среды, чтобы знать, как эта среда (в том числе родители) может помогать воспитательной работе школы, и, с другой стороны, чтобы знать, какие отрицательные стороны этой среды влияют на ребёнка и как с ними надо бороться. Пониманию положительного и отрицательного влияния среды очень помогает чтение вышеуказанных глав I тома «Капитала» Маркса, но параллельно чрезвычайно важно было бы для учителя перечесть III том сочинений Ленина — «Развитие капитализма в России». Это произведение переводит на язык русской действительности вышеуказанные главы «Капитала». Сейчас уклад нашей страны в своей основе стал социалистическим, но пережитков старого ещё очень много, с ними надо энергично бороться. В этой борьбе чрезвычайно может помочь учителю чтение работы Ленина «Развитие капитализма в России», хотя высказываний по вопросам просвещения там сравнительно мало.

Годы борьбы за организацию партии, годы первой русской революции и годы наступившей затем реакции — были годами, когда внимание Ленина поглощали другие вопросы.

Мимоходом, попутно он высказывался немало и по вопросам просвещения, но статей, посвященных целиком вопросам воспитания, не писал. В 1911 г. рабочее движение пошло на подъём. Ленские события показали, что сознательность и организованность рабочих возросли. Пражская конференция укрепила партию большевиков. Переезд в Краков — ближе к границе, восстановление легальной печати, укрепление связи с Думской фракцией—всё это заставило Ленина опять вплотную подойти к вопросам народного образования.

В 1913 г. Ильич пишет уже статью «Русские и негры» (т. XVI, стр. 299), где говорит о необходимости поголовной грамотности, о том, что бескультурье одной части населения кладёт отпечаток на культуру другой его части, пишет для т. Бадаева, члена большевистской Думской фракции, речь, которую тот произносит при обсуждении сметы министерства народного просвещения: «К вопросу о политике министерства народного просвещения» (т. XVI, стр 409). Затем пишет статью «Рабочий класс и неомальтузианство» (т. XVI, стр. 497), где говорит о том, что рабочий класс, хотя живёт в тяжелых условиях, но это — класс развивающийся растущий, дети — его будущее, и потому проповедь Мальтуса — отказаться от желания иметь детей—не точка зрения рабочего класса. Ленин, конечно, знал, как тяжело положение трудящихся и их детей, он писал, как раз в то время статью «Детский труд в крестьянском хозяйстве» (т. XVI, стр. 477), но он знал, что не всегда так будет, что техника идёт вперёд и, поставленная на службу трудящимся, изменит весь характер труда. Очень интересна статья Владимира Ильича, посвящённая этому вопросу, — «Одна из великих побед техники» (т. XVI, стр. 368).

Надвигалась империалистическая война, и национальный вопрос, правильное его разрешение, являющееся одной из важнейших предпосылок братства народов, вопрос о сближении трудящихся различных национальностей, особенно приковывал внимание Ленина. Вопросам национальной школы в 1913 г. Ленин посвятил ряд статей: «Национализация еврейской школы» (т. XVI, стр. 553), «Как епископ Никон защищает украинцев» (там же, стр. 617).

В томе XVII следует прочесть статью «О культурно-национальной автономии» (стр. 92), «Национальный состав учащихся в русской школе» (стр. 113). «Ещё о разделении школьного дела по национальностям» (стр. 124), «Нужен ли обязательный государственный язык?» (стр. 179). Все эти статьи подчёркивают неразрывную связь школьных вопросов с вопросами общей борьбы пролетариата.

В связи с этими статьями совершенно необходимо прочесть

Сталина «Политический отчёт Центрального комитета XVI съезду ВКП(б)» от 27 июня 1930 г. («Вопросы ленинизма», изд. 9-е[1], стр. 562—568, и его речь «О политических задачах Университета народов Востока» (там же, стр. 134).

Особенно много внимания стал уделять Ленин вопросам культуры при советской власти в период 1917—1923 гг. Ещё когда он жил за границей, когда в 1917 г. пришли вести о Февральской революции, Ильич стал писать в Россию «Письма из далёка». В третьем из этих писем (т. XX, стр. 34—40) Ленин писал о милиции, как он её задумывал в то время, — как организатора общественной работы широких масс. Там он писал о необходимости вовлечения в эту работу всех подростков. В статье «Задачи пролетариата в нашей революции» (т. XX, стр. 121, п. 12), где Ленин опять говорит о милиции, повторяется та же мысль, — об обязательном участии подростков в общественной работе.

Из речей и статей Ленина за 1918 г. надо прочесть: «Как организовать соревнование?» (т. XXII, стр. 158) и «Речь на I Всероссийском съезде по просвещению» (т. XXIII, стр. 197 — 199). В этой речи Владимир Ильич говорит о классовом воспитании, о задачах и огромном значении нашей советской школы.

Из речей и статей за 1919 г. необходимо прочесть «Речь на II Всероссийском съезде учителей-интернационалистов» (т. XXIII, стр. 474).

«Речь памяти Я. М. Свердлова» (т. XXIV, стр. 79) ярко подчёркивает роль организационной работы на всех фронтах советской работы. Это особенно необходимо учитывать просвещенцам.

В «Проекте программы РКП(б)», набросанной Ильичём, надо прочесть «пункт программы в области народного просвещения» и «пункт программы в области религиозных отношений» (т. XXIV, стр. 99—100). О практическом проведении в жизнь этих пунктов программ надо прочесть Сталина «Вопросы и ответы» — речь, сказанная в Свердловском университете 9 июня 1925 г. («Вопросы ленинизма», стр. 149—150), ту часть, где говорится о вовлечении масс в управление государством и всеобщем обучении. Надо также прочесть соответствующие части политических докладов Сталина на XVI и XVII съездах партии[2].

Далее из статей Ленина за 1919 г. надо прочесть «Ответ на открытое письмо специалиста» (т. XXIV, стр. 184). По вопросу о специалистах Ленин высказывался не

---

[1] И в дальнейшем «Вопросы ленинизма» будут цитироваться по 9-му изданию.

[2] Сейчас надо дополнить этот перечень докладом товарища Сталина на XVIII съезде ВКП(б) и речью товарища Сталина на I Всесоюзном совещании стахановцев.

раз в других статьях. Необходимо также прочесть в статье Сталина «Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства» главу IV—«Вопрос о производственно-технической интеллигенции рабочего класса» («Вопросы ленинизма», стр. 504 и след.), а также речь товарища Сталина на выпуске окончивших военную академию — о роли кадров (в Кремле, 1935 г.).

Каждый учитель должен знать и речи Ленина от 6 и 19 мая 1919 г. — «I Всероссийский съезд по внешкольному образованию» (т. XXIV, стр. 275).

В 1920 г., когда гражданская война приходила к концу и вопросы социалистического строительства выдвинулись на первый план, Ленин стал обращать особое внимание на вопросы культуры. К этому времени относятся статьи, которые должен изучить каждый просвещенец: «От первого субботника на Московско-Казанской железной дороге ко Всероссийскому субботнику-маёвке» (т. XXV, стр. 255), «Речь на совещании по работе в деревне (там же, стр. 301—303), «Речь на III Всероссийском съезде РКСМ» (т. XXX, стр 403). Эта речь имеет совершенно исключительное значение для учителей, так как в ней даётся ряд ценнейших указаний по учебной и воспитательной работе.

В связи с этой речью Ленина следует читать и Сталина «Речь на VIII Всесоюзном съезде ВЛКСМ» 16 мая 1928 г. (см. однотомник «Ленин и Сталин», стр. 692).

Далее, к 1929 г. относится статья Ильича «О пролетарской культуре» (т. XXV, стр. 409), основная мысль которой в том, что пролетарская культура неотделима от всей борьбы пролетариата за социализм, должна быть органически связана с этой борьбой. «Речь на Всероссийском совещании политпросветов губернских и уездных отделов народного образования» (т. XXV, стр. 448) имеет такое же отношение к учителям, как и к политпросветчикам, и теперь, когда политпросветработу часто сводят к одним развлечениям, игнорируя её политические задачи, имеет особое значение. «Тезисы о производственной пропаганде» (т. XXV, стр. 478) опять-таки сейчас чрезвычайно актуальны для всех просвещенцев. «О политическом образовании» (т. XXX, стр. 418) — статья, имеющая исключительное значение теперь, когда создана необходимая техническая база и когда особенно важно осмысливание технических достижений широчайшими массами наших трудящихся «Проект резолюции VIII съезда Советов по докладу об электрификации» (т. XXVI, стр. 58), указывает, как надо использовать для учёбы окружающую промышленность.

Главнейшие статьи Ленина по вопросам просвещения за 1921 г. это: «Директивы ЦК коммунистам — работникам Наркомпроса». (т. XXVI, стр. 157); «О работе

Наркомпроса» (там же, стр. 160), где говорится о большей деловитости и конкретности подхода в разрешении вопросов школьной и политпросветительной работы в направлении, указанном нашей программной партии, в частности и по вопросу о политехнизме и о большем учёте имеющегося опыта; «Речь на II Всероссийском съезде политпросветов» (т. XXVII, стр. 31—52), имеющая совершенно исключительное значение и для учителей и для политпросветчиков, дающая конкретные указания, как надо связывать теорию с практикой, политику с культурной работой.

Из статей за 1922 г. важно прочесть «О значении воинствующего материализма» (т. XXVII, стр. 180). Эта статья особенно интересна для просвещенцев, которые достаточно подготовлены, чтобы изучить том XIII, посвящённый целиком борьбе за материалистическое мировоззрение, борьбе против попыток облечь старые религиозные взгляды в научное облачение.

Затем важно очень «Предисловие к книге И. И. Степанова: «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства» (т. XXVII, стр. 195).

Важны: высказывание по вопросу культуры на XI сезде ВКП(б) (т. XXVII, стр. 224), его непременно надо знать каждому просвещенцу; недоконченная по болезни статья «Ложка дёгтя в бочке мёда» (т. XXVII. стр. 302), где Ильич настаивает, чтобы в школе преподавались вопросы организации труда, и, наконец, высказывание Ленина о роли культуры в строительстве социализма в 1922 г. на IV конгрессе Коминтерна о роли культуры в строительстве социализма (т. XXVII. стр. 355).

Из статей, продиктованных Лениным в 1923 г., каждому просвещенцу необходимо прочитать «Странички из дневника» (т. XXVII, стр. 387); «О кооперации» (т. XXVII. стр. 391) (под кооперацией Ленин понимает тут не только торговлю, но главным образом коллективное хозяйствование); «О нашей революции» (т. XXVII, стр. 398) и «Лучше меньше, да лучше» (первые страницы, т. XXVII, стр. 400).

Изучение всех перечисленных статей Ленина и Сталина сделает для учителей, для всех просвещенцев понятнее, яснее теперешние директивы партии, поможет им избежать извращений этих директив, избежать ошибок, которые мы так часто наблюдаем и в школьной и в политпросветской работе, и вместе с тем пробудит стремление как можно лучше, как можно глубже изучать учение Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, изучать для того, чтобы стоять в первых рядах строителей социализма.

«Школа взрослых»,
1938, № 3 стр. 6—10.

О РАБОТЕ С МАЛЫШАМИ

Дорогие ребята, недавно одна работница рассказала мне, что, дожидаясь сына в школе, она видела, как в перемену старшие ученики обижают младших ребят, щёлкают их, гоняют, у тех затравленный вид. Работница ужасно была возмущена.

Ребята, неужели это возможно? Неужели пионеры где-нибудь обижают малышей или спокойно смотрят на то, как их одноклассники обижают школьников младших классов? До сих пор этого не бывало, и я думаю, что это единичный случай; думаю, что пионеры нигде таких вещей не потерпят. Не правда ли, ребята?

Пионерам надо взять младших ребят — дошкольников, ребят младших классов — под свою пионерскую заботу.

Что это значит? Те, у кого есть маленькие братишки или сестрёнки, не должны просто на них покрикивать: «уйди!», «не мешай!», «не трогай!», «отстань!»... Пионер должен помнить, что младшие братья и сёстры — это его смена. В правилах поведения юных пионеров говорится: «Пионер — всем детям пример». Конечно, эти слова нельзя понимать в том смысле, что вот пионер надел пионерский галстук и от одного этого стал он головой выше всех ребят, командовать всеми может. Нет! Но пионер, работая в пионерской организации, должен становиться примером организованности, выдержки, должен быть примером общественника, который помогает в меру своих сил налаживать как можно лучше всю жизнь.

Вы знаете, ребята, что маленькие детишки подражают старшим братьям и в худом и в хорошем. Старший брат грубо отвечает бабушке, ругается, и младшие начинают язык бабушке показывать и ругаться; старшая сестрёнка капризничает, плачет из-за всякого пустяка, и младшие капризничают, — рёв по всей квартире идёт. Старшие любят читать, обёртывают книжки в бумагу, берегут их, и младшие книжками начинают интересоваться, не рвут их, не пачкают, делают вид, что книжку читают; старшие моют руки перед едой, и меньшие то же и т. д. и т. п. Вы сами таких примеров насчитать можете много. Старший брат, старшая сестра младшим братьям и сёстрам — пример. Об этом должны помнить пионеры и за собой следить. Уж одно это будет большой помощью родителям в налаживании культурной семейной жизни.

И другое. Надо всё же пионерам поглядывать за тем, чтобы их младшие братишки и сестрёнки были умыты, чисто и опрятно одеты и во-время накормлены. Родители часто заняты бывают на работе, и остаются малыши беспризорными. Надо, чтобы пионеры помогали родителям в заботе о младших. Это не значит, конечно, что пионеры и пионерки должны превращаться в нянек младших ребят. У нас всеобщее обязательное обучение, и пионеры и пионерки должны аккуратно посещать школу, готовить уроки, много читать. Пионеры и пионерки — общественники, они должны выполнять постановления своей организа-

ции, вести общественную работу. Пионерам и пионеркам надо и отдохнуть, побыть на свежем воздухе, побегать, поиграть, попеть, повеселиться. Без этого не вырастут из них крепкие, здоровые люди. Об этом нельзя забывать. Нельзя превращать пионеров и пионерок в нянек, загружать их сверх всякой меры домашней работой. Но пионеры не хотят и не будут расти какими-то белоручками, барчатами. И от заботы о младших братишках и сестрёнках они не будут отказываться. Чем смогут, родителям в этом отношении помогать будут. Чем и как это надо решать в каждом отдельном случае. Как вы думаете на этот счёт, ребята?

...Итак, помочь родителям в деле налаживания культурной семейной жизни пионеры могут тем, что станут примером для своих младших братьев и сестёр, тем, что возьмут на себя часть заботы о них, тем, что иногда будут играть с ними, показывать им, как надо играть.

Мне ещё многое хочется сказать вам, дорогие мои ребята, по затронутым мною вопросам, но сначала я хотела бы, чтобы вы обсудили это моё письмо и написали мне ваше мнение.

К борьбе за дело Ленина — Сталина, юный пионер, всегда будь готов!

1935 г.

«Письма пионерам»,
«Молодая гвардия», М., 1938, стр. 47—50.

О СОЗНАТЕЛЬНОЙ ДИСЦИПЛИНЕ

(Письмо пионерам и школьникам)

Отдел пионеров ЦК ВЛКСМ обратился ко всем руководителям пионерских организаций, вожатым отрядов и председателям советов отрядов с предложением зачитать и обсудить это письмо Н. К. Крупской на сборах отрядов и собраниях учащихся школ, воспитанников детдомов и т. д.

Дорогие ребята!

Вы знаете, как теперь волнует всех поведение ребят во внешкольное время. Иные ребята ведут себя точно они самые отчаянные головы, цепляются за трамваи, дерутся, толкаются, ругаются, одним словом хулиганят. Волнуются учителя, волнуются родители. Целый ряд собраний родительских был по этому поводу. Собирались, толковали об этом учителя, комсомольцы. В больших городах это особенно наблюдается. Приедут ребята на экскурсию из деревни и удивляются, говорят: «Какие у вас ребята недисциплинированные в Москве. Мы идём, а они в нас камнями швыряют...»

Пришли ко мне как-то милиционеры, рассказывали, сколько ребят становятся калеками, гибнут из-за того, что цепляются за трамваи, автомобили. Мальчиков особенно много гибнет и калечится. И, слушая их, я вспомнила, как в 1918 году под трамвай на моих глазах попал такой «висун», мальчонка лет 10—12.

Ему отрезало ноги, а он лежал под трамваем и не переставал кричал: «Ма-ма, ма-ма!». Но никакой мамы не было, да и чем бы она помогла?

Такие вещи теперь можно нередко видеть, и понятно, что матери боятся за своих ребят-«висунов». На школьных собраниях, на пионерских собраниях ребята дают обещания на трамваях не виснуть, драк не заводить, держать себя как следует, но очень быстро забывают свои обещания.

Надо вам, ребята, самим всерьёз взяться за это дело, положить этому делу конец. А то очень уж обидно на всё это смотреть. Почему обидно? Потому, что ребята у нас, ведь, в общем хорошие растут. Другую девчину или парнишку послушаешь, видишь, как они в жизнь вдумываются по-серьёзному. Я вот недавно писала вам письмо о том, что надо заботиться о младших братьях и сёстрах. В ответ получила много сотен писем, много из них очень интересных писем.

Больше всего мне понравилось письмо одного мальчика из г. Кирова, ученика IV класса. Он пишет о том, что вот он всё думает, как бы устроить так, чтобы все ребята росли крепкой, закалённой сменой революционным борцам. Пишет он и о себе, ему трудно живётся, и вот он пишет про себя: «Приходили мне иногда в голову плохие мысли, хотел начать воровать у народа. Но поборол себя. Потому, что если я заворую, на весь СССР ляжет стыд и позор». Вот это настоящий коммунист растёт, с крепкой волей, прежде всего об общем деле думает, честь СССР бережёт. И вот, когда с такими ребятами говоришь, так обидно на драчунов и «висунов» глядеть. Взять себя в руки не умеют. Думают храбрость показать. А какая это храбрость? — глупость просто. Отчаянные головы бывали и среди буржуев, и среди кулачья, да одно дело отчаянной головой быть, а другое дело — мужество, готовность отдать все силы, а, если надо, то и жизнь за дело трудящихся. Для мужества сила воли нужна, выдержка, уменье свою слабость побороть, а выкинуть штуку какую-нибудь — для этого ума немного надо. Высмеивать драчунов да «висунов» надо, а не подзадоривать их, не подражать им.

И вместе с тем надо вырабатывать в себе характер, вырабатывать у себя волю. Надо уметь побороть в себе страх, нерешительность, усталость, раздражительность. Зачем? Ясно зачем. Человек без воли — игрушка в руках всякого проходимца. Какой из него может выйти борец за дело Ленина — Сталина, за дело социализма?

Есть такая пословица: «Один в поле не воин». Верно это. Нужно действовать сообща. Это хорошо знают рабочие и работницы. Сообща боролись они против помещиков и капиталистов — и победили. Сообща перестраивают они старую жизнь — и дело подвигается вперёд.

Но что значит сообща бороться. Это значит, что каждый делает не так, как ему вздумается, а так как сообща обдумали,

...общим решили. Для общей борьбы, для общей работы нужна большая организованность. Нужна сознательная дисциплина. Её нужно с детства в себе воспитывать. Она нужна не только в школе. Надо и свободное время проводить организованно. И веселее и толку от этого больше.

Свободное от занятий время — не значит на спине лежать да в потолок плевать. Так от скуки пропасть можно. Свободное от занятий время не только на то употреблять надо, чтобы без конца развлекаться, в кино да в театр ходить. Надоест скоро, прилется. Надо уметь вести широкую, интересную общественную работу — много её: и по озеленению улиц, и по благоустройству, и исследовательскую работу, какую ведут юные натуралисты, и шефскую работу надо вести, книгоношескую и т. д. и т. п. Надо только, чтобы это была не заседательская работа, не «нагрузка», а такая общая, коллективная работа, которая увлекает, которая организует.

Укрепляйте, ребята, пионерскую организацию, детские добровольные общества, организуйтесь, втягивайте в организацию всех ребят — это путь для изживания недисциплинированности, распущенности, глупых выходок.

В организации — сила. К борьбе за дело Ленина — Сталина будьте готовы!

«Комсомольская правда»,
апреля 1935 г., № 80 (3076).

ЗАДАЧИ НАШЕЙ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ И КАДРЫ ЕЕ СТРОИТЕЛЕЙ

Ленин придавал громадное значение школе. В своей речи от 28 августа 1918 г., за два дня до ранения, он выступил на 1-м Всероссийском съезде по просвещению: «Необходимо, — сказал он, — приложить все силы, энергию и знания, чтобы возможно скорее возвести здание нашей будущей трудовой школы» (т. XV, 1-е изд., стр. 387).

Он говорит в данном случае не о школе вообще, а о той будущей трудовой школе, над созданием которой он призывал энергично работать. Он говорит о той школе, которая воспитает всё молодое поколение в духе глубокого интернационализма, вооружит его всей суммой добытых человечеством знаний, научит его организованно, коллективно, планомерно работать, научит глубоко увязывать теорию с практикой, воспитает из ребят новых людей, у которых личная жизнь будет неразрывно слита с жизнью общественной, с борьбой за социализм, за коммунизм.

Для построения такой школы, как её задумал Ленин, нужны были и соответствующие кадры. Учительство начальной школы в России тогда было под влиянием эсеров, среди учительства средней школы были сильны даже кадетские влияния. Советскую власть большинство учительства встретило враждебно. В

Москве учителя встретили советскую власть забастовкой. Незначительные кадры передового учительства организовали союз учителей-интернационалистов, сплотившихся около советской власти.

Выступая на Всероссийском съезде учителей-интернационалистов 5 июня 1918 г., за 2½ месяца до 1-го Всероссийского съезда по просвещению, Ленин уже указал учительству путь, как подойти к делу строительства школы будущего, которая должна сыграть такую крупнейшую роль в истории человечества. Он говорил:

«Учительская армия должна поставить себе гигантские просветительные задачи и прежде всего должна стать главной армией социалистического просвещения. Надо освободить жизнь, знание от подчинения капиталу, от ига буржуазии. Нельзя ограничить себя рамками узкой учительской деятельности. Учительство должно слиться со всей борющейся массой трудящихся. Задача новой педагогики — связать учительскую деятельность с задачей социалистической организации общества.

Надо сказать, что главная масса интеллигенции старой России оказывается прямым противником советской власти, и нет сомнения, что нелегко будет преодолеть создаваемые этим трудности. Процесс брожения в широкой учительской массе только начинается, и истинно народным учителям не следует замыкаться в рамки организации всероссийского учительского союза, а итти уверенно в массы с пропагандой. Этот путь приведёт к совместной борьбе пролетариата и учительства за победу социализма» (т. XXIII, стр. 66).

Прошло полгода с небольшим. Гражданская война была в самом разгаре. Она ставила все точки над «и», раскрывала глаза на истинную сущность всех партий, на то, какая партия за что борется на деле. И вот, выступая 18 января 1919 г. на 2-м съезде учителей-интернационалистов, Ильич уже ставит перед ними задачу — не обособляться в особый союз, а работать над созданием общего профсоюза просвещенцев, который должен охватить широкие кадры учительства, сплотить их вокруг советской власти. «Нельзя сомневаться в том, — говорил Ленин, — что громадное большинство учительского персонала, который стоит близко к рабочему классу и к трудящейся части крестьянства, что оно в громадном большинстве убедилось теперь, как глубоки корни социалистической революции, как неизбежно она распространяется на весь мир, и я думаю, что теперь громадное большинство учительства несомненно искреннее встанет и будет становиться на сторону власти трудящихся и эксплоатируемых в борьбе за социалистический переворот» (т. XXIII, стр. 474).

В марте 1919 г. была принята программа РКП(б), в разработку которой Ленин вложил массу сил. В ней говорилось, что «школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но и проводником идейного, организационного

воспитательного влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения, способного окончательно установить коммунизм». И далее давались пункты программы, указывающие, каким путём надо подойти к осуществлению этой цели.

Эта программа должна была служить не только коммунистам, но и учительству путеводной нитью: она указывала ближайшие цели строительства той школы будущего, о которой говорил Ильич.

Когда советская власть победила в гражданской войне, когда перед ней во весь рост встали задачи соцстройки, Ленин ещё раз высказался о роли учительства на совещании политпросветов 3 ноября 1920 г. Ленин никогда не ставил перегородок между учителями детских школ и просвещенцами, работающими среди взрослых. И в этой своей речи он обращается одновременно и к тем и к другим. Он говорит:

«Наркомпрос пережил долгую борьбу, долгое время учительская организация боролась с социалистическим переворотом. В этой учительской среде особенно упрочились буржуазные предрассудки. Здесь долго шла борьба и в виде прямого саботажа, и упорно держащихся буржуазных предрассудков, и нам приходится медленно, шаг за шагом, отвоёвывать себе коммунистическую позицию. Для Главполитпросвета, работающего по внешкольному образованию, решающего задачу этого образования и просвещения масс, особенно ярко встаёт задача — сочетать партийное руководство и подчинить себе, пропитать своим духом, зажечь огнём своей инициативы этот громадный аппарат — полумиллионную армию преподавательского персонала, которая состоит сейчас на службе у рабочего. Работники просвещения, учительский персонал, были воспитаны в духе буржуазных предрассудков и привычек, в духе, враждебном пролетариату, они были совершенно не связаны с ним. Теперь мы должны воспитать новую армию педагогического, учительского персонала, который должен быть тесно связан с партией, с её идеями, должен быть пропитан её духом, должен привлечь к себе рабочие массы, пропитать их духом коммунизма, заинтересовать их тем, что делают коммунисты» (т. XXV, стр. 451—452).

«Нужно сказать, что сотни тысяч учителей — это есть аппарат, который должен двигать работу, будить мысль, бороться с предрассудками, которые ещё до сих пор существуют в массах» (там же, стр. 453)...

«Наша задача — побороть всё сопротивление капиталистов, не только военное и политическое, но и идейное, самое глубокое и самое мощное. Задача наших работников просвещения — осуществить эту переделку массы. Её заинтересованность, её тяга к просвещению и знанию коммунизма, которые мы наблюдаем, служат порукой тому, что мы окажемся и здесь победителями, хотя, может быть, и не так скоро, как на фронте, быть может, с большими трудностями, а подчас и поражениями, но в

конечном итоге победителями будем мы» (там же, стр. 454). Согласно этим установкам Ильича политпросветработники должны были вести широкую пропаганду среди учительства, втягивать его в работу агитации и пропаганды, тесно связанной с общеобразовательной работой.

Почти 15 лет прошло с тех пор, как были сказаны эти слова. Массы стали иными. Мы имеем громадные сдвиги и в деле роста сознательности масс и в деле культурного строительства вообще.

Но отпадают ли те задачи, которые ставил Ильич перед просвещенцами, в частности перед учителями, в первые годы существования советской власти: создание подлинно коммунистической школы, способной воспитать молодое поколение для тех великих задач, которые стоят перед ним, и параллельно с этим — воспитание в коммунистическом духе широчайших масс трудящихся? Задачи эти не отпали, они стоят попрежнему остро, только на почве наших достижений они стали яснее, конкретнее. Каждый просвещенец, каждый учитель не может сейчас не осознавать, как он крепко должен быть вооружён для разрешения этих задач, как хорошо ему надо знать теорию марксизма-ленинизма, его практику, современные установки коммунистической партии, как важно ему перечитывать вновь и вновь статьи Ленина, Сталина, ясно понимать их установки. Перед учителями, перед просвещенцами стоят громадной важности задачи, их роль в переживаемый момент особенно ответственна.

Как много каждому из нас надо работать над собой, как надо вглядываться в жизнь, чтобы оказаться на высоте задачи!

«За коммунистическое просвещение»,
№ 69. 1935 г.

РУКОВОДСТВО К ДЕЙСТВИЮ

Владимир Ильич был сыном учителя, вышедшего из бедной семьи, на себе испытавшего, как трудно было пробиваться к знанию в те времена человеку непривилегированного сословия. В годы либеральных реформ он был назначен на должность директора народных училищ и с громадным энтузиазмом, не покладая рук, работал над делом организации начальных школ в тогдашней Симбирской губернии.

Ильич с детства видел немало учителей и начальной и средней школы, слышал много разговоров о школе, которые хорошо запомнились ему.

Ильич принадлежал к поколению, которое зачитывалось Добролюбовым, Писаревым, Чернышевским. У них учился он видеть отрицательные стороны тогдашней средней школы, воспитывавшей нужные царизму кадры чиновничества. У них учился Ильич ненавидеть мертвенность тогдашних программ классических гимназий, их оторванность от жизни, муштру и зубрёжку всякого ненужного хлама, имевшие целью убить в учащихся всякую инициативу, всякую живую мысль. «Чем меньше будет её у будущих чиновников — тем лучше», — рассуждало царское

правительство. В художественной и критической литературе того времени вскрывалась суть этих школьных установок. У Писарева есть статья «Школа и жизнь», которая при всей своей парадоксальности очень остро ставила вопрос о связи учёбы с жизнью и трудом. Интерес к вопросам школы, воспитания, образования был у Ильича всю жизнь очень большой.

Читая Маркса и Энгельса, Владимир Ильич обращал особое внимание на их высказывания по этим вопросам, а их у Маркса и Энгельса много, ставил их в связь со всем их учением.

И не случайно, что одной из первых статей Владимира Ильича, направленных против народников, не понимавших, куда и как идёт общественное развитие, была статья «Перлы народнического прожектёрства», где Ильич высмеивает Южакова, воображавшего, что можно при царизме дать знания крестьянской молодёжи в объёме средней школы, воображавшего, что дело устроится, если крестьяне плату за обучение смогут вносить не деньгами, а трудом учащихся. Ильич растолковывал, что труд в школе должен явиться могучим орудием изжития разрыва между физическим и умственным трудом, одним из важнейших путей к построению бесклассового общества. Статья написана была для легальной печати, многое сказано в ней намёками, «рыбьим языком», но мысль её ясна.

Когда в 1918—1919 гг. вырабатывалась программа партии, её пункт 12-й, касающийся вопросов народного образования, был сформулирован Лениным, целиком отражал его взгляды. По поводу этого параграфа не было споров, сколько-нибудь существенных. Тогда в центре внимания партии стояли другие вопросы.

Осенью 1920 г. гражданская война приходила к концу, надо было развернуть во-всю работу по перестройке всего общественного уклада. Вопросы воспитания, образования должны были занять в этой работе важнейшее место.

Многие считали, что речь, сказанная Лениным на III съезде комсомола, имела целью лишь внушить комсомолу понимание необходимости учиться, и потому её мало кто читал, даже многие педагоги её не читали. А между тем эта речь облекала живой плотью те положения, которые содержатся в § 12 нашей программы. Эта речь в простой, понятной форме растолковывала, что надо взять из старой школы, чего брать нельзя, она растолковывала, как надо брать всё ценное из старой школы, как это ценное перестроить, чем дополнить, она тесно связывала школу с жизнью.

Тогда, в октябре 1920 г., речь Владимира Ильича не дошла до многих из тех, кто слушал и читал её с полным вниманием,— так много нового, непривычного было в ней.

С тех пор прошло 15 лет. Это были годы громадной работы на хозяйственном фронте, годы перестройки всего уклада и в городе, и в деревне. Жизнь стала другая. Научились по-новому работать, по-новому подходить к целому ряду вопросов. Да и

сам комсомол стал другим. Особенно за последнее время, когда он стал перестраиваться, глубже ставить всю свою работу, у него явился целый ряд новых вопросов. Партия возлагает на него заботу о школе, требует от него серьёзной помощи школе.

«Комсомольская правда» очень хорошо сделала, что перепечатала речь Ильича, сказанную им на III съезде комсомола.

Она научит комсомол лучше отличать, что из старой школы надо взять, а что надо выбросить, поможет понять, что огулом нельзя ни выкидывать старого, ни брать его целиком, без всякой критики. Она научит комсомол, чем надо дополнить старую учёбу, как её надо перестроить, как связать учёбу с жизнью, с трудом, с общественной работой, она научит, как бороться с мелкособственнической психологией, с мелкособственническими привычками, которые не изжиты ещё до конца. Она поможет каждому комсомольцу, каждой комсомолке критически отнестись к себе, увидеть, как надо, в каком направлении перевоспитать себя, воспитать из себя подлинных коммунистов, умеющих по-настоящему учиться, по-настоящему применять свои знания к жизни.

Она научит комсомол правильному пониманию директив партии в области народного образования.

На молодёжи лежит обязанность — дело Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина довести до конца. Речь Ильича — громадная помощь комсомолу в этом деле.

«Комсомольская правда».
№ 227 за 2 октября 1935 г.

БОЛЬШЕ СОВЕТОВАТЬСЯ С ГОРЬКИМ

При составлении программы по литературе для школ взрослых авторам этих программ надо побольше, употребляя выражение Ленина, «советоваться с Горьким». В 1933 г., а затем и в 1937 г. вышел сборник: «М. Горький — О литературе (статьи 1928—1936 гг.)». Это очень ценный сборник не только для молодых писателей, но и для преподавателей литературы. Не менее ценным является также сборник — М. Горький «Литературно-критические статьи», выпущенный Гослитиздатом в 1937 г.

В статье «О том, как я учился писать» Алексей Максимович пишет: «Впечатления я получал и непосредственно от жизни и от книг» и далее он рассказывает, как книга научила его видеть и как жизнь будила в нём желание в живых образах рассказать о том, что он видел.

«Мой дед был жесток и скуп, но я не видел, не понимал его так хорошо, как увидел и понял, прочитав роман Бальзака «Евгения Гранде». Отец Евгении, старик Гранде, тоже скуп, жесток и вообще похож на деда моего, но он глупее и не так интересен, как мой дед. От сравнения с французом русский ста-

рик, не любимый мною, выиграл, вырос. Это не заставило меня изменить моё отношение к деду, но это было большим открытием — книга обладает способностью доказывать мне о человеке то, чего я не вижу, не знаю в нём» (стр. 339)[1].

«Даже читая книги таких мастеров, как Тургенев, я думал иногда, что, пожалуй, мог рассказать, например, о героях «Записок охотника» иначе, не так, как это сделано Тургеневым. В эти годы я уже считался интересным рассказчиком, меня внимательно слушали грузчики, булочники, «босяки», плотники, железнодорожные рабочие, «странники по святым местам» и вообще люди, среди которых я жил. Рассказывая о прочитанных книгах, я всё чаще ловил себя на том, что рассказывал неверно, искажая прочитанное, добавляя к нему, что-то от себя, из своего опыта. Это происходило потому, что факты жизни и литературы сливались у меня в единое целое» (стр. 342) (разрядка моя. — *Н. К.*).

Наблюдая окружающую жизнь, прислушиваясь к тому, что говорят, Горький узнавал жизнь. «Вот на таких живых мыслях я учился думать и писать. Эти мысли дворников, адвокатов, «бывших» и всяких других людей я находил в книгах одетыми в другие слова, таким образом факты жизни и литературы взаимно дополняли друг друга» (стр. 347).

В этом рассказе Горького искусно показано, какую громадную роль в выработке взглядов учащегося может и должно играть изучение литературы, если оно будет правильно поставлено. Художественная литература учит всматриваться в жизнь, вдумываться в неё. Это не просто «предмет», на который уделено столько-то часов, — это серьёзнейшая учёба, дающая возможность понимать, как лучше жить. Не случайно Маркс зачитывался Бальзаком, Ленин — Некрасовым, поэтами «Искры», Л. Толстым и другими русскими классиками, иностранной литературой — Золя, Верхарном, Барбюсом. И Маркс и Ленин читали художественную литературу не ради развлечения: читая её, они учились наблюдать жизнь.

Горький говорит об особенной убедительности словесного искусства, влияния литературы на людей. «К чему сводится работа литератора? Он воображает, — укладывает, замыкает в образы, картины, характеры, — свои наблюдения, впечатления, мысли, свой житейский опыт. Произведение литератора лишь тогда более или менее сильно действует на читателя, когда читатель видит все то, что показывает ему литератор, когда литератор даёт ему возможность тоже «вообразить» — дополнить, добавить — картины, образы, фигуры, характеры, данные литератором из своего читательского, личного опыта, из запаса его, читателя, впечатлений, знаний. От слияния, совпадения опыта литератора с опытом читателя и получается художественная

[1] Страницы указаны по сборнику «Литер турно-критические статьи».

правда, — та особенная убедительность словесного искусства, которой и объясняется сила влияния литературы на людей (стр. 362 — статья «Письма начинающим литераторам»).

При составлении программ по литературе тоже должны учитываться эти высказывания Алексея Максимовича. Надо начинать изучение литературы не со «Стрекозы и муравья», не с «Принцессы на горошине», а с тех очерков и стихов, которые созвучны с переживаниями учащихся. Не случайно так велик спрос на книги «Как закалялась сталь» и «Поднятая целина», на произведения Горького.

Первое, к чему надо стремиться при преподавании литературы, — это зажечь интерес к литературе, любовь к ней. А будет пробуждаться этот интерес, люди будут много читать, и не придётся преподавателю заботиться о «навыках чтения», будет обогащаться речь.

«Искусство словесного творчества, искусство создания характеров и «типов» требует воображения, догадки, «выдумки». Описав одного знакомого ему лавочника, чиновника, рабочего, литератор сделает более или менее удачную фотографию именно одного человека, но это будет лишь фотография, лишённая социально воспитательного значения, и она почти ничего не даст для расширения, углубления нашего познания о человеке, о жизни.

Но если писатель сумеет отвлечь от каждого из 20—50, из сотни лавочников, чиновников, рабочих наиболее характерные классовые черты, привычки, вкусы, жесты, верования, ход речи и т. д. — отвлечь и объединить их в одном лавочнике, чиновнике, рабочем, этим приёмом писатель создаст «тип», — это будет искусство. Широта наблюдений, богатство житейского опыта нередко вооружают художника силою, которая преодолевает его личное отношение к фактам, его субъективизм. Бальзак субъективно был приверженцем буржуазного строя, но в своих романах он изобразил пошлость и подлость мещанства с поразительной, беспощадной ясностью» (стр. 327)...

... Знание прошлого острит взгляд читателя и писателя, делает его наблюдательнее, даёт материал для сравнения. Вот почему необходимо изучать литературу прошлого, противопоставлять её, сравнивая с тем, что мы имеем в настоящее время.

Но самое главное, что определяет способность писателя видеть, наблюдать, сравнивать, — это его понимание задачи своей эпохи, своего класса, своей страны. В статье «О литературной технике» Горький указывает, какое значение для литературы имеет учение Маркса — Ленина. «Литература пролетариата — одно из проявлений его жизнедеятельности, его стремления к самовоспитанию на основе той политико-революционной идеологии, которая создана научным социализмом Маркса — Ленина» (стр. 514). «Революционная идеология вполне определённо указывает нам, в творчестве каких фактов мы нуждаемся. На всякое «малое дело» нужно смотреть с высоты той великой цели, которую поставила перед нами история.

В заключение, повторяю то, что, вероятно, уже надоело, однако, всё ещё не усвоено: надо учиться. Надо учиться наблюдать, сравнивать, отбирать классово типичное в революционере-пролетарии и в консерваторе-мещанине; надо учиться различать в понятиях яд старого и мёд нового. Надо изучать приёмы и технику литературного труда, только при условии овладения этой техникой возможно придать материалу более или менее совершенную художественную форму» (стр. 515). Это прямая директива не только для писателей, это директива для преподавателей литературы.

«Они (молодые писатели. — *Н. К.*) должны хорошо понять значение и цель своей эпохи, — пишет Горький в статье «О действительности». — Эта эпоха по глубине и широте исторического процесса, который созрел и развивается в ней, значительнее, трагичнее и будет — не может не быть — плодотворней более всех эпох пережитых. Дело наших литераторов — трудное, сложное дело. Оно не сводится только к критике старой действительности, к обличению заразительности её пороков. Их задача — изучать, оформлять, изображать и, тем самым, утверждать новую действительность. Нужно учиться видеть, как в чадном тлении старой гнили вспыхивают, разгораются огоньки будущего. У молодых писателей есть что сказать о новых радостях жизни, о разнообразном цветении творческих сил в стране. Они должны искать вдохновений и материалов в широком и бурном потоке труда, создающего новые формы жизни, им следует жить как можно ближе к творческой воле нашей эпохи, — воля эта воплощена в рабочем классе» (стр. 466).

Составитель программы по литературе, преподаватель литературы школы взрослых должны понять, что по-настоящему они смогут выполнить свою задачу, если поймут, каким важнейшим участком соцстройки являются литература и преподавание её, как тщательно надо отбирать материал для изучения, как систематизировать его, как освещать его. Данный сборник статей Горького очень многое даст для подбора изучаемого материала, для увязки его с задачами текущего момента. Партийным духом должна быть пропитана программа по литературе. Большое внимание должна уделять она современной литературе. «Марксистская наша молодёжь действительно сумеет встать рядом с узбеком и киргизом, с чеченцем и самоедом, встать с каждым, как равный с таким же равным. Это — факт, культурное значение которого нельзя преувеличить: суть факта в том, что литература объединяет все племена Союза Советов не только силой своей революционной идеологии, но и своим активным товарищеским стремлением понять человека «изнутри», изучить и осветить его древний быт, вековые навыки его. Иными словами, молодая литература наша энергично служит делу объединения всего трудового народа в единую культурно-революционную силу. Это — задача совершенно новая, важность её не требует доказательств, и само собой разумеется, что ста-

рая литература перед собою такую задачу не ставила, не могла поставить» (стр. 397). Достаточно ли этот вопрос отразился в нашей программе по литературе? — Мне кажется, недостаточно.

Ленину чрезвычайно нравились статьи Горького о мещанстве. В 1908 г. он писал Горькому, прося написать для ЦО[1] ещё статью в этом роде. И вот, 25 лет спустя, в 1933 г. Горький пишет замечательную статью «О социалистическом реализме», в которой зовёт советских писателей к бдительности. «Наш, советский, писатель должен твёрдо знать, что большинство его современников — материал его работы, люди, воспитанные веками беспощадной борьбы друг с другом за кусок хлеба, и что все его «ближние», каждый из них, охвачены стремлением к материальному благополучию...». «На стремлении людей к материальному благополучию построена вся культура человечества, но его паразит — буржуазия, обладая властью и ничем не ограниченной возможностью эксплоатации рабочих и крестьян, создала на почве удовлетворения необходимых потребностей тот соблазнительный излишек, который именуется «роскошью» (стр. 552). И далее Горький пишет о том, как своей страстью к наживе, к накоплению денег и вещей буржуазия заразила весь мир и даже известные слои рабочего класса. «Не надо думать, что я против роскоши вообще, нет, я — за роскошь для всех, но против идолопоклонства вещам. Делай вещи как можно лучше, они будут более прочны, избавят тебя от затраты лишнего труда, но «не сотвори себе кумира» из сапога, стула или книги, сделанных тобою, — вот хорошая «заповедь». И было бы очень хорошо, если бы заповедь эту усвоила вся наша рабочая молодёжь (стр. 552—553). «Для того, чтобы ядовитая, каторжная мерзость прошлого была хорошо освещена и понятна,—необходимо развить в себе уменье смотреть на него с высоты достижений настоящего, с высоты великих целей будущего» (стр. 555).

Все эти установки Алексей Максимович давал писателям, но они, конечно, в той же мере имеют значение и для преподавателей литературы и русского языка.

В сборнике Горького «О литературе» составители программ по литературе, преподаватели литературы школ взрослых найдут ещё ряд ценнейших указаний о языке, о фольклоре, устном коллективном творчестве, о технике литературной учёбы, о творчестве в нашу великую эпоху. «Самое прекрасное в мире нашем то, что создано трудом, умной человеческой рукой, и все наши мысли, все идеи возникают из трудового процесса, в чём убеждает нас история развития искусства, науки, техники» (стр. 351—352).

В статье «О социалистическом реализме» замечательно сказано о красоте и силе языка, о работе над языком, об учёбе писательскому делу. В статье «О литературе» Горький пишет: «Учиться надобно не только у классика, но даже у врага, если

[1] ЦО—5 Центральный орган партии, тогда «Пролетарий».

он умный. Учиться не значит подражать в чём-то, а значит — осваивать приёмы мастеров. Овладеть приёмом работы вовсе не значит укрепить его за собой на всю жизнь: только начни работать — и работа сама станет учить тебя, это знает каждый рабочий» (стр. 404—405).

Преподаватели литературы, русского языка, которые прочтут эти высказывания Алексея Максимовича, продумают их по-настоящему до конца, найдут настоящий подход к учащимся школ взрослых, дадут им те знания, которые так необходимы.

«Школа взрослых»,
№ 5, 1936 г.

ВЫБОР ПРОФЕССИИ

Свободный выбор профессии имеет громадное значение. Когда человек любит то дело, которым занимается, он может черпать в нём радость, удовлетворение, проявлять богатую инициативу, повышать без утомления напряжённость труда.

При крепостном праве выбор профессии определялся сословностью. Физический труд был тяжкой долей крестьянина — это был труд «из-под палки». Физический труд считался проклятием. Согласно древнему сказанию, бог наложил на первого человека Адама и его потомство вечное проклятие: «в поте лица будешь ты добывать себе пропитание». История средневековья даёт чрезвычайно яркую картину тяжкого подневольного труда громадных масс населения.

Французская буржуазная революция раскрепостила массы. Без этого юридического раскрепощения не мог развиваться капитализм. Борцам за революцию того времени казалось, что наступает полное раскрепощение труда. Например, Руссо с особой горячностью воспевает свободу выбора профессии. Однако, говоря словами Некрасова, «на место цепей крепостных люди придумали много иных», и смена крепостного уклада капиталистическим укладом, укладом «наёмного рабства», лишь для известного, сравнительно ограниченного, слоя принесла свободу выбора профессии.

На смену сословному расчленению общества пришло классовое расслоение, мешавшее свободному выбору профессии. По закону каждый был волен избирать ту профессию, которая ему нравилась, а на деле создан был целый ряд заградительных средостений. Одним из самых крепких заградительных средостений явилась капиталистическая система народного образования. Развитие техники, коллективная работа на фабрике требовали известного минимума грамотности. Вот почему в ряде капиталистических стран давно уже введено всеобщее обязательное начальное образование, приправленное ядом религии и буржуазной морали, построенное таким образом, чтобы дать извращённое представление о прошлом и настоящем.

Перейти из начальной школы в среднюю при этой системе не так-то легко, так как программа начальной школы не примыкает

к программе средней школы. Средняя школа готовит людей для государственного аппарата, вооружая знаниями для выполнения поручений власть имущих. Туда идут главным образом дети представителей мелкой буржуазии: обедневшего дворянства, торговцев мелкого и среднего масштаба, служилого чиновничества, разбогатевших крестьян и пр.

Существуют различные виды средней школы, дающей знания в более широком масштабе и готовящей ребят уже заранее к определённой «интеллигентской профессии». Средняя школа открывала путь к так называемым интеллигентским профессиям. Мелкая буржуазия старалась дать возможность своим детям попасть в среднюю школу. Средняя школа открывала возможность избавиться от тяжёлого подневольного физического труда и «выйти в люди». Средние школы открывали также путь в высшие учебные заведения, готовящие специалистов более высокой марки, лучше оплачиваемых. Для будущих «капитанов промышленности» и «рулевых государственного управления» создались особые, привилегированные школы (лицеи, средние школы на лоне природы и пр.).

Вся система народного образования была глубоко продумана с точки зрения укрепления капиталистического строя. Свобода выбора профессии была весьма проблематична. Во время империалистической войны в педагогической прессе Германии особенно горячо обсуждался вопрос о выдвижении наиболее талантливых, наиболее способных. Но суть вопроса была не в том, чтобы дать возможность каждому развернуть все свои силы и способности, а в том, как отобрать и поставить на службу капиталу наиболее талантливых, как их поставить на охрану капиталистической системы, сделать слугами эксплоататоров.

Советская власть в наследие от царизма получила ту же капиталистическую систему образования, только сдобренную наследием крепостного права, наследием общей темноты и бесправия.

Советская власть с первых же шагов стала ломать классовые средостения, перестроила всю систему народного образования, стараясь всеми путями вооружать рабочих знаниями, отбирая из всей суммы знаний то, что являлось самым существенным для культурного роста масс.

Создана была единая трудовая школа, из программы школы была выброшена старая галиматья; организованы были рабфаки, для рабочих и крестьян были даны всевозможные льготы при приёме в средние и высшие учебные заведения. Перестройка всей системы народного образования на новых началах совершалась в огне гражданской войны, в огне коренной перестройки всего общественного уклада. И понятно, как трудно было иногда добиться самых простых вещей, понятно, как трудно было осуществить даже всеобщее начальное образование. Культурный фронт всё время был фронтом борьбы. История народного образования за 20 лет существования советской власти расскажет подробно об этой борьбе.

Сейчас лицо нашей страны изменилось до неузнаваемости. Развитие крупной промышленности, коллективизация сельского хозяйства, механизация его — всё это создало базу для сближения между городом и деревней, расширился горизонт людей, выросла сознательность людей. Многограннее стала жизнь людей, усиленно идёт — вызывается развитием техники и науки — всё возрастающая связь между трудом физическим и умственным, сломаны старые перегородки, заграждавшие массам путь к знанию.

Сейчас в СССР созданы уже основные предпосылки для свободного выбора профессии. Это не означает, однако, что хоть в какой-либо мере может быть ослаблена бдительность на фронте культуры.

Мы ни на минуту не можем забыть, каким громадным препятствием для свободного выбора профессии являются пережитки неграмотности и малограмотности.

Мы ни на минуту не можем забыть о необходимости с ранних лет ширить путём школьной и внешкольной работы общеобразовательный и политический кругозор нашего подрастающего поколения, помня, что узость общеобразовательного и политехнического кругозора ограничивает свободу выбора профессии, делает этот выбор случайным.

Мы должны продолжать ломать прикрытые остатки всяких перегородок между начальной, средней и высшей школой, вглядываясь в содержание программ, в перегрузку их ненужными мелочами, затемняющими суть основ наук, должны бороться за тесную увязку теории с практикой.

Мы должны бороться с пережитками старого взгляда на физический труд, как на нечто такое, на что обречены проклятием божьим миллионы людей. Должны бороться со стремлениями во что бы то ни стало попасть в вуз, «выйти в люди», в инженеры. В этом стремлении иногда отражается старый взгляд на людей «от станка», взгляд сверху вниз на людей, занятых физическим трудом. Стахановское движение поможет быстрому изжитию этого предрассудка.

Мы должны всячески укреплять здоровье наших ребят, заботясь об их питании, сне, пребывании на свежем воздухе, должны заботиться об их общем физическом развитии, о развитии у них зрительной, слуховой памяти, основных трудовых навыков.

При господстве ремесла, кустарных промыслов выбор профессии обычно определялся профессией родителей. Тогда качество труда определяли навыки. Чтобы приобрести эти навыки, надо было начинать работать с ранних лет. Ранний выбор профессии был тогда в обычае. По существу дела в ремесле громадную роль играли навыки узко-технического характера. Их приходилось приобретать годами, при господстве ремесла поэтому ученичество длилось очень долго, начиналась тренировка с ранних лет. Типичным для ремесла, для кустарных промыслов

являлся ранний выбор профессии; вернее сказать — никакого выбора профессии не было. Профессию детей определяли родители.

Современная техника внесла коренное изменение в характер ученичества. Теперь от готовящегося к той или другой профессии требуется уже не узко-техническая тренировка, а уменье обращаться со станком, организовать наиболее производительно работу своего станка, общее знакомство с производством в целом. Не случайность, что очень многие молодые стахановцы вышли из школ ФЗУ.

Наши общеобразовательные школы должны вооружить учащихся общими трудовыми навыками, требуемыми современной техникой, и тем открыть им доступ к целому ряду профессий. Спешить с выбором профессии не следует: это значит связывать свободу выбора профессии. Против раннего выбора профессии очень сильно предупреждал Ленин.

Есть целый ряд профессий, которые требуют специальных свойств: остроты слуха, зрения, особого развития осязания, особенной тренировки нервных центров и пр. Этими вопросами занимается особая наука — психотехника. Она имеет очень большое значение для отбора наиболее приспособленных людей для целого ряда профессий. Она может предохранить при выборе профессий людей от ряда ошибок. Но было бы смешно всё сводить к психотехнике. Это подсобная наука. Основное, что определяет выбор профессии, это — общественный уклад. Лишь социалистический уклад обеспечивает наиболее свободный выбор профессии самым широким массам населения.

В заключение несколько слов об «одарённых» детях. И одарённый ребёнок, как всякий другой, должен иметь право на общее образование. Мы должны обеспечить ему возможность всестороннего развития в обычной советской школе, помня, что раннее замыкание в специальность ограничит для ребёнка в будущем возможность широкого применения своих способностей. Возьмём пример. У ребёнка — прекрасная зрительная память. Он прекрасно рисует. Его с ранних лет определяют в профшколу, где он изучает технику рисования, а кругозор его никто не ширит, коммунистический подход к явлениям не воспитывает, подлинного коммуниста, общественника-коллективиста из него не растит никто. И вот вырастает талантливый рисовальщик — корзину с фруктами рисует замечательно, а отразить что-либо, рисующее особенность современного социалистического уклада, просто, без вычур, но так, чтобы рисунок говорил ярче слов, не умеет.

Надо, чтобы и общеобразовательная школа и профшкола растили из него коммуниста, тогда только сможет он по-настоящему использовать свой талант.

«Комсомольская правда»,
26 июня 1936 г., № 146.

О ЖИЗНИ В ЛАГЕРЯХ

Дорогие ребята, начинается ваша лагерная жизнь, и надо, чтобы она дала вам как можно больше. Что вы собираетесь делать? «Странное дело! — скажут многие из вас. — Мы учились, теперь будем отдыхать!» Отдых отдыху — рознь. Есть отдых, который может дать много и в смысле укрепления физических сил и в смысле роста сознательности, а может быть и такой отдых, от которого можно только устать и поглупеть.

Иногда ребята считают, что отдых — полное безделье, что это — непрерывное развлечение.

В прошлом году некоторые пионеры говорили, что в лагере было скучно, не было лодок, мячей и т. п. Если приходилось самим что-нибудь делать, вроде того, чтобы прибрать кровать, вымыть посуду, то они жаловались, что «уставали» от этого. Конечно, я не хочу обобщать, но такие жалобы бывали. Это могут подтвердить и некоторые вожатые.

Пребывание в лагерях надо использовать прежде всего для укрепления здоровья и сил. Надо как можно больше времени быть на воздухе. Нельзя сидеть где-нибудь в душной комнате, занимаясь игрой в шашки, читая до потери сознания всякую похожденческую литературу. Надо всё время быть на воздухе, побольше двигаться, гулять. Нельзя только чересчур утомляться.

В пионерском возрасте излишнее физическое напряжение может очень повредить здоровью, и тут нельзя тянуться за взрослыми. Самое важное — режим: во-время вставать, во-время ложиться спать, не читать в кровати, не сидеть по часу в воде, есть в определённые часы, соблюдать правила гигиены (мыть руки перед едой, не пить холодной воды, когда вспотеешь, и т. д. и т. п.).

Но это — одна сторона дела. Другая, не менее важная — это проводить время так, чтобы использовать лагерную жизнь, для того чтобы приобрести привычки, без которых не станешь никогда настоящим ленинцем, настоящим сталинцем. Настоящий партиец, настоящий комсомолец — это такие люди, которые свои личные интересы всегда подчиняют интересам общего дела.

За что все так приветствуют лётчиков наших? За то, что они жизнью своей рисковали, чтобы совершить перелёт, имеющий громадное значение для науки. За что все восхищаются так испанскими героями? За то, что они ни себя, ни своих детей не жалеют, отдавая силы на борьбу за дело трудящихся. Если вы что-нибудь читали из истории нашей коммунистической партии, вы знаете, как партийцы везде и всюду делали всё, что могли, чтобы сделать близким и понятным трудящимся то, за что надо бороться, чтобы наладить жизнь светлую, просвещённую, радостную для всех; объясняли, как для этого надо организоваться.

Дорогие ребята, вам надо воспитывать в себе качества борцов за дело Ленина—Сталина.

Каждый из вас должен понимать, что нельзя быть избалованными эгоистами, думающими только о том, как бы повеселиться, а надо научиться понимающими глазами вглядываться в жизнь, надо учиться вести полезную, общественную работу. Нельзя быть зазнайками, надо постоянно следить за собой, держать себя в руках, надо воспитывать самим себя, а не жаловаться, не плакаться: «нас плохо воспитывают».

Общественная работа воспитывает сознательную дисциплину, сплачивает, учит ближе узнавать друг друга, помогать друг другу в учёбе, работе, уважать друг друга.

И вот работа в лагерях открывает перед вами широкое поле общественной, посильной вам работы.

Надо жить не замкнуто, а подружиться с ребятами колхозов, и совхозов, ближайших к лагерям, узнать получше, как они живут, как организована культурная жизнь на селе, и вместе с деревенскими ребятами обсудить, чем и как вы можете помочь своим новым товарищам в жизни села, а также чему вы можете у них научиться. Научите своих новых товарищей новым песням, расскажите побольше о городе, о том, что читали, помогите работе яслей, детсада, библиотеки, клуба, музея, организуйте работу кружков всякого рода (по электричеству, по санитарии и т. д. и т. п.). Такую работу проводили уже хорошо многие пионеры.

На общественной работе, которую надо обсуждать совместно, в которой надо помогать друг другу, вы будете готовиться в комсомольцы, которые теперь крепче, чем когда-либо, берутся за работу, нужную нашей партии, нужную нашей родине.

К борьбе за дело Ленина—Сталина будьте готовы!

1937 г.

«Письма пионерам».
«Молодая гвардия», М., 1938, стр. 73–76

СТАЛИНСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ В ШКОЛАХ

Указание тов. Молотова об изучении Конституции СССР в 7-х и 8—10 классах школ обязывает учительство, в том числе учителей-комсомольцев, комсоргов, продумать, как наилучшим образом поставить это изучение. В связи с этим хочется высказать несколько соображений.

Изучение Сталинской Конституции должно быть *не формальное*. Оно должно давать ясное представление о самой сути Конституции, об её историческом значении. Надо дать ясное представление о том, что Сталинская Конституция не просто замечательно продуманная вещь, а что это форма человеческого общества, власти, завоёванная долгой борьбой и ставшая возможной лишь на основе наших завоеваний. У наших учащихся, даже старших классов, нет ясного понимания исторического развития, поэтому необходимо начать с выяснения самых основных понятий. Надо выяснить, что такое *республика*, что такое *совет-*

ская республика, что такое *буржуазная* республика, что такое *социалистическая* республика, что такое социализм, социалистический уклад, почему борются за социализм трудящиеся, как с борьбой за социализм связано всё учение Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина. Показать надо конкретно классовый характер буржуазных республик, показать, какие предпосылки необходимы были для того, чтобы возможна стала Сталинская Конституция. Надо показать, *в чём её сила*. Надо подробно остановиться на том, почему у нас не одна республика, а *союз республик*, показать глубоко *интернациональный характер нашего Союза*, исключающий всякую эксплоатацию, в том числе и колониального типа. Без выяснения всего этого будет лишь формальное, чисто словесное прохождение Конституции.

Нельзя осветить значения Сталинской Конституции, не выяснив до конца учащимся глубоких изменений самых основ общественного уклада в нашей Стране Советов, не выяснив всего громадного значения развития тяжёлой промышленности, перестройки сельского хозяйства на основе коллективизации, обобществления средств производства. Нельзя без выяснения этих вопросов осветить и то, что такое плановое хозяйство, каково его значение и почему он возможно только у нас.

Необходимо также выяснить разницу между законодательными и исполнительными органами власти, характер их взаимоотношений, роль советского контроля. Показать надо разницу взаимозависимости между законодательной и исполнительной властью у нас и в буржуазных государствах.

Надо осветить глубоко вопрос связи органов советской власти с избирателями, связи советской власти с широчайшими массами трудящихся. Надо подробно ознакомить учащихся с жизнью республик, входящих в наш СССР.

В качестве иллюстраций надо было бы взять высказывания рабочих и работниц, колхозников и колхозниц.

Надо бы дать указания, что из рекомендуемой литературы прочитывать и обсуждать с учащимися. Установить известный минимум. В данном случае работа учащихся по первоисточникам особенно важна.

Надо бы издать также объяснение ряда слов, встречающихся в Конституции и статьях, ей посвящённых. Это будет серьёзное пособие как для учащихся, так и для учителя.

«Комсомольская правда»
от 6 февраля 1937 г.

О ПРЕПОДАВАНИИ ХИМИИ И ФИЗИКИ

У нас в последнее время происходили совещания учителей по отдельным дисциплинам. Было совещание по русскому языку и литературе, по математике, по естествознанию, географии и т. д.

Послушала я выступления на совещании по русскому языку, и мне показалось, что люди говорят не о том, о чём нужно, говорят, сколько отличников, как ставить отметки, а вопросов пре-

подавания по существу мало касаются. Перед нами стоит целый ряд вопросов о программах, нужно гораздо заботливее к целому ряду вопросов подходить, чтобы наши программы были бы такие, какие нужны массам, чтобы они заинтересовали бы учащихся, давали нужные знания.

Я сама когда-то занималась в школах взрослых. На совещании по математике я рассказала, как я сама училась математике, что получила от уроков, а потом, как я учила. И послушав такой доклад, участники конференции начали выступать несколько менее формально.

На совещании по математике я рассказала, как сначала в младших классах (я училась в гимназии, в которой были очень хорошие преподаватели), где преподавателем математики была Литвинова, окончившая Цюрихский университет, нас заставляли каждую задачу объяснять. Мы сами выводили правила и страшно гордились этим. Нас учили логически мыслить, учили обобщать.

Затем нам давались типовые задачи и предлагалось составить подобные задачи. Это нас чрезвычайно воодушевляло, мы сами подбирали примеры из жизни, старались найти что-нибудь поинтереснее.

В старших классах у нас был преподаватель математики Билибин. Он говорил, что нельзя ни одного звена из математики выкинуть, он выяснял, какие у кого пробелы в знаниях математики имелись, и когда эти пробелы заполнялись — ученицы вместо троек начинали получать пятёрки.

Понимание систематики математики дало очень много. Когда мы проходили тригонометрию, мне было ясно, зачем она нам нужна. Когда я поступила на Высшие женские Бестужевские курсы и слушала лекции профессора В. Г. Имшенецкого, который говорил, как методы алгебры можно применить к изучению тригонометрии, то у меня даже сердце усиленно билось, настолько мне это казалось интересным. У меня возник вопрос, как связать изучение математики с изучением общественных наук. Я тогда посещала уже марксистский кружок, и мне хотелось знать, что мне даст математика для понимания общественных явлений. Никто мне ответить на этот вопрос не мог. Я стала читать первый том «Капитала» Маркса и вдруг увидела что статистика требует знания математики. А потом стала читать «Анти-Дюринга» Ф. Энгельса, оказалось, что математика нужна и для знания философии.

По математике я могла рассказать, как я училась и учила, могла рассказать по русскому языку, по географии, по естествознанию. Но по химии и физике я ничего не могу рассказать. Химию мы проходили только по какой-то тетрадке, без всяких опытов. Я даже не помню, кто нас учил.

По физике у нас был преподавателем Ковальский, мы к нему относились с величайшим уважением как к мужу известной революционерки Е. Н. Ковальской, но по части преподавания физики он не сумел разжечь в нас той любви к предмету, которая необходима.

Правда, один раз нас водили на экскурсию, показали что-то интересное по электричеству. Это всё, что осталось в памяти. А обычно выйдет ученица к доске, рисует что-то на ней, и всё. С производством, с жизнью преподавание физики не было связано.

Всё это — дела давно минувших дней, но должна сказать, что у меня уважение к физике и химии очень большое.

Я росла в революционной среде. Когда я училась в IV классе гимназии, у нас был один знакомый народоволец, который летом ездил в имение Энгельгардта, а Энгельгардт был крупным помещиком, который говорил о том, что главное несчастье общества заключается в разрыве между физическим и умственным трудом: рабочий в смысле развития, знаний очень низко стоит, а инженеры, агрономы работать не умеют. И вот этот народоволец, побывавший у Энгельгардта, очень интересно описывал быт помещичьего хозяйства, работу сельскохозяйственных рабочих, крестьян, трезвыми глазами смотрел на жизнь. Он был химиком и в одном из писем писал: земля наша богата, если химически удобрять её, то можно сделать такой, что все рынки окажутся заваленными хлебом.

В нём била ключом радость химика, который хотел бы, чтобы химия стала средством благосостояния народа. Меня тогда захватило очень, что химия в земледелии может сделать такое громадное дело.

Конечно, при капитализме химия в земледелии не могла найти полного применения, но при социализме, при плановом хозяйстве она делает громадное дело.

И поэтому мне хотелось бы, чтобы у нас в школах взрослых наши преподаватели химии заражали учащихся любовью к химии, пониманием всего значения этого предмета.

Громадно, конечно, и значение физики. Вся социалистическая промышленность, всё сельское хозяйство преобразуются на основах современной химии и физики. И когда об этом думаешь, то невольно вспоминаешь выступление Владимира Ильича на III съезде Советов. Он говорил тогда:

«Перед победившим пролетариатом открылась земля, ныне ставшая общенародным достоянием, и он сумеет организовать новое производство и потребление на социалистических принципах. Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации. Мы это знаем, — и разве во имя этой величайшей исторической задачи не стоит работать, не стоит отдать всех сил? И трудящиеся совершат эту титаническую историческую работу, ибо в них заложены дремлющие великие силы революции, возрождения и обновления» (Соч., т. XXII, стр. 225).

Немного позже, когда Владимир Ильич переписывался с Г. М. Кржижановским, своим товарищем по партийной работе,

по поводу электрификации страны, он всё время повторял: нужно сделать так, чтобы массы втянуть, заинтересовать электрификацией, сделать их активными строителями жизни, чтобы они поняли важность электрификации. Помню я, как мы с Владимиром Ильичём ездили в Канин, где сами крестьяне построили электрическую станцию, помню, как волновался Владимир Ильич по этому поводу, когда слушал выступления крестьян, потом цитировал их слова, говоря о значении электрификации.

Почему я всё это говорю? Потому что, когда мы обсуждали вечернюю программу по физике, то некоторые говорили, что в неполной средней школе взрослых нельзя проходить электричество. Я взбунтовалась: как же тогда мы будем втягивать массы в строительство социализма?

Я стала спрашивать специалистов, можно ли дать раздел об электричестве в курсе семилетней школы, и оказалось, что можно.

Мне кажется, что одной из задач школы для взрослых является зажечь любовь к тому или другому предмету, научить передавать свои знания другим, чтобы каждый учащийся школы не только думал о том, как он сдаст на «отлично», а и о том, что он будет делать с этими знаниями, как будет пользоваться ими для строительства социализма.

Я немножко боюсь за учителей школ взрослых среднего образования. Спросила я одного математика: как вы увязываете теорию с практикой? Как ученики составляют задачи на основе данных своего производства? Он на меня посмотрел и говорит: «А не выйдет ли это — работать по методу проектов?..»

Ленин говорил, что самым худшим в старой школе был разрыв между теорией и практикой. У нас этот разрыв ещё очень большой. Все предметы, в том числе физика и химия, должны преподаваться в связи с окружающей жизнью, с производством, с социалистическим строительством. Это вопрос очень большой.

Любое совещание тогда ценно, когда на нём имеет место обмен опытом, обсуждение того, как лучше поставить работу. Нужно на такие совещания приглашать работников из Академии наук, чтобы они нам посоветовали, что делать.

Из выступления на совещании преподавателей химии и физики 4 мая 1937 г.
«Школа взрослых», 1939, № 11,
стр. 29—30.

ЗАБОТИТЬСЯ О ВСЕСТОРОННЕМ РАЗВИТИИ ДЕТЕЙ

...Мы часто из одной крайности ударяемся в другую. Вначале у нас было так. Говорили, что ребята чуть ли не с пелёнок должны быть политически сознательными, говорили им о серьёзных вещах, ещё не доступных их пониманию, хотели сделать их коммунистами чуть ли не с дошкольного возраста. Это было неправильно. Но не следует также слишком «одетячивать» ребят, полагать, что они какие-то несмышлёныши. Мы должны ребятам

о многом рассказывать, шнрить их горизонт, помогать им становиться общественниками. Мы чересчур много кормим их сказками, а действительность для них часто интереснее всякой сказки. А потом — сказка сказке рознь.

Есть содержательные сказки, иллюстрирующие красочными примерами характеры людей, человеческие отношения, и есть сказки затемняющие сознание, мешающие правильно понимать людей, жизнь. Жизнь во многое заставляет вглядываться ребят, и мы тут не может складывать оружия. За границей буржуазные правительства стараются ребят начинить своей буржуазной политикой, связывают это с религией, стараются привить ненависть к другим национальностям. Там это довольно ловко делается, у них очень много старого умения с детства одурманивать ребят. Большой опыт был у католической церкви в этом отношении и у буржуазии разных стран.

Нам нужно сознание ребёнка будить, и в этом отношении нам должна помочь книга. Важно сейчас развернуть и укрепить детские библиотеки. Но не только в этом дело. Важно, что ребята будут читать. Важен подбор книг. Сейчас, когда встал вопрос о приближении культурного уровня деревни к культурному уровню города, нам особенно важно, чтобы в деревне ребятам было что читать, важно, чтобы было побольше детских книг в сельских школах, нужно, чтоб литература была настоящая, хорошая, которая действительно близка и понятна ребёнку, которая расширяет его кругозор.

Ребята очень любят пионерские дела, растут на них. Я писала как-то ребятам письмо по поводу библиотек. Мы проводили конкурс на сельские библиотеки. И я немало удивлялась, когда из колхозов и совхозов приезжали и рассказывали, что у них главные заводильщики по части библиотек ребята. Но бывает, что ребята и перебарщивают. Я получила письмо от одного мальчика, который пишет, что он каждую свободную минуту ходит к колхозникам и читает им вслух. Так они говорят: «Дай нам хоть минутку отдохнуть».

Важно подбирать книги для школьных библиотек, учитывая круг интересов ребят, уровень их знаний, но, составив таким образом библиотеку, надо предоставить ребятам свободу выбора. Мне очень не понравилось, когда рассказывали, что в таком-то возрасте лишь то-то полагается читать, в таком-то — то-то. Чересчур опекать ребят не следует. Нужно давать им известную свободу выбора, возможность проявить свою инициативу. Когда ребята что-нибудь затевают, вокруг этого дела они развёртывают большую инициативу, учатся организовывать, — это их дисциплинирует. И нужно ребятам давать такую работу, которая бы их увлекла и заинтересовала.

Нужно считаться с детским уровнем развития. Я была недавно на одной постановке сказки для ребят, там было много красивого: как дерево зацветает розами и т. д. Но мне показалось, что содержание показываемой сказки для малышей слиш-

ком сложно, они не знают ни бояр, ни царских посланцев, ни того, чем был тогдашний боярский царь, — содержание им непонятно. А для ребят 11—12 лет сказка эта уже очень бедна содержанием.

У нас сложилось представление, что приобретать знания можно, только сидя над книгой, а как вглядываться в жизнь, изучать её, наблюдать, как учиться жить по-новому, — с этим у нас дело обстоит плохо — и у вожатого, и у учителя. А ведь есть такие экскурсии, игры, которые учат всматриваться в жизнь. Нужно во внешкольной работе обратить внимание на соединение прогулок и прочего с наблюдением природы, людей и всей окружающей жизни. Этому мы не учим, и те кружки, которые у нас есть, носят чаще всего либо физкультурный, либо театральный характер.

Затем, у нас считается, что кружок по литературе, по изучению природы, по истории — это продолжение учёбы. Непременно в кружке должен быть руководитель, который должен всё рассказывать, а ребята, как птенцы, должны лишь разевать рты и только глотать им преподносимое. Без руководителя у нас кружок не мыслится. Нужно в кружках больше детской самодеятельности.

К сожалению, мы обычно очень мало учитываем интересы ребят и их возрастные особенности. А разве наши вожатые и учителя не должны знать природу человека и возрастные особенности ребят? Педологов правильно ругают за то, что они бездушно, формально относились к ребятам, по процентам распределяли способных и неспособных, не думали, как помочь развитию ребят, их воспитанию. Но если мы не будем знать возрастных особенностей ребят и того, что интересует обычно ребят в том или ином возрасте, как они воспринимают окружающее, то не сможем добиться успеха в работе.

У нас много говорят о дворцах культуры. Я возмутилась, когда узнала, что в помещении Общества старых большевиков устроен дворец только для особо одарённых детей. Особо одарённых детей у нас портят. Как-то встретила я здесь девочку, которая шла с учительницей. Я помахала ей рукой. А ко мне обращается учительница и говорит: «Это особо одарённая девочка».

Ведь мы всех ребят испортим, если будем говорить им, что они особо одарённые. Мне вспоминается разговор с Владимиром Ильичём. Я ему рассказывала как-то о замечательном мальчике, которого родители по концертам возят. Он сказал, что надо этого мальчика от родителей отобрать, а то они его замучат. И слова Ильича сбылись буквально. Мать возила мальчика по заграницам, демонстрировала его как талантливого ребёнка, а кончилось это воспалением мозга и смертью мальчика. Конечно, не всегда так трагически кончается, но пример поучительный.

Мы не должны внушать талантливым детям, что они какие-то особенные, ставить их в привилегированное положение. Надо

заботиться, чтобы они получили всестороннее образование. Это не помешает им, а поможет, когда они вырастут, выбрать профессию по силам и по вкусу. Нельзя с ранних лет определять, что девочка будет балериной или мальчик инженером.

Мы должны заботиться о всех ребятах, всем ребятам давать максимум того, что мы можем.

Внешкольная работа чрезвычайно важна, так как она может помочь правильному воспитанию детей, создать условия для их всестороннего развития. Мы должны инициативу детей подхватывать, помогать ребятам и в их творческой работе, руководить ими, направлять их интересы. Часто родители чересчур балуют ребят, таскают их без меры в кино, в театр. А кино обычно очень первирует. Понаблюдайте ребят, и вы увидите, что малыш после кино или матери нагрубит, или в школе начнёт придираться к товарищам и т. д. Нужно детям показывать кино, только доступное их пониманию, такое, которое доставило бы ребёнку радость и расширило бы его горизонт. Глядя кино для взрослых, ребёнок часто не понимает содержания картины, а внешнюю форму перенимает. Мне передавали, как ребята посмотрели Чаплина, ту сцену, где нос отвёртывают, достали отвёртку и стали пробовать сами носы отвёртывать. А нужно, чтоб ребята суть поняли, нужно направлять в правильное русло их мысли.

Мы должны укреплять всячески детские технические станции, организовывать экскурсии на предприятия, на электрические станции и пр. Надо во Дворце культуры устраивать рабочие комнаты, где бы ребята могли делать то, что им хочется.

Нам нужно воспитывать ребят, чтобы они умели продолжать дело своих отцов. Владимир Ильич хотел видеть таких ребят, которые завершат дело отцов. Он говорил, что наши дети научатся ещё лучше бороться и они победят.

Больше внимания обращайте на то, чтобы давать детям нужную закалку, вырабатывать у них характер, желание быть полезными, вырабатывать из них общественников, коллективистов, заботьтесь об их разностороннем развитии. У нас ребята замечательные, надо научиться только их понимать и помогать им расти борцами за дело Ленина—Сталина.

«Вожатый»,
1937, № 6, стр. 10—13.

ЛЕНИН ОБ ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Ленин знал много иностранных языков. Хорошо знал немецкий, французский, английский, изучал их, переводил с этих языков, читал по-польски, по-итальянски. Он мог «для отдыха» часами читать какой-нибудь словарь.

Многие отделяют изучение иностранных языков от изучения родного языка, а между тем одно с другим неразрывно связано. Изучение иностранных языков обогащает родной язык, делает его более ярким, гибким, выразительным. Тот, кто изучал язык

Ленина, знает, как богат, горяч, выразителен ленинский язык. Каким языкам учился Ленин в школьные годы? Ленин кончил классическую гимназию. В классических гимназиях изучали языки: русский, славянский, латинский, греческий, французский, немецкий — шесть языков: три живых, три мёртвых.

Владимир Ильич вспоминал как-то учителя немецкого языка в младших классах гимназии, который хвалил его за хорошее знание грамматики. Мать Ильича хорошо говорила по-немецки, и это, конечно, отражалось на знании Ильича немецкого языка. И в молодости он думал, что хорошо знает немецкий язык, он знал его лучше, чем его одноклассники. Но, когда летом 1895 г. Ильич попал в Берлин, оказалось, что он очень плохо понимал разговорную речь. В письме к матери он писал «...Плохую только очень по части языка: разговорную немецкую речь понимаю несравненно хуже французской. Немцы произносят так непривычно, что я не разбираю слов даже в публичной речи, тогда как во Франции я понимал почти всё в таких речах с первого же раза. Третьего дня был в театре; давали «Ткачей» Гауптмана. Несмотря на то, что я перед представлением перечитал всю драму, чтобы следить за игрой, — я не мог уловить всех фраз. Впрочем, я не унываю, и жалею только, что у меня слишком мало времени для основательного изучения языка».

Попав в тюрьму в январе 1896 г., Владимир Ильич просил сестру — Анну Ильиничну — прислать ему словарь: «Сейчас перевожу с немецкого, так что словарь Павловского просил бы передать» (в тюрьму. — *Н. К.*).

Когда в ссылке Владимир Ильич взялся за перевод с английского книжки Вебба, в марте 1898 г. он писал Анне Ильиничне: «Хочу попросить тебя достать мне пособия по английскому языку. Напросился тут я на перевод и получил толстую книгу Webb'a. Очень боюсь, как бы не наделать ошибок.

Надо бы иметь:

1) Грамматику английского языка, особенно синтаксис, особенно отдел об идиотизмах языка. Если у Н. К. нет Нурока[1] (она, кажется, имела его — только не знаю, свой ли), то прикупи хоть его на лето, коли тебе (или Маняше) не нужен. Если можно достать хорошее пособие на английском языке, очень бы хорошо.

2) Словарь географических имён и собственных. Перевод и транскрипция их с английского очень трудны, и я сильно боюсь ошибок. Не знаю, имеются ли подходящие словари. Если нет справки в «Книге о книгах» или в каком-нибудь другом указателе или каталоге, то, может быть, можно как-нибудь из других источников узнать. Конечно, если при случае можно будет узнать и достать (в финансах уж тут не стесняюсь, ибо гонорар будет немалый, и первый-то опыт надо сделать толком), а особо поднимать хлопоты не стоит. Я получу ещё немецкий

[1] «Практическая грамматика английского языка с хрестоматией и словарём», СПБ 1894.—*Н. К.*

перевод этой книги, так что с ним можно всегда справиться».

Когда я приехала в Шушенское, я привезла с собой Нурока, по которому училась в тюрьме. Ильич знал английский язык лучше меня, я об английском произношении не имела ни малейшего представления, произносила на французский лад. Владимир Ильич слышал, как учительница английского языка учила его сестру Ольгу читать вслух по-английски. Впрочем, Ильич по части произношения тоже был не очень твёрд. Я училась произносить по его указаниям, но потом, когда мы четыре года спустя приехали в Лондон, нас никто не понимал, и мы никого не понимали. И пришлось учиться заново.

Приехав в Лондон, мы стали понемногу осваивать и английское произношение, ходили на собрания, слушали там речи на английском языке, бывали на выступлениях англичан в Гайд-Парке, разговаривали с квартирной хозяйкой. Брали также обменные уроки у двух англичан. Мы их учили русскому языку, они нас — английскому.

В октябре 1902 г. в письме к матери Владимир Ильич пишет, что он уже овладевает языком практически, а в декабре того же года советовал Марии Ильиничне учиться английскому языку по Туссэну, «ибо, — писал он, — Туссэн превосходен. Я прежде не верил в эту систему, а теперь убедился, что это единственная серьёзная, дельная система. И если, пройдя первый выпуск Туссэна, взять пару-другую уроков у природного иностранца, то можно выучиться безусловно хорошо. Есть теперь и словари Туссэна с обозначением произношения; очень советую Маняше купить, ибо наш Александров массу врёт».

Для более углублённого изучения немецкого языка Владимир Ильич, кроме словаря Павловского, просит из ссылки, в декабре 1898 г., прислать ему немецкий перевод Тургенева: «Что именно из Тургеневских сочинений, нам безразлично, — только перевод желательно из хороших. Немецкая грамматика желательна возможно более полная, — особенно синтаксис. Если бы и на немецком языке, это бы даже лучше, пожалуй».

Перевод Тургенева нужен был для изучения немецкого языка путём обратных переводов. В мае 1901 г. Ильич в письме из Мюнхена даёт советы зятю, Марку Тимофеевичу Елизарову, попавшему в тюрьму, какой «режим» лучше всего установить себе: «...по части умственной работы, — пишет он, — особенно рекомендовал переводы, и притом обратные, т. е. сначала с иностранного на русский письменно, а потом с русского перевода опять на иностранный. Я вынес из своего опыта, что это самый рациональный способ изучения языка».

Кроме знания французского, немецкого, английского языков, Ленин изучал ещё польский, итальянский, понимал чешский, шведский.

Когда во вторую эмиграцию летом 1908 г. я поступила в Женеве на шестинедельные курсы для педагогов-иностранцев, преподающих у себя на родине французский язык, я рассказала

Ильичу о методах преподавания. В центре преподавания стоит фонетика, причём учитываются особенности родного языка преподавателя, устраиваются постоянные беседы в классе и во время ближних экскурсий, на этих курсах широко применяется слушание правильной французской речи, записанной на граммофонные пластинки (лингофоны). Ильич очень заинтересовался такой постановкой преподавания, познакомился с учебниками, по которым мы занимались, одобрил этот метод, говорил о необходимости самого широкого его применения. Сейчас у нас громадная тяга к изучению иностранных языков. Поэтому-то, как изучал Ленин иностранные языки, представляет особый интерес.

«Правда»,
5 сентября 1937 г., № 245.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ПЕДАГОГИКИ

В гимназии, в которой я училась, был очень хороший учитель русского языка, Н. Е. Смирнов. Он требовал от нас, чтобы мы читали произведения лучших писателей, делали из них выписки, писали, чем нам особенно понравился тот отрывок, который мы выбрали, давал нам писать сочинения на темы, требующие изучения первоисточников. В программу по истории литературы входили и такие вещи, как «Летопись», «Слово о полку Игореве» и т. п. И вот, изучая крещение Руси по «Летописи», мы вычитали там, что у Владимира святого было 400 наложниц. Одна мамаша возмущалась, что нам, девочкам 13—14 лет, дают читать такие вещи, устроила Н. Е. сцену. Н. Е. решил поговорить на эту тему с нами. Он говорил нам о том, какое значение имеет изучение истории, в том числе и истории литературы, по первоисточникам, как изучение истории по первоисточникам будит мысль, заставляет понимать исторические факты во всей их конкретности. Конечно, в первоисточниках могут попадаться места, — говорил он, — могущие возмутить ту или иную мамашу, но он надеется, что мы уже достаточно сознательны и сумеем с достаточной серьёзностью отнестись к изучаемому материалу.

Потом мне приходилось наблюдать, как Ленин постоянно изучал те или иные факты по первоисточникам, судил о неправильности взглядов того или иного писателя, тщательно изучая его произведения. Даже изучая произведения Маркса, Ленин изучал также и те произведения, на которые ссылается Маркс.

Так, например, перечитав письмо Маркса к Энгельсу от I/II 1858 г., где Маркс ругает книгу Лассаля «Философия Гераклита Тёмного из Эфеса» (2 тома), Ленин достаёт эту книжку Лассаля, даже конспектирует её и на основании такого изучения приходит к выводу: «В общем итоге верен отзыв Маркса. Книгу Лассаля не стоит читать».

Из речи Ленина на III съезде комсомола мы знаем, что Ленин хотел, чтобы молодёжь умела разбираться в фактах, чтобы она

их продумывала, училась различать то, что нужно было для капитализма и что является необходимым для коммунизма.

Эта речь Ленина обязывает нас давать нашей молодёжи такой материал, который учил бы её разбираться в фактах.

Товарищ Сталин последнее время усиленно подчёркивает необходимость изучения истории. Правильно поставленное изучение истории подводит к более углублённому пониманию марксизма-ленинизма. Без знания истории развития человеческого общества усвоение основ марксизма-ленинизма будет очень поверхностным. Вопрос в том, как наилучшим образом поставить изучение истории.

Руководству по подготовке педагогов надо разбудить в молодых педагогах интерес к истории. Это лучше всего можно сделать, поставив как следует, изучение истории педагогики. Педагогика — в первую очередь наука общественная, история педагогики тысячами нитей связана с историей вообще. Это должны знать наши педагоги. Они лучше всего поймут это, когда на конкретных исторических примерах увидят органическую связь истории педагогики с общей историей на соответствующем этапе.

Это проложит путь и к лучшему пониманию учащимися основ марксизма-ленинизма.

Недаром говорил Ленин, что каждый специалист придёт к пониманию марксизма своим путём, через свою специальность.

Историю педагогики надо ставить так, чтобы она была органически связана с историей вообще, чтобы учащийся на истории педагогики учился исторической ориентировке, учился на исторических документах самостоятельно разбираться в них.

Монографии отдельных педагогов-классиков могут сослужить тут большую службу.

Монография К. Д. Ушинского (1824—1870) имеет с этой точки зрения исключительно большой интерес благодаря особенности той эпохи, в которую жил и работал Ушинский. Мировоззрение К. Д. Ушинского сложилось в николаевскую эпоху, в эпоху господства умирающего, разложившегося крепостнического строя, а педагогом Ушинский стал в эпоху начала царствования Александра II, когда подготовлялась реформа 1861 г. ...В 1848 г. разгорелась классовая борьба во Франции, в Германии, затем наступили годы реакции, возникшей во Франции второй империи. Наполеон III — укрепление влияния Бисмарка в Германии, Австро-прусская война 1866 г., с одной стороны, борьба против рабства в Америке, появление в 1852 г. книжки Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», гражданская война между Севером и Югом в Америке с 1861—1865 г., польское восстание 1863 г. — с другой, — всё это влияло на педагогические взгляды Ушинского. Это беглый материал для истории педагогических идей К. Д. Ушинского.

Работа над развитием педагогических идей Ушинского, поставленная на базе изучения истории данной эпохи, может увлечь

молодых педагогов, научить их разбираться в том, что из идей Ушинского надо взять, что отбросить, что перестроить.

Соответственно этому должны быть составлены и примечания к каждой статье Ушинского. К сборнику должна быть приложена хронология вразумительно рассказанных событий в России и за границей. Предисловие надо написать так, чтобы натолкнуть учащегося на исследовательскую работу, может быть в него надо включить план исследовательских работ (разной трудности, требующих разной длительности выполнения и т. д.).

...Ушинский (родился в 1824 г.) в начале 40-х годов учился в университете и, кончив его, с 1846 по 1848 г. был и. о. профессора, читал лекции по законоведению, государственному праву и финансам (тогда это называлось камеральными науками) в Ярославском лицее. В 1848 г. он выступил с речью о «камеральном образовании». Эта речь была протестом против политики тогдашнего министерства народного просвещения — министерства николаевской эпохи. Министерство того времени старалось всячески связать лекторскую деятельность профессуры, требовало точного распределения программы по часам, конспекты лекций, а Ушинский указывал, что это сделает невозможным живое преподавание, сделает невозможной ориентировку на слушателей, сделает преподавание формальным. За эту речь Ушинский был снят с должности преподавателя и до 1855 г. не мог заниматься педагогической деятельностью. Учащиеся наших педвузов и педтехникумов, знакомясь с речью Ушинского, могли бы конкретно представить себе николаевскую эпоху — и как в связи с революционным движением в Германии и во Франции в 1847 г. вышел «Манифест коммунистической партии» Маркса и Энгельса, и как даже самые чуждые революции элементы... стали ощущать всю глубокую реакционность николаевской политики, реакционность крепостного уклада. С 1848 г. по 1855 г. Ушинский был отстранён от преподавательской деятельности, изучил английский язык, с 1852 по 1854 г. работал в «Современнике» переводчиком, составлял обозрения иностранных журналов и т. д.

С 1855 г. начинается, собственно говоря, педагогическая деятельность Ушинского. Ему удаётся получить место преподавателя географии, а затем инспектора классов в Гатчинском сиротском институте. В 1857—1858 гг. Ушинский работает в «Журнале для воспитания», в котором участвовал и Добролюбов, пишет статьи «О пользе педагогической литературы», «Три элемента школы», «О народности в общественном воспитании», «Школьная реформа в Северной Америке», «Внутреннее устройство североамериканских школ», а в журнале «Сын отечества» — «О средствах распространения образования посредством грамотности».

В 1859 г. Ушинский стал преподавателем в Смольном институте, стал вводить там новые порядки, но в начале 1862 г. был вынужден покинуть институт. В вежливой форме он был вы-

слан за границу. Ему дана была пятилетняя командировка за границу.

В 1860—1862 гг. Ушинский редактировал «Журнал Министерства Народного Просвещения» и написал для него ряд статей: «Труд в его психическом и воспитательном значении», «О нравственном элементе в русском воспитании», «Воскресные школы», «Вопросы о народных школах», «Проект учительской семинарии», «Родное слово», «Педагогические сочинения Н. И. Пирогова». В 1861 г. Ушинским выпущена была хрестоматия для детского чтения — «Детский мир», которая уже в течение первого года имела три издания. За границей Ушинский занялся изучением швейцарских школ и в течение двух лет 1862—1864 гг. в «Журнале Министерства Народного Просвещения» печатались его письма «Педагогическая поездка по Швейцарии», в 1864 г. вышли 1-й и 2-й год «Родного слова», а также руководство для учащих под тем же заглавием. Книжки эти пользовались громадной популярностью. За границей взялся Ушинский за писание большого педагогического труда «Человек как предмет воспитания».

По возвращении из-за границы Ушинский пишет немного. Интересны его статьи: «Необходимость ремесленных школ в столицах» (1868) и «Общий взгляд на возникновение наших народных школ» (1870). Но пишет он мало. И силы уходили, и новые вопросы встали перед ним. Вернулся из-за границы Ушинский другим, чем уехал, многое для него стало ясным, чего он не понимал раньше.

Биография Ушинского, знакомство с его произведениями, такими простыми, ясными, анализ их — дадут педагогу возможность ориентировки в том, что нам надо взять у Ушинского, дадут возможность сознательно отнестись и к различным течениям в современной педагогике.

«Советская педагогика».
1940, № 2, стр. 3—5.

ПОСТРОИМ НАСТОЯЩУЮ СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ КУЛЬТУРУ

Недавно мы праздновали 20-ю годовщину Октября. Невольно вспомнился весь пройденный путь, вспомнилось, как было в 1917 г., и сравнивалось с тем, как стало теперь. Вспомнились те трудности, которые приходилось преодолевать, и как шаг за шагом завоёвывались сегодняшние победы. Ленин никогда не боялся браться за разрешение таких вопросов, которые связаны с преодолением значительных трудностей. Он за них брался и тогда, когда знал, что окончательное их разрешение произойдёт через ряд лет.

Незадолго перед смертью Владимир Ильич говорил: «Мы считали, и правильно считали, что культурный уровень будет расти, подниматься в процессе борьбы».

У нас ещё очень мало знают то, что говорил и писал В. И. Ленин о просвещении и культуре. Очень часто составители разных сборников статей Ленина забывают включить туда высказывания Ленина по вопросам просвещения, а Владимир Ильич этому вопросу уделял много внимания. У нас нет ещё такого сборника, который показывал бы, что и на каком этапе нашей революции говорил Владимир Ильич по вопросам просвещения и культуры.

Владимир Ильич, бывало, одну и ту же мысль развивал из года в год, но каждый раз в другой обстановке, в другой связи. Настоящего показа того, что, в каком году, по какому случаю говорил он по вопросам просвещения, ещё нет. Правда, недавно вышел сборник высказываний Ленина о культуре. Им надо пользоваться, но одного этого сборника мало, потому что авторы составили сборник не в историческом плане, а сгруппировали материал по заранее намеченным темам.

Если у Владимира Ильича возникала какая нибудь мысль, которая его интересовала, он часто высказывал её. Возьмём вопрос об интеллигенции. В начале 1918 г., когда интеллигенция саботировала советскую власть, он говорил о борьбе с саботажниками, говоря это в особой статье, а рядом с этим, где бы он ни выступал — на совещаниях у профсоюзников, у хозяйственников, у учителей, он везде касался этого вопроса. И эти краткие выступления как-то усиливают значение основной статьи, дают главную мысль её «во всех связях и опосредствованиях».

В конце 1918 года, когда интеллигенция заколебалась, стала переходить на сторону советской власти, Ильич ставит вопрос об интеллигенции уже в другом разрезе. Он говорит о необходимости использования интеллигенции в целях строительства социализма. Между тем, что он говорил об интеллигенции в начале 1918 г., и тем, что он говорил в конце его, никакого противоречия, конечно, нет, но Ленин исходит каждый раз из данной политической обстановки. Вот почему сборник цитат и статей Ленина о культуре использовать надо, но кроме того, надо читать собрание сочинений Ленина.

Владимир Ильич уделял особое внимание вопросам культуры и учителю. Он сам был сыном учителя шестидесятника. Когда сейчас читаешь об отце Владимира Ильича, то вспоминаешь всё то, что было в 60-х годах, которые наложили печать на нашу школу. Отец Владимира Ильича был шестидесятником, он не был революционером в современном смысле этого слова, но тогдашняя литература — Щедрин, Некрасов, поэты «Искры», критиковавшие тогдашний общественный уклад, имели на него громадное влияние. Любимым поэтом его был Некрасов. Илья Николаевич был борцом за культуру. В. И. Ленин постоянно слышал разговоры сельских учителей, слышал разговоры отца. В учителях Владимир Ильич видел носителей культуры.

В своих сочинениях Владимир Ильич подчёркивает ту большую роль, какую должен сыграть учитель в строительстве социализма. Эти высказывания его очень важны. Всегда, когда он говорит об учителе, он тут же говорит и о политике. В. И. Ленин во многих своих выступлениях говорил о той роли, которую должен сыграть учитель в деревне, говорил о том, как учитель поможет крестьянству осознать, что оно должно итти за рабочим классом.

Недавно проходили выборы в Верховный Совет. Все знают, что на этих выборах с исключительной силой выявился политический и культурный рост широчайших масс. Выборы явились показом активности, организованности и культурного роста населения, доверия масс к партии, доверия и любви к вождю её товарищу Сталину.

Даже старушки-колхозницы и те всколыхнулись.

Мне недавно одна учительница написала: «Я ликвидирую неграмотность и созвала всех неграмотных до 50 лет, а ко мне пришли и старики 89 лет и 115 лет, и к выборам все выучились грамоте». Выборы расшевелили домашних хозяек, расшевелили все глухие уголки нашей страны, и учитель тут сыграл большую роль. Учительство принимало в этих выборах очень активное, очень деятельное участие. Учительство таким своим участием в выборах ещё раз показало, что в громадном большинстве своём оно представляет собой партийных и непартийных большевиков.

У нас было как-то совещание по изучению Сталинской Конституции в школах взрослых. И одна учительница, беспартийная, замечательно рассказывала о том, как она вместе со своим малограмотным учеником, красноармейцем-партийцем, обучала других малограмотных Конституции. Красноармеец политически оказался более квалифицированным, и он выступал по вопросам политики, а учительница учила слушателей тому, как разбираться в карте, как читать, списывать текст Конституции, объясняла непонятные учащимся слова.

На меня сильное впечатление произвело это простое, товарищеское отношение учительницы к своему ученику, тут не было форсу: я, мол, — учитель, а ты — безграмотный. Они рука об руку, по-товарищески, работали над одним политическим делом.

Я вспоминаю, как в 1901 г. я приехала в эмиграцию и была на партийном совещании в Цюрихе, где впервые познакомилась с группой «Освобождение труда». На этом совещании были Плеханов и Аксельрод. Когда я проходила с Плехановым и Аксельродом по залу, где физкультурники сражались картонными мячами, Плеханов, улыбаясь, сказал: «Вот и мы при социализме будем так сражаться», а Аксельрод всё время говорил о том, что при социализме будет скучно, делать будет нечего, люди будут только физкультурой заниматься.

Я возмущённо рассказывала об этом Владимиру Ильичу. В 1917 г. в своей книге «Государство и революция», он говорит

о том, что точка зрения, считающая, что при социализме не будет борьбы, не будет общественной работы, является меньшевистской клеветой на социализм. Тогда-то, говорил Ленин, только по-настоящему и возьмутся массы за работу. И вот, когда я ходила по предвыборным собраниям, я думала: посмотрел бы Ильич, как сейчас вся масса, засучив рукава, строит социализм.

Мы, действительно, видим большой подъём среди масс, больший подъём и среди учительства. Мы видим, как Сталинская Конституция активизирует самые широкие массы.

Во время выборов мне вспоминались 1917 и 1918 гг., когда учителя-коммунисты представляли собой небольшую кучку и образовали союз учителей-интернационалистов. Владимир Ильич говорил учителям-интернационалистам: вы, пожалуйста, не замыкайтесь, а работайте вместе с беспартийными. Сейчас, во время выборов в Верховный Совет, вся работа шла под лозунгом: партийные — вместе с беспартийными. Блок коммунистов и беспартийных во время выборов в Верховный Совет был очень крепким и для буржуазных стран непонятным. Им непонятно, почему нет у нас разных партий, почему они между собою не борются. Но в нашей стране нет буржуазии, нет помещиков, нет эксплоататоров, нет и не может быть разных партий. Раз цель общая, то все идут друг с другом к достижению этой цели.

Владимир Ильич говорил насчёт большевистской бдительности ещё на 2-м съезде политпросветработников в октябре 1921 г. Это было время, когда гражданская война уже окончилась. Он говорил, что хотя открытых врагов, таких, как Колчак и Врангель, уже нет, но скрытые враги среди нас имеются, и беда в том, что мы этого врага часто не видим. Тогда мы слушали эту речь Ленина, но далеко не все присутствующие поняли глубочайший смысл этого ленинского указания. Теперь это понятно. Маскировавшиеся долгие годы троцкистско-бухаринские изменники делу социализма, враги народа выявлены. Нам нужно серьёзно учиться, политически работать над собой, чтобы действительно ясно видеть, кто друг и кто враг, и уметь разоблачить притаившихся и ещё не разоблачённых до конца врагов.

Перед каждым профсоюзом, и в особенности перед нашим профсоюзом работников начальной и средней школы, стоит задача — дружно, вместе с беспартийными сомкнуться вокруг партии и товарища Сталина и общими силами разрешить те задачи, которые стоят перед нами в области социалистического строительства, в области воспитания из ребят настоящих ленинцев, настоящих сталинцев. Наши ребята — замечательно хороший народ. А умеем ли мы их по-настоящему, по-коммунистически воспитывать? Как надо воспитать ребят, чтобы они были коммунистами — ленинцами-сталинцами? Детям нужно дать знания, научить их эти знания применять в жизни, научить вглядываться в жизнь, растить их общественниками. У сестры Ильича, Анны Ильиничны, был воспитанник, который ходил в школу. Владимир Ильич его как-то спрашивает в моём присутствии:

— Что вы сегодня делали в школе?

— Сначала была диктовка по русскому языку, потом была арифметика, потом гимнастика, потом учитель не пришёл, — ответил мальчик. Владимир Ильич на меня посмотрел и, усмехнувшись, говорит: «Как было, так и есть».

Мы должны из старого взять всё ценное, но критически подходить к этому старому. Мы должны поставить учебно-воспитательную работу в школе так, чтобы растить активных участников социалистического строительства. Я вот пишу письма пионерам. Замечательный народ, очень активный. Моссовет вынес постановление — не закрывать красные уголки и детские комнаты. Я ребятам письмо написала: что вы, пионеры, делаете для красных уголков? Ведь вы — общественники. И теперь я получаю массу писем от ребят. Причём видно, когда диктует учитель, а когда пишут сами ребята. Когда диктует учитель, то в письме очень много политических лозунгов, много заявлений о том, что дети учатся на «отлично». А когда пишут сами ребята, то они рассказывают, как устроили фотокружок, как устроили фонд негативов для красного уголка, как они всюду ходят, как помогают библиотеке. Надо иметь в виду, что самодеятельность учащихся, не идущая в ущерб их учёбе, руководимая учителем, является очень важным способом коммунистического воспитания детей. Последнее время у нас как-то мало обмениваются мнениями по вопросу коммунистического воспитания детей, по вопросу о том, как лучше его наладить, а между тем это очень важно. Здесь очень важно, чтобы члены профсоюза работников начальной и средней школы не подходили к этому делу формально. Профсоюз здесь может сделать очень много.

Сейчас мы видим очень большие изменения в управленческих аппаратах. В них происходит, на основе Сталинской Конституции, процесс дальнейшей демократизации.

Бюрократизм стараются изжить, по-новому ставят ряд вопросов. Это момент очень серьёзный. Каждому профсоюзу, а нашему в особенности, нужно подумать над тем, как поддерживать демократизм наших аппаратов, как помочь этому аппарату в его работе, надо вносить по этому вопросу предложения.

Нужно, чтобы каждое наше учреждение обрастало общественным активом. У нас родительские комитеты в школах часто направляются не по тому пути, по которому их надо направить. Когда они были задуманы, предполагалось, что родительские комитеты будут разговаривать с учителями о том, как общими силами улучшить обучение и воспитание в школе и дома. А бывает так. Собирается родительский комитет и обсуждает поведение какого-нибудь Вани Петрова: хулиган-де, уроков не учит и т. д. Все родители слушают. Потом некоторые родители говорят своим ребятам: «Смотрите, с этим Ваней Петровым не водитесь, потому что он хулиганит».

Клеймить так ребят на родительском комитете — это совсем не то, что нужно делать. У педагога есть целый ряд других приё-

мов воспитания: заинтересовать ребёнка рядом вопросов, втянуть его в какую-нибудь увлекательную работу, создать около него дружный коллектив ребят, который помог бы ему исправиться. Ребят нужно беречь и любить. Родительские же комитеты надо побольше втягивать в обсуждение самого существа школьной работы. Культурный уровень населения сейчас настолько поднялся, что родительский актив может безусловно помочь учителю и школе повысить успеваемость учащихся и улучшить их воспитание.

Я думаю, что на теперешнем этапе строительства социализма мы очень много можем сделать. Наркомпросу и профсоюзу нужно работать сплоченно, нужно, чтобы профсоюз не складывал ручки в брючки, а работал всерьёз, интересуясь не только вопросами материального порядка, но вникая в самую суть коммунистического воспитания и обучения детей в школе. Ведь у нас не просто профсоюзы, а профсоюзы социалистического государства. Перед профсоюзами стоят большие задачи. Нужен обмен опытом, нужна спаянность в работе и помощь друг другу.

У меня просьба к учителям — если у кого-нибудь находятся какие-либо документы, касающиеся истории народного образования, присылать их в Наркомпрос. У нас, к сожалению, нигде не отражена как следует история народного образования. У нас нет ещё музея народного образования, а это очень важная вещь.

Сейчас партия, товарищи Сталин, Молотов, Л. М. Каганович, Калинин, Ворошилов, все другие члены Политбюро уделяют вопросам культуры громадное внимание, созданы все предпосылки для поднятия советской социалистической культуры на небывалую высоту.

У нас очень много молодых учителей. Нет сомнения в том, что они будут работать, засучив рукава, а мы, старики, будем помогать им изо всех сил. Давайте построим настоящую социалистическую культуру.

«Учительская газета»
от 3 февраля 1938 г., № 17.

ВОСПИТЫВАТЬ ДОСТОЙНУЮ СМЕНУ

Я как-то была в Московском доме пионеров, и меня удивило, что ребята не позвали меня посмотреть, как работает у них тот или другой кружок. Всё показывали директор и помощник директора, а ребята помалкивали и вопросов не задавали. Я стала ходить по кружкам: была в рисовальном, литературном, вышивальном кружках. Что мне сразу бросилось в глаза? Две нации, как я в шутку говорю: мальчики и девочки. Девочки вышивают, как мне объяснили, арабским швом — вышивают салфеточки, как барышни вышивали. Я не очень люблю эти вышивки. Обычно пришить пуговицу не могут, для этого нужна домашняя работница, а вот арабским швом умеют вышивать. Конечно, я ребят не хочу обвинять, можно увлечься и вышивкой. Но харак-

герно, что в этих вышивальных кружках нет ни одного мальчика...

Затем кружок пения. Поют одни девочки, очень хорошо поют. А один мальчик спрятался за спиной других, чтобы незаметно было, и тихонько подпевает. Я спрашиваю: «Почему мальчики не поют?» — «У них голоса ломаются». Ну, знаете, кричать на улице — не ломаются... Ведь не все они пойдут в оперу, а попеть революционные песни не так плохо для пионеров.

Возьмите кружок шахматной игры. Руководитель читает лекцию, слушают одни мальчики. Странное разделение труда. И затем, меня поразило ещё то, что ребята как-то ничем себя не выявляют, точно птенчики; рот разинут, а учитель им вкладывает в рот знания. Нет вдумчивого отношения к тому, что говорит учитель, нет инициативы. Я вот вспоминаю, как Ленин работал. Он читал Маркса. Маркс критикует Лассаля, а Ленин взял, сам прочитал Лассаля и пришёл к заключению: «Правильно говорит Маркс». А у Ленина было к Марксу громадное уважение. Но он ничего на веру не принимал. Или, например, Ленину говорят, что такая-то статья плохая. Он возьмёт статью и прочитает, а потом сам решает — правильно сказали или нет, действительно плоха или нет.

Но для того, чтобы работать так, как работал Ленин, нужно с самого раннего детства приучаться к самостоятельности.

Каждый комсомолец теперь знает речь Ильича на III съезде комсомола, но все ли обращают внимание на то, что там сказано, что нужно не просто воспринимать знания, а критически к ним относиться? И нам нужно пионеров наших учить продумывать вопросы, самостоятельно работать. У нас когда говорят «самодеятельность», то понимают это только как художественную самодеятельность — потанцовать, поиграть, драматический кружок организовать. А вот самодеятельности в учёбе, уменья то, что узнал, проводить в жизнь, нет часто.

Мне кажется, что сейчас мы в школе мало обращаем внимания на выработку у учащихся уменья самостоятельно разбираться в вопросах, а надо приучать их не только повторять хорошие лозунги, но вдумываться в них, всматриваться в жизнь. Кругом такая интересная жизнь, такая важная перестройка на всех участках! Вот по естествознанию, например, сейчас можно так много материала подобрать. Можно собирать интересные, нужные материалы и по сельскому хозяйству, и по технике. А у нас пионеры другой раз занимаются только тем, что марки собирают.

Когда вы будете знакомиться с тем, как работал Владимир Ильич, вы увидите, как нужно ребят с детства учить во всё вдумываться, как важно ребят с детских лет приучать самостоятельно думать, будить их самостоятельную мысль.

Вот я смотрела в доме пионеров исторический кружок. Сидит педагог, спрашивает ребят по программе, спрашивает, доста-

ли ли такую-то книжку в библиотеке, которую самостоятельно рекомендуется прочесть. В этом кружке другая учительница рассказывала, что под Москвой есть раскопки. Ребят туда возили, и они сами, выкопали из земли две древние монеты. Конечно, раскопки — вещь интересная, но мы не воспитаем ещё этим у ребят исторического понимания. Вот, я помню, у нас в гимназии был хороший учитель истории. В шестом классе он вдруг неожиданно на уроке дал нам список разных событий, которые мы уже изучали, и предложил тут же написать, к какому веку какое событие относится. Мы совершенно растерялись, и большинство написало такую чепушинку, что преподаватель не вернул нам даже работы. Он сказал, что наши работы его очень огорчили, они показали, что занятия по истории не выработали у нас ещё исторического понимания. Ведь события происходят в определённой обстановке, при определённом общественном укладе, при определённом культурном уровне, при той или иной форме государственной власти, всё это надо знать, а если человек путает, в каком веке, какое событие происходило, он не знает самых основ истории. Наш учитель истории обращал потом особое внимание на то, чтобы объяснить нам последовательность исторических фактов. Очень интересно он нас учил. Больше 55 лет прошло, как это было, но в памяти осталась эта беседа.

Я должна сказать, что у нашей молодёжи часто нет исторической перспективы. Другой пионер много читал, знал массу исторических имён, эпизодов, а вдруг оказывается, что он думает, что при царизме до 1917 года было крепостное право. Подобные факты очень характерны. Историю надо знать хорошо, история имеет громаднейшее значение для понимания окружающей жизни.

То, что не коснулось народа, прошло мимо — следов не оставляет, а то, что захватило так или иначе массы, помнится долго. Несколько лет тому назад я была под Калинином, и меня удивило, что крестьяне помнят, где жила Перовская (участница убийства Александра II народовольцами). Помнят они это потому, что в начале своей революционной деятельности Перовская работала на сыроварне, вела работу с крестьянами. И вот крестьяне это помнят. Не все из них знают, что Перовская была участницей убийства царя Александра II, а то, что Перовская работала на сыроварне, работала с крестьянами, знают все.

Недавно я получила письмо из Малиновки от тамошних работников. Малиновка находится на Нижней Волге, в Ртищевском районе, Саратовской области. В 1905 году крестьяне громили помещиков. За это потом с крестьянами жестоко расправилось царское правительство — их перепороли, многих поубивали. И вот в 1917 году Малиновка первая пошла за советской властью, потом она первая пошла по линии колхозного движения. Лет десять тому назад я получила письмо, в котором сообщалось, что меня избрали действительным членом в Малиновский совет. Из переписки с малиновскими крестьянами я узнала, в

чём тут дело. Чем могла, я помогла им. Десять лет тому назад была там создана больница. Теперь эта больница своё 10-летие празднует. К 20-летию Красной Армии они вырастили в хозяйстве при больнице двух коней для Красной Армии, сообщили мне об этом и спросили, куда направить этих коней. Я передала это письмо товарищу Ворошилову. Это выражает настроение страны, показывает, что Малиновка живёт тем, чем живёт сейчас советская власть, и думает о том, что надо крепить мощь Красной Армии. Вот как старое отражается на новом — в 1905 году с крестьянами жестоко расправились, и там, где жестоко с ними расправились в 1905 году, эти места оставались революционно настроенными и являются активными в деле строительства социализма.

В нашей молодёжи надо воспитать чувство понимания истории. Вы знаете, какое большое значение товарищ Сталин придаёт истории. Надо понимать, почему он хочет, чтобы молодёжь изучала историю. Надо пионервожатым помогать учителям истории организовывать для ребят экскурсии в музеи, изучение местных краеведческих моментов, прошлое того или другого района, завода, фабрики. Ведь в каждом районе есть интересные исторические моменты, на которых можно воспитывать историческое понимание.

Затем, у нас в школе в последнее время появился орфографический уклон — диктовки, диктовки и диктовки. Конечно, писать с ошибками никуда не годится, но то, что ребята не умеют самостоятельно читать и писать, — это тоже никуда не годится. Диктант пишут на «отлично», а письма пишут с ужасными ошибками. Надо хорошо изучать язык. По-моему, очень важно воспитывать интерес к истории языка, изучать его структуру, сбогащать его, учить ребят писать. Талантов среди юных пионеров, как и среди всех наших ребят много, надо их уметь растить.

Мы везде пишем: «Мы воспитываем ленинцев-сталинцев», и каждый пионер говорит: «К борьбе за дело Ленина — Сталина всегда готов». Это хорошо, хорошо, что есть такие настроения, но надо, чтобы это было не на словах, а на деле. И первое здесь — это вопрос, о коллективной работе, об общественной рабсте. На общественной работе люди растут, складывается близость между членами коллектива.

К сожалению, за последнее время общественной работе среди пионеров не уделяется должного внимания. Раньше в этом отношении были перегибы, у нас, например, есть отчёт в архиве, где говорится о пионере, который объехал 10 деревень и везде делал доклады на политические темы. Или пионеры идут ликвидировать прорыв на завод. Или на заводе «Динамо» встаёт на стул 11-летняя малышка и докладывает, сколько она собрала утильсырья. Конечно, это были благоглупости. Ребята так старались, что у них на учёбу времени не оставалось. Перегибов тут было сколько угодно, и, что хуже всего, ребята воображали, что они всё знают и могут. Так не годится.

Необходимо всё же, чтобы общественной работой ребята занимались. Как-то приезжали ко мне ребята из моего родного Ленинграда. Хорошая публика приехала, да как раз с завода, к которому я имела отношение. Вот я к ним и пристала: «А какую общественную работу вы ведете?» — Пионерчик на меня смотрит и говорит: «Нам не дают никаких нагрузок». Значит, на общественную работу смотрят как на нагрузку. В Московском доме пионеров, где я была не так давно, я тоже спрашивала ребят, какую общественную работу они ведут. Ребята ничего не ответили. И вот я стала к ним «подъезжать». Я слышала, как в литературном кружке они читали и обсуждали стихи одного из членов кружка. Я переслала ребятам из литературного кружка полученные мной стихи от парнишки из глухой деревни и написала им: «Ребята, вы присоветуете парню, как ему лучше научиться писать стихи». И вот члены кружка прислали мне письмо, в котором пишут, что они написали этому поэту, как нужно наизусть стихи учить, послали ему книгу Пушкина и другие стихотворения. Это то, что нужно, и это ребятам не помешало в их учёбе, ребят не загрузило. Затем я обратилась к другим пионерам из Московского дома пионеров и сказала, что есть постановление о том, что нельзя закрывать детские комнаты. И вот они мне прислали фото и пишут, что они ходят по красным уголкам, детским комнатам и украшают их фото. Это тоже общественная работа. Потом пионеры из других домов пионеров писали о швейных мастерских, о том, как ребята обшивают детский сад. Вот и нужна такая работа, чтобы она ребят не перегружала, но давала им удовлетворение, потому что без общественной работы никаких ленинцев и сталинцев мы не воспитаем.

Владимир Ильич учился в школе в Симбирске. Там много национальностей — чувашей, мордвин и т. д. И отец Владимира Ильича особо заботился о том, чтобы был открыт доступ к образованию детям иных национальностей. Есть замечательный рассказ учителя-старика — Зайцева, которому сейчас 77 лет и который 55 лет работает в чувашских школах, общественник. Он рассказывает, как он, когда ему было 11 лет (он был сын бедняка и пас гусей), убежал из дому и прибежал в чувашскую школу в Симбирск, чтобы учиться. В класс, где был этот мальчуган, теперь старик, сам 55 лет учительствующий, пришёл отец Владимира Ильича, Илья Николаевич, вызвал к доске этого мальчика и стал объяснять, как решать задачи. И вот этого мальчика удивило, что директор так хорошо объясняет задачу, а говорить не умеет. Дело в том, что отец Владимира Ильича картавил так же, как и Владимир Ильич — букву «р» не произносил. Вместо «гривенник» он говорил «г'ивенник». Потом Илья Николаевич ушёл, а учитель дал написать сочинение на тему: «Самое сильное впечатление сегодняшнего дня». А мальчик возьми да и напиши: «Самое сильное впечатление — директор был, задачу хорошо объяснял, а говорить не умеет».

Учитель ужасно испугался, как же это так ученик о начальстве написал. И, раздавая через пару дней тетради, учитель швырнул ему тетрадку и говорит: «Свинья», а в тетрадке это сочинение красным крестом перекрестил и ноль поставил. А тут и приди Илья Николаевич. Посмотрел тетрадку, положил ему руку на плечо, читает, что в тетрадке написано, и улыбается. И говорит учителю: «Напрасно вы его наградили косым крестом да картошкой. Сочинение написано последовательно, правильно, без грамматических ошибок, очень искреннее». И написал «Отлично», и подписался: «Ульянов».

Этот рассказ произвёл на меня сильное впечатление. Отец Владимира Ильича всегда требовал искренности и хотел, чтобы его ребята были искренними. И вот у Владимира Ильича было исключительное отношение к детям-нацменам. Он был в старшем классе, с ним вместе учился чуваш, который не мог учиться на «отлично», потому что не знал русского языка. И Владимир Ильич помог ему подготовиться в вуз, занимаясь с ним главным образом русским языком. Это отношение к нацменам наложило печать и на дальнейшую деятельность Владимира Ильича. Я помню, с какой горячностью Владимир Ильич всегда обсуждал вопрос угнетения царизмом нацменьшинств, как он горячо стоял за дружбу народов. Это проходит красной нитью через все его произведения. И вот я хотела бы обратить ваше внимание на одну вещь. Ребятам разных национальностей надо дружить между собой. Ребятам надо вместе играть, вместе учиться. А вот я получила несколько лет тому назад, кажется из Таджикистана, письмо русских ребят из одного детского дома, где ребята пишут, как они учатся, как хорошо у них в доме, а кругом таджики живут. И вот ребята пишут, что царское правительство притесняло нацменьшинства, «и когда мы вырастем, мы поможем этим национальностям стать культурными». И я подумала: не всё ладно тут — считают себя выше и культурнее. Я написала им, посоветовала дружить с этими ребятами, указала им, что они могут многому поучиться у этих ребят-таджиков, поучиться интересным играм, поучиться, как работать.

Один мой старый ученик по вечерне-воскресной школе, рабочий, сын и дочь которого теперь окончили вуз, заходит как-то ко мне и рассказывает; дочь его замужем за латышом, у них всё благополучно, но вот прибегает 4-летняя внучка этого рабочего и говорит дедушке: «Дедушка, я не хочу быть латышкой, я хочу быть русской». Значит, кругом среди обывателей идут какие-то разговоры о латышах. Отец ей стал рассказывать что-то хорошее про латышей и говорит: «Интересно быть латышкой». Девочка опять отвечает: «Нет, я русская». Поговорили они ещё, и потом девочка говорит: «Ну, хорошо — когда у мамы родится братишка, пусть он русский будет, а я буду латышка».

Я боюсь, что у наших ребят иногда нет достаточно глубокого понимания той дружбы народов, которая есть у нас в стране, нет понимания необходимости сближения и ещё большей друж-

ов. И я думаю, что пионервожатым нужно воспитывать ребят в этом направлении, нужно обратить внимание на смычку между разными национальностями, на близость между ребятами разных национальностей. Ведь фашизм играет на разъединении национальностей, а у нас каждый знает о дружбе народов, за которую всё время боролся Ленин и которая так широко сейчас осуществляется под руководством партии, под руководством товарища Сталина. Если мы хотим воспитывать сталинцев, так должны воспитывать таких ребят, которые понимают, что быть лентяшкой или полькой не позор. На это нужно обратить внимание.

Затем нужно обратить внимание на то, что у нас в газетах часто пишут: «мы», «они». Мы — это Советский Союз, они — это фашисты. А неподготовленный пионерчик решит: мы — это наш Союз, а остальные ничего общего с нами не имеют. Мне кажется, надо обращать большее внимание на международное движение, на общность интересов трудящихся всех стран, на международную солидарность всех трудящихся.

Ильич говорил: гвоздь строительства социализма в организации. И вам, руководителям пионердвижения, надо научить ребят по всем линиям организованно действовать — идут ли они на экскурсию, работают ли в кружке, ведут ли общественную работу. Нужно, чтобы не в одиночку всё это делалось. У нас была выборная кампания — пионеры помогали. В отдельных письмах ребята пишут: «Мы посмотрели, есть ли у матери, у бабушки все указания, знают ли они, куда итти». Так что ребята примкнули к этой работе. И вот Владимир Ильич особое внимание обращал на то, чтобы будить у ребят общественные интересы, учить их самостоятельно читать, вдумываться в то, что читают. Нужно научить ребят коллективно действовать, помогать друг другу, товарищество укреплять в них. Мне кажется, что сейчас в школе часто не воспитывают товарищеского чувства, двое-трое дружат между собой, а нет общей дружной организации, которую ребята любят, за честь которой борются.

Нужно укреплять внимание ребят друг к другу, укреплять взаимную помощь, чтобы коллектив дружный рос, а не так, чтобы каждый лишь сам за себя старался. Важно поддерживать также инициативу ребят, а не просто говорить «исполни».

Сейчас нужно, засуча рукава, браться за то, чтобы изжить поскорее пережитки старого, которых ещё есть достаточно. И тут вожатым и над собой надо работать. А то бывают иногда такие вожатые, которые думают, что общественной работой можно наказывать. Одна вожатая говорила мне: «Вот ребята не слушаются, мы им говорили, что нужно выбрать таких-то, а они других выбрали, и мы их наказали общественной работой». Это, конечно, неподготовленный вожатый. Но и вообще вожатым нужно учиться быть самим подлинными ленинцами-сталинцами.

Из беседы Н. К. Крупской с заведующими домами и дворцами пионеров 19 февраля 1938 г.
«Вожатый», 1938, № 5, стр. 1—6.

ДЕТСТВО И РАННЯЯ ЮНОСТЬ ИЛЬИЧА

Я буду писать о детстве Владимира Ильича главным образом то, что слышала от него самого за время нашей совместной жизни. Правда, поглощённый революционной деятельностью, он мало пускался в воспоминания, — так, при случае, что-нибудь расскажет. Но мы были с ним люди одного поколения (я на год старше его), росли приблизительно в одной и той же среде, в среде так называемой «разночинной интеллигенции». Поэтому его воспоминания, хотя и отрывочные, мне говорили об очень многом.

Родился Владимир Ильич 22 апреля 1870 года в приволжском городке Симбирске и прожил там до 17 лет. Это был губернский город, но когда смотришь теперь на зарисовки улиц, домов, окрестностей Симбирска того времени, — чувствуешь, какая тихая заводь это была тогда. Не было там ни фабрик, ни заводов, не было даже железной дороги; ни телефонов, ни радио, конечно, не было.

Настоящая фамилия Ильича была Ульянов. Только много позже, став революционером, он стал писать, по конспиративным соображениям, под вымышленной фамилией Ленина, — стали так его называть. Теперь Симбирск в память Ильича носит имя Ульяновск. Сейчас Ульяновск — главным образом учебный городок, много там учащейся молодёжи, есть там филиал Ленинского музея.

Отец Владимира Ильича, Илья Николаевич, был простого звания, из астраханских мещан. Жил он в тяжёлых условиях, принадлежал к так называемому податному сословию, которому заграждён был путь к образованию. С 7 лет он остался сиротой, и только благодаря помощи старшего брата, отдававшего последние гроши на его образование, благодаря необычайной талантливости и упорному труду удалось Илье Николаевичу «выйти в люди», кончить гимназию и Казанский университет в 1855 году. Он стал педагогом, сначала преподавал физику и математику в старших классах Пензенского дворянского института, потом был преподавателем в мужской и женской гимназиях в Нижнем Новгороде, затем — в Симбирске был инспектором, а потом директором народных училищ. Илья Николаевич кончил Казанский университет в разгар Крымской войны. Эта война вскрыла с особой силой всю гнилость крепостного права, ярко осветила всю дикость николаевского режима. Это было время, когда резко критиковались крепостническая эпоха, крепостнический уклад, но революционное движение ещё не оформилось.

Чтобы понять до конца, кем был Илья Николаевич, надо почитать «Современник», выходивший под редакцией Некрасова и Панаева, где сотрудничали Белинский, Чернышевский, Добролюбов. И старшая сестра Владимира Ильича — Анна Ильинична — и сам Владимир Ильич вспоминали, как любил Илья

Николаевич стихи Некрасова. Как педагог, Илья Николаевич особенно усердно читал Добролюбова. Педагогический фронт был в то время фронтом борьбы против крепостничества. Даль — автор «Толкового словаря живого великорусского языка» — ещё в 1856 году резко высказывался против крестьянской грамотности. В школе царил самый бурсацкий режим; даже в гимназиях, куда принимались лишь дети дворян да служащих, практиковалась порка.

Известно, какую борьбу против крепостнической школы вёл Добролюбов. Он умер в 1861 году 25-летним юношей. В 1857 году была напечатана его статья «О значении авторитета в воспитании», посвящённая вопросу об авторитете учителя. Добролюбов сравнивал в этой статье авторитет при рабском, крепостническом укладе школы с авторитетом, который приобретает учитель, педагог, благодаря уважению со стороны учеников. Добролюбов, цитируя Пирогова, писал там о роли убеждений: «...Убеждения даются нелегко: «только тот может иметь их, кто приучен с ранних лет проницательно смотреть в себя, кто приучен с первых лет жизни любить искренно правду, стоять за неё горою и быть непринуждённо откровенным — как с наставниками, так и со сверстниками». И далее: «Дитя нередко жертвуется педагогическим расчётам». «Вознесшись на своего нравственного конька, воспитатель считает воспитанника своей собственностью, вещью, с которой он может делать, что ему угодно», при этом «упускает из виду одно весьма важное обстоятельство — действительную жизнь и природу детей, и вообще воспитываемых...» Горячо, страстно восставал в этой статье Добролюбов против слепого, рабского безусловного подчинения. «Нужно ли говорить о том губительном влиянии, какое производит привычка к безусловному повиновению на развитие воли?» — писал он.

В этой же статье, сказав о том, что при безусловном повиновении ребёнка необходима и безусловная непогрешимость воспитателя, Добролюбов писал: «Но даже если мы допустим, что воспитатель всегда может стать выше личности воспитанника (что и бывает, хотя, конечно, далеко, далеко не всегда), — то во всяком случае он не может стать выше целого поколения. Ребёнок готовится жить в новой сфере, обстановка его жизни будет уже не та, что была за 20—30 лет, когда получил образование его воспитатель. И обыкновенно воспитатель не только не предвидит, а даже просто не понимает потребности нового времени и считает их нелепостью».

В этой статье Добролюбов подчёркивал правильные мысли профессора-хирурга, педагога Пирогова, но когда Пирогов пошёл на поводу у реакции и выдвинул в целях «воспитания законности» систему наказаний в том числе и порку и исключение из школы, — со всей страстностью стал клеймить его Добролюбов.

Некрасов, которого так любил отец Ленина, Илья Николаевич, в стихах «Памяти Добролюбова» писал о нём:

«... Ты жажде сердца не дал утоленья:
Как женщину, ты родину любил,
Свои труды, надежды, помышленья

Ты отдал ей; ты честные сердца
Ей покорял. Взывая к жизни новой,
И светлый рай, и перлы для венца
Готовил ты любовнице суровой.

Но слишком рано твой ударил час,
И вещее перо из рук упало.
Какой светильник разума угас!
Какое сердце биться перестало!»

Добролюбов покорил и честное сердце Ильи Николаевича, и это определило работу Ильи Николаевича как директора народных училищ Симбирской губернии и как воспитателя своего сына — Ленина — и других своих детей, которые все стали революционерами.

До того времени, как в Симбирской губернии начал работать Илья Николаевич, крестьянство этой губернии было почти сплошь безграмотно. Усилиями Ильи Николаевича было открыто 450 сельских школ; громадную работу провел он с учительством. Открытие школ делалось не просто приказом: приходилось ездить на места, трястись на телеге, ночевать на постоялых дворах, препираться с урядниками, созывать крестьянские сходы. Жадно слушал рассказы отца о деревне Ильич. Много слышал он о деревне ещё малышом от няни, которую он очень любил, от матери, которая тоже выросла в деревне.

Это заставляло Ильича с детства внимательно вглядываться в жизнь деревни, это наложило печать на всю его деятельность как революционера, это дало ему возможность, изучив марксизм, понять, что социализм может победить и в нашей отсталой России с её многочисленным разрозненным крестьянством, это дало ему возможность наметить правильный путь борьбы, приведший к победе нашу великую родину.

Илья Николаевич рос в Астрахани, не отгороженный от жизни стеной, и он видел, как затоптаны были «инородцы»-калмыки. В своей деятельности как директор народных училищ Илья Николаевич особое внимание обращал на то, чтобы вооружить знаниями многочисленных «инородцев», как тогда их называли, населявших Симбирскую губернию.

В 1937 году я получила письма от чуваша-учителя Полево-Мундырьской неполной средней школы, Батыревского района, Чувашской АССР, Ивана Яковлевича Зайцева. Ему 77 лет. 55 лет уже учительствует он в чувашских школах. Имеет звание «героя труда», «отличника-просвещенца». Активный общественник. Вел работу по ликвидации неграмотности и малограмотности, был председателем союза работников просвещения, был членом сельсовета, месткома и др. Работал по сельскохозяйственной

статистике, был инструктором во всех народных переписях, вёл работу на метеорологической станции и т. д.

Иван Яковлевич — сын батрака. С 8 до 13 лет он пас гусей. Страстно хотелось ему учиться, и он бежал потихоньку от отца из дома, дабы поступить в школу. Два дня пробирался до Симбирска, и хотя опоздал к началу занятий, но всё же поступил в школу благодаря Илье Николаевичу Ульянову, который пожалел мальчонку. Иван Яковлевич Зайцев рассказывает, как однажды, в первый год его пребывания в школе, на урок арифметики пришёл Илья Николаевич Ульянов. Илья Николаевич вызвал его к доске; Зайцев хорошо решил и объяснил задачу. Илья Николаевич сказал: «Хорошо, иди на место!»

«После обеда, — рассказывает в своём письме Иван Яковлевич, — ученикам была дана самостоятельная письменная работа — сочинение. Учитель задал тему «Впечатление сегодняшнего дня». При этом он объявил, что мы можем писать о любом случае из своей школьной жизни, который сами считаем особенно важным. Одним словом, о чём угодно.

Все ученики по нескольку минут призадумались, подыскивая подходящую тему. Некоторые вспоминали довольно смешные случаи из школьной жизни, а другие старались выдумывать из головы. Мне не пришлось долго искать тему, так как у меня не выходило из головы посещение урока математики директором Ильёй Николаевичем и его объяснение плана решения задачи. Я и решил написать об этом.

Я написал: «Сегодня, в 9 часов утра, во время урока математики, пришёл к нам г. директор, Илья Николаевич. Вызвали меня к классной доске и задали задачу, в которой несколько раз повторялось слово «гривенник». Я записал задачу, прочитал её и стал планировать ход решения. Г. директор, Илья Николаевич, задал мне наводящие вопросы; и тут я заметил, что Илья Николаевич чуточку картавил и слово «гривенник» выговаривал «ггивенник». Это врезалось мне в голову и заставило думать: «Я, ученик, и то умею правильно произносить звук «р», а он, директор, такой большой и учёный человек, не умеет произносить звук «р», а говорит «гг».

Далее я писал о кое-какой мелочи, и на этом кончил сочинение. Дежурный собрал тетради и сдал учителю В. А. Калашникову.

Через два дня, после обеда, на уроке должно было быть изложение прочитанной статьи. Нам раздали наши тетради. Все бросились смотреть отметки. Одни радовались, другие так себе, не высказывали ни радости, ни горя.

Учитель Калашников умышленно оставил мою тетрадь у себя. Потом, швырнул мне тетрадь в лицо, с возмущением сказал: «Свинья!»

Я взял тетрадь, раскрыл её и увидел, что моё сочинение перечёркнуто красным крестом, а в конце его стоит отметка «0» — ноль. Потом подпись. Я чуть не заплакал. Слёзы выступили из

глаз. Я от природы был прост, наивен, впечатлителен и правдив. Таким я остался на всю жизнь».

Во время письменной работы в класс вошёл Илья Николаевич. Поздоровались и продолжали работу. Илья Николаевич ходил между партами, кое-где останавливался, наблюдал за работой. Дошёл и до меня. Увидел на моём прошлом сочинении красный косой крест и отметку ноль, положил одну руку мне на плечо, другой—взял мою тетрадь, стал читать. Читает и улыбается. Потом подозвал учителя, спросил: «За что Вы, Василий Андреевич, наградили этого мальчика орденом красного креста и огромнейшей картошкой? Сочинение написано грамматически правильно, последовательно, и нет здесь ничего выдуманного, искусственного. Главное — н а п и с а н о и с к р е н н о и вполне соответствует данной Вами теме».

Учитель замялся, сказал, что в моём сочинении есть места, не совсем удобные для начальствующих, что будто он... Директор И. Н. Ульянов, не дав ему договорить, перебил его и сказал: «Это сочинение — одно из лучших. Читайте заданную Вами тему: «Впечатление сегодняшнего дня». Ученик написал именно то, что произвело на него наибольшее впечатление во время прошлого урока. Сочинение отличное». Потом он взял мою ручку и в конце сочинения написал: «Отлично» — и подписался: «Ульянов».

Этот случай я никогда не забуду; его нельзя забыть. Илья Николаевич доказал, насколько он был добр, прост, справедлив».

Такое отношение Ильи Николаевича к нацменам не могло не повлиять на Ильича, который слушал, что говорил отец, что говорили другие. Владимир рассказывал мне как-то об отношении симбирских обывателей к нацменам: «начнут говорить о татарине, скажут презрительно «князь», говорят об еврее — непременно скажут «жид», а о поляке — «полячишка», об армянине — «армяшка».

Ильич шёл по стопам отца: в старшем классе гимназии он целый год занимался с товарищем чувашем, отставшим по русскому языку, чтобы подготовить его к поступлению в университет, и подготовил.

Но и на всю революционную деятельность Ильича повлияло это отношение Ильи Николаевича к нацменам: все знают, какую громадную работу проделал Ленин, закладывая основы дружбы народов СССР.

О крепкой воле писал Добролюбов. Методами Добролюбова воспитывал Ильича отец. Владимир Ильич поступил в гимназию 9½ лет, всё время учился отлично, кончил с золотой медалью. Это не так легко ему давалось, как многие думают. Ильич был очень живым. Любил ходить далеко гулять, любил Волгу, Свиягу, любил купаться, плавать, любил кататься на коньках.

Ильич рассказывал как-то: «Любил я очень коньки, но увидел, что это мешает учиться, — бросил». Он страшно любил читать, книги захватывали его, увлекали, говорили о жизни, о людях, ширили горизонт, а учёба в гимназии была скучная, мертвая,

приходилось брать себя в руки, чтобы заучивать всякий ненужный хлам, но у него был заведён такой порядок: сначала уроки выучит, потом за чтение возьмётся. Держал себя в руках. Время экономил. Когда читал, очень сосредоточивался и потому читал очень быстро. Делал для себя выписки из книг, старался тратить на запись поменьше времени. Кто видел почерк Ильича, знает, как он своеобразно сокращал слова. Благодаря этому он мог записывать то, что ему надо, очень быстро.

Сильную волю он в себе выработал. Что скажет, — сделает. На его слово можно было положиться. Как-то, мальчиком ещё, он попробовал курить. Увидя его как-то курящим, его мать, Марья Александровна, очень огорчилась и стала просить его: «Володюшка, брось курить». Ильич обещал и с тех пор ни разу не дотронулся до папирос.

Илья Николаевич, обращая внимание на то, чтобы Владимир Ильич хорошо и упорно учился, всё же старался воспитать в нём, как того требовал Добролюбов, сознательное отношение к тому, чему и как учили его в школе. Учительница Кашкодамова, с особенной любовью вспоминавшая об Илье Николаевиче, под руководством которого она работала, рассказывала о том, как Илья Николаевич любил поддразнивать Володю и, шутя, ругал гимназию, гимназическое преподавание, очень остро высмеивал преподавателей. Володя всегда удачно парировал отцовские удары и в свою очередь начинал говорить о недочётах нашей школы, иногда умея задеть отца за живое.

Из рассказа В. В. Кашкодамовой видно, как Илья Николаевич учил Ильича всматриваться в жизнь, но в то же время, когда Ильич позволял себе насмешки в классе над учителями, например над учителем французского языка Пором, Илья Николаевич сдерживал его, говорил о недопустимости грубого отношения к учителям, даже имеющим серьёзные недостатки в преподавании. И Владимир Ильич сдерживал себя.

И ещё одну черту воспитало в Ильиче добролюбовское отношение к детям: это уменье и к себе, к своей деятельности, подходить с точки зрения интересов дела. Это застраховало Ильича от мелочного самолюбия.

Кроме строгого отношения к себе Илья Николаевич, как это видно и из воспоминаний Зайцева, особо ценил в детях искренность, старался воспитывать её в ребятах. О важности воспитания искренности писал Добролюбов. Одной из особенно характерных черт Ильича была искренность.

Когда Ильичу было 14—15 лет, он много и с увлечением читал Тургенева. Он мне рассказывал, что тогда ему очень нравился рассказ Тургенева «Андрей Колосов», где ставился вопрос об искренности и любви. Мне тоже в эти годы очень нравился «Андрей Колосов». Конечно, вопрос не так просто разрешается, как там описано, и не в одной искренности дело, нужна и забота о человеке, и внимание к нему, но нам, подросткам, которым приходилось наблюдать в окружающем мещан-

ском быту ещё очень распространённые тогда браки по расчёту, очень большую неискренность, — нравился «Андрей Колосов». Потом, нам страшно нравилось «Что делать?» Чернышевского. Ильич читал его впервые в гимназические времена. Помню, как меня удивило, когда мы в Сибири стали говорить на эти темы, в каких деталях знал этот роман Чернышевского Ильич. С этого романа началось его увлечение Чернышевским.

Илья Николаевич был крупным общественным деятелем, беззаветно боровшимся с народной темнотой, с последствиями рабства, но он был сыном своей эпохи, и то, что так волновало его сыновей — Александра и Владимира, — то, о чём говорил Чернышевский, — характер реформы 1861 года, проведённой так, как того хотели помещики: выкупные платежи, отрезки у крестьян лучших земель, — меньше волновало его: для него Александр II остался царём-освободителем. Ильич вспоминал, как волновался Илья Николаевич, когда пришла весть об убийстве Александра II, надел мундир и пошёл в собор на панихиду. Ильичу было тогда только одиннадцать лет, но такие события, как убийство Александра II, о котором все кругом говорили, которое все обсуждали, не могло не волновать и подростков. Ильич, по его словам, стал после этого внимательно вслушиваться во все политические разговоры.

Ильич читал все детские журналы и книги, которые присылали отцу, в том числе «Детское чтение». В детских журналах того времени ещё много писалось об Америке (как известно, с 1861 по 1865 год шла борьба Северных штатов с Южными за уничтожение рабства негров в Южных штатах; борьба шла в целях расчистки почвы для более широкого развития капитализма, но велась под флагом борьбы за свободу), писалось много о войне с Турцией, о Балканах. Брал также Ильич книги у старшего брата. Одноклассник Ильича Кузнецов вспоминает, что Ильич всегда писал очень хорошо сочинения по литературе. Когда Ильич учился в гимназии, там директором был Ф. М. Керенский (отец А. Ф. Керенского — эсера, премьер-министра Временного правительства в 1917 году); он же преподавал и литературу. За все сочинения Керенский ставил Ильичу всегда пятёрки. Но однажды, возвращая сочинение, он сказал Ильичу недовольным тоном: «О каких это угнетённых классах вы тут пишете, причём это тут?» Ученики заинтересовались, сколько же поставил Ульянову за сочинение Керенский. Оказалось, всё же пятёрка стоит.

Семья Ульяновых была большая — шесть человек детей. Все они росли парами — старшие Анна и Александр, потом Владимир и Ольга, и, наконец, младшие — Дмитрий и Мария. Ильич очень дружил с Ольгой, в детстве играл с ней, позднее вместе читали они Маркса. В 1890 году она поехала на Высшие женские курсы в Питер и умерла там весной 1891 года от тифа.

Александр рос революционером и имел очень сильное влияние на Ильича. Старшие увлекались поэмами «Искры» — так на-

зывали себя поэты-чернышевцы (братья Курочкины, Минаев, Жулёв и др.), которые особо резко высмеивали пережитки эпохи крепостничества в быту, в нравах, старались показать «всё недостойное, подлое, злое» — бюрократизм, подхалимство, фразёрство. Особенно много стихов поэтов «Искры», легальных и нелегальных, знала Анна Ильинична, сама писавшая стихи. Она помнила их всю жизнь, и в последние месяцы её жизни, когда она была уже разбита параличом, придя со службы и садясь пить с ней чай, я обычно наводила разговор на поэтов «Искры», она всегда охотно говорила об этом, и меня всегда удивляла её колоссальная память. Она помнила целый ряд любимых стихов тогдашней передовой интеллигенции. Меня удивило, когда мы были с Ильичём в ссылке в Сибири, какое количество стихов поэтов «Искры» он знал!

Обывательских сплетен, пустопорожней болтовни, которую так высмеивали поэты «Искры», не терпел Ильич, как и его старший брат — Александр. И когда к ним в комнату приходил кто-нибудь из многочисленных двоюродных братьев, у них была любимая фраза: «Осчастливьте нас своим отсутствием». Александр Ильич усиленно читал Писарева, который увлекал его своими статьями по естествознанию, в корне подрывавшими религиозные воззрения. Писарев тогда был запрещён. Читал Писарева усиленно и Владимир Ильич, когда ему было ещё лет 14—15.

...Александр Ильич стал естествоиспытателем, уехал в Питер, в университет, учиться. Втягиваясь в революционную работу, конспирируясь даже от Анны Ильиничны, он в последнее лето, приехав домой, ничего не говорил о ней никому. А Ильичу ужасно хотелось с кем-нибудь поговорить о тех мыслях, которые зародились у него. В гимназии он не находил никого, с кем бы можно было поговорить об этом. Он рассказывал как-то: показалось ему, что один из его одноклассников революционно настроен, решил поговорить с ним, сговорились итти на Свиягу. Но разговор не состоялся. Гимназист начал говорить о выборе профессии, говорил о том, что надо выбрать ту профессию, которая поможет лучше устроиться, сделать карьеру. Ильич рассказывал: «Подумал я: карьерист какой-то, а не революционер», — и не стал с ним ни о чём говорить.

Брат уклонялся в последнее лето от разговоров с Володей, и он, видя, как Саша, готовясь к диссертации о кольчатых червях, встаёт на заре и с раннего утра возится с червями, наблюдает их, работает с микроскопом, делает опыты, думал: «Нет, не выйдет из брата революционера». Он скоро увидел, как он ошибся. Судьба брата оказала на него громадное влияние.

Не только глубоко было влияние на Ильича отца и брата, очень сильно было влияние на него и матери. ...Отец матери Владимира Ильича был родом с Украины; был крупным врачом-хирургом и, проработав 20 лет на медицинском поприще, купил домик в деревне в 40 верстах от Казани, в Кокушкине, лечил

крестьян. Марью Александровну он не захотел отдавать ни в какое учебное заведение, училась она дома, была прекрасной музыкантшей, много читала, знала жизнь. Отец приучил её к большому порядку, она была хорошей хозяйкой, учила потом хозяйству и своих дочерей. Когда она вышла замуж, когда стала у них расти семья, на неё легло много забот. Жалованья Ильи Николаевича еле-еле хватало, надо было много работать, чтобы создать тот уют, тот порядок, который был в семье Ульяновых, который давал возможность всем детям спокойно, толково учиться, который позволял привить детям ряд культурных привычек.

На учёбу ребят Марья Александровна, как и отец Ильича, обращала очень большое внимание, учила их немецкому языку, и Ильич, улыбаясь рассказывал, как его нахваливал в младших классах немец-учитель. Ильич потом очень увлекался изучением языков, даже латыни.

... Кроме того мать примером своим показывала старшим, как надо заботиться о младших. Она организовала хоровое пение ребят, которое они ужасно любили, играла с ними. И Ильич с ранних лет заботился о младшем брате и сестре. В этом отношении замечательно много интересных воспоминаний сохранилось у Марии Ильиничны и Дмитрия Ильича. В игру он умел вносить известную организованность и столько мягкости, внимания было у него во время игры к младшим.

Эта забота о младших наложила печать на всё его отношение к детям и в дальнейшем. Он любил с ними поиграть, пошутить, но никогда я не видела, чтобы он над ними строжился, не любил, когда и другие строжились, никогда он их не поучал, как иной раз изображают это на картинах.

В детях он видел продолжателей того дела, которому отдал всю свою жизнь. Бывало, болтает с ребятами, и, не требуя ответа, а просто выражая свои чувства, говорит: «Не правда ли, ты ведь вырастешь, станешь коммунистом?» Все знают, как велика была его забота о детях, как он заботился об их питании, об их учёбе, о том, чтобы сделать для них жизнь светлой, счастливой, как заботился о том, чтобы они были вооружены знаниями, необходимыми им для победы, уменьем работать и головой и руками, как того требует современная техника.

Ильич всегда очень любил мать, но особенно ценил он её в годы её тяжёлых переживаний. В 1886 году умер Илья Николаевич, и Ильич рассказывал мне, как мужественно она переносила смерть мужа, которого так любила, так уважала. Но особенно стал Ильич вглядываться в мать, понимать её после гибели брата. Александр Ильич, видя тяжёлую долю крестьянства, все те безобразия, которые кругом творятся, решил, что нужна борьба с царской властью. Он, будучи на 4 года старше Ильича, уже по-другому переживал и 1 марта 1881 года, иное у него отношение было к событиям.

В Питере Александр Ильич примкнул к партии «Народная воля», и принял активное участие в подготовке покушения на Александра III. Покушение не удалось — 1 марта 1887 года он вместе с другими товарищами был арестован. Весть об аресте Александра Ильича получила в Симбирске учительница Кашкодамова, которая передала её Ильичу, как старшему сыну (ему уже было 17 лет) в семье Ульяновых. Анна Ильинична тоже училась в это время в Питере, на Высших женских курсах, и тоже была арестована. Передавать эту ужасную весть матери пришлось Ильичу. Он видел её изменившееся лицо. Она собралась в тот же день ехать в Питер. В то время железных дорог в Симбирске не было, надо было до Сызрани ехать на лошадях, стоило это дорого, и обыкновенно ехавшие отыскивали себе попутчиков. Ильич побежал отыскивать матери попутчика, но весть об аресте Александра Ильича уже разнеслась по Симбирску, и никто не хотел ехать с матерью Ильича, которую перед этим все нахваливали как жену и вдову директора. От семьи Ульяновых отшатнулись все, кто раньше у них бывал, всё либеральное «общество». Горе матери и испуг либеральной интеллигенции поразили 17-летнего юношу. Уехала мать; с тревогой ждал Ильич вестей из Питера, особенно заботился о младших, взял себя в руки, занимался. Много он после того дум передумал. По-новому зазвучал для него Чернышевский, стал искать он ответа у Маркса; «Капитал» был у брата, но прежде трудно было Ильичу в нём разобраться, а после гибели брата по-иному взялся он за изучение его. Брата казнили 8 мая. Получив об этом известие, Владимир Ильич сказал: «Нет, мы пойдём не таким путём. Не таким путём надо итти»[1]. Перед тем матери, начавшей ходатайствовать за сына и дочь, дали свидание с сыном, и это свидание потрясло её. Она стала было уговаривать сына подать прошение о помиловании, но когда он сказал ей: «Мама, я не могу этого сделать, это было бы неискренне», — она не стала его больше уговаривать и, прощаясь с ним, сказала: «Мужайся»! Ходила на суд, слушала речь сына.

Анну Ильиничну выпустили под надзор полиции, выслали в деревню Кокушкино под Казанью. Изменилась Марья Александровна, стала близка ей революционная деятельность её детей, и особенно горячо стали любить её дети.

В 1889 году, когда она приехала в Петербург хлопотать о том, чтобы Владимира Ильича из Енисейской губернии перевели за границу или хотя бы куда-нибудь поближе к Питеру, директор департамента полиции Зволянский зло ей сказал: «Можете гордиться своими детками: одного повесили, а о другом также плачет верёвка». Марья Александровна поднялась и, полная достоинства, сказала: «Да, я горжусь своими детьми» (об этом писал присутствовавший при этом разговоре М. Б. Смирнов в своих воспоминаниях в газете «Советский юг»). Ильич не раз говорил о матери, о том, какая громадная была у неё сила

[1] Д. И. и М. И. Ульяновы, «О Ленине», Партиздат, 1934, стр. 9.

воли, говорил как-то: «Хорошо, что отец умер до ареста брата, если бы был жив отец, просто не знаю, что и было бы». Потом мне уже самой пришлось наблюдать Марью Александровну, встречать её во время болезни Ильича в 1895 году, в доме предварительного заключения, куда она приходила на свидание с Ильичём, и поняла я, почему так любил её Ильич. В «Письмах к родным», собранных и изданных Марьей Ильиничной, каждая строчка его писем к матери дышит любовью и близостью к ней.

Пример матери не мог не повлиять на Ильича, и, как ни тяжело ему было, он взял себя в руки и сдал экзамены отлично, кончил гимназию с золотой медалью.

С осени Ульяновы переехали в Казань. Ильич поступил в Казанский университет, в котором когда-то учился его отец.

«Большевик»
1938, № 12, стр. 64—72.

О ВОСПИТАНИИ

В «Комсомольской правде», в номере от 11 апреля, помещена очень хорошая передовая статья «Школа, семья, комсомол», где говорится о необходимости широкой постановки педагогической пропаганды среди родителей, ибо «многие отцы и матери просто не знают, как воспитывать своих детей. Ни Наркомпрос, ни Наркомздрав, ни издательства не позаботились об издании книг, брошюр и журналов, которые помогли бы родителям разобраться в сложных вопросах воспитания».

Что верно, то верно. Когда-то, в 1928—1930 гг., при Наркомпросе существовал журнал «О наших детях», который ставил себе целью педагогическую пропаганду среди широких масс населения в городе и на селе. Журнал был архипопулярный. При реорганизации Наркомпроса он был закрыт. Много лет прошло с тех пор, выросла культура масс в городе и на селе, но значит ли это, что потребность в широкой педагогической пропаганде отпала? Конечно, нет. Нигде так прочно не держатся пережитки старых взглядов, как в быту.

Недавно я была свидетельницей такого факта. Мальчик 7 лет, приехавший из глухого села, живёт и учится теперь в одной подмосковной школе. Его любят ребята всей школы, любят учителя, над ним взял шефство один из учеников 6-го класса, который заботится о нём, помогает в учёбе, рисует для него. Мальчонка очень хороший. Вот сделала я ему пособие по арифметике, он не просто вежливо сказал, как сурово приказала мать, «спасибо», он сделал мне из бумаги гармошку и говорит: «Вы её себе возьмите, совсем возьмите». Я ему дала ещё как-то раскрашенную картинку, на которой изображены папанинцы и развевающийся над Северным полюсом красный флаг с портретом товарища Сталина. Мальчик долго рассматривал картинку, потом сказал: «Я их знаю», назвал мне каждого папанинца и пообещал: «Валя (товарищ) хорошо рисует, он нарисует папа-

нинцев, мы Вам их пришлём, и Сталина нарисуем и пришлём. Вам пришлём!» Потом он читал мне разные стихи, которые успел выучить, и уже в самом конце, волнуясь, вполголоса сообщил: «Я ещё стих знаю: «Товарищ Ворошилов, наш народный комиссар».

Таким растёт наш советский мальчуган, таким растит его школа. Мать берёт его к себе только на выходные дни. Она, сравнительно молодая женщина, сама выросла в глухом селе. Отец её был зажиточным крестьянином, сурово обращался с детьми, заставлял её ещё подростком варить самогон, выдал силком за какого-то парня. Парень этот скоро её бросил, теперь платит алименты и не интересуется, как живут его бывшая жена и сын. А она уехала в Москву, поступила на фабрику, три года уже ходит в школу малограмотных, по вечерам учит уроки, — «помешалась» на диктовках, на «хорошо» и «отлично», но ни в школе, ни дома не читает. Ходит в кино, в театр но в том, что видит, разбирается плохо. А вот ездила в деревню, — говорит, деревню не узнать, деревня стала колхозной, богатой, все учатся. Но с сыном она разговаривает, лишь нахмуря брови, заставляет целый день учиться, не умея помочь ему в учёбе, и бьёт его ремнем, уверяя, что он плохой, злой. Колотит она его ремнём, как её били когда-то отец и мать, но мальчик не хочет терпеть, не даётся, забивается под кровать, хватает что попало, чтобы защищаться... Так новое переплетается со старым.

В отчётах о школах ликбеза и школах малограмотных говорится часто о большом отсеве учащихся. Я считаю, что причина отсева скрыта в том, что, увлекаясь диктовками, правописанием, мы часто даём учащимся слишком мало знаний, нужных в быту, нужных для строительства нового жизненного уклада.

Учащимся школ взрослых нужны знания, знакомящие их с тем, как устроено и живёт человеческое тело, знакомящие их с началами санитарии, дающие представление о том, как надо воспитывать грудных ребят, дошкольников, школьников. В этих школах мы не знакомим людей с нашим государственным устройством, не даём конкретных, жизненных примеров, не указываем, как применять усвоенное на практике. Если такие знания будут даваться конкретно, тесно связанными с жизнью, не будет в этих школах взрослых никакого отсева. Надо ставить учёбу ближе к окружающей жизни. Той культурной революции, о которой писал Ленин перед смертью, в быту ещё нет. Одним из фронтов этой революции является перестройка семейного воспитания на основе разумной заботы о ребёнке, уважения к нему, уменья с малых лет воспитывать из него ленинца-сталинца не путём приказов, наказаний, а путём умелого подхода к нему. И для этого прежде всего надо широко развернуть популярную педагогическую пропаганду среди населения.

Другой раз некоторые педагоги считают, что родителям надо лишь внушать, чтобы они строже требовали от ребят вежливости, послушания, приготовления уроков, наказывали их за пло-

хие отметки, за шалости (ремнём ли бить, или в чулан запирать, или только грозить всякой всячиной, или в кино обещать сводить, конфет купить, — эти вопросы не обсуждаются обычно при беседе с родителями). Совместные же обсуждения с населением педагогических вопросов некоторые администраторы считают неуместными, боятся, что это умалит роль учителя.

Ленин считал необходимым по важнейшим вопросам социалистического строительства советоваться с массами: такой подход к массам характерен и для Сталина. А в области воспитательной работы это практикуют лишь отдельные педагоги-энтузиасты. В огне революции зародились так называемые «советы народного образования», где обсуждались важнейшие вопросы обучения и воспитания. Владимир Ильич хотел, чтобы в пункт программы партии о просвещении были внесены и советы народного образования. Прислушиваясь к массам, педагоги учились на советах народного образования ближе связывать учёбу с жизнью, воспитание — с перестройкой быта, а население с жадностью слушало педагогов. Авторитет педагога поднимался, к нему ходили за советом. Получалась смычка между общественным и семейным воспитанием. Педагоги и родители учились рука об руку растить из ребят настоящих ленинцев, настоящих сталинцев. Сейчас надо при школах взрослых проводить занятие по педагогике в библиотеках подбирать книги по этим вопросам, в клубах собирать педагогов совместно с населением, чтобы обсуждать вопросы, чему и как учить. Дело это очень большой важности.

«Комсомольская правда»,
16 апреля 1938 г., № 87.

БУДЬТЕ ОБЩЕСТВЕННИКАМИ!

Дорогие ребята!

Вы боретесь сейчас за порядок в школе, стараетесь быть ударниками учёбы. Вы знаете, что знание — сила и что нельзя, чтобы было, как при царе: знание было в руках помещиков и капиталистов и их прислужников, а трудящихся, рабочих и крестьян, держали в темноте и невежестве. Борьба за знание — большое дело.

Но в школе вы проводите 5—6 часов, а остальное время вы живёте вне школы, в гуще жизни — вы живёте среди взрослых, знаете, что их заботит, слышите разговоры их, слышите разговоры дома, на улице, во дворе. Вы думаете над жизнью и видите, что многое в ней надо ещё переделать.

Многие из вас пионеры. Ваши вожатые, верно, рассказывали вам о том, что быть пионером — это значит не только носить красный галстук. Быть пионером — значит принимать участие в улучшении окружающей жизни, думать над тем, как это сделать. И каждый пионер должен принимать участие в этом не только в школе, но и вне

школы. А то бывает так: в школе «пионер—всем детям пример», а вышел из школы — точно с цепи сорвался, и думать забыл, что он — пионер, думает только о том, как бы в кино попасть или похулиганить малость. А об общественной работе и не помышляет, без него-де большевики обойдутся, как поется в песне.

Многие ребята не ясно себе представляют, что такое общественная работа. Это работа, направленная на то, чтобы улучшить сообща окружающую жизнь.

Вот вы видите, например, что в доме где вы живёте, есть детский сад, а у ребят нет игрушек, малышам скучно, — сорганизуйтесь несколько человек в кружок, сделайте ребятам-малышам несколько игрушек, по очереди ходите поиграть с ними. Или вы видите, что на селе, где вы живёте, есть неграмотные ребята-подростки, которым не удалось в своё время поступить по какой-нибудь причине в школу. Ребятам охота учиться, а учить их некому. Организуйте работу с ними, достаньте им бумаги или тетрадок, учебников разных и учите их тому, чему вы сами учитесь. Это очень нужное дело. Или есть у вас на селе школа взрослых. Взрослые в школе учат географию, а карт у них нет. Вы для школы взрослых начертили бы карты, вас этому учат, и многие из вас любят чертить карты, обсудите, как это сделать получше. Как благодарны будут вам ученики школ взрослых!

...Вы видите, что кругом грязь ужасная, начните поход за чистоту — в читальне, в столовой, в яслях, в детском саду.

Это я к примеру говорю. Надо самим глядеть, где кругом что неладно, обсуждать сообща, чем и как вы в том или другом случае можете помочь улучшить дело.

Будьте помощниками общественников-взрослых, и тогда вы на этой работе вырастете настоящими общественниками, умеющими бороться за дело Ленина — Сталина.

«Письма пионерам».
«Молодая гвардия», М., 1938, стр. 32—34.

БУДЬТЕ НАСТОЯЩИМИ ТОВАРИЩАМИ!

Дорогие ребята, вы все, конечно, знаете, что день 8 марта — Международный женский день. Этот день празднуют уже 25 лет женщины нашей родины и сознательные трудящиеся женщины, работницы, коммунистки всех стран. В одних странах открыто выходят на улицу, в других, где царит фашизм и открыто праздновать не удаётся, они собираются нелегально и обсуждают, как объединиться, чтобы дать отпор правительствам, которые затевают, подготовляют войну.

Тяжела была доля женщины у нас в России до Октября, тяжела она в капиталистических странах и теперь.

В 1861 г. было отменено крепостное право, но по закону женщина оставалась ещё собственностью мужа, например, если

она хотела из деревни поехать в город поступить работать на фабрику, она могла это сделать только с разрешения мужа.

На фабриках женщине за такую же работу, как мужская, платили меньше, чем мужчине. Тяжелее всего приходилось деревенской женщине. Там больше всего было пережитков старого. Как правило, мужья били своих жён. Придёт муж домой злой, пьяный и кричит:

— Марья, сапоги снимай!

— Сейчас, Иван Петрович! — покорно отвечает жена, начинает с пьяного стаскивать сапоги, а тот старается сапогом её в лицо пнуть.

В городе, на фабрике, где работница сама зарабатывала, в работе была более независима от мужа, муж, как правило, меньше куражился над женой. Но деревня заражала город, и грубости, битья жён было ещё много. Грубость заражает.

Среди интеллигенции тоже грубости было более чем достаточно.

Помню, в 1905 г. мы с Ильичём нанимали комнату в одном большом доме. А рядом жил, тоже нанимал комнату, какой-то офицер, так он свою жену каждый вечер таскал за волосы по коридору.

У людей богатых женское рабство принимало другие формы. Муж жену не бил, не заставлял на себя работать — на то в доме были кухарки и горничные, — но смотрел на жену, как на свою игрушку: дарил ей красивые платья, погремушки разные, брошки, колечки, гребешки, ласкал, как котёнка или комнатную собачонку. Взгляд на женщину, как на предмет развлечения, широко распространён в буржуазных странах.

...Коммунисты смотрят на женщину как на товарища, борются со старым, подлым буржуазным отношением к женщине. Плох тот коммунист, который относится к женщине по-старому, по-капиталистически.

По закону женщина у нас с самого начала существования советской власти уравнена во всех правах с мужчиной, пользуется одинаковыми с мужчинами политическими правами, но в быту есть ещё пережитки старого.

Посмотрите вокруг себя, вглядитесь в жизнь — вы увидите ещё много пережитков старых взглядов.

...Когда ребята поступают в пионеры, они дают торжественное обещание бороться за дело Ленина, за дело рабочего класса.

Ленин всю жизнь боролся с подлым крепостнически-буржуазным отношением к женщине, боролся за её равноправие, за её раскрепощение. Он с радостью отмечал участие женщины в революционной борьбе, общественной работе, в работе советов. Требовал, чтобы женщин, даже самых тёмных, самых отсталых, вовлекали как можно шире в рабочее движение, в общественную работу, в управление страной, в работу по строительству социализма. За это борется всё время товарищ Сталин, за это борется вся партия!

Дорогие ребята, вы слышали, вы читали, как боролись женщины-работницы вместе с рабочими против царизма, знаете, как их за это арестовывали, сажали в тюрьмы, ссылали. Знаете, как в гражданскую войну женщины принимали участие в ней, помогали сыновьям, мужьям и братьям бороться с белыми, бороться за советскую власть. Когда советская власть укрепилась, они стали вести широкую общественную работу, бороться за социализм, принимать участие в управлении страной.

Пионерам надо следить, чтобы у них в школе, дома, в домах пионеров, в лагерях и т. д. были настоящие товарищеские отношения между мальчиками и девочками, чтобы шла дружная учёба, дружная общественная работа.

Ребята, вы говорите, что вы «к борьбе за дело Ленина — Сталина всегда готовы!» Это ко многому обязывает вас, обязывает вас к тому, чтобы наладить правильные отношения между мальчиками и девочками.

Вы знаете, в Международный женский день вся наша Страна Советов шлёт привет женщинам Испании, Китая, сознательным женщинам всех стран, борющимся против войны, против фашизма, за победу социализма. Посылая им привет вместе со взрослыми, вы берёте на себя обязательство быть примером того, как налаживать совместную товарищескую работу мальчиков с девочками.

К борьбе за дело Ленина — Сталина будьте готовы!

«Письма пионерам»,
«Молодая гвардия», М. 1938, стр. 60—66.

О ДРУЖБЕ РЕБЯТ ВСЕХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ

Дорогие ребята, вы знаете, как при царе помещики и капиталисты эксплоатировали, угнетали национальности, населявшие Россию. Таких национальностей очень много. Они были лишены всех прав. Царское правительство старалось всячески мешать сближению национальностей, натравливало одну национальность на другую: татар на армян (в 1905 году дело дошло до резни между татарами и армянами), русских на евреев и т. д. Вы читали, вероятно, о диких еврейских погромах, которые устраивались черносотенцами. Черносотенцы врывались в еврейские дома и квартиры, всё в них ломали, грабили имущество, избивали и убивали стариков, женщин, детей, увечили их. Всё это проходило безнаказанно. Взгляд на нерусские народности, как на какую-то низшую породу людей, был широко распространён среди обывателей. Владимир Ильич рассказывал о том, как он в детстве и ранней юности постоянно слышал такие разговоры среди симбирских обывателей: заговорят о еврее, непременно скажут «жид», о поляке — «полячишка», об армянине — «армяшка». Но это было не только в Симбирске — было повсюду. Я жила в детстве в Петербурге, в Псковской губернии, в Киеве — везде было одно и то же.

Населявшие Россию народности царское правительство держало в темноте, чтобы легче было их эксплоатировать. У целого ряда народностей не было даже своей письменности, другим запрещали писать и выпускать книги и газеты на их родном языке.

Советская власть сразу же положила этому конец, дала всем национальностям одинаковые права с русскими, всё время проявляет особую заботу об отсталых национальностях. Дружба народностей, населяющих наш Союз Советских Социалистических Республик, растёт и крепнет.

Само собой разумеется, что пионеры разных национальностей должны дружить между собой, помогать во всём друг другу Как правило, это так и бывает. Но бывает и так, что русские пионеры считают, что дети других национальностей более отсталые в культурном отношении. Пионеры одного детского дома — русские — писали мне как-то из Таджикистана: «Кругом нас живут таджики. Мы знаем, что царское правительство угнетало их. Когда мы вырастем, мы поможем им стать культурными». В ответ на это я написала им, что граждане из угнетаемых при царизме национальностей теперь усиленно учатся, многие из них стали крупными работниками. Я писала ребятам, что им надо поближе сойтись с ребятами-таджиками, сдружиться, что среди ребят других национальностей многие очень дисциплинированы, умеют хорошо работать, петь, рисовать, метко стрелять. Многому можно у этих ребят поучиться, но надо и им помогать, делиться с ними знаниями. Нужна дружба между ребятами всех национальностей. Этого хотел Ленин, этого хочет Сталин.

Дорогие ребята, пионеры и пионерки всех народностей СССР!

От своих отцов и матерей, от стариков многие из вас слышали, как русские помещики и капиталисты эксплоатировали ваш народ, держали его в темноте и бесправии, и может случиться, что у кого-нибудь из вас нет-нет и вспыхнет чувство недоверия к русским ребятам. Ленин заботился, Сталин заботится, чтобы все народности СССР были полноправны, чтобы они могли расти и крепнуть, чтобы ребятам всех национальностей — и мальчикам, и девочкам — хорошо жилось. У вас нет причин обособляться, дружите с русскими ребятами, помогайте друг другу в учёбе, в общественной работе, сообща боритесь за социализм, за жизнь сытую, здоровую, просвещённую, светлую, за дело Ленина — Сталина.

Теперь во всех школах вводится преподавание русского языка. Знание, кроме родного, одного общего языка, русского, ещё больше сблизит все народы СССР. На русском языке очень много книг, которые рассказывают о революции, о врагах, с которыми надо бороться, о том, как надо по-новому перестраивать жизнь. На русском языке много учебников, много научных трудов. Надо открыть доступ к этой богатой литературе всем национальностям, помочь им поскорей овладеть наукой.

Язык разных национальностей часто очень отличается от русского. Есть такие языки, где, например, нет разницы между муж-

ским и женским родом, и ребята, когда начинают учиться русскому языку, долго путают мужской и женский род, говорят: «Ваня пошла спать, или «Маша пошёл домой». Есть языки, в которых никогда не бывает рядом двух согласных букв, и ребята этой национальности, когда начинают учиться русскому языку, никак не могут сказать «три», говорят «ри». Есть такие языки, где неясна разница между буквами «к» и «х», между «б» и «п» и т. д. И вот когда ребята пишут диктовку, делают много ошибок, как ни стараются, всё выходит «плохо».

Чтобы научиться хорошо писать и читать, им надо прежде всего научиться говорить по-русски. Это зависит от практики.

Дружба ребят разных национальностей с русскими, совместные игры, прогулки, рассказы на русском языке, русские стихи, которые будут легко запоминаться, русские песни помогут им быстро овладеть русской речью.

Мой отец был революционер. Он хотел, чтобы я дружила с ребятами других национальностей. Когда мне было лет пять, мы жили в Варшаве. И вот я играла во дворе с ребятами польскими, еврейскими, татарскими. Мы очень дружно играли, нам было очень весело. Мы угощали друг друга, чем могли. Татарские ребята водили меня в палатку во дворе, где жили их родители — они работали на стройке, — и угощали меня кониной, которая казалась мне очень вкусной. Еврейский мальчик был постарше меня года на три, он очень хорошо обращался со мной, я его очень любила, он угощал меня хлебом со смальцем. Польские ребята угощали меня «тястечками» — пирожными. Я не помню, чем я их угощала, но жили мы очень дружно и весело. И потом, когда я стала постарше и слышала, как обижают детей евреев, не пускают их в общественные сады, не пускают учиться, как притесняют поляков, я очень возмущалась. Потом я жила в Полтавской губернии в деревне, играла там с деревенскими ребятами-украинцами, научилась говорить по-украински, мне очень нравились украинские песни, украинские цветущие деревья. Я и сейчас бываю рада, когда получаю от украинских пионеров письма.

Отец Владимира Ильича, Илья Николаевич, был директором народных училищ в Симбирске. Он всегда очень заботливо относился к детям других национальностей — мордвинов, чувашей и др. Владимир Ильич видел это, это ему нравилось, и в старшем классе гимназии целый год занимался он с товарищем-чувашем Огородниковым, помогал ему подготовиться в высшую школу и помог — тот сдал очень хорошо экзамен.

Я крепко надеюсь, ребята, что вы, какой бы национальности ни были, будете дружить друг с другом, помогать друг другу в учебе, в выработке характера, в умении работать и станете и на этом фронте настоящими ленинцами-сталинцами.

«Письма пионерам»,
М. «Молодая гвардия», 1938, стр. 54—59.

НАДО УЧИТЬСЯ РАБОТАТЬ ГОЛОВОЙ И РУКАМИ

Дорогие ребята, вы знаете, что при крепостном праве было два главных класса: класс помещиков и класс крестьян. Помещики владели землёй, крестьяне на них работали с утра до ночи, с малых лет и до глубокой старости. Помещики были классом эксплоататоров, крестьяне — классом эксплоатируемых.

Помещики никаким физическим трудом не занимались. Физический труд считался «чёрным». Почитайте наших лучших писателей, описывавших жизнь помещиков и крепостных крестьян. Почитайте, например, роман «Обломов» Гончарова, почитайте Щедрина и других писателей, описывавших крепостное право. Даже по дому ничего не делали помещики, сами одеться, причесаться не умели, держали горничных, кухарок, нянек, швей и т. п. Господа учились читать и писать, занимались немного умственным трудом; им это надо было для того, чтобы управлять, чтобы читать занимательные книжки. Потом, когда стали проводиться железные дороги, стали вводиться машины, стали возникать фабрики и заводы, укрепился класс капиталистов, они стали эксплоатировать рабочих.

Класс капиталистов эксплоатировал рабочих, наживался на их труде. Капиталисты, как и помещики, занимались умственным трудом, чтобы управлять, командовать и развлекаться, а рабочие занимались, как и крестьяне, «черным», физическим трудом. Было такое разделение: помещики и капиталисты, тесно связанные между собой, занимались только умственным трудом. Рабочих и крестьян держали в темноте, чтобы легче было ими управлять. Крестьяне и рабочие — классы эксплоатируемые — занимались тяжёлым физическим трудом, а к сколько-нибудь углублённому, серьёзному знанию им доступ был закрыт. Разрыв между трудом умственным и физическим был очень велик.

И школы создавались разные: для детей помещиков и капиталистов были средние и высшие учебные заведения, где детям давали знания, овладение которыми приучало к умственному труду.

...Конечно, при капитализме нужны были служащие — техники, мастера, бухгалтеры, фельдшеры, учителя, чиновники разных специальностей и т. д., которые должны были обладать известными знаниями и в области умственного труда. Высшие разряды служащих — инженеры, врачи, агрономы — обслуживали, главным образом, капиталистов и помещиков. В этот разряд попадали лишь в исключительных случаях дети крестьян и рабочих, попадали больше всего дети разорившихся помещиков и капиталистов.

Физический труд считался каким-то низшим, грубым трудом; им занимались лишь из нужды.

Сейчас в нашей стране, где нет больше помещиков и капиталистов, нет больше эксплоатации, умелый, слаженный физический труд стал трудом почётным. Быть стахановцем стало делом

чести. К людям физического труда советская власть относится совсем по-другому, выдвигает их.

Кроме того, современный физический труд благодаря открытиям науки и техники меняет свой характер. Одно дело было править конём, запряжённым в телегу, другое дело — править автомобилем или паровозом. Одно дело было с прялкой сидеть под оконцем, другое дело — управлять десятком прядильных машин. Одно дело было пахать сохой, другое—трактором. И машинисту, и работнице на текстильной фабрике, и трактористу надо иметь умелые руки, но нужны им и знания, надо умение работать и головой и руками.

Маркс, Энгельс, Ленин всё время говорили о трудовом воспитании на основе современной техники, об изжитии разрыва между трудом физическим и умственным. Сейчас самое важное — вооружить массы знанием! У нас введено всеобщее обучение, на школьную учёбу обращено большое внимание, но это не значит, что наши ребята могут расти барчатами, которые не умеют пуговицы пришить к пальто, вскипятить молоко, вычистить себе сапоги, позвонить по телефону, не знают, как приступиться к машине, как за лошадью ухаживать. Стране социализма барчат не надо. Нужны умелые руки в быту и на всякой работе, в том числе и на технической работе.

Разве белоручка может быть папанинцем? Некоторые ребята недавно думали, что при социализме никто ничего не будет делать. Нет, при социализме все работают, только труд этот иной, много легче, производительнее, интереснее. Это труд не на помещика и капиталиста, это труд на общую пользу. Только он требует знаний, умения эти знания применять к жизни, пользоваться самыми разнообразными инструментами, управлять машинами. Надо иметь и знания и прочные навыки труда.

...Вам надо расти работниками социалистического—осмысленного хорошо организованного труда. Научитесь быть такими работниками нашего социалистического государства, какими являются стахановцы.

Но вы знаете, капиталисты ненавидят нашу страну социализма, они хотят её разрушить. Они пробовали через своих шпионов завербовать побольше предателей вроде бухаринцев, троцкистов. Поработить нашу страну им не удастся. Предателей — единицы, а миллионные массы крепко стоят за социализм, крепко сорганизованы, сплочёны. Если враг нападёт, они сумеют дать отпор.

...Пионеры, пионерки! К социалистическому труду, к обороне своей социалистической родины, к борьбе за дело Ленина — Сталина будьте готовы!

«Письма пионерам»,
«Молодая гвардия», М. 1938, стр. 35—40.

ПИОНЕР — ДРУГ И ТОВАРИЩ ВСЕМ РЕБЯТАМ

Дорогие ребята!

Недавно я получила письмо от школьников, где они жалуются на вожатую, что она не хочет принимать их в пионеры,

говорит, что они в пионеры ещё не годятся. Жалуются ребята, что им скучно, — пионеров и в театр водят, и на экскурсии, и на торжественные вечера, а их никуда не берут.

Видно, ребята понятия не имеют, каким должен быть пионер, что он должен знать, как должен себя вести, как работать, за что и как бороться. Им кажется просто, что пионеры — это какие-то привилегированные ребята. Не знаю, может, вожатая не сумела растолковать ребятам, кто такие пионеры, не так поговорила с ними, как надо, но мне кажется, что тут и пионеры виноваты, что они о других школьниках не заботятся. Им бы надо сказать: «Водите нас реже в театр, но делайте так, чтобы все школьники ходили, — и пионеры, и не пионеры». Как сразу вырос бы их авторитет, как заинтересовались бы все ребята тем, что это за ребята такие — не о себе только заботятся, а о всех. А очень часто бывает так, что пионеры держатся обособленно, с не пионерами даже играть не хотят, не рассказывают им о своей работе. Тут иногда и педагоги виноваты. Был раз такой случай. Из какого-то района — не помню какого — приехали ребята-отличники. Их премировали в Наркомпросе. Было торжественное заседание. Обратила внимание я на одну девочку: она внимательно смотрит, как кого премируют, и, видно, нервничает ужасно. Меня куда-то вызвали, и до конца я не досидела. Потом девочка мне написала, что она отличница, но её не записали в список премируемых, потому что она не пионерка. Наркомпрос исправил эту ошибку, послал девочке подарок. Педагоги, которые не внесли девочку в список премируемых потому, что она не пионерка, очень плохо поступили. Но как могли пионеры это допустить? Их дело было вмешаться, они должны были не давать девочку в обиду.

...Настоящий коммунист думает о всех трудящихся, партийных и беспартийных, работает не покладая рук, стоит за дело трудящихся при всех условиях. Пионеры хотят стать настоящими ленинцами-сталинцами, и они должны не о развлечениях только думать, не отрываться от ребят не пионеров, по-товарищески о всех ребятах заботиться, заботиться, чтобы все ребята могли хорошо учиться, хорошо отдыхать, хорошо питаться, нагуливать себе силы, становиться достойными гражданами Страны Советов.

Учитесь бороться за дело Ленина — Сталина!

«Письма пионерам»,
«Молодая гвардия», М. 1938, стр. 51—53.

ОБ УЧЕБНИКЕ ПО ЛИТЕРАТУРЕ

Сейчас на страницах «Литературной газеты» и ряда других газет обсуждался вопрос, каков должен быть учебник по литературе для неполной средней школы и для средней школы. Я хотела бы по этому вопросу сделать лишь пару замечаний.

Первое, что мне кажется необходимым, это то, чтобы *учебник по литературе был написан как можно проще*, без вся-

кой литературоведческой мудрёной терминологии, которая самой простой мысли старается придать научный вид и толк.

Второе — это то, что учебник по литературе *не должен стараться* объять необъятное, дать литературоведческую оценку чуть ли не всем литературным произведениям всего мира, дать оценку всем литературным направлениям и т. д. и т. п. Вот уже где особенно важно давать «меньше да лучше» — это в учебнике по литературе. Излишнее количество оценок, которые надо запомнить, оттесняет на задний план *самое главное — это уменье самостоятельно разбираться в литературных произведениях.*

Надо, чтобы учащийся до конца понял, какая громадная сила — художественное произведение, как может оно научить вглядываться в жизнь, разбираться в окружающих сложных явлениях, понимать людей, как может оно вооружать к борьбе, сплачивать, сближать людей, ставить перед ними великие цели, и в то же время надо подчёркивать, как может художественное произведение затемнять сознание, растить классово чуждые настроения, питать религиозные чувства, индивидуализм, шовинизм, пассивность и как важна литературная, правильно поставленная критика.

Другое, что должен давать учебник по литературе, — это выяснение того, *в чём сила литературного произведения.*

Сейчас в наших программах больше говорится, — правда, часто темно и неясно, — о литературных направлениях, но совершенно почти не говорится о том, *как создаётся художественный образ,* не говорится о выборе темы, её актуальности, значимости для переживаемого момента, не говорится, как писать, как выбирать самое типичное, самое характерное.

«Если ты хочешь изобразить консьержа, — советовал французский писатель Флобер своему молодому другу Мопассану, — вглядывайся в него до тех пор, пока не увидишь, чем он отличается от всех других консьержей, тогда ты сможешь в нескольких словах дать его живой образ». Пишу по памяти, это цитата неточная, у меня нет под рукой писем Флобера к Мопассану, но письма эти, по-моему, очень ценны. Таких указаний можно найти очень много у Льва Толстого, у Горького, у ряда других наших беллетристов. Эти высказывания надо собрать, объединить.

У нас с низов поднимается масса новых талантов, они будут писать и пишут о современности, о новых, замечательных людях, растущих в нашей стране социализма, об их переживаниях. Им нужна помощь, эту помощь должен оказать учебник по литературе, который должен быть не только на руках у учеников, а в каждой массовой библиотеке. Вот недавно, обсуждая вопрос, как оживить преподавание грамматики, я говорила, что надо учащихся заочников заставить как-то «полюбить имя прилагательное», тогда учащийся быстро усвоит и все скучные правила.

Сначала мой собеседник поморщился — это-де литература, а

ие грамматика, а потом написал несколько страничек о роли прилагательных в художественной литературе. Вышло замечательно интересно. Он взял небольшой отрывок из Тургенева, дал его сначала без прилагательных, а потом так, как дано у Тургенева, с прилагательными, показал на этом примере, как прилагательные оживляют имена существительные, конкретизируют их. Потом взял бурнопламенного Маяковского, показал яркий, страстный, оригинальный подбор прилагательных у Маяковского, а потом показал, как заботливо подбирал Пушкин, что можно установить по его рукописям, прилагательные.

Этот экскурс в литературу, по-моему, является образцом того, как надо в учебнике по литературе освещать *технику литературного творчества*. Сейчас это одна из самых актуальных задач.

Масса начинающих писателей нуждается в литконсультации, и нужно, чтобы учебник по литературе давал эту столь необходимую сейчас консультацию о сути, о технике литературного творчества.

Начинать разбор художественной литературы надо с современных писателей, говорящих о вещах, близких молодёжи. Конечно, надо выбирать лучшее, что есть. Надо прежде всего, чтобы учащийся понял *тесную связь между художественной литературой и окружающей действительностью*. Без этого нельзя переходить к истории литературы.

История у нас была в забросе. Сейчас, когда обращено особое внимание на историю, когда на писание учебников по истории брошены лучшие силы, будет много легче построить курс истории литературы. Важно, чтобы учащийся хорошо знал ту эпоху, в которую написано то или иное классическое произведение, без этого оно не будет до конца понято. История народов СССР особо поможет разобраться в истории литературы разных народностей, которая содержит в себе много ценного, исторически показательного.

У нас теперь увлекаются фольклором — народным творчеством. Это хорошо, надо только очень настороженно относиться ко всякому подделыванию под фольклор. Нельзя фольклор брать также «вне времени и пространства», очень важно научиться определять, к какой эпохе относится то или иное произведение, к какому району; важно установить, какой слой населения создал то или иное произведение. Эти вопросы требуют хорошей подготовки, и поэтому, по-моему, фольклор надо изучать тогда, когда учащиеся уже хорошо понимают связь всякого художественного произведения с известной исторической эпохой. Фольклор надо связывать с изучением истории языка, гибкости его, живого богатства народного языка, которое надо беречь, закреплять.

И, наконец, последнее, на что я хотела бы обратить внимание составителей учебников по литературе, это то, что учебник по литературе должен помогать развитию самодеятельности учащихся: учебник по математике и учебник по литературе, например, —

две вещи совершенно различные. Самодеятельность учащихся в области литературы можно организовать гораздо легче. В приложении надо дать мотивированные программы литературных кружков, дать указания, как писать отзывы на литературные произведения, как делать выписки, что, в какой связи читать и т. д. и т. п., на какие спектакли ходить, как записывать свои мысли, возникающие в связи с просмотром той или иной вещи, с чтением того или другого художественного произведения.

В нашей стране литература должна стать серьёзным участком социалистической стройки. В живых образах она должна роднить самые широкие слои населения всех национальностей. Живой реальный художественный образ — могучее средство пропаганды. Это ни на минуту не должны забывать составители учебника по литературе.

«Литературная газета»,
№ 37 от 5 июля 1938 г.

ЗНАНИЯ НУЖНЫ В ЖИЗНИ, КАК ВИНТОВКА В БОЮ

Дорогие ребята! Прошло уже около месяца, как начались занятия. Первое время вы волновались, раздобывая учебники, радуясь встрече со старыми товарищами, знакомясь с новыми учителями. Теперь жизнь школы вошла уже в обычную колею, и мне хочется поговорить с вами о вашей учёбе.

Ученик советской школы не такой уже младенец, чтобы не понимать, как важно ему овладеть знаниями. Он видит, какая сила — знания. Ему нужно много знать, чтобы разбираться в том, что кругом него делается, чтобы читать интересные книжки, узнавать, как живут люди, как лучшие из них борются за жизнь для всех сытую, светлую, просвещённую, как это делал Ленин, как это делает Сталин, как это делает партия, комсомол, как это делают стахановцы, лётчики, герои труда и обороны. Чтобы жить по-настоящему светлой, счастливой жизнью, надо много знать, много передумать, надо научиться работать и головой и руками, знания нужны в жизни, как винтовка в бою.

Вот почему надо аккуратно посещать школу, не пропускать уроков. Пропуски мешают учёбе, потом надо догонять пропущенное, пропустишь объяснения учителя, трудно будет учиться.

В классе надо внимательно слушать, объяснения учителя помогают учёбе. Пропустишь объяснения учителя, трудно будет потом самостоятельно учиться. Нельзя болтать во время урока, шалить, это мешает другим ребятам слушать.

Надо аккуратно, заботливо выполнять домашние занятия, сосредоточиваясь, не разбрасываясь. Один и тот же урок можно готовить и полчаса и три часа. Нельзя делать урок на скорую руку, как попало, но нельзя и канителиться лишку. Стахановцы делают работу всегда очень внимательно и обдуманно, не вполыхах, но быстро.

Надо помогать учиться другим товарищам, особенно отстающим в учёбе. Когда в классе есть отстающие — это замедляет работу класса. А потом класс в советской школе должен быть дружным коллективом. В старое время лучшие ученики часто только о себе думали, теперь отличники должны заботиться о всём классе.

Но было бы смешно думать, что помощь товарищам может выражаться в подсказывании, в шпаргалках, в том, что даёшь списывать с своих работ более слабым ученикам. Это не помощь, это обман, ребята отучаются всерьёз заниматься, вместо помощи получается вред.

Советский учитель старается вооружить учащихся знанием, растить из ребят настоящих ленинцев, сталинцев. Это не так просто, как кажется многим ребятам. Учителя сами много учатся, совещаются друг с другом, обмениваются опытом, стараются дать ребятам самое важное, самое нужное. Учителя крепко стоят за советскую власть. Во время гражданской войны белые расстреливали учителей и учительниц, сажали их в тюрьмы. В первые трудные годы советской власти многие учителя занимались бесплатно, проявили большую заботу о ребятах.

Учащимся советской школы надо уважать учителя, помогать ему получше налаживать работу в классе, беречь его время.

Своё уважение к учителю надо проявлять и внешне. Не позволять себе никаких грубостей по отношению к учителю, говорить ему «вы», при его входе и выходе всем классом вставать.

Надо выполнять указания учителя, понимая, что эти указания помогают в учёбе.

Советская школа — это крепкая советская организация. Мы видим, что работа на фабрике, в колхозе, в Красной Армии везде хорошо налажена — все приходят во-время, работают по плану, выполняют указания командира, директора и их помощников, каждый выполняет порученное ему дело, старается сделать его как можно лучше. Надо чтобы был порядок и в школе, чтобы школа была образцом организованности.

Прежде всего нужен внешний порядок. Учащимся нельзя опаздывать на уроки, надо приходить во-время, входить в класс по звонку и садиться на своё место.

Нельзя выходить из класса и входить в него в любое время без разрешения учителя.

Надо своевременно приготовлять всё необходимое для учёбы: письменные принадлежности, учебники и дневники, которые подавать учителю при первом его требовании.

Надо не перебивать других, а когда хочешь что сказать, делай это с разрешения учителя; поднимать руку, когда хочешь что сказать.

Надо соблюдать порядок при работе в лабораториях, мастерских, в столовых, во время экскурсий, в перемены.

Но дело не только во внешнем порядке.

Нужна общая налаженность работы, надо всем учащимся

заботиться о том, чтобы наладить всю школьную жизнь так, чтобы каждый учащийся чувствовал, что он растёт, делается более сознательным, надо, чтобы учёба увлекала его, чтобы он чувствовал, что становится культурным человеком, человеком полезным.

Надо отучиться ругаться, хулиганить, ссориться из-за выеденного яйца, заниматься пустопорожними разговорами, а самое главное надо стать общественниками, как того хотел Ленин. Он говорил об этом комсомолу. Надо помогать работе библиотек, детских садов, красных уголков, помогать всю жизнь делать более налаженной. Надо советоваться между собою, что и как надо делать, что по силам, что не будет мешать учёбе.

Очень часто ребята думают, что всё дело в том, чтобы было для них побольше удовольствий, что непрерывно надо ходить в театр, кино, развлекаться. Это не так. В кино, театр надо ходить только на лучшие вещи, ходить изредка, а то всё приестся, наскучит. Постоянное посещение кино и театра отвлекает от учёбы.

Дружная учёба, общественная работа дают очень много, каждый учащийся чувствует себя звеном коллектива.

Советская школа должна стать образцом дружной, спаянной работы.

Привет вам, дорогие ребята! Растите ленинцами, сталинцами!

«Пионерская правда»
от 22 сентября 1938 г. № 129 (2123).

РЕШЕНИЕ ЦК ВКП(б) «О ПОСТАНОВКЕ ПАРТИЙНОЙ ПРОПАГАНДЫ В СВЯЗИ С ВЫПУСКОМ «КРАТКОГО КУРСА ИСТОРИИ ВКП(б)» И НАШИ ЗАДАЧИ

(Доклад на Всероссийском методическом совещании школ взрослых 15 ноября 1938 г.)

15 ноября 1938 г. во всех газетах было напечатано постановление ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)». Это постановление имеет для нас, работников школ взрослых, громадное значение.

В этом постановлении есть такие установки, подчёркнуты такие важные вопросы, которые должны быть для нас целиком руководством к действию. Надо сделать из этого постановления ряд выводов в отношении того, как мы должны ставить нашу работу.

В постановлении резко осуждена практика канцелярско-бюрократического подхода к организации кружков по изучению марксизма-ленинизма. Многие партийные организации всё «учитывали», «охватывали» кружками членов партии, а на качество работы кружков, на существо дела мало обращали внимания.

Если мы посмотрим на нашу работу, то увидим, что мы тоже были в плену «учёта» и «охвата»: считали, пересчитывали, еще раз считали и пересчитывали, сколько у нас народу учится в школах взрослых, а качеством обучения занимались мало.

Конечно, вести учёт надо. Без учёта невозможно налаживание дела, невозможна правильная организация его. Но одно дело учёт, а другое дело формальный подсчёт: столько-то обучили, столько-то отсеялось и только.

Я думаю, что у нас в последнее время была такая ошибка и, надо думать, она была у нас в большей степени, чем по линии организации партийного просвещения. Ход учёта и переучёта в наших школах стал очень поверхностным, мы обращали внимание не столько на то, чтобы при помощи его поглубже поставить работу, сколько на формальную сторону дела. Это, конечно, только вредило делу.

Постановление ЦК ВКП(б) о партийной пропаганде направлено против начётничества, против буквоедства. Если партия, говоря о пропагандистской работе, указывает на то, что в ней иногда имели место начётничество и буквоедство, то мы по совести должны сказать, что в нашей работе начётничества и буквоедства было ещё больше, много было формализма в преподавании.

Что вытекает для нас из этой части постановления ЦК ВКП(б)? Мы должны отбросить всякое буквоедство и всякий формализм в преподавании, внимательно вглядываться, так ли мы нашу учёбу ставим, как надо, даёт ли она те результаты, которые должна давать.

В постановлении говорится насчёт школярских методов на занятиях в кружках. Что значит школярский метод? Это — метод зубрёжки, «натаскивания». В последнее время мы много раз говорили на эту тему. Возьмём, например, вопрос о часах. Конечно, надо иметь план, распределять, сколько часов на какие предметы в плане даётся, но когда говоришь, что надо на то-то и то-то обратить особое внимание, а мне возражают: «Да, конечно, но на это у нас нет часов», то это показывает, что «часы» у нас превратились в нечто, гробящее живое дело, загемяющее суть преподавания. Можно ведь и в 100 часов не сказать самого важного, ценного и, наоборот, в 5 часов дать главное. Из этого, конечно, не вытекает, что я в какой-либо мере хочу сказать, что не надо планировать занятия. У нас всё строится по плану: и хозяйство и вся культурная работа. Мы не анархисты, мы против самотёка. Для нас план в работе школы играет громадную роль, но надо, чтобы план не заслонял сущности работы, чтобы он нас не душил. Иногда бывает: составили план, а жизнь требует, чтобы этот план был несколько перестроен, потому что в политической или хозяйственной жизни выдвинулись такие вопросы, которые требуют немедленного освещения. Бывает и так, что в процессе преподавания выясняется, что надо больше остановиться на таких-то и таких-то вопросах, а нам говорят: «Как можно! Есть план, надо делать по плану». Выходит бюрократизм чистейшей воды. Когда я на различных совещаниях говорила о необходимости большей гибкости плана учёбы, о большей жизненности его, многие участники этих совещаний на меня смотрели не очень одобрительно.

Если мы хотим построить действительно жизненный план учёбы, мы должны строить его на учёте живых потребностей, на учете фактического состояния дела. Такой учёт имеет громадное значение. Возьмём пример. Я помню, когда образовался Главполитпросвет, Владимир Ильич посоветовал нам иметь географические карты с нанесением на них сети наших учреждений, с расстановкой флажков разного цвета, которые отмечали там-то такие-то достижения, здесь такие-то недостатки и т. д. Такие карты у нас были, они много давали, наглядно показывали, где особенно нужна помощь центра, где есть чему поучиться. Я теперь что-то не вижу таких карт, они вышли из моды, а между тем каждый районный работник должен знать, что у него в разных местах района делается, надо, чтобы каждое последующее обследование покоилось на предыдущем. А мы сейчас часто собираем материал недостаточно планово. Выслушали интересный доклад, дали оценку состояния дела, а потом сменился работник, и новый едет туда же и снова делает доклад о том же, часто более слабый, чем предыдущий. Мы не умеем по-настоящему накапливать материал, систематизировать его, без чего нельзя получить картину того, что есть. Я думаю, что на эту сторону дела наши методические кабинеты должны обратить внимание.

В Главполитпросвете был в своё время центральный кабинет политпросветработы, где собирались и все данные о работе школ взрослых. Там были карты и систематизированные материалы по каждой области. Бесконечные переучёты последнего времени ослабили внимание к настоящему учёту. Нам надо иметь точную картину того, что у нас есть. У нас всё выходит слишком общо, слишком бюрократически. Наши указания, наши статьи часто слишком общи, нам надо говорить конкретнее, надо иметь конкретную картину того, где что не сделано, чтобы знать, куда надо прийти немедленно на помощь.

Мы очень увлекаемся нашими учителями-отличниками. Я сама питаю к учителям-отличникам нежные чувства, но изучить надо не только работу педагогов-отличников, — надо изучать работу и слабых учителей, чтобы знать, в чём их слабость и как им надо помочь.

Постановление ЦК ВКП(б) направлено против схематизма, оно требует конкретности в работе. Конкретность должна быть и в учёте. Если мы не поставим учёта конкретно, а будем учитывать вообще, у нас не выйдет того, что нам нужно. Нам надо знать всю конкретную обстановку работы.

Возьмём вопрос отсева учащихся. Отсев — наше больное место. Почему происходит отсев? Надо знать его причины в каждом отдельном случае. Недавно один товарищ из Донбасса рассказывал, что к ним на работу в шахты приезжают люди из Орловской, Тамбовской областей. Среди приехавших бывает много неграмотных, всех неграмотных учитывают, втягивают в учёбу, а они, проработав с месяц, уходят в другое место. Вот

и получается отсев учащихся. В другом случае отсев может быть потому, что плохо поставлено преподавание. В третьем — потому, что часы занятий установлены неудобные для рабочих и т. д. Надо вскрывать причины отсева и, учитывая их, принимать соответствующие меры к устранению отсева.

Нам надо подумать, что делать, чтобы отсеявшиеся могли вновь вернуться на учёбу. А часто говорят: «Раз отсеялся, ничего не поделаешь». Сделать можно очень многое, но требуется внимательное и заботливое отношение к учащимся. В этом у нас часто бывают пробелы, и в результате получается тот формализм, против которого так резко говорит постановление ЦК ВКП(б) о партийной пропаганде.

В постановлении много говорится о том, как важно уменье самостоятельно работать над книгой, как важно, чтобы человек сам учился. «Овладение марксистско-ленинской теорией — дело наживное», это обязывает нас вооружить учащихся наших школ уменьем самостоятельно работать над учебником, над первоисточниками, над газетой. Самое главное — дать учащимся уменье выделить из прочитанного самое важное, существенное, научить разобраться в материале. А у нас с приучением к самостоятельной работе дело хромает.

Года три назад работники школ взрослых обратились в существовавший тогда Высший институт коммунистического просвещения (ВКИП) за советом, как лучше развить самодеятельность учащихся. В институте им сказали, что самодеятельность учащихся снижает роль учителя. Я тогда резко возражала против этого, но всё-таки вопросы выработки у учащихся уменья работать самостоятельно были в Наркомпросе тогда в загоне.

У нас нет хороших пособий, у нас нет указаний о том, как самому заниматься. В период между 1921 и 1925 годами много писалось и говорилось о том, чему и как надо учиться, говорилось о том, как беречь своё время, у нас была даже, помнится, лига «Время». А теперь о том, как беречь своё время, как его распределять, как беречь время других товарищей, как работать коллективно, как учитель должен беречь время учащихся, что-то не говорят в методкабинетах, не учат по-стахановски работать в области умственного труда. Я не знаю, всегда ли берегут в самих методических кабинетах время тех, кто приходит за справками, за методической помощью.

Мне кажется, что все такие вопросы: как беречь время учащихся, как научить самого учащегося беречь своё время, как научить его разбираться в книжке, в газете — все эти вопросы имеют немалое значение.

В постановлении ЦК ВКП(б) подчёркивается значение печатной пропаганды. А последнее время сплошь и рядом в школах взрослых учащихся не учат совсем читать, разбираться в газете, пользоваться библиотекой. Учащиеся у нас чаще всего пишут лишь бесконечные бессмысленные диктанты на элементарные орфографические правила. Нам надо перестроить наше препода-

вание русского языка. Я всё время говорю об этом. Конечно, грамматика нужна. Когда-то один мой ученик вечерней воскресной школы даже в стихах писал: «Мне грамматика дороже всех технических наук...», но не в одной грамматике, не в одной орфографии дело. Самое главное — необходимо научить людей читать, разбираться в читаемом, разбираться в газете, в книжке, надо дать людям запас слов, которые вошли сейчас в современную культурную речь, научить их владеть ими.

Нам нужны также и пособия, словари иностранных слов, справочник о политических деятелях, деятелях в различных областях науки, искусства, справочник исторических дат, нужна однотомная энциклопедия.

Надо научить учащихся пользоваться каталогами библиотек, выбирать книги в библиотеке, надо ввести в школах взрослых специальные библиотечные уроки, которые помогали бы начинающим пользоваться библиотекой, работать в читальне.

Что значит библиотечный урок? — Это рассказ о том, как пользоваться рекомендательным каталогом, как пользоваться библиотечной книгой, беречь её, как делать из неё выписки, получать в библиотеке нужные справки.

Остановлюсь на преподавании литературы. Это — одно из больных мест в наших школах.

До приезда в Питер в 1893 г. Ленин, исключённый из Казанского университета, жил в Самаре, а летом в течение четырёх лет жил на хуторе Алакаевка. В эти годы он изучал теоретически и практически жизнь самарских крестьян. Это изучение дало ему глубокое понимание крестьянства вообще, понимание процессов, происходящих в крестьянской среде под влиянием развития капитализма в России, дало понимание того, как сделать крестьянство союзником рабочего класса в борьбе против царизма, а в дальнейшем в борьбе за социализм. Ленин изучал крестьянство путём личного наблюдения жизни крестьян, бесед с ними, путём разговора с людьми, ведшими работу среди крестьянства, путём изучения статистики, а также литературы, описывавшей жизнь самарского крестьянства.

Неподалеку от Алакаевки еще до приезда туда Ильича одно время жил Глеб Успенский, у которого есть произведения, посвящённые жизни крестьянства 70-х годов. В IV томе сочинений Глеба Успенского издания 1918 г. очень подробно описана жизнь тогдашнего крестьянства. Если вы возьмёте первые томы сочинений Владимира Ильича, то увидите, какое имеется в них большое число цитат из работ Глеба Успенского. Ильича интересовала тогда и кустарная промышленность. Не случайно у него есть цитаты из статей В. Г. Короленко, особенно из его «Павловских очерков».

Владимир Ильич изучал особенности быта уральских рабочих, в этих целях пользовался романами Мамина-Сибиряка.

Мне кажется, что когда мы проходим литературу в школах

для взрослых, мы должны первым делом показать, как литература помогает познавать действительность. Это чрезвычайно важно. А мы не только на это не обращаем внимания, мы не обращаем внимания и на то, умеет ли учащийся читать и понимать то или другое литературное произведение. Я думаю, что сейчас с нашей стороны будет прямо преступление, если мы не будем обращать внимание на эту сторону обучения.

Я хочу сделать маленькое отступление. У нас идёт перепись населения. У меня с некоторыми преподавателями математики не раз были споры относительно того, можно ли обучать в наших школах статистике или нельзя. Не раз приходилось мне слышать по этому поводу замечания: «Для изучения основ статистики надо хорошо знать высшую математику». А если и давали статистику, то давали не ту, которая помогала изучать жизнь.

Владимир Ильич изучал жизнь самарского крестьянства не только по личным наблюдениям, по литературе, но также и по данным статистики, и это ему очень много дало. Алакаевка, где жил Владимир Ильич, принадлежала раньше либеральному помещику — богачу Сибирякову, который задумал в своём обширном имении, к которому принадлежала Алакаевка, завести общинное рационально поставленное хозяйство. С этой целью он закупил за границей много сельскохозяйственных машин. Из затеи Сибирякова — завести образцовое общинное хозяйство при царизме, конечно, ничего не вышло, и он продал самарскому торговцу свои машины. Владимир Ильич и его товарищи, которые входили в самарский кружок марксистов, организовали статистический учёт, кто из крестьян пользуется сельскохозяйственными машинами. Собранные статистические данные показали, что пользуются ими только кулаки, единицы из середняков, из бедняков никто.

В своей книжке «Развитие капитализма в России» Владимир Ильич использовал громадный статистический материал. Зная, какое огромное значение имеет статистика в деле учёта, Владимир Ильич много раз говорил о том, что надо нести статистику в массы. Надо, значит, знакомить с ней и учащихся школ взрослых. Когда я настаиваю на этом, мне говорят: «Часов нехватает». Надо, чтобы изучение статистики было включено в программу школ взрослых.

В постановлении ЦК ВКП(б) говорится о необходимости уменья писать в газеты, журналы. Мы имеем богатый опыт работы с рабкорами и селькорами. Я помню, с какой горячностью выступали рабкоры и селькоры на своих конференциях, рассказывая, как они научились писать корреспонденции. Учим ли мы этому сейчас в наших школах для взрослых? Нет, не учим, а учить этому надо. Преподавание литературы заключается не только в том, чтобы заслушать то или другое литературное произведение, не только в том, чтобы дать оценку автору. Надо уметь из произведения взять самое ценное и показать, на что оно

обращает внимание, какое значение имеет. Мы должны на уроках литературы учить писать и излагать просто, ясно то, что хочется сказать, учить на уроках литературы всматриваться в жизнь.

Мне хочется остановиться на преподавании ещё одного предмета — истории. Мы историю не всегда преподаём так, как надо. Мы берём отдельные факты разного удельного веса, относящиеся к разным периодам, а о том, когда именно эти факты имели место, как они связаны с данным историческим периодом, этого не говорим. И получается не история, а набор разных повествований, вырванных из специфики эпохи, оторванных от современности изучаемой эпохи, от исторических связей и опосредствований.

В постановлении ЦК ВКП(б) говорится о важности изучения исторического материализма. Исторический материализм вооружает уменьем разбираться в истории, понимать, куда идёт общественное развитие и почему оно так идёт, а не иначе. Исторический материализм учит крепкими нитями связывать настоящее с прошлым. Если мы возьмём современность, то увидим тысячу нитей, которые связывают настоящее с прошлым. С этой точки зрения особо важно изучение того края, той области, где находится школа. Знание истории края помогает понять, что из наследия прошлого мешает успехам социалистического строительства, на что надо обратить особое внимание, чтобы изжить это наследие.

Сейчас выпущен учебник по истории ВКП(б). Надо, чтобы самые широкие массы поняли, изучили его. И первым долгом нужно, чтобы его до конца изучили и поняли сами преподаватели. На эту сторону дела особенно важно сейчас обратить внимание.

В постановлении ЦК ВКП(б) говорится, как важны лекции, беседы, как важно учитывать те вопросы, которые задаются во время лекций и бесед. Мы должны это принять во внимание. Нам следует устраивать лекции при школах и потом проводить беседы, отвечать на заданные вопросы.

Надо ставить лекции так, чтобы они доходили до сознания слушателей, захватывали их. По-одному надо поставить лекцию при школе для малограмотных, у которых запас слов не богат, запас представлений небольшой, и по-другому надо поставить лекцию в группе более грамотных. Надо, чтобы темы лекций выбирались на основе учёта запросов слушателей. Нужна также подготовка слушателей к лекции. Надо предварительно дать прочитать популярные книжки, поговорить о прочитанном. Если условия не позволяют провести подготовку к лекции, то после лекции обязательно надо провести беседу, заслушать вопросы присутствовавших, дать ответы. Такое обсуждение приучает людей самостоятельно разбираться в возникающих вопросах, самостоятельно учиться.

Большинство учащихся школ взрослых — молодёжь. Часть

молодёжи смотрит на школу взрослых, как на подготовку в высшую школу и только ставит знак равенства между обычной школой и школой взрослых. Мы не можем с этим согласиться. Нашим методкабинетам надо теснее связаться со всей массой желающих учиться, поосновательнее выяснить, кто чему хочет учиться, как вооружить широкие массы необходимыми им знаниями для того, чтобы лучше вести работу по дальнейшему социалистическому строительству. Надо сделать систему общеобразовательных школ взрослых гораздо гибче, чтобы они обслуживали всех взрослых, желающих учиться. Над этими вопросами мы должны основательно поработать.

«Курс истории ВКП(б)» даёт богатейший материал по изучению борьбы за социализм, показывает пройденный путь, показывает, как теория марксизма-ленинизма служила и служит руководством к действию, как она помогает связывать теорию с практикой. В учебнике чётко говорится, как надо связывать теорию с практикой, как надо вглядываться в жизнь, как использовать теорию для того, чтобы понимать, что делается в жизни. Об этом педагоги школ взрослых часто забывают. Часто неправильно толкуют, в чём заключается эта связь. У нас иногда связь теории с практикой понимается так, что если идёт урок физики, то надо, чтобы были физические приборы, если идёт урок химии, то надо, чтобы были химические препараты. Но приборы, препараты — это просто школьные пособия. Конечно, они нужны на уроках, но увязка теории с практикой — это совершенно другое.

В постановлении ЦК ВКП(б) много говорится о советской интеллигенции.

Советская интеллигенция органически связана с массами, она вышла в своём большинстве из рядов рабочих и крестьян, выковалась в борьбе за власть советов, за диктатуру пролетариата, училась в наших рабфаках, в наших вузах, принимает активное участие в социалистическом строительстве. Эта интеллигенция в корне отличается от той буржуазной интеллигенции, которая была на службе у помещиков и капиталистов, она всем сердцем предана советской власти. Конечно, ослаблять в какой-либо степени бдительность нельзя. Надо внимательно смотреть, как тот или другой человек работает, действительно ли он работает так, чтобы как можно шире дать развернуться социалистической стройке и как можно лучше её поставить.

Надо смотреть, как, с какой стороны человек подходит к разрешению тех или иных вопросов. Часто так бывает, что человек, который не хочет делать того, что надо, прикрывается громкими словами. Надо судить человека по его работе, ценить добросовестную, хорошую работу. Громадную помощь в работе оказывает человеку овладение теорией марксизма-ленинизма. Учительство — один из крупнейших слоёв советской интеллигенции, на котором лежит ответственная задача — вооружить людей знаниями. Для того, чтобы быть на высоте задачи, учителям

надо быть хорошо вооружёнными теорией марксизма-ленинизма. Учителя стремятся овладеть ею. Методкабинеты должны прийти им на помощь, они должны обслуживать не только учителей-отличников, но они должны обслуживать всех учителей, которые нуждаются в марксистской учёбе.

Теперь насчёт ликвидации неграмотности. Стыд и срам, что у нас есть неграмотные. Главная беда в том, что мы не сумели организовать это элементарное дело, бюрократически подходили, учитывали, переучитывали, кому-то закатывали выговоры, ставили на вид, а работу по-настоящему не организовывали. Владимир Ильич говорил, что суть строительства социализма в организации. Это относится целиком и к организации ликвидации неграмотности. У нас не мало прорывов и прорух в этом отношении, надо учесть ошибки, которые были, и бодро шагать дальше, вооружившись опытом прошлого. Я думаю, что мы сумеем поднять школы взрослых на ту высоту, на которой они должны быть. Вся обстановка нашего социалистического уклада поможет этому. Методкабинеты смогут работать по-настоящему. У нас должен быть настоящий учёт, кого и чему учить, надо организовать общественность.

У нас методкабинеты обычно обслуживают только учителей. Я считаю, что при каждом методкабинете должно быть справочное бюро, куда могут приходить за советом и ученики, и учителя, и культармейцы. Руководители методкабинетов должны не только давать советы, но вслушиваться в их запросы и многому учиться у них.

Помню, в 1917 г. работала я в отделе народного образования Выборгского района Петрограда. Приходят ко мне рабочие и говорят, что они недовольны одной учительницей. Я спрашиваю: «Почему? Она много лет учительствует, отзывы о ней хорошие». Тогда рабочие рассказали мне, как она ведёт уроки. Оказалось, что она вызывает учащихся по очереди и только с вызванными занимается. «А нужно, — говорили рабочие, — чтобы весь коллектив работал, чтобы ни одного человека учитель не выпускал на уроке из виду. Надо заниматься всё время со всем классом, всех учащихся вести по пути знания».

Этот отзыв рабочих очень ценен.

Рабочих, колхозников, учащихся школ взрослых надо слушать, учиться у них многому, а не смотреть на них, как на каких-то ребят. А у нас в школах взрослых иной раз покрикивают на учащихся. Это никуда не годится.

Мне хочется, чтобы наши методкабинеты превратились в органы пропаганды правильно поставленной школьной работы, чтобы они собирали не только учителей, но иногда и учащихся, собирали старостат, чтобы они с культармейцами говорили.

Работа школ взрослых органически связана с работой библиотек, клубов, изб-читален и т. д. Методкабинеты должны иметь крепкие связи со всеми культурными учреждениями района, с политпросветчиками, с учителями детских школ, со всей сель-

ской интеллигенцией, которая должна помочь в организации нашего дела.

Можем ли мы переложить всю работу по ликвидации неграмотности и малограмотности на секции советов? Не можем. Секции должны следить за постановкой дела, осуществлять контроль снизу, помогать в трудных случаях, но основная работа должна лежать на отделах народного образования. Конечно, отделы народного образования — это тоже не что-то замкнутое, они должны быть органически связаны с профсоюзами и с целым рядом ведомств, иначе будет параллелизм в работе.

Всем работникам школ взрослых, школ неграмотных и малограмотных, а также неполных средних и средних школ надо ещё раз перечитать постановление ЦК ВКП(б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)» и подумать над тем, как сделать нашу систему образования взрослых более гибкой.

Возьмём такой пример: человек знает все предметы за курс определённого класса школы, кроме русского языка, потому что он, скажем, бурят, а русский язык ему знать надо. Что мы с таким человеком будем делать? «Отсеем» ли его или заставим два года учиться в том же классе? Ни то, ни другое. Надо организовать для него специальные занятия.

Если человек всё знает, а географии не знает, надо организовать для него специальные занятия по географии.

Или вот, например, о бухгалтерии. Я часто получаю письма с просьбой. «Учите нас бухгалтерии...». Такие требования насчет бухгалтерии не единичны. На платных курсах, которые у нас кое-где существуют, бухгалтерия преподаётся. На таких курсах учится не мало народу, и это не случайно. Многие хотят знать вычисления процентов, хотят знать, как выписать наряд, правильно записать расходы. Сейчас ряду людей приходится работать в советах, в профсоюзных и различных других организациях, где надо уметь каждому сделать самый элементарный подсчёт доходов и расходов. Это не значит, что надо изучить все тонкости бухгалтерии, двойную бухгалтерию, но самое основное из неё нужно знать. Мы должны прислушиваться к требованиям трудящихся, а не только готовить в высшие школы. В настоящее время создалась такая международная обстановка, когда на нас смотрят как на страну, которая всё выше поднимает знамя коммунизма, которая борется за то, чтобы не было никакой эксплоатации, чтобы для всех жизнь была сытая, здоровая, светлая, культурная. У нас много работы впереди, мы будем вести её засучив рукава, будем учить тому, что требует жизнь, мы не будем отмахиваться от живого дела, ссылаясь на то, что в «часы не укладываемся», что учебники не вышли, что помещение школы тесное. Так нельзя. Надо отстаивать то дело, которое нам поручено, улучшить работу. Мы хотим привлечь к нашему делу широкие слои советской интеллигенции — и привлечём её.

Один инженер писал мне, что ни о чём он не вспоминает с таким тёплым чувством, как о преподавании в вечерней школе, которое ему самому дало очень много. Я в свою очередь до сих пор помню годы, когда была учительницей воскресной вечерней школы. Это был мой университет в смысле марксизма. Я научилась вглядываться в жизнь, научилась лучше разбираться в людях. Уча, мы учимся. Наша интеллигенция это прекрасно понимает. Она близка к массам, она знает, как надо учить, потому что на себе испытала, как надо учиться. Всё это даёт основание думать, что мы поднимаем наши школы на ту высоту, на которую мы обязаны их поднять. Нас обязывает к этому решение о постановке партийной пропаганды Центрального Комитета всесоюзной коммунистической партии (большевиков), руководимой вождём всех трудящихся товарищем Сталиным.

«О преподавании в средних школах взрослых»,
Учпедгиз, М. 1939, стр. 3—13.

О ВОСПИТАНИИ ЛЕНИНЦЕВ-СТАЛИНЦЕВ

Выпуск «Краткого курса истории ВКП(б)» и постановление о пропаганде и агитации, принятое ЦК партии, в связи с выпуском этого учебника, не могут не волновать всех работающих на фронте просвещения. Каждый понимает, что хотя всё это относится к пропаганде и агитации по партийной линии, но в то же время это заставляет нас внимательно вглядываться в то, как у нас поставлена культработа. Вот сейчас у нас прошёл ряд совещаний — по библиотекам, по школам взрослых, по клубам. И видно было, как публика волнуется, как она понимает, что не только надо прочитать и усвоить постановление ЦК ВКП(б) о пропаганде и агитации, а надо посмотреть внимательными глазами на свою работу, как у нас поставлена работа, достаточно ли мы воспитываем в учащихся умение вглядываться в жизнь, самостоятельно работать, самостоятельно расширять свои знания. Это вопрос чрезвычайно большой, и я думаю, что это целиком относится и к внешкольной работе, к работе с подрастающим поколением.

Работа школы и внешкольная работа органически связаны между собой, но надо понимать, в чём эта связь школы с внешкольной работой. Мне кажется, что это самое главное. Наша школа в корне отличается от школы буржуазной. Мы хотим и стремимся вырастить в школе человека нового типа, человека, который пропитан коммунистической моралью, который ко всем вопросам подходит не с точки зрения только своего личного интереса, а с точки зрения интересов общественных. Вглядываясь в жизнь сейчас, видишь, как перерождаются люди. На меня очень сильное впечатление произвёл целый ряд писем, которые я получила. Из этих писем видно, какими общественницами становятся, например, матери. У одной матери упал на Грэсе в воду сын и погиб, а она пишет: пожалуйста, примите меры, чтобы

на Грэсах везде были ограждения, чтобы другие ребята не упали в воду. У другой сын лежит в больнице, она о нём беспокоится, но в то же время пишет о том, что нехорошо, что у нас праздники пасхи и рождества совпадают с каникулами, потому что в деревне попы уговаривают детей ходить по домам христа славить и за это дают им сладости. Сын у неё болен, а она обо всех детях думает, как растить их так, чтобы они не попадали под влияние попов, религии. И мы на каждом шагу встречаем таких матерей-общественниц.

Мы говорим о героях нашей страны. Герои — это не только лётчики, герои бывают и в повседневной жизни. Стахановцы — это герои повседневной жизни. Стахановец работает на заводе, рядом с товарищами; он думает, как правильно наладить работу — и свою и их. Приходилось много говорить со стахановцами и города, и села, и знаешь, какой это героизм, героизм повседневной работы.

Мы иногда перегибаем палку в вопросах воспитания героизма и говорим ребятам главным образом о пограничниках и т. д., и все наши ребята хотят ехать на границу, хотят летать. Это понятно, но вот о повседневной жизни мы меньше умеем рассказывать ребятам. Владимир Ильич писал о том, что партиец-коммунист тот, который готов умереть за дело, за которое он борется, а в то же время он должен делать незаметную трудную повседневную работу в интересах партии. А мы не умеем это качество в наших ребятах воспитывать. Воспитывать ребят, которые героически будут защищать нашу социалистическую родину, которые будут готовы поезд спасти, это хорошо, но наряду с этим надо рассказывать и про то, как они должны жить, чтобы действительно у нас получилась новая жизнь, коллективная жизнь, коммунистическая жизнь.

Не скажу, чтобы я была очень довольна школой. В школе слишком много внимания обращают на усвоение: как птенчики разевают ребята рот, а учитель им всё разжёвывает и готовое в рот кладёт. У ребят память хорошая, они вам такие цитаты приведут, которые взрослый и не запомнит сразу, они будут поражать родителей своими знаниями, а вот продумывать, самостоятельно по-настоящему работать — этому мы ребят в школе в достаточной степени не учим. На это указывают и вузы, куда приходят окончившие школу, которые не умеют по-настоящему самостоятельно работать, которые не могут обойтись без профессора, без учителя, без руководителя, не всегда умеют даже ставить вопросы, которые их волнуют.

Внешкольная работа связана со школьной. Я недавно была на собрании Совета при Мосгороно, там стоял вопрос о детском чтении, и меня поразило в выступлениях ряда товарищей то, какую опеку они развели над чтением ребят. Вот я вспоминаю своё детство. Если бы кто-нибудь попробовал так мною руководить, не давал читать, что я захочу, а навязывал книжки, — я бы ни одной книжки не стала читать. Помню, в детстве отец

подарил мне книжку Пушкина; там были отдельные выдержки из его произведений, и в частности «Дубровский» кончался в том месте, когда обнаруживается, что он не педагог, т. е. обрывался на самом интересном месте. Я обошла все библиотеки, чтобы «Дубровского» найти и прочитать. Или, если бы в то время, когда я увлекалась Лермонтовым, когда я думала о том, в какой уголок забраться, чтобы там продекламировать из Лермонтова что-нибудь (а ведь ребята и подростки очень увлекаются этим делом), вдруг мне бы сказали — ты Лермонтова не читай, а читай басни Крылова; я бы к Крылову не прикоснулась.

У ребят имеются и свои интересы, и мы не должны личность ребёнка подавлять. Меня прямо испугало, когда я слушала педагогов, которые рассказывали, как распределено чтение в школьных библиотеках всё по временам года: для младших групп, например, весной читать про солнышко, зимой читать про зиму. Это же невозможно, ведь над каждой книжкой человек думает, у него во время чтения новые мысли рождаются. Или устраивается в школьных библиотеках соревнование на то, кто больше книжек прочитает. Это нечто совершенно ни с чем несообразное. Мы знаем, что ребят часто надо удерживать, чтобы они не так глотали книжки, чтобы они больше в них вдумывались.

Как заинтересовать ребят, как научить их подходить к книжкам, показать в книжке самое интересное, самое важное, связанное с жизнью, вот этого мы не очень умеем делать. По-моему, внешкольная работа органически связана со школой, она имеет громадное значение, но она не должна быть просто продолжением учёбы. Я была пару лет тому назад в Московском Доме пионеров и видела, что это же было просто продолжение школьной учёбы. Туда брали только одарённых ребят, отличников, а ребят с улицы не брали. Они кругом по улицам бегают, а об организации их досуга никто не думает. И сейчас, кажется, в Дом пионеров по билетам пускают. Получилось привилегированное учреждение. Сейчас, говорят, многое изменилось в Московском Доме пионеров к лучшему. А тогда меня поразило, что это было продолжением учёбы: урок по геологии, урок по минералогии, урок по литературе, урок по танцам, урок по пению. Урок форменный — и все по расписанию делается. Воркотню я развела отчаянную. Разве можно! Что это? Это же простое продолжение школьных занятий, а не такая организация досуга, которая помогала бы ребятам учиться жить по-новому, коллективно работать, обсуждать вопросы, вглядываться в жизнь, соприкасаться с ней.

И сами ребята меня очень удивили. Когда приходишь к пионерам, то обычно бывает так: окружат тебя ребята и наперебой зовут — «Идёмте, мы вам то-то покажем, мы то-то делаем!» А тут ребята только приветствуют, никто из них не рассказывает, что их интересует, чем они увлекаются. Очень уж чинные ребята! Я ужасно огорчилась и потом стала думать, как помочь ребятам. И вот я написала в Дом пионеров ребятам, которые за-

нимаются литературой, о том, что я получаю очень много стихов и рассказов от ребят-школьников из провинции, что я не могу на каждое письмо ответить. Давайте, — предложила я, — я вам буду пересылать эти письма, а вы отвечайте на них.

Мне хотелось этих ребят втянуть в общественную работу, и должна сказать, что ребята добросовестным образом заботятся о ребятах, письма которых я им посылаю. Они дают советы: «Ты должен больше читать стихов, прочитать такие-то стихи, тогда тебе легче будет писать», а если парень из деревни, они ему ещё и книжек пошлют. Вот это хорошо.

Потом я написала ещё ребятам: «Вот вы в Доме пионеров, а другие ребята во дворах время проводят. У них в домах есть красные уголки, посмотрите, как они обставлены, что у них есть, как у них уголки устроены».

После этого ребята мне написали, в какие красные уголки они ходили, чем помогали.

Конечно, всех ребят взять в Дворцы пионеров нельзя, — не поместятся. Но я думаю, что нельзя держать курс только на отличников.

Вы знаете, что пионеры очень часто себя считают привилегированными, и надо сказать, что педагоги сами иногда пионеров выделяют, ставят их в привилегированное положение. Это никуда не годится.

У нас в Наркомпросе раз был такой случай: привезли ребят из какой-то школы, одной из лучших школ, кажется, Ивановской области, и вот их премировали. Наметили, кого чем премируют. Смотрю: сидит одна девчурка и с волнением смотрит, как кого премируют. Я спрашиваю: — «А ее записали?» — «Да, ее записали». Оказалось, что это не так. Девчурку привезли в Москву как отличницу вместе с пионерами, но её не премировали, потому что она не пионерка. Понятно, что девочка пережила, когда она видела, как премировали других: выходит, что пионеров премируют, а не пионеров не премируют. Это никуда не годится, надо понять ребёнка, понять, что он переживает, надо, чтобы его тянуло в пионеры не потому, что пионеры занимают какое-то привилегированное положение, а потому что жизнь пионеров гораздо интереснее и содержательнее, разумнее и организованнее.

Насчёт содержательности этой жизни и насчёт того, как мы растим новых людей, я сегодня мало слышала, мне показалось, что мы недостаточно думаем о том, какие громадные воспитательные задачи ложатся на все Дома пионеров, на Дома культуры, на всю внешкольную работу. Внешкольная работа, конечно, должна быть тесно связана со школьной, но это своеобразная работа, которая должна будить новые интересы, которая должна организационно воспитывать ребят.

У нас есть пережитки старого. В старые времена было так, что детей рабочих заставляли работать с утра до вечера — или по заданиям родителей или там, где они работали в нянях или

в кустарной промышленности; а богатые помещики, капиталисты и служащие, которые тянулись за богатыми, растили своих ребят белоручками, придумывали для них только развлечения. И когда мы начинаем занимать наших ребят только развлечениями, мне кажется, что мы делаем не то, что нужно, потому, что ребятам, которые каждую шестидневку ходят в кино, которые ходят без конца в театр, к которым приходят постоянно знатные люди нашей Страны Советов, этим ребятам всё приедается, им кажется, что они всё знают, всё видели. Ребят нужно не только развлекать. Я, конечно, стою за то, чтобы обеспечить ребятам условия для отдыха, чтобы дать им возможность посмотреть пьесы, кино и т. д., но нужна какая-то пропорция. Надо понять до конца, что такое счастливое детство. Это вовсе не значит, что ребёнка, как какого-нибудь капиталистического сынка, нужно обслуживать, обслуживать и обслуживать. Радость в том, что наша жизнь коллективная, не одинокая. В коллективе жить гораздо лучше, жизнь полнее, разностороннее, глубже. А вот когда всё приестся, тогда уже становится скучно. Мы же очень много стараемся развлекать и веселить ребят. В Домах пионеров, в Домах культуры мы стараемся побольше баловать ребят. Возьмите ёлку — хороша ёлка в Доме профсоюзов, куда дети придут компанией, будут танцовать, радоваться; но каждый хочет, чтобы и в семье была ёлка. А ведь ёлки хороши только тогда, когда в связи с ними хорошая игра организована, организовано интересное времяпрепровождение.

В лагерях ребята часто скучают, пишут, что нет кино, нет ещё каких-то развлечений, кроме того, жалуются, что нет галстуков пионерских. Ну, относительно галстуков я ещё понимаю жалобы, потому, что пионеру хочется, чтобы все видели, что он пионер. А вот относительно всех остальных благ — это никуда не годится — такие непомерные требования.

Затем, мы не учитываем сил ребят. Ведь ребята это не взрослые. Один рабочий писал мне о том, как вожатый организовал прогулку ребят. Сам он сильный и не понимает, что ребята не могут равняться с ним силами. Завёл их, ребята итти не могут. Он и говорит: «Какие же вы пионеры, если не можете итти!» Нужно ориентироваться на силы ребят.

Затем общественная работа. Общественная работа общественной работе рознь. Было время, когда ребята должны были собирать утильсырьё. Я помню, на заводе Динамо встаёт девочка и рассказывает, сколько они собрали утильсырья. Для этого им нужно было обойти бесконечное количество квартир. Если так работать, как они, то не остаётся время на учёбу, чтение и т. д. И есть другой тип общественной работы. Возьмите ребят из Дома пионеров, которые занимаются красными уголками в домах, — они же в это время хорошо знакомятся с жизнью. Они смотрят, как живут другие ребята, стараются этим ребятам помочь. Или вот, например, есть любители чертить карты. Он и Испанию начертит, и сделает вырезки из газет. И вот если он

всё это передаст в группу малограмотных, ведь это будет большая общественная работа. Да и ребёнок будет стараться чертить лучше, и процесс черчения станет для него интереснее.

Я вспоминаю, как Владимир Ильич говорил на II съезде политпросветов в 1921 г.: три врага у нас — неграмотность, комчванство и взятка.

В отношении пионеров я употребляю иногда такой термин — «пичванство». Ребят, много мнящих о себе, не мало среди пионеров. Пионер считает себя заправским докладчиком, девочка-пионерка учится музыке и воображает себя исключительно одарённой. Надо заботиться, чтобы у детей от похвал не кружилась голова, надо обеспечить им всестороннее развитие, поощрять упорную систематическую работу над собой. Раз у нас в Наркомпросе такое дело было. Привезли к нам мальчика, математически одарённого, и мы очень спорили внутри Наркомпроса, давать ли ему лишь математическое образование или и общее. Я говорила: он имеет право на счастливую жизнь, а счастье в том, что он будет учиться и играть вместе с ребятами, будет брать всё то, что даёт человеку коллективная жизнь. А родители его хотели пичкать только математикой. Наркомпрос решил, что нельзя лишать мальчика права на общее образование, права общения с другими ребятами и делать из него какого-то вундеркинда, необходимо только, чтобы он добавочно мог заниматься математикой с лучшими профессорами, овладевать полностью предметом, которым он интересуется, увлекается. Так и сделали. Мальчик очень хорошо учится в школе и занимается особо математикой, делает очень большие успехи.

Тут ленинградцы спорили с москвичами — три или семь лет надо учить музыке в Дворцах пионеров. Я думаю, что обучение музыке, как профессии, должно итти по другой линии. Конечно, Дворцы пионеров могут помогать выращивать новые таланты. У Толстого есть замечательный рассказ. Была в школе девочка, всё молчала, не могла ничего ответить, а выслушала какой-то интересный рассказ и вдруг сама встала и заговорила. И Толстой писал об этом: «У меня было такое чувство, точно я видел, как цветок распускается».

Вот уметь будить в ребятах новые интересы, растить всесторонне развитых людей — это необходимо. Одна из основных задач внешкольной работы — это сделать жизнь детворы действительно культурной, научить их жить по-новому, коллективно. Ведь коммунистическая мораль даёт очень много сил и радости, если она не внешняя, а настоящая. И мы должны наших ребят этой моралью пропитывать, делать из них общественников. Это же радость — быть общественником. А про ребят, про то, как они проявляют инициативу, находят новое приложение своих сил, тут как-то мало говорилось. Конечно, очень важно, чтобы школа за всем смотрела, чтобы внешкольное дело не шло каким-то самотёком, а у нас тут очень большой самотёк. И напрасно указывал здесь один товарищ, что надо говорить только о со-

держании, а не об организации. Я думаю, что надо и о том, и о другом говорить. Очень важно, как мы будем организовывать отдых детей, как будем ставить дело, чтобы ребята действительно росли коммунистами, ленинцами-сталинцами.

Повторяю опять, что надо серьёзно продумать, нужна ли такая безграничная опека над ребятами, которая у нас есть и в школе и во внешкольной работе. Надо же ребятам дать развернуться, развернуть свои силы. Вот это очень важно. Важно, конечно, чтобы не мог всякий прийти и делать то, что придёт ему в голову, в какую сторону захочет, в ту и повернёт. Школа, если она настоящая, должна непременно оказывать сильное влияние. Не в том смысле, чтобы опекать и не давать ребятам дышать, а в том смысле, чтобы направлять туда, куда следует, мысли и интересы ребят.

И надо, чтобы ребята больше изучали жизнь, ближе были к жизни. Вот, например, экскурсии. Нужно не только в древность заглядывать, а и в окружающую жизнь. Получаешь письма из разных колхозов, где ребята пишут, что они такую-то и такую-то общественную работу ведут, но очень хотели бы попасть хоть раз в город, так как живут они за 40 километров от железной дороги, а от города ещё дальше, и очень много есть ребят, которые никогда не бывали в городе. Для таких ребят надо организовать экскурсии в ближайший город. Я боюсь, что мы мало думаем о наших деревенских ребятах. А ведь мы не только для городских ребят хотим досуг организовать как следует, но и для сельских. И вот очень важно свозить в город этих ребят. А городским ребятам надо показать, что такое колхоз. Колхозники и колхозницы очень охотно им всё расскажут, покажут, как они работают, ухаживают за животными.

И надо дать ребятам больше самостоятельности, нисколько это их учёбе не помешает. Боюсь, что мы в ребятах не будим новых интересов, как-то шаблонизируем очень их жизнь, опекаем очень. А ведь нам надо из ребят сталинцев воспитать, которые стоят близко к жизни, а не таких ребят, которые самостоятельно дыхнуть не могут. Так что я думаю, что надо ещё много и серьёзно подумать, как эту внешкольную работу организовать по-настоящему. Не надо силы ребят преувеличивать, нельзя их переутомлять. Меня удивляет, как часто мы не сообразуемся с силами ребят. Внушили, например, детям, что без футбола не проживёшь. А в футболе грубость есть определённая, да и врачи запрещают некоторым ребятам заниматься им, так как это надрывает их силы. Или вот: врачи запрещают детям часто ходить в кино, это плохо влияет на их нервную систему, а мы на это не обращаем внимания. «Почему не ходить? Чем чаще будут ходить, тем лучше!»

Потом моды появляются разные: вот мода — игра в шахматы. Прихожу во Дворец пионеров и смотрю: девочки отдельно, мальчики отдельно, девочки вышивают, а мальчики слушают лекцию, как играть в шахматы. Я подсчитала, сколько среди них

девочек: две девочки. Мальчики с важным видом слушают о шахматной игре. Выходит — это мужское дело — шахматная игра, а пение, танцы, рукоделие — это для девочек. Поют девочки, и только один мальчик сидит, чтобы его не заметили, и подтягивает хору. Говорят, ломается в это время у мальчиков голос. Но ведь пение не только готовит в певцы, искусство ведь и организует. Ну, немножко более хрипло пропоёт мальчик, а всё же пропоёт. «Интернационал» будет петь, песни Лебедева-Кумача будет петь. А у нас мальчики считают ниже своего достоинства петь: — пусть девочки поют! Это никуда не годится, и это является пережитком прошлого.

Я должна сказать, что в школах искусство заброшено. Рисование и пение в школах не везде преподаётся. А пение и рисование должны преподаваться в каждой школе. Внешкольная работа должна больше внимания обращать на искусство, но не на то, чтобы из девочек с малых лет балерин готовить — семь лет обучать танцам или певцов оперных воспитывать. Конечно, не в этом дело, а дело в том, чтобы искусство стало составной частью жизни, чтобы дети знали искусство других народов.

Все мои пожелания сводятся к тому, чтобы внешкольная работа не дублировала учёбу, чтобы она охватывала всех ребят и даже тех ребят, которые исключены из школы и под лестницами прячутся. Для них это ещё более важно. Говорят, — как же во Дворец культуры их пустить, они заразят всех ребят хулиганством. Если в Дворцах пионеров такие ребята, которых всякий может заразить хулиганством, так какое же это воспитание? Надо знать, как заинтересовать, как увлечь ребят, надо вглядеться, что их интересует, и дать им в этой области работу. Например, фото: как оно организует, там каждая минутка рассчитана. Фоторабота приучает к организованному труду, и если ребёнок увлекается фото, дайте ему самостоятельную работу, и из хулигана он сделается одним из активнейших ребят.

Ну, вот хочется мне, чтобы из ребят вырастали у нас ленинцы-сталинцы. Возможности у нас все есть, и возможности эти мы используем часто не по-настоящему. Ребята, у которых правильно организован отдых, правильно организовано свободное время, и учиться по-другому будут и работать организованно.

Из стенограммы выступления на Всероссийском совещании по внешкольной работе 14 декабря 1938 г.
«Советская педагогика»,
1939, № 2, стр. 19—24

ИМЯ ЛЕНИНА, ИМЯ СТАЛИНА ДЛЯ НАС ЗНАМЯ

Товарищи, сегодня ко мне заходил по музейным делам товарищ из села Шушенского, где мы с Владимиром Ильичём когда-то жили в ссылке, и невольно нахлынули воспоминания, относящиеся к тому времени. Вспомнилось, как Владимир Ильич обдумывал в то время программу партии, которой придавал

особо важное значение, составлял проект программы. В этом проекте он написал относительно сельского учительства, которое так близко наблюдает и на себе лично чувствует бесправие и угнетение народа. Ильич писал, что по мере того, как будет расти социал-демократическое движение, учительство всё ближе и ближе будет становиться к партии. И вот когда я сегодня сидела и слушала выступающих товарищей, сельских учителей, чувствовала эту близость учительства с населением. Мне невольно думалось: 40 лет прошло с тех пор, как это было написано, громадный путь борьбы пройден за это время. Сейчас, конечно, близость сельского учительства к населению очень велика. В этом отношении деревенские учителя в лучшем положении, чем городские, потому что они видят близко быт колхозного села, знают, в каких условиях живут их ученики.

И ясно, что в данный момент учительство может сыграть и сыграет очень крупную роль в деле поднятия общей культурности села, в деле создания действительно социалистического быта, в деле воспитания людей социалистического типа.

Вы знаете, выпущен сейчас учебник по истории партии. Учебник, кажется, дело простое, а между тем он так написан, что в нём с исключительной глубиной освещён весь путь, пройденный партией, весь путь борьбы масс под руководством партии за социализм. Читающий эту книгу видит, лучше осознаёт, какая громадная борьба со старым укладом была проведена, и ясно видит перспективы, куда идёт общественное развитие.

Сильно потянулись люди к тому учебнику, потому что он написан так, что даёт возможность лучше овладеть основами марксизма-ленинизма.

Этот учебник имеет громадное значение. Громадное значение имеет и постановление партии, которое связано с изданием этого учебника, — о пропаганде. В нём говорится, как надо вести партийную пропаганду и агитацию, решение бросает свет и на то, как вести любую разъяснительную работу, как ставить преподавание, как учить самостоятельной работе учеников. Это — прямая директива для педагога. А ведь часто приходилось слышать не так давно ещё, что самостоятельная работа учеников — вещь вредная, что она снижает роль учителя, и много других несуразностей. Говорили также, что учитель должен ограничивать свою деятельность школой, только в школе должен воспитывать детей, а до остального дела ему нет. Теперь таких взглядов учителя в большинстве своём не придерживаются. Сейчас большинство учителей — партийные и беспартийные большевики. Они захвачены всем социалистическим строительством, они хотят свою работу поднять на более высокую ступень; они заботятся о том, чтобы действительно выработать из ребят такую смену, которая довела бы дело отцов до конца, которая бы действительно умела укреплять социализм, строить коммунизм.

Сейчас, при социализме, созданы все условия, все предпосылки, чтобы все пережитки старого, которых много ещё в созна-

нии людей, в быту, изжить до конца. В быту у нас ещё немало пережитков старого. Возьмём пример: сколько лет прошло со времени декрета о ликвидации неграмотности, а ещё мы всё считаем и пересчитываем, сколько у нас неграмотных осталось. Конечно, теперь дело идёт о завершении этой работы—в основном народ грамотен, но надо посерьёзнее взяться за окончательную ликвидацию неграмотности.

Вот тут товарищи рассказывали о том, как они втягивают учеников в это дело; то, что ребята втягиваются в общественную работу, имеет громадное значение. Вне общественной работы мы не можем вырастить из ребят настоящих сознательных граждан, которые бы думали обо всём коллективе, которые бы жили тем, чем живёт коллектив. Это воспитывает людей, жизнь которых полна, богата содержанием.

Профессия учителя — одна из самых захватывающих профессий, но мы не умеем ещё по-настоящему показывать, что в ней увлекательного, захватывающего. Часто по старинке считают: «Ну, что учитель. Его дело скучное!». Те только могут считать дело учителя скучным, кто не наблюдал, как ребята под влиянием учителя, того или иного рассказа, того или иного события растут на глазах. Как Лев Толстой говорил: «точно наблюдаешь, как цветок распускается». И это даёт глубокое удовлетворение—видеть рост ребёнка, видеть, как он растёт на глазах, развивается. Ведь ребята—народ прозрачный: видно, что они переживают, как переживают. Надо показать поэзию учительского труда.

Сельский учитель, советский учитель, не может стоять в стороне от общей культурной жизни села. Возьмём пример — избы-читальни.

В сущности всё равно, как назвать их: красным уголком или избой-читальней, или колхозным клубом, — не в названии дело. Но надо, чтобы это был культурный центр, на который могли бы учителя опираться в своей работе среди населения, который помогал бы учительству в его работе, но и учитель должен помогать избе-читальне.

Надо, чтобы в избе-читальне была газета, чтобы была там организована читка газеты, чтобы обсуждали прочитанное, разбирались, что важно, в чём особо надо разобраться. Важно в избе-читальне ставить работу с газетой, книгой, важно, чтобы там велась справочная работа.

Надо, чтобы в избах-читальнях обсуждали интересующие колхозников вопросы, чтобы учитель делал там доклад по вопросам воспитания, чтобы агроном делал доклад о сельском хозяйстве, чтобы врач вёл санпропаганду. Важно, чтобы в избе-читальне пели революционные песни, песни гражданской войны. Всё это организовать своими силами не может один избач, и очень важно, чтобы все наши колхозные клубы, красные уголки обрастали советами содействия, куда входил бы и учитель, и агроном, и врач, представители колхоза, представители сельсовета, колхозный актив.

Я и нашим библиотекарям говорю всегда: надо, чтобы библиотеки обрастали «советами», куда бы входили и читатели, представители местной интеллигенции.

У нас ещё много неумения распределить своё время. Возьмём постановление о труддисциплине. Это постановление учит социалистическому отношению к труду. Много времени мы тратим попусту, непроизводительно. Ведь при социализме работа идёт не на предпринимателя, не на хозяина, а на общее дело. Следовательно, и работать надо как можно лучше, хорошо организовывать свой труд.

Владимир Ильич писал, как постепенно будет вырабатываться социалистическое отношение к труду, говоря, что важную роль в этом деле призвана сыграть интеллигенция. Социалистическому соревнованию, правильной организации труда Владимир Ильич всегда уделял большое внимание.

В 1918 году Владимир Ильич писал, что настоящие организаторы выйдут из рабочей и из крестьянской среды. Их роль будет ведущей. Мы знаем, что его слова оправдались.

В 1929—1930 году стала широко развёртываться коллективизация. Колхозники стали по-новому работать. Это совпадает со временем, когда развернулось соревнование. Теперь стахановцев много и среди рабочих и среди колхозников. Мы знаем, что они не только ударники, но и организаторы. Это — люди, которые умеют организовывать труд, у которых настоящее социалистическое отношение к труду. И теперь, когда уровень сознательности масс возрос, когда все читают историю партии, когда подходят к учёбе по-новому, самостоятельно хотят учиться, — все эти вопросы организации труда встают во весь рост. И это совершенно не случайно, что сейчас принято постановление о борьбе с прогулами. Это — вопрос о социалистической организации труда на основе выросшего за годы советской власти социалистического отношения к труду. И учитель, который заботится о правильной организации школьной учёбы, о расписании уроков, организации урока, рациональной постановке всего дела учёбы, должен посмотреть на своё дело с точки зрения социалистического отношения к труду. Он сможет тогда очень помочь и политпросветработе. Учитель не надолго, может быть, придёт в клуб, но он как раз может поставить правильно вопрос о сознательном отношении к труду и физическому и умственному. Его помощь, если он продумает по-настоящему вопрос, будет иметь очень большое значение.

Учителя смогут сыграть громадную роль в деле воспитания у подрастающего поколения коммунистического отношения к труду.

Мы должны ощутить, в какой период мы живем. Сейчас всё международное положение требует от нас очень большого напряжения. Нам надо быть готовыми к обороне.

Социализм очень сплачивает людей. Вот хотя бы на таком собрании, как наше, мы чувствуем, как мы сплачиваемся, ближе друг к другу себя чувствуем. Может, мы не знаем, как кого

зовут, кого Петром, кого Владимиром, но чувствуем, что у нас среди учительства есть дружный, идейно сплочённый коллектив, который, засучив рукава, работает, чтобы сделать весь жизненный уклад ещё более культурным.

Надо и ребят втянуть в строительство культурной жизни. Тогда только вырастут из них настоящие ленинцы, настоящие сталинцы. Ведь имя Ленина, имя Сталина для нас — знамя. Когда мы говорим о Ленине, о Сталине, мы думаем о социализме, о тех громадных достижениях, которые у нас имеются, думаем о победе коммунизма. Нам надо растить из ребят действительно ленинцев, сталинцев, чтобы на примере учителей, глядя на взрослых передовиков-стахановцев, глядя на своих родителей, матерей-общественниц, — они действительно росли новыми людьми. Чтобы уметь воспитывать ребят такими новыми людьми, вы все ещё больше должны работать над собой, по-настоящему учиться марксизму-ленинизму, всё выше поднимать знамя Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

Из речи Н. К. Крупской на совещании сельских учителей-отличников Московской области 10 января 1939 г
«Рабочая Москва», 1939 г.,
28 февраля, № 48.

IV
УКАЗАТЕЛИ

Указатель имён, встречающихся в тексте произведений Н. К. Крупской, вошедших в настоящий сборник

Анненков Павел Васильевич (1812—1887) — писатель, известный главным образом как автор ценных мемуаров о знаменитых его современниках. Он положил основание научному изучению творчества Пушкина. Состоял в переписке с Марксом в 40-х годах. (См. письмо Маркса к Анненкову 28 декабря 1846 г. Маркс и Энгельс, Сочинения, т. XXV, стр. 21—32, и т. V, стр. 281—294)—201.

Бальзак Оноре (1799—1850) — выдающийся французский писатель — 229, 230, 231.

Барбюс Анри (1874—1935) — выдающийся революционный французский писатель. Автор широко известных книг: 1) «В огне» (1916), о первой мировой войне 1914—1918 гг., и 2) «О Сталине». Пламенный борец против фашистского варварства — 230.

Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848) — великий русский литературный критик и публицист — 142, 143, 144, 264.

Билибин — преподаватель математики в старших классах петербургской гимназии Оболенской в 80-х годах XIX в. — 211.

Вебб, Сидней и Беатриса — английские общественные и политические деятели, авторы книги «Теория и практика английского тред-юнионизма», переведённой на русский язык В. И. Лениным, совместно с Н. К. Крупской в с. Шушенском в 1898 г. — 217.

Верхарн Эмиль (1855—1916) — бельгийский поэт, лирик. Известные переводы его стихотворений принадлежат В. Я. Брюсову — 230.

Гегель Георг-Вильгельм-Фридрих (1770—1831) — виднейший из представителей немецкой идеалистической философии — 153, 180.

Герцен Александр Иванович (1812—1870) — крупнейший русский писатель-публицист — 142, 144.

Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) — классик русской литературы — 142, 143, 144.

Гончаров Иван Александрович (1812—1891) — классик русской литературы — 282.

Горький Алексей Максимович (1868—1936) — великий русский писатель, основоположник социалистического реализма — 229—233, 286.

Гранат — издательство, основанное в Москве в 1892 г. Основная работа его — Энциклопедический словарь», продолжающийся и в настоящее время. В нём участвовали передовые круги московской интеллигенции и профессуры. В. И. Ленин поместил в нём статьи о Марксе — 159.

Даль Владимир Иванович (1801—1872) — автор известных трудов — «Толковый словарь живого великорусского языка» и «Пословицы русского народа» — 193, 265.

Дарвин Чарльз Роберт (1809—1882) — великий английский естествоиспытатель, обосновавший эволюционную теорию — 177.

Джемс Уильям (1842—1910) — американский психолог и философ, оказавший значительное влияние на педагогическую мысль и практику американской школы. Автор книг: «Психология», «Беседы с учителями по психологии» — 85.

Дикштейн Шимон (1858—1884) — польский социал-демократ, даровитый публицист-популяризатор. Автор известной нелегальной брошюры «Кто чем живет», объяснившей ярко «механизм» извлечения прибавочной стоимости. Брошюра эта была переведена на многие иностранные языки — 78.

Добролюбов Николай Александрович (1836—1861) — великий русский критик, революционный демократ, ближайший друг и соратник Чернышевского. Педагогические сочинения Добролюбова обнимают собой важнейшие вопросы обучения и воспитания (цели, задачи, принципы и методы, роль учителя, учебник, детская литература) — 142, 144, 227, 251, 264, 265, 266, 268, 269.

Достоевский Фёдор Михайлович (1821—1881) — классик русской литературы — 142.

Елизаров Марк Тимофеевич (1862—1919) — деятель социал-демократического движения в 900-х годах. Муж сестры В. И. Ленина — Анны Ильиничны Ульяновой, близко стоявший к семье Ульяновых — 248.

Елизарова-Ульянова Анна Ильинична (1864—1935) — выдающийся член ВКП(б), сестра В. И. Ленина, поддерживавшая с ним постоянную связь и много помогавшая ему в работе, в особенности в период его тюремного заключения и ссылки в с. Шушенское, Енисейской губ., после Октябрьской революции активный работник Наркомпроса по охране детства — 142, 247, 255, 264, 272, 273.

Зайцев Иван Яковлевич — учитель чувашских школ, в период учения в школе хорошо знавший И. Н. Ульянова — 266, 267, 268.

Золя Эмиль (1840—1902) — известный французский писатель, романы которого имели большое прогрессивно-общественное значение — 230.

Имшенецкий Василий Григорьевич (1832—1892) — выдающийся русский математик, основатель Петербургского и Харьковского математических обществ, академик, профессор Высших Бестужевских женских курсов в Петербурге в 80-х годах XIX в. — 241.

«Искра» (1859—1873) — революционно-сатирический журнал; в эпоху расцвета (1859—1864) в нём участвовала группа талантливых сатириков-поэтов (братья В. и Н. Курочкины, Д. Минаев, Г. Мулев и др.). Поэзия «Искры» — боевая политическая поэзия, насыщенная глубоким социальным содержанием — 230, 253, 271.

Кашкодамова В. В. — учительница симбирской школы, работавшая под руководством И. Н. Ульянова — 269.

Керенский Фёдор Михайлович — директор Симбирской гимназии и преподаватель истории в годы, когда учился в гимназии В. И. Ленин — 173, 270.

Ковальский — преподаватель физики в петербургской гимназии Оболенской в 80-х годах XIX в. муж известной революционерки Е. Н. Ковальской — 241.

Короленко Владимир Галактионович (1853—1921) — выдающийся русский писатель и общественный деятель — 145, 293.

Кржижановский Глеб Максимилианович (р. в 1872 г.) — по образованию инженер, один из старейших большевиков, в настоящее время действительный член Академии наук СССР, много работающий по электрификации СССР — 242.

Крылов Иван Андреевич (1769—1844) — знаменитый русский писатель-баснописец, имеющий всемирную известность — 300.

Лассаль Фердинанд (1825—1864) — один из деятелей германского рабочего движения — 258.

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841) — великий русский писатель— 142, 300.

Литвинова — преподаватель математики в гимназии Оболенской в Петербурге в 80-х годах XIX в., окончившая Цюрихский университет — 240.

Лоти Пьер (1850—1923) — французский писатель, автор книги «Роман ребёнка», где характеризуется система воспитания, подавляющая общественные инстинкты ребёнка — 83.

Либкнехт Вильгельм (1820—1900) — один из основателей и вождей германской социал-демократии, автор широко известной брошюры «Знание — сила, сила — знание» — 139.

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович (1852—1912) — русский писатель, автор известных романов «Приваловские миллионы», «Золото», рассказов из уральской жизни и ряда детских книг («Аленушкины сказки» и др.) — 293.

Маяковский Владимир Владимирович (1893—1930) — выдающийся поэт советской эпохи, творец лучших образцов социалистической лирики, оказавший огромное влияние на развитие всей советской поэзии — 286.

Мопассан Гюи, де (1850—1893) — выдающийся французский писатель, мастер коротких рассказов — 73, 288.

Надсон Семён Яковлевич (1862—1887) — русский поэт-лирик, с большой искренностью отразивший настроения интеллигенции 80-х годов, поры разгрома революционного движения — 184.

Некрасов Николай Алексеевич (1821—1877) — великий русский поэт, соратник Чернышевского и Добролюбова. Его творчество выражало революционно-демократические тенденции эпохи — 142, 143, 144, 230.

Нурок Л. М. — автор распространённого в 90-х годах английского учебника «Практическая грамматика английского языка с хрестоматией и словарём» (СПБ, 1894)—247.

Оуэн Роберт (1711—1858) — великий английский социалист-утопист — 207.

Перовская Софья Львовна (1853—1881) — видная деятельница народовольческого движения (группа «Народной воли») — 259.

Пирогов Николай Иванович (1810—1881) — знаменитый русский хирург и педагогический деятель, попечитель Одесского и Киевского учебных округов с 1857 по 1861 г., защитник идеи бессословной школы, и общего образования, предшествующего профессиональному. Много способствовал развитию и реформе среднего педагогического образования в России — 252, 265.

Писарев Дмитрий Иванович (1840—1868) — талантливый русский публицист и литературный критик. В своих педагогических статьях «Педагогические софизмы», «Школа и жизнь» и др. он дал критический анализ вопросов воспитания и школы и требовал реорганизации школы — 142, 227, 271.

Плеханов Георгий Валентинович (1856—1918) — виднейший русский марксист-публицист и общественный деятель — 153, 180, 184, 254.

Прудон Пьер Жозеф (1809—1865)—французский мелкобуржуазный социалист и анархист. Замечательную критику Прудона дал Маркс в книге «Нищета философии» — 202.

Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) — классик русской литературы — 142, 144, 286, 300.

Руссо Жан Жак (1712—1778) — один из крупнейших французских политических мыслителей и писателей XVIII в., автор известного сочинения «Об общественном договоре». Свои философские и педагогические взгляды Руссо изложил в сочинении «Эмиль, или о воспитании» — 234.

Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович (1826—1889) — великий русский писатель-сатирик — 142, 144, 253.

Свердлов Яков Михайлович (1885—1919) — один из крупнейших организаторов и руководителей большевистской партии. Его памяти посвящён сборник «В. И. Ленин и И. В. Сталин о Якове Михайловиче Свердлове», М. 1937—217.

Скворцов (Степанов) Иван Иванович (1870—1928) — член партии большевиков, литератор, экономист-историк, автор известной книги «Электрифи-

кация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства», изданной в 1922 г. к XI съезду партии. К этой книге В. И. Лениным написано предисловие (В. И. Ленин. Соч., т. XXVII, стр. 195—196) — 219.

Смирнов Н. Е. — учитель русского языка в петербургской гимназии Оболенской в 80-х годах XIX в. — 219.

Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900) — русский философ и публицист, яркий представитель идеалистической школы — 142.

Толстой Лев Николаевич (1828—1910) — один из величайших писателей русской и мировой литературы. В его педагогических сочинениях дана критика современной ему русской и западноевропейской школы. Эта критика и творческие попытки осуществить связь школы с жизнью, примеры любовного и умелого подхода к детям, методика, основанная на знании детской психологии, ставят Л. Н. Толстого в ряды крупнейших русских педагогов. Широко известны издававшийся им журнал «Ясная Поляна» (1851—1862), «Азбука», «Книга для чтения» и др. — 56, 122, 135, 142, 143, 144, 183, 203, 230, 286, 304, 307.

Тургенев Иван Сергеевич (1818—1883) — классик русской литературы — 142, 144, 229, 248, 269, 286.

Ульянов Илья Николаевич (1831—1886) — отец В. И. Ленина, выдающийся педагог и деятель народного образования в Пензе, Нижнем Новгороде, Симбирске и Симбирской губернии в 60—70-х годах XIX в. — 253, 261, 262, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 281.

Ульянов Александр Ильич (1866—1887) — старший брат В. И. Ленина, участвовавший в покушении 1 марта 1887 г. на Александра III и приговорённый к смертной казни — 270, 271, 272.

Ульянова Мария Александровна (1835—1916) — мать В. И. Ленина — 271, 273.

Ульянова Мария Ильинична (1878—1937) — активный, выдающийся член партии большевиков, сестра В. И. Ленина. В советский период огромную помощь государственному строительству оказала в качестве члена Комиссии Советского Контроля, зав. бюро жалоб — 248, 270, 271, 273.

Успенский Глеб Иванович (1843—1902) — выдающийся русский писатель революционно-демократического направления, произведения которого знакомят с переходной эпохой от крепостнического уклада к капитализму — 145, 184, 293.

Ушинский Константин Дмитриевич (1824—1870) — великий русский педагог, оказавший большое влияние на развитие русской педагогики и школы — 250, 251, 252.

Флобер Густав (1821—1880) — выдающийся французский писатель — 72, 286.

Чаадаев Петр Яковлевич (1793—1856) — крупный русский философ-публицист, один из предшественников западничества, автор «Философических писем», из которых особую известность получило первое письмо (1836)—142.

Чернышевский Николай Гаврилович (1825—1889) — великий русский публицист, революционный демократ — 142, 144, 227, 270, 272.

Эдисон Томас Альва (1847—1931) — знаменитый американский электротехник, изобретатель фонографа и др. — 177.

Штормценд М. (Штормзанг) — американский педагог, профессор педагогики в Восточном колледже, автор книг «Прогрессивные методы обучения», «Новые методы преподавания обществоведения» — 194.

Энгельгардт Александр Николаевич (1832—1893) — известный публицист, народник, изложивший свои наблюдения над экономическими процессами в сельском хозяйстве в «Письмах из деревни», книге, выдержавшей ряд изданий — 241.

Южаков Сергей Николаевич (1849—1910) — публицист-народник, сотрудник «Отечественных записок», один из редакторов журнала «Русское богатство». В. И. Ленин выступил с критикой идеологии Южакова в статье «Перлы народнического прожектерства» (Соч., т. II, стр. 280—296)—159, 215, 227.

Библиотека детская и школьная — 135, 148, 152, 178—179, 185—186, 244, 292, 300.
Внешкольная работа с детьми — 132—133, 176, 237—238, 244—245, 257—260, 298—306.
Воспитание — понятие, цели, задачи — 58—60, 76—88, 120—128, 130—131, 156—157, 199—210, 243—246, 255, 263, 298—306, 309.
Воспитание военное — 77.
Воспитание воли и характера — 174—175, 223.
Воспитание интернациональное — 210—211, 262—263, 280—281.
Воспитание нравственное — 82—86, 130—131, 148—152, 185—186.
Воспитание советского патриотизма — 77, 283—284.
Воспитание сознательной дисциплины — 108—109, 118—119, 146—148, 167, 174—175, 222—223, 287—289.
Воспитание трудовых навыков — 60—63, 134, 282—284
Воспитание физическое — 93—94, 106—108, 132.
Воспитание художественное — 72, 93—101, 127, 132—133.
Всеобщее обучение — 102—103.
Детские дома — 124—125, 128—129.
Детские сады — 59—60.
Детский возраст — Особенности детского возраста — 127, 155, 158, 188, 190—192, 244—245.
Детский труд — 67, 111—113, 123—129.
Дом пионеров — 257—259, 301—306.
Дружба и товарищество — 66—67, 262—263, 277—281, 284—285
Женщина-воспитательница — 55—60.
Знание — овладение знаниями — 171—173, 287—290
Игра — воспитательное значение игры — 131—133, 171
Инспектирование и инструктирование — 140—141.
Коллектив детский — 85, 111—113, 174—175, 263.
Комсомол — воспитательная роль — 81, 105—106.
Ленин В. И. — Детские и школьные годы, — 173; 264—175.
Методика преподавания и изучения — общие вопросы — 152—158, 162—167, 180—184, 193—194, 289—290.
Методика преподавания и изучения иностранных языков — 211—213, 246—248.
Методика преподавания и изучения истории — 154, 258—260, 294—295
Методика преподавания и изучения Конституции Союза ССР — 239—241

Методика преподавания и изучения литературы — 141—146, 183—184, 232—233, 285—287, 292—294.
Методика преподавания и изучения марксизма—ленинизма — 213—219, 227—228, 294—296.
Методика преподавания и изучения математики — 154, 182—183, 190, 210—241.
Методика преподавания и изучения русского языка — 211—213, 260.
Методика преподавания и изучения физики и химии — 241—243.
Методика преподавания и изучения экономической географии — 183.
Методика задавания уроков — 177—180.
Методическая работа в помощь учителю — 140—141, 198, 296—298.
Музей по народному образованию — 257.
Одарённые дети — 237, 245.
Педагогика — история 249—252.
Педагогическая пропаганда — 273—275.
Пионеры — цели и задачи — 89—93, 104—106, 108—109, 116—119, 129—136, 150—152, 171—176, 211, 220—221, 222—223, 260—261, 276—277, 303.
Пионерские лагери — 237—239.
Политехнизация в школе — 67—69, 74, 114—118, 123—129, 158—162, 167—171.
Программа советской школы — 157—158, 188—179, 192.
Профессия — выбор профессии — 233—237.
Профсоюзы — роль в воспитании — 255—256.
Рисование —100, 128.
Родительские комитеты — 256—257.
Самостоятельная работа учащихся — 163, 177—180, 258, 291—292.
Семья и школа — 122—124, 273—275.
Сказки — воспитательная роль — 243—244.
Советы по народному образованию — 275.
Сочинения учащихся — 69—72.
Учебник — 186—198, 285—287.
Ученик советской школы — 287—289.
Учитель и его роль в воспитании и обучении — 109—112, 162—167, 213—219, 224—226, 252—257, 288, 306—309.
Ушинский К. Д. — Изучение педагогического наследства — 249—252.
Формализм в преподавании и борьба с ним — 289—291.
Школа буржуазная — цели и задачи — 88—89, 95—96, 100—102.
Школа САСШ — 164, 187, 194—198.
Школа советская — цели, задачи, организация — 88—89, 94—98, 103—105, 109—112, 139—141, 214—219, 224—228, 252—257, 288—289, 292.
Экскурсии — 260, 304—305.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5
Н. А. Константинов и *Н. А. Зиневич*. Надежда Константиновна Крупская, её жизнь и педагогическая деятельность. 7

I. Произведения Н. К. Крупской, написанные до Великой Октябрьской социалистической революции (1899 — 1917 гг.)

Женщина и воспитание детей 55
Следует ли обучать мальчиков «бабьему делу» 60
Самоубийства среди учащихся и свободная трудовая школа 63
Как учить писать сочинения (Незаконченные заметки) 69
Школьная муниципальная программа 72

II. Произведения Н. К. Крупской, написанные после Великой Октябрьской социалистической революции до постановления ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 года о начальной и средней школе

Из статьи «Военное воспитание молодёжи» 77
К вопросу о коммунистическом воспитании молодёжи . . . . . —
Общественное воспитание 82
К вопросу о морально-дефективных детях 86
Из статьи «К вопросу о целях школы» 88
Юные пионеры 89
Поменьше барабанного боя 91
Физкультура. (Замечание в скобках) 93
Ленин и народное просвещение 94
О задачах художественного воспитания 98
Речь на II Всероссийском съезде пионерских работников 101
Речь на совещании по физическому воспитанию школьников в массовой школе 106
Пионерская дисциплина 108
Ленин о просвещении и народном учителе 109
О коллективном труде детей 112
О политехнизме 114
К слёту пионеров 116
Коммунистическое воспитание детей и подростков 119
Выступление на пленуме ЦБ юных пионеров (9 июля 1931 г.). . . . 128

III. Произведения Н. К. Крупской, написанные после постановления ЦК ВКП (б) от 5 сентября 1931 года о начальной и средней школе

Важнейшее постановление партии . . . 139
О преподавании литературы . . . 141
Как бороться с прогулами и опозданиями . . . 146
«Моё» и «наше» . . . 148
Научимся работать по-настоящему, по-ленински . . . 150
Методические заметки . . . 152
Роль Ленина в борьбе за политехническую школу . . . 158
Из доклада в Обществе педагогов-марксистов 14 октября 1932 г. . . . 162
Пройденный путь . . . 167
Борьба за знания — важнейшая задача пионерорганизации . . . 171
Методика задавания уроков на дом . . . 177
Диалектический подход к изучению отдельных дисциплин . . . 180
Береги книгу . . . 185
Хороший учебник — политехнической школе. (Доклад на совещании авторов при Учпедгизе) . . . 186
Маркс о коммунистическом воспитании подрастающего поколения . . . 199
Воспитание интернационалистов . . . 210
О преподавании русского языка . . . 211
Статьи Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, которые должен знать каждый учитель . . . 213
О работе с малышами . . . 220
О сознательной дисциплине (Письмо пионерам и школьникам) . . . 221
Задачи нашей советской школы и кадры её строителей . . . 223
Руководство к действию . . . 226
Больше советоваться с Горьким . . . 228
Выбор профессии . . . 233
О жизни в лагерях . . . 237
Сталинская Конституция в школах . . . 238
О преподавании химии и физики . . . 239
Заботиться о всестороннем развитии детей . . . 242
Ленин об изучении иностранных языков . . . 245
К вопросу об изучении истории педагогики . . . 248
Построим настоящую социалистическую культуру . . . 251
Воспитывать достойную смену . . . 256
Детство и ранняя юность Ильича . . . 263
О воспитании . . . 273
Будьте общественниками . . . 275
Будьте настоящими товарищами . . . 276
О дружбе ребят всех национальностей . . . 278
Надо учиться работать головой и руками . . . 281
Пионер — друг и товарищ всем ребятам . . . 282
Об учебнике по литературе . . . 283
Знания нужны в жизни, как винтовка в бою . . . 286
Решения ЦК ВКП (б) «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП (б)» и наши задачи. (Доклад на Всероссийском методическом совещании школ взрослых 15 ноября 1938 г.) . . . 288
О воспитании ленинцев-сталинцев . . . 297
Имя Ленина, имя Сталина — наше знамя . . . 305

БИБЛИОТЕКА

IV. Указатели

Указатель имён, встречающихся в тексте произведений Н. К. Крупской, вошедших в настоящий сборник . . . 313
Предметно-тематический указатель . . . 317

Цена 7 руб. 50 коп.